Г. К. Крючков

ОТ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ

ВОСПОМИНАНИЯ
РАССКАЗЫ РОДНЫХ
ДОКУМЕНТЫ

Москва. Покровский бульвар. Место, где 13 августа 1961 г. братья Инициативной группы подписали Послание работникам ВСЕХБ (с. 375)

ОТ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ

Всё в мире говорит о смерти и воскресении. Каждый человек ежедневно умирает и воскресает, ибо каждый греховный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к небу наполняет его славой новой жизни. Кто неотступно следует путём распятия своего «я» и безусловного подчинения воле Христа, тот непременно творит этим жизнь. Жизнь во Христе. Со Христом. Для Христа.

Посему пусть отложит книгу тот, кто ожидает прочитать в ней откровение каких-то совершенно секретных, непроницаемых тайн или особых сверхъестественных чудес; кто надеется развлечься забавными подробностями этого, во многом не похожего на другие, пути. Настоящего жизнеописания достойно лишь то, что оживляет душу верой, зовёт думать о высоком и вечном, возвеличивает Христа.

Узкое изложение событий, с большими перерывами между ними, с не всегда соблюдённой хронологической последовательностью, – даны намеренно. Текущие частности затемняют штрихи главного и не заслуживают внимания.

Благо от чтения приобретёт тот, кто пожелает его увидеть.

ОТ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ

Г. К. Крючков

Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРУТЫЕ ТРОПЫ

Сл: Ивановка

16

Почт: Дворъ

17

Почт: Дворъ

23

35

Посадъ Дубовка

Грачевская

19

Пичуга

Верхнее Погромное

Нижнее Погромное

33

27

Заплавное

Царицынъ

р. Ахтуба

32

Сарепта

26

Только Я знаю намерения,
какие имею о вас, говорит Господь,
намерения во благо, а не на зло,
чтобы дать вам будущность и надежду.
Иер. 29, 11

Глава 1

ДЕД И ПРАДЕД

(стык XIX–XX веков)

Отличительная редкость

В той местности, в низовьях Волги, около судовой пристани Дубóвка, что в 40 км вверх по реке от Царицына (ныне Волгоград), всё менялось в одно мгновение: и высокое небо, и белое солнце, и горячий воздух окрестной равнины. Чёрно-лиловая туча вдруг резко отделяла землю от неба, и сильный летний столбовой вихрь (по местному говору «шурган») внезапно поднимал огромные массы пыли и песка. Он то нёс их стеной, то вертел воронками в разных направлениях, развевал на пути стога сена, вырывал доски из кровель домов. Такой вихрь гулял не один – по сторонам кипели подобные ему, образуя из себя пирамиды или столбы, поднимающиеся чуть ли не до облаков. Через четверть часа шурган исчезал так же мгновенно, как и появлялся, небо снова становилось бездонно-голубым и воздух казался неподвижным.

Такие разнообразные бури происходили здесь настолько часто, что уже не воспринимались как приключение странное. Заметив издали грозную тучу, люди лишь спешили приютить к берегу мелкие суда и лодки да сами искали укрытие понадёжнее.

Местные жители Дубóвки состояли из народа воинст-

венного, смелого, сильного, из самых здоровых русских корней и резко отличались от населения остальной части Царицынской губернии. Потомки прежних дубовчан как бы повторяли вышеописанный неудержимый нрав природы. Они легко пускали в дело оружие, всегда имели при себе ножи, револьверы, кистени или дубинки. Почти каждая свадьба, каждое семейное пиршество нередко сопровождалось приглашением полиции для удержания от беспорядка и необузданного неистовства, которые завоевали себе в Дубо́вке обычное право.

А начало тому давнее.

Ещё издревле берега Волги охраняли солдаты, помещённые в небольшом укреплении, стоявшем на месте нынешней Дубо́вки. Затем тут было создано Волжское казачье войско. Воинские навыки столетиями неизменно передавались из рода в род, и по закону исторической наследственности горячая кровь давала знать о себе самым непредвиденным образом, как и непредсказуемый шурган.

Выгодное положение посада Дубо́вки у такого места, где Дон сближается с Волгой, сделало её богатеющей от транспортировки грузов. Почти все богатые торговые люди привозили сюда товары из Москвы, Варшавы, Лодзи и других мест. Речь об этом ведётся только потому, что среди 87 дубо́вских купцов того времени заметным был и Крючков, мой прадед. С давних времён торговые и вообще всякие дела успешно вёл его основательный дом, так что собрал он немалое имение и жил в достатке в том красивом и богатом крае (в числе улиц, идущих от реки Дубо́вки, значился и Крючковский переулок).

Благообразый, средних лет и среднего роста, с окладистой, степенной бородой, строгого нрава и твёрдых уставов, он жил на Дубо́вке с женой, сыновьями и двумя молодыми невестками.

Семейная хроника не оставила в памяти ни дня, ни года о событии, которое вылилось в трагедию. Имущественные отношения между отцом и двумя женившимися сыновьями

Купец Крючков (в первом ряду)
с женой и сыновьями.
Справа стоит сын Павел (мой дедушка) с женой
(любя, внуки называли её "бабаней")

привели к раздору. Крупная размолвка в одночасье унесла две жизни: отца и одного из старших сыновей. Другой сын, Павел, остался жив. И хотя эта семья ничем не отличалась от других, исповедовала, как и все вокруг, существование Бога, всё же она далеко отстояла от истинного познания Спасителя и верного Ему поклонения. Но именно о ней Бог имел определённые планы. Его намерений никто из людей не мог ни предвидеть, ни отменить – выживший сын стал моим дедушкой – отцом моего отца, Константина Павловича Крючкова.

Преизбыточествующая благодать

...Благодать воцарилась чрез праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим. Рим. 5, 21

Удивительно, но факт. Жители Дубо́вки, несмотря на характерную для многих воинственную черту, обладали качеством, кажущимся невероятным и неожиданным. Оно заключалось в религиозности населения и усердии в вере. И это при том, что они жили в том (девятнадцатом) веке, когда в моду входили атеистические убеждения и образованные люди относились к церкви с презрением. Духовенство называли отсталым малограмотным сословием, склонным к пьянству, мздоимству и прочим порокам, а веру считали оплотом мракобесия и невежества, антиподом науки и здравого смысла. Однако:

> *«Храмы Дубо́вские каждый праздник полны молящихся. Значит, не иссякла в народе великая набожность. Процент детей, с вложенным в них началом страха Божия, растёт, они привыкают к храму, участвуют там в пении и чтении, а эта привычка, как замечено, остаётся на целую жизнь»* – такое яркое слово осталось в зарисовках историков рубежа XIX–XX веков.

Возможно, и о людях этой земли Господь мог сказать, как о Корнилии – сотнике Италийского полка времён первохристианской церкви: «Молитвы твои и милостыни твои

пришли на память пред Богом» (Д. Ап. 10, 4). Они жили под какой-то особой Божьей охраной, пользовались Его необычным попечением, и всё это происходило настолько очевидно, что заставило в те годы авторов подробного жизнеописания отметить выразительный факт:

> *«Жители Царицынского уезда в общем люди среднего крестьянского достатка. Однако как бы ни был тяжёл год, этот уезд обходится или без всякой правительственной помощи, или же только с незначительной. За последние 10 лет здесь были и падежи рогатого скота, и недород, и саранча, однако они прошли без резких изменений к худшему в материальном отношении. Одно то, что здесь не бывает опустошительных пожаров, столь обычное явление для других уездов губернии, много уже говорит о здешнем благоустройстве, идущем неразрывно с благосостоянием».*

Воистину «благословением праведных возвышается город...» (Притчи 11, 11).

Всего 18!

Она (то есть моя бабушка по отцу, бабаня) открыла глаза. Бодрое, ясное утро поднялось над землёй и увлекало разделить с ним грядущий ликующий день. А ей, едва проснувшись, хотелось ещё немножко понежиться в приятной постели и никуда не спешить. 18 лет! Всего 18! С детства приученная к благам, она охотно сливалась с удобствами и в понимании своего обеспеченного будущего ждала красивую безмятежную жизнь.

Помолвка уже состоялась. Этим шагом её состоятельное семейство Жидковых роднилось с не менее зажиточными Крючковыми. Павел статный, с решительными движениями и властной повадкой, с неистощимой иронией. Этот шутливый склад ума чуть было всё не расстроил. Но просил прощение, и всё уладилось.

Сидит – наша бабушка, бабаня.
Стоит – её сноха

Жили тогда Крючковы и Жидковы безбедно, были промышленниками, кожевенные заводы имели. Их небольшие пароходы ходили по Волге, а добротные строения утопали в зелени – просторные, широкоствольные парки ярко отличали в то время ухоженные усадьбы.

Дубóвка тех лет славилась разведением садов. И родители бабани владели большим садом. Только одной вишни 12 га было. Всё это требовало немалых забот и стараний домашних, служащих и рабочих.

Как и всех детей, мою бабушку воспитывали в Боге, в молитвенном стоянии, в преданности старинным основам. Вся их округа была просеяна не только народным православным верованием, но и молоканами, штундистами и другими религиозными течениями. Споры о верах были в их местности излюбленным занятием в досуг. Из молокан было и её родство.

«Вот какое бедствие от Господа!..» 4 Цар. 6, 33

Под напором убеждений со стороны, Павел задумал покинуть Россию: «Страна насквозь беззаконная, что тут ещё делать?! Если не ломать её без сожаления, то покидать точно нужно!» Он звал жену в страну (куда давно хотел уехать) как в самую лучшую, деловую, разумную. Признание революционных идей и ненависть к прежнему строю гнездились в нём не таясь. Общественная температура да и внутренние стремления втягивали его в пламенный зев змея, накаляли и без того мятежный дух.

Не убеждённая шаткими доводами мужа, бабушка слушала его молча, терпеливо ожидая единомыслия, но не для того, чтобы одержать верх, а для блага его же сердца. Не получилось. В 1912 году он уехал в Канаду, а она не пожелала оставить родную землю. Семья разделилась.

Писем ей из-за океана Павел не писал. Значит, был какой-то разлад. Свет мерк. Ничего не хотелось делать, и только ночью плакала. Но нельзя было опускать руки!

Дни сменялись своим чередом. Подрастало двое детишек: старший, Костя, и младшая, Лида.

Косте уже одиннадцать. Бегать бы ему с товарищами, ни о чём не заботясь, по родной Дубо́вке, где Господь благоволил дать ему жизнь, да над страной раскинула невидимые крылья война – Первая мировая.

Беду 1914 года никто никак не допускал возможной, поэтому и не готовился. Ещё вчера всюду уверенно повторяли покойное слово «мир». А сегодня... Бедствие, как непредвиденная пыльная буря, закрутило доселе раздольную, удобную жизнь. Хотя до провинции отголоски войны поспели не сразу. Ни о какой войне здесь будто и не слышали. Так не хотелось никому менять привычный мерный ритм!

Если ей из-за океана муж писем не слал, то с сыном имел переписку. Костя нередко уезжал из Дубо́вки, где родился, в Царицын. Он то у одной своей бабушки гостил, то у другой (для меня прабабушки), которые и здесь имели, помимо Дубо́вки, немалые владения. Война же разгоралась и прервала и эту тонкую связь с отцом.

Непоправимо текли внешние события. Революция единым взмахом снесла прочное основание страны. Многие воспринимали новый строй и внушали другим как начало великого похода за мировое безбожие в умах и воцарение вселенской свободы, равенства и братства. Он же бил в лицо кровавым террором, избыточно переполненными преступлениями, мученичеством ни в чём не повинных людей.

Тут и гражданская война приключилась. Благополучие, счастье, уютная и устоявшаяся жизнь – всё рухнуло. Семья попала в большую бедность. Какой-то их родной дядя (по имени Саша) получил в наследство больше, а им ничего не дал. Тут вообще всё распалось. Без её ведома вокруг таял и надламывался мир, ещё недавно казавшийся таким прочным и незыблемым.

Поднимать двоих детей довелось одной. Причём бабаня не приспособлена была ни к какой работе, потому что ро-

сла как все дети обеспеченных родителей. Это уже потом она бралась за всё. Живя в Волгограде, работала уборщицей на заводе. Там же обучилась мастерству шить, шила мужские рубашки, костюмы и даже пальто. Тем и жила.

Слово Господа возмогало

...Не имевшие о Нем известия увидят,
и не слышавшие узнают. Рим. 15, 21

Встреча жаждущей истины души со Словом Божьим при нежном воздействии Духа Святого творит в сердце новую жизнь. Последние десятилетия XIX века были временем той вспышки евангельского пробуждения в России, что расторгло вековечный спуд, под которым были зарыты огромные духовные силы, и выпустило их на волю. Проповедуемые истины Священного Писания творили чудо обновления и радость спасения в душах, которые становились воистину новым творением во Христе. Это отрадное явление запечатлено в государственных материалах тех лет, составленных, правда, не без личного эмоционального окраса пишущих:

> *«Все жители, составляющие народонаселение Царицынского уезда, исповедуют христианскую веру. Однако нередки случаи принадлежности к одной из новых сект баптистов, пашковцев и т. п. ...Новое учение, как-то: пашковщина и штунда действительно явления в высшей степени не желательные: отрицание церкви как истинного храма Божьего, не почитание икон, толкование всего этого в местах скопления людей – вот истинный вред, с которым надо бороться энергично. Слышать подобное учение из уст какой-нибудь слепой девки, живущей в среде своей бедной семьи, – странно, но между тем оно по большей части и сеется в душу соплеменников, а те уже распространяют его дальше, высказывая: "Зачем же вы идолам поклоняетесь, ликам, изображённым на*

иконах? Ведь ещё закон Моисея предусмотрел это, говоря во 2-й заповеди: "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу... не поклоняйся им и не служи им"» (Исх. 20, 4–5).

В те годы и в Царицыне, и в Астрахани, и в Дубо́вке проходили евангельские собрания. По вечерам собирались знакомые, с которыми велись духовные беседы. В другие определённые дни помещения, которые предоставляли верующие для молитвенных собраний, наполнялись людьми, внимательно слушающими простые божественные истины.

Нередко эти залы были довольно велики, ряд окон во всю длину стены достаточно освещали помещение. Для вечерних богослужений зажигали множество ламп.

Впереди залы – стол с книгами, за которым на скамье сидели обычно двое-трое руководящих братьев, несколько самых почтенных старцев и, при случае, почтенные гости.

Входящий останавливался у двери, совершал краткую тихую молитву, просил Господа благословить на вход и выход. При этом всё собрание вставало.

Общие молитвенные собрания, тем более праздничные или устраиваемые для освящения нового помещения, совершались весьма торжественно. Нередко народу, особенно из молокан, приходило так много, что вне здания людей теснилось больше, чем внутри.

Богослужения составляли главным образом проповеди. Свободное слово – вот главное на всех собраниях! И пение, и молитва имели место, но главным всегда оставалось живое слово.

Простые люди, не изучавшие никакого богословия, глубоко и ясно были проникнуты самым существенным в христианской вере – прощением грехов через искупительную смерть Иисуса Христа и возрождением к новой жизни, как учат заповеди Нового Завета.

Сердечность, глубокая правда, искренние убеждения проповедников находили отклик в душе слушателей. Еван-

гелие действительно проникало в сердце людей и видимым образом изменяло их жизнь и взгляды.

Пока люди постепенно собирались, хор мужских и женских голосов пел псалмы. Уверовавшие молокане привносили в пение свой неповторимый колорит. Их старомолоканские напевы по своей оригинальности заслуживали бы быть положенными на ноты. Не зная нот, они пели на два, на три и четыре голоса.

В эти края достигали также новые нотные напевы из Петербургских собраний, и эти мелодии воспринимались всеми очень охотно, хотя скорее молодёжью, чем старшим поколением, которое предпочитало свои знакомые песнопения.

При пении сначала зачитывали половину куплета, солист подхватывал текст и затем пели все.

Первыми обратились к Господу в семье Жидковых. Они были, как уже упоминалось, из молокан, чья благочестивая жизнь мирно уживалась со многими дедовскими обычаями.

Так, настоящая набожность состояла для многих в том, чтобы волосы непременно делили пробором на две равные половины, волосы должны были падать до шеи и плеч и ровно обрезаны. Каждый должен был в обязательном порядке носить блузу, подпоясанную шнуром. Кто брил бороду или как-то по-другому стриг волосы, считался язычником. Были и такие молокане, которые и в еде наблюдали множество всяких стеснений. Например, есть свиное мясо и вообще всё запрещённое Моисеевым законом признавалось безбожием.

Но, вникая в Святые Писания, уверовавшие на евангельских собраниях освобождались от этого бремени, большей частью, быстро и навсегда, хотя иные устранялись постепенно.

На одном из таких собраний истина о спасении глубоко коснулась сердца нашей бабани. В 1923 году она приняла крещение и стала членом общины евангельских христиан.

Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня.

Ис. 65, 1

Много соделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих о нас – кто уподобится Тебе! – хотел бы я проповедовать и говорить, но они превышают число. Пс. 39, 6

Глава 2

РОДИТЕЛИ

Бог дал ему иное сердце... 1 Цар. 10, 9

1.

– Бабушка, а перины там будут? – детская наивность умиляла до слёз. А Лида (сестра отца, моя тётя) с надеждой смотрела на свою бабушку. Рассказ о прекрасном далёком небе, где живёт добрый Бог и где с Ним будут жить все святые, очень нравился ей. Но, несмотря на малолетство (Лиде было тогда лет 6–8), она имела свою маленькую привязанность: любила мягко спать. С этим удовольствием ей никак не хотелось расстаться.

– Ой, что ты, детка! Там мягче перины будет! – голос бабушки ласковый, радостный. – Там святой город Иерусалим. Улицы его из чистого золота, а среди улицы – дерево жизни. Оно двенадцать раз в году приносит плоды: каждый месяц плод свой. И солнца там нет, и луны нет, потому что Сам Христос светильник его, Господь Бог освещает его. И не войдёт в небо тот, кто говорит и делает неправду. А только те, которые написаны в книге жизни.

Бабушка не уставала говорить о Боге, об Иисусе Христе, а Лида сидела около неё и с замиранием слушала. Она тоже любила Господа и боялась говорить неправду. Страх имела, потому что бабушка и мама крепко воспитывали в этом.

А вот её старший брат, Костя, иначе: ничего не хо-

тел знать о Боге. Живой пламень веры бабушки, а потом и мамы, казалось, мог бы зажечь его сердце. Но нет, не зажёг.

Тревожное время переживала Россия. Те годы последнего революционного десятилетия действительно были невыносимые – слишком бурные, слишком богатые на недобрые события, когда жить стало мрачней и тяжелей. Мудрено ли заблудиться молодому человеку при той обширной пестроте взглядов, столкновений мнений, при том неохватном разбросе идей?! Тем более, что и жизненные понятия отца сводились к разумению: повсюду торжествует насилие, вопиёт неотмщённое русское горе – нельзя оставаться бесчувственным к борьбе за справедливость! Решительный в суждениях Павел сильно влиял на сына и имел над ним такую власть ума, что Костя и не смел понимать иначе.

Глава семьи оставил семью и уехал за океан, но всё же успел в неокрепшую юную голову заронить и кремнём прочертить категорическую линию, отделяющую его от веры в Бога. Константин принял её в себя, растворился в ней.

Современная Дубо̀вка

2.

Когда Лиде наступило 14 лет, у родной сестры их бабушки (по отцу, а по матери мачеха у бабушки была) Новый год встречали. По-новому стилю. Жила сестра бабушки совсем недалеко, в доме напротив, прямо угол на угол. Пришла Лида к ней и не знала, что родственники наметили здесь собраться.

И вот они сошлись, а все неверующие. Граммофон завели, танцевали. Вернулась оттуда поздно. Порывалась идти домой засветло, да её убедили: «Так и мы же все пойдём, ночевать не останемся; и ты с нами, не страшно тебе будет». Вот она и явилась домой в двенадцать или в час ночи.

Мама и бабушка наперебой:

– Ты почему так поздно? Мы все изболелись сердцем: ушла и тебя нет так долго. Не знаем, что̀ может дорогой случиться.

Лида не утаила, передала всё как было.

– Это ты в такой обстановке Новый год встречала?! А если бы Господь пришёл?! Как бы ты Его встретила?

Мама в то время уже год, как приняла крещение.

Они всё объяснили, и Лиде стало страшно. Упала на колени и плакала: «Господи, прости! Больше этого никогда не будет».

Так и произошло её покаяние на новый Новый год. Это было в 1924 году.

А в марте того же года она к великой радости её и родных принимала крещение. При перехватывающем дыхание, необычном для весенних дней тридцатиградусном морозе на берегу Волги стояли четверо: муж с женой и Лида с подругой. Яркое солнце сливало стоящие в белом фигуры со стеклянной равниной реки. Как могила, вырубленная прорубь... Лёд не успевали колоть: прорубь сейчас же затягивалась упрямым льдом. Михаил Сазонтович Капустинский преподавал крещение. Лида шерстяные носки приготовила, но впопыхах шла босыми ногами прямо по льду.

Только когда остановилась у проруби, рассмотрела: что это так колко в ногах?

И – выше солнца, выше неба, раздвигая бескрайние вселенские просторы, вознеслось к престолу Всевышнего звонким чистым голосом:

– Ве-ру-ю!..

И малая церковь из братьев и сестёр стояла на берегу и была свидетелем сего... И Господь пребывал среди них Духом Святым незримо.

Крестилась во имя Господа Иисуса в студёных водах Волги

А Костя (её брат, мой отец) стоял в стороне с товарищами и курил. Стеснялся даже ближе подойти. Активный комсомолец, энергичный, музыкально одарённый (хорошо играл на пианино, скрипке), влиятельный среди товарищей – его за уши было не оторвать от романтического задора. Стал даже кандидатом в члены ВКП(б) (но, как признавался потом на следствии, сделал это не по своим убеждениям, а на нетрезвую голову).

Тогда многие будто забыли о вере, забыли даже о самом понятии – святость! Стало модно осмеивать поступки добродетели, сострадания, поклонения Богу. Всё поколение приучили считать жалость – чувством унизительным, доброту – смешным, совесть – поповским выражением. Напоказ выставлялось и даже всенародно признавалось, что Священные Писания – ничто. Жизнь катилась какой-то растленной, противоречащей самому представлению: «исповедник Бога», «христианин». В такое скверное время отец рос и формировался.

Его мама и сестра Лида усиленно молились о нём и плакали перед Богом. Раздражался он неудержимо: «Мне неприятно, что обо мне молятся!» В их доме собрание проходит, а он наверху – сторонится верующих. У обеих, у ба-

бани и Лиды, голоса хорошие, и поскольку родственники Жидковы до их обращения молоканами были, необычность и даже своеобразная красота молоканского пения долгое время присутствовала в их исполнении.

Но мятежное сердце моего отца ко всему оставалось чёрствым.

А потом, после того мартовского, не по весеннему морозного дня, ему стало плохо, плохо. Внезапно, без каких-либо заблаговременных признаков ворвалась тяжёлая немощь. То ли малярия, то ли лихорадка какая. Било его крепко. Худой, как тростинка, стал.

Болезнь оказалась не к смерти, но к славе Божьей. Он начал поправляться, потихоньку вставать. С ним много беседовали. И Иван Иванович Жидков, и Яков Иванович. Однажды мама попросила навестить их известного в кругах верующих брата. Одно дело, когда свои, домашние увещевают, но другой человек, со стороны, может повлиять лучше.

Пришёл. Убеждал покаяться. Папа в ответ:

– Я что, преступление какое сделал? Кого-нибудь убил, или ограбил, или обманул?

– Вот и плохо, что никого не убил! Вот и плохо, что не воруешь!

Молодое лицо вспыхнуло недоумением, сказанное в тупик привело.

– Как это плохо?! Что мне тогда воровать надо?

– Тогда бы ты скорей осознал себя грешником и к Богу не медлил прийти. Сейчас ты в своих глазах святой. Диавол тебя успокаивает, что тебе не нужно покаяние. А на самом деле? Не о нас ли сказано: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и несмягченные елеем» (Ис. 1, 5–6).

В таком духе беседа шла. Потом отец, конечно, всё понял.

Невидимым образом Господь коснулся его каменного сердца. Царство Божье, царство любви, мира, правды, истины – засветилось внутри возрождённой души (Лук. 17, 21).

Неожиданно свершилось это чудо! Пришла наша бабушка (его мама) на собрание, а в душе непонятное творится, необъяснимое беспокойство, что дома что-то произошло. Срочно вернуться надо. В хоре она – ведущий голос. Отпросилась у братьев: «Не имею покоя. Не случилось ли чего дома...» Отпустили.

Спешит она, но странное дело – чувства трагедии нет. Бежит и поёт: «На крыльях могучих орлиных...» Открывает дверь, а сын на колени падает и кается. Он тогда для себя решил, не колеблясь, тотчас и навсегда служить Господу преданным сердцем! Ему, наверно, 21 год был.

Подоспел призыв на военную службу. Но служить не пришлось: 10 октября 1924 года Астраханский РВК освободил его от этой повинности по состоянию здоровья (болезнь сердца и лёгких).

С Астраханью у отца связано много событий:

– сюда он уехал, оставив в 1922 году родительский дом в Дубóвке, где учился, окончил школу, служил конторщиком и делопроизводителем. Здесь же, в Астрахани, был матросом на судне Волжского пароходства;

– мало времени спустя после покаяния, он встретил тут свою будущую жену, нашу маму – Шушпанову Александру Евдокимовну. Она тоже обратилась к Господу. Вскоре они поженились. Мама сиротой была. Происходила из неимущей семьи. Жила у своей сестры.

Когда поженились, очень бедными были. Со свадьбы шли, она держала узелок под мышкой – вот и всё приданое. Да кто-то подарил ей маленькое зеркальце. Так они начали совместную жизнь;

– здесь они стали членами церкви и ему поручили руководить хором;

– в Астраханской общине он сблизился с Костей Крутко-

вым и ещё кое с кем из молодых верующих людей. (Через много лет, когда моя сестра Валентина, терпя голод, от бессилия не могла подняться и не ходила на работу, жена Круткова оказала ей большую услугу и спасла от неминуемой тюрьмы: невыход на работу карался сурово.)

– там же в Астрахани 29 марта 1925 года родился их первый ребёнок – дочь Валя.

Потом был Волгоград (в бытность отца носивший три названия: до 1925 года Царицын; до 1961 Сталинград; с тех пор – Волгоград). В местной общине евангельских-христиан служение пресвитера нёс Жидков Яков Иванович. Отцу сразу доверили в церкви труд регента, и проповедовать он начал.

В этом городе 20 октября 1926 года молодая семья пополнилась вторым ребёнком – первым сыном. Это был я.

Оставались родители в Волгограде до 1927 года.

С той поры, как я был найден моим Господом (хотя я из семьи верующих родителей, и, насколько помню себя, верил в Бога с детства; несознательно, разумеется, многие маленькие вещи допускал, считая, что никакого греха в них нет, мог иногда обмануть или сотворить какую-нибудь проказу), — в моём сердце всегда был Господь, и Он вёл меня Своими чудными путями. Он и детством моим управлял, когда отец находился в заключении и когда моих родных постигали многие другие сложности семейного порядка.

Главный узелок нашей жизни,
всё её будущее ядро и смысл,
у людей целеустремлённых завязывается
в самые ранние годы, часто бессознательно,
но всегда определённо и верно.
А затем – не только наша воля,
но как будто и обстоятельства стекаются так,
что подпитывают и развивают это ядро...
«Красное колесо». А. И. Солженицын

Глава 3

ТЕНЬ ХМУРОГО ДЕТСТВА

МОСКВА

Останкино

1.

Сейчас уже никто не вспомнит: исполнился мне год от роду или нет, когда в 1927 году мои родители с двумя детьми на руках (со мной и Валей) отправились из Волгограда на жительство в Москву.

И причину переезда не выяснить. Папина сестра Лида рассказывала об этом так:

> *«В Волгограде Костя с Шурой жили до 1927 года. Костю там стали мотать, мотать. Дали 24 часа оттуда выбраться. Мы все переживали за него.*
> *По этой причине он всё оставил и уехал в Москву».*

Ничего не дано человеку знать наперёд. Выйдя на московскую вокзальную площадь, не очень предвиделось, что̀ ждёт в ней молодых переселенцев.

Город, такой живой и весёлый, с позваниваем трамваев, с цокотом подков лошадей, с шумливым криком торговцев, – властно втягивал в свой обременённый суетой мир. Однако лицо молодого отца и матери отражало забо-

ты и волнение. Щемящая тревога поднимала их выше всего этого шумного, пёстрого, звенящего. Мир сулит многие блага только своим: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Иоан. 15, 19).

Лишь надежда на Господа укрепляла веру, вселяла покой и уверенность в будущее: даже если беда уже приблизилась и совершилась, – с Богом и в ней можно жить невредимо.

Надежда на Господа укрепляла силы. Константин Павлович. 1928

Вскоре нашлось пристанище у верующих в Новогиреево. Правда, ненадолго. На более длительное время приютили пожилые верующие Иларионовы в Останкино. Непросторный у них домик, маленький. Но они потеснились и сдали нашей ждущей пополнения семье маленькую спаленку (пока мы жили в Останкино, родился мой брат Юрий – 17 июня 1928).

Бабушку хозяйку звали Матрёна. Она всегда болела, нередко лежала с синей лампочкой. А хозяин дедушка отбывал в то время срок как истинный христианин, несмотря на то что 20-е годы считались благополучным "золотым" десятилетием. Своих детей Иларионовы не имели, а воспитывали приёмную дочь Настю. Красивая девочка была, сирота, и неизвестно, приходилась ли им какой родственницей или взята со стороны. Потом Настя вышла замуж за Завертанова Сашу во ВСЕХБ, он пел в тенорах.

2.

В Останкино все очень любили Юрия. Я же своими шалостями донимал всех. Покоя никто не имел.

Мама нашлёпала меня за какую-то провинность и поста-

вила в угол. Громко плачу и, всхлипывая, прошу: «Мамочка, прости, пожалуйста!» Только вышел, где рука достала, там и оторвал обои. Горе-то какое! Это же чужое!

Мама:

– Ай-ай-ай!..

А бабушка Матрёна:

– Шура, оставь его, потом мы сделаем.

Как не устыдиться за сына? Опять отшлёпала, поставила в другой угол. Выл, выл, настенные часы с маятником (так называемые "ходики") на себя стащил. Разбил, наверно. Мама опять отшлёпала и поставила в кладовку, раньше чуланом называли: «Пусть на тебя там крысы посмотрят».

Бабушка опять беспокоится:

– Выведи его.

А я кричал в чулане не своим голосом.

– Шура, выведи оттуда, не дай Бог испугается, заикаться будет.

– Пусть постоит, ничего с ним не случится.

Она уже не знала, что́ со мной делать. В доме же ещё дети были.

Кричал я, кричал, а потом всё тише-тише. Замолк. Мама поняла: «Наверно, уснул». Открывает кладовку – и правда уснул. В каком положении, не знаю, но скалка – в руке, яички все, какие в ведре были, – на потолке. Не там, так там жди от меня беды.

1929 год. Трёхлетний бедокур из бедокуров

Сижу в уголке, увлечён важным для меня делом: отрываю руки у тряпочной куклы. Других игрушек не имели, а были куклы, сшитые из лоскутков ветоши. Мы их "хоками" звали. Размалёванные такие, без волос, с поставленными точками вместо глаз и носа и размашистым полукругом вместо рта. Оторву руки или голову и кричу: «Валь, лови свою хоку». И бросаю через всю комнату.

– Скорей, а то Генка увидит! – тихий возглас переходил в полушёпот. Юрий оставил мокрое пятно на полу, и взрослые полукивком показывают на него друг другу. Стараются не привлечь моего внимания. Напрасно. Каким бы делом я ни занимался, но что мне не положено видеть и слышать, – я вижу и слышу и, пока они ищут тряпку, стремглав влезаю в валенки, топчусь по луже и оставляю по всей комнате мокрые отпечатки. Ну что со мной делать?

Шёл ремонт. Вещи вынесли на улицу, а я всё ходил с ботиночками со шнурками. Через плечо их перекинул и кричу громко, как извозчики на подводах, собирающие ненужные вещи: «Старьё берём! Старьё берём!» Вечером хватились, ботинок нет. Спрашивают: «Где ботинки?» – «Я их чиганкам отдал». То есть цыганам. Подумать только, отдал "чиганкам", когда самому обуть нечего! Такой был на проказы успешник. Все подробности и не расскажешь.

1929 год. Москва, Останкино. Молодая семья Крючковых.
Я стою в середине

Мама наша сильно заболела, обнаружили камни в желчном пузыре, хотели сразу на операционный стол положить. Она запротестовала: «Без мужа не могу дать согласие, у меня дети маленькие, надо ждать, когда он с работы придёт». В те годы эти операции не всегда удачно делали. От этого скончалась знакомая верующая сестра, Люба Михалёва. Потом врач, которая лечила маму, откровенно призналась: «Хорошо, что не согласилась». Эта врач часто заходила к нам и знала всех детей по имени.

В тот день я до того довёл всех своими выходками, что пришлось папе применить ко мне нестандартное наказание. Говорит: «Иди в коридор, позагорай». И посадил на крыльце. Сидел я там, сидел, наверно, плакал. Врач идёт, а уже всё гуще темнело, зябко стало. Я весь дрожу, про меня будто забыли – так покойно домочадцам без моих нескончаемых шалостей! Хоть немножко отдохнут.

Врач подходит и спрашивает: «Геночка, ты что тут делаешь?» – «З... з... за... гораю». Если отправили загорать, значит, следует принимать солнечные ванны, хотя день уже на закате. Завела меня в дом с изумлённым лицом: «Что же у вас ребёнок в холоде загорает?»

Нелегко приходилось со мной родителям.

Чуть позже меня определили в детсад.

В столовой за длинным столом устроились дети. Я среди них. Перед каждым тарелка, вилка. Все проголодались после весёлых игр, увлечённо едят вермишель. Я осмотрелся по сторонам, убедился, что все заняты. Положил на край тарелки полную вилку вермишели, незаметно стукнул свисающий конец – вермишель на потолке и падает сверху, кому на голову, кому в тарелку. Переполох ужасный. Все переглядываются, недоумённо смотрят друг на друга. А воспитательница напрасно выясняет: «Признавайтесь, кто сделал!» Виновного не найти – я сижу спокойно, будто ни к чему не причастен.

Проказничал много. Но всё как-то по-детски, без злого умысла, просто из озорства.

Неотклонимая действительность

1.

Как ни хорошо было у верующих друзей в Останкино, крохотная спаленка представляла такую тесноту, что и повернуться негде. Переехали в Коптево – к Ивановым. Василий Иванович и Анастасия Степановна сдали комнату и кухоньку побольше. Хорошие люди, простые, добрые. Верующие, только помоложе и побогаче Иларионовых. Вели хозяйство, держали овец, кур, имели корову. Хорошо жили.

В Останкино бабушка Матрёна большого достатка не имела: дедушка – в заключении и повседневной работой арестанта по 12 часов, не приносящей ни гроша заработка, не способен был прокормить сам себя, не то что заработать на семью. Приёмная дочь Настя работала одна.

А Ивановы материально обеспеченнее были. Дядя Вася занимался извозом, что-то возил. Иногда вещи какие-то перевозил. Бывало, завезёт во двор: «Шур, посмотри, может детям что пригодится». Мама найдёт кое-что почище, постирает, починит; дети носили. Маленькие были, старшая Валя в школу не ходила.

Дом их стоял в переулке (4-й Коптевский), выходящем на Волоколамское шоссе. Если ехать по этому шоссе от центра или со стороны метро «Сокол», надо повернуть направо. Метро недалеко было. А чуть дальше – Окружная железная дорога, она под шоссе проходила. Потом, когда от Тверской заставы в наш район первый в Москве троллейбус пустили, здесь для него сделали конечный круг – освободили площадь перед

Первый троллейбус с конечной остановкой вблизи Коптевского переулка, где мы жили. 1933 г. Москва

путепроводом. Так от этого конечного круга, от троллейбусной станции, второй дом наш в переулке стоял.

2.

Вот и 30-й год отсчитал своё время в новом, двадцатом столетии. И 31-й встретили, весна уже на дворе. В ожидании будущего людям свойственно надеяться на лучшее. Но, что ни год, – и благоденствие, и покой отдалялись неотвратимо, а жизнь каждого дня теснила неутихающая тревога: жёны и матери ждали своих – вернётся или не вернётся с работы, с собрания, с поездки, от друзей?

Наступал ещё один неспокойный день. Над землёй царствовала чёрная ночь, увлекая в тяжёлый, тревожный сон. И вот...

Средь глухой темноты зарычал мотор автомобиля. Снопы фар под звук тормозов, покачиваясь на неровностях, въезжали в наш переулок. Белый свет высвечивал из тёмной глубины кусты, огромную, не в один обхват сосну у нашего дома, хозяйственные постройки. Возле дома машина остановилась, фары погасли.

Мама всё это не видела, а только слышала.

Но какая машина может сюда подъехать? Коптевский переулок совсем маленький. Очень узенький. В нём только телега с лошадью проходит.

Всё в сердце оборвалось: наверно, за Костей подъехали!

Хочет толкнуть папу. Но оцепенение такое, что ни сказать, ни рукой двинуть не могла. Только переживала.

Подошли люди к дому, зашли в ту половину, где мы жили. Один в кожаной куртке, другой в белом халате. Подошли к детям, посмотрели. Люлька Бориса (ему года полтора было) стояла рядом с кроватью. И один другому: «Ладно, мы его пока оставим, а ребёнка возьмём...»

Душа разрывалась, а мама ничего не могла сказать или хотя бы разбудить папу: посмотри, мол, что творится! Видишь, ребёнка унести хотят! Куда они его заберут, как заберут?

Помочь-то он не смог, но хотя бы видел.

А люди завернули Бориса (меньшего нашего братишку) во все его одеяльца и уносят. Вышли из дома; и только когда уже завели машину, у неё как бы оцепенение прошло. Но будить нет времени, да и бесполезно: в такой момент одна секунда – и нежданные гости уедут, и уже не увидишь ни на какой машине увезли, ни номер не запомнишь.

Подбежала к окну, глядит: стоит «чёрный ворон», а сзади у него – красный крест. Странно: обычный «чёрный ворон» красных крестов не имеет, а «скорая помощь» – не чёрного цвета. Удивилась, но так ничего не поняла.

Утро прервало такой отчётливый, правдоподобный, как наяву, сон! Проснулась и прийти в себя не могла: встревожилась очень.

Прошла неделя. Вдруг заметили: Борис наш болеет. Непонятная какая-то болезнь. Простудился или что-то другое случилось.

Мама подумала: «Нужно бы врача вызвать. С утра на работу идти, а я не буду знать, дадут больничный или нет. Если нет, то как быть? Может, скажут чем лечить следует. Надо сейчас вызвать».

Вызвали. Врач обследовал и заключил: «Скарлатина. Срочно в больницу».

В больницу так в больницу.

– А что сейчас делать?

– Мы дадим наряд, подъедет машина и его заберут в больницу.

Шло к вечеру. Папа готов идти на собрание. Стоял уже одетый в коридорчике и только шапку в руке держал – на улице прохладно было. Тут подъехала «скорая помощь»; и, когда вошли, мама ахнула: «Вот они... эти люди, которых я во сне видела: в кожаной куртке и в белом халате! Именно такие люди пришли».

Завернули Бориса в его одеяльца и увезли.

Папа так и продолжал держать шапку в руке.

– А вы куда, молодой человек?

– Я – по делам.

Отчеканил сразу, как отвесил, – «по делам».

Врачи ему:

– Вам сейчас выходить никуда нельзя, потому что это инфекционное заболевание и опасно для окружающих. Нужно обязательно сделать дезинфекцию. Сейчас приедут специалисты, обработают вашу квартиру, и только тогда вы можете выходить.

Папа положил шапку на место:

– Хорошо. Нельзя так нельзя.

А в этот день, 2 апреля 1931 года, братьев арестовали там, где они в очередной раз собрались у пригласивших их, в Царицыно.

Не ново это было. Гонения, ограничения, снятия с работы, аресты, суды, этапы фактически не прекращались.

То было время, когда братьев увозили каждое собрание. Не только по одному, а партиями всех, кто вставал на замену ушедшим в узы. Каждый знал, что наступит и его черёд, готовился к этому. Надо представить атмосферу тех лет, чувство беззащитности, непрекращающейся опасности, охватившей народ, чтобы понять меру безбоязности и мужества тех, кто посвятил жизнь Высокому и Превознесённому, вечно живущему Богу.

В очень отдалённые от нас времена, ещё на заре человеческого бытия непорочный Иов благословил Господа, когда сатана отнял у него всё: дом, богатство, 10 детей, а самого Иова подверг смертельному недугу проказы (Библия. Книга Иова).

Благословлять Господа – это почерк праведников, это – характер Божьих сынов, чьё богатство, слава, счастье да и сама жизнь – это удел вечности! Во все века богобоязненные люди так надеялись, так рассуждали, так жили, так поступали!

Тем величественнее прославляется имя Бога, когда и на закате человеческой истории удаляющиеся от зла идут той же стезёй поклонения Богу и исполнения Его заповедей при любых условиях!

Хор, служители и хорошие братья
1 – Константин Павлович Крючков,

Московской Красноворотской церкви ЕХБ.
2 – его родная сестра Лида. 1927 г.

«Простри руку Твою и коснись всего, что у них, – благословят ли они Тебя?» – клевещет пред Богом начальник смерти. Он хорошо знает, что подвластные ему грешники не устоят под сокрушительным переломом всей их жизни! Духовное потрясение сведёт их в безумие.

Но от святых, соблюдающих заповеди Божьи и веру в Иисуса, «клеветник братий наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь» (Откр. 12, 10), получал достойный ответ. Голгофа – вот фундамент их непоколебимого упования! Центр их веры – распятый Христос, от Которого они черпали силу для перенесения всех страданий!

3.

Нелегальные собрания по домам для братьев и сестёр Красноворотской церкви были мерой вынужденной. До этого церковь имела четыре молитвенных помещения. Её духовный и численный рост особенно усилился после того, как, сопротивляясь греху, верные Богу не согласились с решениями руководителей Союза евангельских христиан по военному и другим вопросам и вышли из этого Союза. Со 109 человек в 1923 году церковь умножилась к 1928 году до 400 членов и для большего успеха благовествования в огромной столице рассредоточила богослужения в четырёх местах. Одно из них располагалось по улице Каланчёвская, 11, у станции метро «Красные ворота».

После Волгограда, где отец управлял хором и проповедовал, он и здесь влился в жизнь общины и не оставил ни регентское, ни проповедническое служение.

Твёрдо хранящие повеления Господа приводили в ярость дракона. Непокорных приговорили к ликвидации: церковь сняли с регистрации, все четыре молитвенно-богослужебные помещения закрыли, имущество, находящееся в них, отобрали и передали в пользование евангельских христиан, входящих в казённый Всесоюзный Совет (помещение по Маловузовскому пер., сегодня Малый Трёхсвятительский пер.).

Аресты следовали один за другим.

Верующие Красноворотской церкви приняли на себя тяжёлый удар, но по милости Божьей не сломились. Плоть их не имела никакого покоя, они были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи (2 Кор. 7, 5). Однако, как росток из сухой земли тянется к свету, руша все преграды, так и эти истинные христиане стремились к общению со святыми, преодолевая слежку, предательство, запреты.

Разбившись на группы, собрания по домам проводили каждое воскресенье. Отдельные братья собирались и в другие дни, решали острые проблемы. Один из главных вопросов – как обеспечить семьи тех, которые в узы пошли (к сожалению, им не пришлось это осуществить: узников много, а их по сравнению с массами отправлявшихся за колючую проволоку было слишком мало).

Братья активно несли служение не только в Москве, но и в других местах, потому что полоса разделения, отмежевавшая несогласных с официальным Союзом, прошла по многим церквам. Нужна была информация друг о друге, поддержка тех, кто бодрствовал, и наставление тех, кому следовало открыть глаза на происходящее. Отец не один раз находился в разъездах, совершая церковное дело. Опасность подстерегала на каждом шагу. Рассказывал, например, как, приобретая билеты, не раз замечал за собой слежку.

Было так. Ему нужно посетить верующих в другом городе. Он пришёл на вокзал и, желая узнать о нужном поезде и какие есть места, подошёл к справочному бюро. В это время около него стал человек, будто тоже желал что-то спросить. Уточнив, что нужно, отец отошёл от окна. До слуха донеслось, как дежурная справочного обратилась к стоявшему за ним мужчине: «Слушаю вас». Но у того вопросов не оказалось. Он развернулся и ушёл, ничего не спросив.

Отец направился к билетной кассе. Подошёл. За кассовым стеклянным окошком раздался телефонный звонок. Кассир подняла трубку. Ей назвали фамилию, она переспросила:

«Крючков?» – «Да». А тогда, чтобы приобрести билет, требовалось предъявить удостоверяющий личность документ. Отец услышал свою фамилию, понял, что о нём идёт речь, и, когда кассир положила трубку и обратилась к нему: «Вам что?», равнодушно ответил: «Ничего». Повернулся и ушёл.

Так он получал от Бога предостерегающие сведения.

События текли неумолимой чередой. Болезнь маленького Бориса лишь на две недели отодвинула арест, и час допущенного Богом настиг его так же неустранимо, как и других собратьев. День, когда они по обыкновению собрались вновь, причислил отца к арестантам тридцать первого года и не на один год вверг в принуждённый гнёт.

Произошло тогда вот что.

4.

С самого утра апрельское небо заволокло равномерно серым, без единого проблеска. Не осталось в нём ни прозрачности, ни бездонности. За весь день ничего не изменилось, не погасли, а по-прежнему серели все цвета. Вокруг всё ещё было голо.

Горохов стоял на углу улицы в сосредоточенном ожидании. Он не прохаживался и не перетаптывался на месте. Просто стоял. Напряжённо вытянутая вперёд шея, сощуренные глаза, уставленные не под ноги, а куда-то вдоль домов, выдавали беспокойство и некоторое опасение. Он был давний член общины. Ещё 22 декабря 1923 года вместе со 120 верующими его подпись стояла под ходатайством об освобождении их пресвитера Савельева Ф. С.

Время от времени в калитку небольшого дома, стоявшего неподалёку, заходили люди. Намеченное собрание всегда старались начинать вовремя.

День был будничный. Папа постарался прийти пораньше. Там уже собрались некоторые братья и сёстры. Мама и Лида оставались дома. Обе носили в себе зарождённую жизнь, и им вот-вот могла потребоваться больница.

Последние бурные события (2 апреля сразу 15 человек

с собрания под арест повели) расстроили многие предпринятые дела. Всех властно охватила острая тревога. Страха не было, но боль за церковь, за Божье дело, за большие семьи, оставленные без отцов, прочно поселилась в сердце. Нужно было думать, советоваться, решать.

А Горохов всё стоял. Перед ним протянулась одна плоская улица и вторая, сходная с ней. На них будто и жизни не было.

Но вот вдалеке показались ещё два брата. Два Василия. Первый – прямой, худощавый – Лебедев Василий Иванович, а рядом – дядя Вася, муж Лидии Павловны, родной папиной сестры. Крепкий, плечистый, ладный.

Без суетливой торопливости, но всё же поспешая, они приближались к знакомому дому и остановились на углу, где стоял Горохов.

– Брат, ты чего же тут стоишь, не заходишь?

– Сейчас. Идите, идите, я сейчас...

Но так и не пришёл.

Немного посидев, ожидая не придёт ли ещё кто, все помолились и стали выяснять, кто из братьев арестован, у кого осталась большая семья и каким образом можно им помочь.

В это время вдруг, как неистовая буря, нагрянули работники ОГПУ. Без вины определили всех, кого наметили, в тот же крутой обрыв, в тот же лагерный мир, где с терпением несли тяжёлые цепи неволи десятки и сотни тысяч святых, соблюдавших заповеди Христа.

С. С. С. Р.

...Государственное Политическое Управление

ОРДЕР № 5489

В одно время из привычного русла вырваны были и отец, и Василий Елизарович, и Василий Лебедев. За одним столом сидели, так и пошли вместе. Только этапы определили разные.

Преследовать не согласившихся капитулировать помогали властям согласившиеся на компромисс. Люди эти в грозные дни ломки своей жизни остались без мужества хранить Божью истину. Они ходили на собрания, знали, где и когда верные Богу имеют общения, а потом доносили. Таким оказался и Горохов.

Отец успел написать его имя на клеёнке, чтобы знали другие и остерегались. А человек этот потом отступил от веры. Какая-то трагедия с ним случилась. Вскоре он умер.

5.

В тот вечер небольшую комнату в Коптевском переулке заполонило предчувствие незваной беды. К ночи тяжесть усилилась. Когда в комнате стало совсем темно, мама не зажгла огня: свет мешал бы ей. Окно сначала серело мутным полусветом, а потом стало затягиваться темнотой. Она всё сидела, втиснувшись всем телом в спинку стула, и думала, перебегая с одной мысли на другую. Их было много, этих мыслей, и каждая была тягостней предыдущей, нарастая в давящий ком.

Конечно, мы, дети, безмятежно спали, но старшая Валя проснулась рано. Уже стала рассеиваться непроницаемая мгла, побелел восход. Мама сидела у окна и плакала. Она просидела так всю ночь.

Изредка вскидывала настороженно голову, чутко прислушивалась. Нет, показалось. Иногда густая тишина отчётливо передавала звук громыхавшего трамвая; и, заслышав стук колёс, всё надеялась: на этом он приедет? А может, на этом? Кончились рейсы ночные, пошли уже первые трамваи, а он не вернулся ни вечером, ни утром. И она поняла, что домой он не придёт. А потом пришлось с узелками передачу передавать, узнавать какие дела...

Потекли скорбные дни. Мама работала, а мы бродили, где и как могли, предоставленные сами себе.

Безотцовщина

1.

По житейским меркам в Коптево мы устроились лучше – дом просторней, двор пошире. Но Юрий сильно скучал за теми, кто любил его, за Илларионовыми в Останкино. Так томился, что никакими играми эту му́ку побороть не мог.

Решили навестить их. Одни, без взрослых.

О дороге туда Юрий имел слабое понятие: совсем ещё мал был. Да и Валя такие подробности в уме не держала, хотя старшей была. Я же знал, что от нас туда трамвай ходит, помнил какой.

Поехали мы с Юрием вдвоём.

Подоспел нужный номер. Остерегая пассажиров, громко зазвенел перед остановкой. Пристроились сзади на буфере.

Путь предстоял не близкий.

Долго бежал вагон, громыхал на стыках, повизгивал на поворотах. В Останкино его конечный круг. Рядом с кругом – две башни. Минуешь их, там небольшой лесочек, дубовый, и полянка маленькая, а за ней знакомый домик.

Мама все отделения милиции обегала, с ног сбилась, разыскивая, куда дети пропали; а мы спокойно гостили, ни о чём не думали. Только вечером Настя домой нас вернула, когда пришла с работы.

Прокатиться на трамвае – излюбленное занятие! Да не в вагоне, где ни один кондуктор не позволит кататься без взрослых и без денег. А на буфере или на задней подножке.

Потряхиваемый на задней нижней ступеньке, где ветерок упруго развевал полы расстёгнутой рубашонки и приятно обвевал лицо и грудь, я благополучно приближался к своей остановке. Моё искусительное занятие состояло в том, чтобы соскочить с подножки намного раньше, чем

остановится трамвай. Для этого и катались без у́держу. Такой манёвр доставлял огромное удовольствие, позволял ощутить себя лёгким, поворотливым, умелым. Ведь для удачного приземления нужно верно соразмерить и скорость трамвая, и прыжок.

У остановки, ожидая, толпились люди.

И тут совсем непредвиденно быстрый взгляд выхватил из гущи фигуру милиционера. Сразу же сломались все планы. Понуждаемый испугом, не имея времени на осмысление, я соскочил на полном ходу. Да не так ловко, как всегда, потому что трамвай ещё нисколько не сбавил скорость. Колени, локти, нос, подбородок – всё стесал до крови о мостовую. Тут не до боли, скорей бы скрыться: милицейская форма наводила страх.

Но разве ведает отчаянное детство угрозу настоящей опасности?! Рядом транспорт. Это же Москва! Столичная жизнь всегда кипит, бурлит. Далеко ли до беды?

Один Бог хранил от худого.

2.

Улица Панфилова упиралась в широкое Волоколамское шоссе как раз напротив нашего переулка, только может быть чуть-чуть повыше. Плотно прижатая к Окружной железной дороге, она натянутой струной шла вдоль железнодорожного полотна и тоже принадлежала к району Сокол.

Деревянные домики прилежно занимали место в прямую линию. Некоторые окна красовались резными наличниками. Кто-то устроил перед домом палисадник. Поднимая пыль, деловито бродили куры – где разгребут, там и подберут.

Дети тянулись туда, как пчёлы на мёд. И хлеба не надо, дай только перебраться на другую сторону шоссе.

Жила на этой улице пожилая супружеская пара. Люди верующие, хорошо знакомые родителям. Сухонький, узкий в плечах дядя Илюша рядом со своей женой Олей, казалось, ещё больше подчёркивал её широкую, избыточную

фигуру. Но разность внешних форм совсем не мешала им быть одинаковыми в проявлении добра, благожелательности, участливости. Он почему-то звал её «кунча», и в его устах это звучало очень любезно и мило. Нашей семье они всегда благотворили, не раз приглашали к себе, старались чем-либо угостить, попотчевать.

Возле них хранился склад строительных досок: то ли их, то ли от железной дороги. Они служили нам качелями. Сядем на концы и летаем вверх-вниз, вверх-вниз. У малышей дух замирал от восторга.

А за домами – мы говорили «на задах» – круто вниз уходил склон. На дне его блестели рельсы на деревянных шпалах, и паровозы, густо дымя чёрным дымом, тянули по ним поезда. На склоне цветы, трава, мы венки там себе плели из одуванчиков. И любили провожать поезда: они едут, мы им машем, а они нам. Так интересно! Потом домой уходили.

Вся округа была пропитана звуками этой близкой железной дороги. Постоянно слышалось лязганье сцепов, рожок стрелочника, пыхтение паровозов...

Простучит на стыках товарный поезд, подавая натужный, как из трубы, звук. Под его вытянутыми длинной змеёй гружёными вагонами рельсы гудят, поют.

Ходил сцепщик, расцеплял, сцеплял вагоны, составы готовил. А когда доводил всё до конца, поезд медленно-медленно трогался.

«Голова полна, да не покрыта» – говорят о глупой затее. Пришла вздорная мысль: под поездом можно проползти! И пошли. Все, сколько есть, не россыпью, не кучкой, а гуськом, следом, один за другим. Полно́ собиралось нас таких ползунов. В один проём пройдём, затем в другой, третий.

Но стало неинтересно: поезд-то стоит! Вот если дождаться, когда он тронется, посмотреть, в какую сторону пойдёт, и начинать ход у первых колёс вагона, чтобы успеть пролезть, пока к этому месту докатятся его вторые! В этом фокус! Это заманчиво!

И отправились. Всё той же чередой, по одному, вытянувшись в нитку, согнувшись в три погибели. Понравилось. И не было страха перед этими двумя огромными вращающимися железными кругами, идущим прямо на тебя. А если бы кто-то споткнулся, зацепился или просто замешкался? Только Божья милость и Божье чудо берегли от зла.

Много раз мы упражнялись в таком проползании под движущимися вагонами, пока сцепщик не увидел и не прогнал нас.

Есть открытка, на которой Ангел-хранитель держит руки над проходящими по шаткому мостику детьми, оберегая их. Так и с нами было.

3.

– Валь, скорей садись на эту сторону!

– Мне Юра мешает. Пусть подвинется немножко.

– Я и так тесно сижу.

– Подождите! Наденьку забыли.

– Она ещё маленькая, ей сюда нельзя.

– Держитесь покрепче!

Просторный двор Ивановых звенел голосами. Не только мы, ещё и соседские (такие же малолетки, рукавом нос вытирали) шумно возились и суетились возле повозки (или брички) без колёс, по виду, как качалка. На нашем языке – «колымашка».

Повозка лёгкая, но большая, несколько метров. А дно круглое. Дядя Вася, хозяин дома, когда что-то возил летом, ставил её на тележку, прикручивал, а потом как самосвал переворачивал и без труда освобождал. Возможно, он пользовался ей для огорода. Может, за картошкой ездил или другие овощи привозил. На этой «колымашке», когда она не в деле и на земле стояла, мы катались: усядемся по обе стороны и качаемся, она туда-сюда переваливается.

«Колымашка» неслышно двигалась-двигалась и остановилась. На одну сторону перестала наклоняться – камень попал. Валя увидела.

– Стойте! Стойте! – закричала. – Садитесь теперь все вот на эту сторону. А на эту, смотрите, не садитесь, я вытащу камень.

Все дружно повиновались, и освобождённый край тут же взвился вверх.

Влезла она под повозку и уже дотянулась до камня, чтобы его убрать, как тут что-то спружинило у меня внутри. Я знал, чтò сейчас сделаю, – скомандовал быстро перебраться на противоположную сторону. Все послушно подчинились, и под тяжестью наших тел поднятый край моментально опустился. Валя и отскочить не успела. Попробуй сделать это в согнутом положении! Никакая ловкость не поможет.

– Ай! Что это вы?! Что делаете?! – слёзы щедро хлынули по её лицу.

Хотя придавило несильно, чуть-чуть, повозка не очень тяжёлая была, но обидно стало: зачем специально приказал, чтобы все на другую сторону сели? Схватила этот камень и бросила куда попало. И угодила мне в голову, у лба. Удар оказался веским – камень не маленький и расстояние близкое. Кровь залила лицо. Шрам на всю жизнь остался.

Так забавлялись.

4.

Взметнувшийся багровый огонь быстро побежал вверх по стене. Потрескивая, он резво слизывал сухую паклю между брёвен. Это я раздобыл где-то спички и – задымил костёр возле сарая. А рядом и скотный двор, и крыша соломенная, а под крышей уложено сена значительно, да и хозяйский дом – из дерева. Ещё несколько опасных минут и мог бы заняться крупный пожар!

– Ай, аптекарь, ай, аптекарь, ай, облакат! – отец тёти Насти (нашей хозяйки Анастасии Степановны), старенький-старенький, худенький, щупленький дедушка, не нашёл других слов отругать меня, сорванца.

Но, слава Богу, дедушка вовремя увидел и отвёл беду.

Потушил огонь. И так хорошо всё кончилось! На этот раз меня не высекли. Дедушка всё смягчил. А если бы наказали – поделом было, по заслугам. Ведь чуть не обездворил добрых людей, не пустил по миру как погорельцев.

Я перевесился через окно и кричу:

– Тятенька, подай бадеечку!

Дедушке смешно, что его называют «тятенькой», а ведро – «бадьёй». Никогда не слышал такого. И, не обижаясь, тут же отвечал:

– А вот я тебе! – выдернет из грядки морковку и подаёт.

Хороший был верующий старичок. Мягкосердый, безгневный. Ладил со всеми добром, без ссоры, мирно. Ни злобы, ни грозной ругани не услышишь. Его усердное добро оседало в моём сердце незримо и закрепляло прочную науку: в ком добра нет, в том и правды мало.

5.

– Ребята! Айда на переда! – скомандовал я бойко, задористо, выбегая в коридор.

Валя, Юрий весело отозвались и заторопились вместе со мной одеваться. Предложение им понравилось. Даже трёхлетний Борис суетливо искал во что обуться, чтобы не отстать от старших.

Детское представление обозначило место соединения нашего переулка с Волоколамским шоссе как «переда». Переулок был крохотный и вмещал всего три дома. Нам же это не мешало видеть себя обладателями широкого простора. Не только территориального. Свобода действий обеспечивалась отсутствием родителей: папа – в заключении, мама – на работе. Целый день был в нашем распоряжении. Мы проводили время, как хотели, и совсем не понимали, сколь чудным образом Господь хранил нас, несмышлёных, от всякого несчастья.

Над головой белело небо. Светило солнце, но ещё не успело высушить оставленную дождём непролазную грязь. Опережая друг друга, с радостным криком «айда на

переда!» мы спешили оставить тесную комнату, хотя в ней нам, детям, тоже не было тесно. Семи-, шести- или пятилетних мало волнуют внешние удобства. В цепких объятьях нас держала другая забота: как бы что-нибудь поесть. Кушать хотелось очень-очень, а мама, как мы знали, не скоро вернётся с работы.

Выбежав на улицу, я знал, чем заняться, только никому ничего не говорил. Это была моя влекущая, продуманная тайна. Перебирая грязь в каких-то старых, на размер больше ботинках, я внимательно смотрел под ноги.

– О! Денежка! Глядите, я денежку нашёл!

Нагнулся, вынул из чёрной жижи монетку, старательно вытер и с торжествующим взглядом приказал:

– Смотрите все внимательно, может, ещё найдётся.

– Нашёл! Нашёл! И я нашёл! – Юрий с восторгом достал из земли блестящий кружочек металла.

Поиски стали ещё тщательнее. Один за другим мы находили мелочь ещё и ещё.

Оказавшись обладателями неожиданного богатства, все гурьбой направились в магазин.

А вечером, когда мама вернулась с работы, каждый наперебой рассказывал о счастливой находке. Ничего не подозревая, все доедали пряники, купленные за найденные в переулке деньги.

Тогда я и представить не мог, что делаю плохо. Звенящие в кармане маминой одежды монеты я взял незаметно с глубоким убеждением: «У мамы денег много! Вон сколько! И бумажные есть. На всё хватит. А нам так хочется кушать...» И когда остались одни, вышел на улицу, воткнул деньги в рыхлую грязь, приметил место и позвал всех гулять.

Каток бесчеловечных репрессий оставил нас без отца и сделал почти беспризорными. Вообще, осиротевшие дети, дети, у которых отняли родителей и отобранные у родителей, – одна из самых страшных трагедий нашей изобилующей бедами истории, приносящей мало чести её творцам.

Острожная Потьма

1.

Они шли одна за другой, те страшные две весны, обескровившие деятельную Московскую церковь, собрания которой до февраля 1928 года проходили в арендованном здании у метро «Красные ворота». Как разрушительным ураганом, завихрило, закрутило повседневную жизнь:

26 апреля 1930 года – арестовали 6 человек и через два месяца осудили на три года лагерей;

30 апреля 1931 года – протоколом Тройки 25 человек приговорили к трём годам высылки;

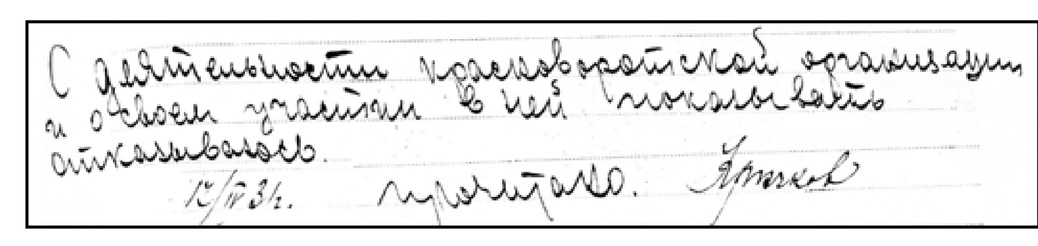
20 мая 1931 года решением Коллегии ОГПУ 21 верующий отправлен в ссылку на три года.

В тот же день тем же решением 10 братьев определены в концлагерь сроком на пять лет. Среди них мой отец, обвинённый по статье 58, пункты 10, 11 «в принадлежности к контрреволюционной организации красноворотцев».

А через пять дней ему – 28 лет! Всего 28! И дома четверо детей и жена в ожидании рождения пятого.

Крепись, душа, ибо битва будет суровая! Крепись в мучительных тюремных застенках! Крепись, когда свиданий с родными не дают! Когда томят голодом и холодом! Когда твои единоверцы отрекаются от крестного пути, крепись!

Кончились допросы, поставлена точка в приговоре. И хотя следовательский кабинет как бы окутывала злоба, которая вместе с густым табачным дымом плотно висела в воздухе и казалась осязаемой, совесть осталась чистой – никого не предал, от веры не отрёкся и устоял перед шантажом агентов НКВД:

С деятельности красноворотской организации и о своем участии в ней показывать отказываюсь.
12/IV 31 г. Прочитано. Крючков

А укреплённое Богом сердце твердило: если уж и сильно разбушуется шторм и страшные гонения ополчатся против святых, – Господь снабдит их всем необходимым. Да, они пройдут сквозь огонь испытаний, но огонь не обожжёт их и пламя не опалит (Ис. 43, 2). Руки их узнают тяжесть тюремных оков, но ничто не сможет лишить Божьих праведников свободы духа! Верные перенесут ради Господа всё, а гонители, наполнив меру своих беззаконий, понесут от Него суровое воздаяние. Даже если близкие друзья и братья станут «...неверны, как поток, как быстро текущие ручьи» (Иов. 6, 15), – и тогда Божьи люди будут наступать на всю силу вражью и не потерпят никакого вреда.

Невозрождённый человек отрицает такую напряжённую жизнь, потому что: «Душевный человек не принимает того, что̀ от Духа Божия... он почитает это безумием...» (1 Кор. 2, 14). Но бессмысленное, ненормальное в глазах века сего самопожертвование ради Христа – отрадно каждому живущему по воле Его.

А впереди – длинная дорога в лагерь, в долгую, бурлящую горем жизнь.

Когда-то, вплоть до 90-х годов XIX века, этапы двигались пешком и на лошадях. Невольников не скрывали от народа, вели открыто. В назидание всем звенели кандалы. Но вот рельсовое передвижение врезалось в жизнь, и новый строй отечества стремительно изменил арестантские этапы. Они стали невидимы, но они – есть. Они – рядом, вплотную с нами, но – незримы для нас.

Далеко от пассажирского перрона «воронок» подают к ступенькам спецвагона. Узнику не оставляют возможности оглянуться на вокзал, посмотреть на людей. А пассажирам, согбенным под ношей собственных забот, не догадаться, для чего подан вагон, очень похожий на багажный, с такими же прутьями решёток и темнотой за ними.

Протяжный гудок паровоза, и, выпуская едкие клубы дыма, поезд проползает по разбегающимся стрелкам и увозит невольников в жестокое неведомое. И никому и ничему

из встречаемого нет дела до их отчаянной доли. Ни на чём не оставляет следа их бедственная судьба.

В столыпине отец ехал впервые. Тогда это было нечто вроде пригородного вагона с нижним (для сидения), верхним (для сна) и третьим (для багажа) ярусами. Поправка только на решётчатую стенку с решётчатой дверью, отделявшую купе от коридора. Да все четыре яруса: пол, сиденье, средняя и верхняя полки – предназначались для заключённых.

Неспешно отсчитывались километры от станции к станции на юго-восток от Москвы. Мимо зарешечённых окон то тут, то там проплывали лачуги, иногда покрытые соломой; маленькие одинокие будки на разъездах со стрелочниками с флажками в руках; дощатые станционные здания, похожие на десятки других: возле каждого дома – огородик, сарай и будка уборной. Мелькали платформы встречных поездов. Над полями кружили птицы. Медлительное солнце купало в неторопливых лучах склонившиеся колосья. И снова смешанный лес с редкими прогалинами, обставленными скирдами сена.

Но вот пейзаж сменился бесконечными лесами. И болота, болота, болота... Они придавали пути бесконечность и однообразность.

Наконец поезд замедлил ход, деревья перестали мелькать. Конвой оживился. Железнодорожное путешествие оборвалось, и кто-то из заключённых закричал с верхней полки: «Станция впереди! Станция впереди!»

«Что за местность? Это конечный пункт? Где мы?» – законные вопросы повисали в воздухе без ответов.

2.

Это была Потьма. Станция Московско-Казанской железной дороги в 450 км от Москвы. Мордовия – республика зэков. Возможно, если бы этот славный дубовыми рощами край не облюбовали для системы лагерей «Потьма» (они протянулись в лесу на 80 километров), так и не стала бы

широко известна эта глухомань Мордовской автономной республики.

Тот, кто хоть раз побывал в этих краях, никогда не забудет щемящее ощущение «вечного Гулага». Начиная от Потьмы (с мордовского «потма» – «глубинка, далёкое место в лесу, глушь»), десятки километров – колючая проволока, лагерные вышки, заборы, заборы, заборы, густые леса, окружающие лагеря, территория бесправия, откуда убежать невозможно.

А начиналось всё просто и незатейливо.

Когда-то тут на месте выросших, как грибы, лагерных посёлков ютились крохотные деревеньки, затерявшиеся среди густых, непроходимых лесов с топями и болотами. В 1928 году недуманно-неведанно появились здесь люди в сопровождении конвоиров. Это были осуждённые. Их привезли зимой, выбросили в снег и приказали: «Устраивайтесь». Они построили помещение для администрации и охраны, а себе – первые лагерные бараки, огородили лагерь проволокой.

А потом началась изнурительная физическая работа: заготовка деловой древесины и дров – разрастающаяся Москва с её огромным населением остро нуждалась в пиломатериалах и топливе. Дрова тогда вполне соперничали с углем. В связи с этим ещё в 1915 году в глухих лесах Мордовии начали строительство железнодорожной ветки для обеспечения Москвы и области лесоматериалом и топливом.

Спешно продолжить строительство узкоколейки заставило образование в этих местах лагерей для заключённых. Километр за километром осушались болота, срезались холмы, чтобы любой ценой проложить железнодорожное полотно. Нить его тянули от Потьмы строго на север. Это был истощающий силы и здоровье каторжный труд без применения техники. Все земляные работы велись вручную, с помощью лопат, ломов и тачек. На пути встречались огромные болота. И сколько надо было применить уси-

лий, чтобы осушить эти болота и поднять насыпь! Бывало и наоборот – приходилось срезать встречающиеся на пути холмы. И так, метр за метром подневольные люди углублялись всё дальше и дальше в лес. От основного железнодорожного полотна делали отводы, так называемые «усы», до лесных делянок. Делянки вырубались заключёнными подчистую.

Но рабочих рук катастрофически не хватало, доставка леса буксовала.

Вот тогда-то весной 1931 года (в дни заключения под стражу членов Красноворотской церкви) руководство НКВД СССР решило открыть здесь Темниковский лагерь (по названию крупнейшего в стране местного леспромхоза), сокращённо ТЕМЛАГ ОГПУ или ТЕМИТЛАГ (Темниковский исправительно-трудовой лагерь). Принуждённый труд многотысячных невольных насельников обнадёживал в успехе.

В этом же 1931 году ветку узкоколейки от Потьмы проложили до отметки «36 километр». В посёлке с таким же незатейливым названием «36 километр» обосновалось Управление ТЕМЛАГа. Это место и определили пристанищем моему отцу на ближайшие пять лет.

Открытка с адресом лагеря, где отбывал срок Константин Павлович Крючков

3.

В Потьму привезли в начале лета. От станции повели под конвоем в пересыльную тюрьму. Вели простой утоптанной дорогой через посёлок. За ним совсем рядом виднелся лес. По обочинам – высокая трава. Вот деревянные домики в два-три оконца – в них сторожа и надзиратели. Вид этих домиков напоминал о продолжающейся совсем рядом другой, мирной жизни.

Покой природы невольно передался взволнованному сердцу. Оно забилось ровно и уверенно: «"Так говорит Господь, Искупитель твой, Святый Израилев: Я Господь, Бог твой... ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти" (Ис. 48, 17). Он знает путь мой! Дело моё не забыто у Бога моего! Посему, если лукавый пустит раскалённые стрелы, чтобы вселить страх и рассеянность, – противостань ему твёрдой верой (1 Петр. 5, 9). Если устремится лишить праведности Христовой, – спеши защититься, подобно бронёй, умноженной праведностью (Еф. 6, 14). В ответ на принуждение нарушить волю Божью – вооружись обоюдоострым мечом, который есть Слово Божье (Евр. 4, 12). Ибо всё это Христос предназначил всем искупленным, которые во исполнение Его заповедей молятся о такой духовной победе со всяким постоянством».

Благотворные размышления принесли умиротворение. Даже о конвое как-то забылось.

Деревянный барак потьминской пересылки повидал уже не одну сотню и тысячу заключённых. Узничество встречало прибывших, впервые перешагнувших её порог, суровым преподавателем. Чтобы не пасть духовно в условиях зла, обласканного практикой неволи, нужно согласиться жить и умереть в одно и то же время: жить для Бога и умереть для себя. Заключив себя прежде в эти добровольные узы, праведник обретает силу в Боге не держаться так, как держались почти все подавляюще: малодушно, беспомощно, обречённо.

Прошли медкомиссию – она определила каждому категорию труда. Ещё царская каторга делила арестантов, в зависимости от их физического состояния, на «крепких», «слабых» и «непригодных к труду». Подобное распределение существовало и в начале 30-х годов, но тогда оно ещё не превратилось в дополнительный способ всеобщего лагерного порабощения.

Несколько дней провели на пересылке. И снова этап.

Вели той же дорогой, к той же станции. Только путь определили теперь на север.

Железнодорожная ветка соединяла лагпункты. Не ехали, а устало тащились вагончики по лагерной узкоколейке. Лес, лес, лес... Бесконечно длинный и бесконечно меняющийся. То поросшие мхом болота, то трепещущие берёзовые рощи, то строгий, заваленный прошлогодней хвоей сосняк. Мир Божий наполнял всё вокруг. Около железнодорожных путей цвели ромашки, пахло цветущими травами. Вбирали лёгкие этот необычный, туманящий сознание воздух, и каждый узник сознавал, что он и завтра, и послезавтра будет дышать им.

Наконец паровозик дотащил до тупика узкоколейки – посёлка «36 километр», а станция носила название «Перековка» – оно символизировало «перековку» бывших преступников в полезных членов общества (название просуществовало недолго).

Через год вблизи этой станции на реке Явас стали сооружать деревообрабатывающий завод, один из 518 гигантов, построенных в первую пятилетку. Через протекающие реки Явас и Виндрей возвели мосты.

1931 год.
Мост вблизи посёлка «36 километр»

Вот и зона, такая же, как и все другие. К мо-

менту, когда многочисленный этап доставил сюда отца, лагерь только образовывался и насчитывал до сотни заключённых. Но поток осуждённых лился нескончаемо. «Социально-опасные правонарушители» прибывали практически из всех союзных и автономных республик, так что к декабрю 1931 года число их выросло до 17 тысяч.

Подневольно прибывшие любопытно разглядывали лабиринты деревянных заборов, смотровые вышки, колючую проволоку, группы заключённых в сопровождении охранников. Теперь это их новый дом на годы.

Ожидали у вахты минут сорок. Перекличка, счёт-пересчёт, обыск. Затем впустили в зону.

После многодневного карантина начались серые лагерные будни. Нелегко вжиться в непривычно напряжённый изматывающий ритм: подъём затемно, быстрый завтрак, проверка, работа, обед, затем снова работа (в итоге она нередко достигала более 12 часов) и лишь короткий отдых после ужина в вечернее время. Однако всякий уповающий на Господа, приняв насыщенный страданиями путь, в глубине души утверждался вескими, горячими напоминаниями: «Все могу в укрепляющем меня (Иисусе) Христе!» (Фил. 4, 13); «... и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13).

4.

Состоящая из четырнадцати пунктов 58 статья Уголовного Кодекса 1926 года (по 10-му пункту которой был осуждён отец), кроме того что не оставляла ни единого шага, который бы не попадал под её карающий меч, в добавление ко всему урезала права заключённых на свидание. И пусть многотысячно звучал законный вопрос: «Свиданий с родственниками почему Пятьдесят Восьмой не даёте? Положено раз в месяц, а вы даёте раз в год»; и пусть нестерпимо терзало сознание несправедливости, что кто-то ездит каждые два месяца, а ты не уверен увидеть родных и раз

в году, – ничего не менялось: жёсткий обруч 58-й ни на миллиметр не ослаблял своих цепких объятий.

Меньших детей мама оставила дома и ехала к отцу на свидание с двумя старшими и самой маленькой из нас, Наденькой, когда она начала ходить. Свою вторую, без него родившуюся дочь отец впервые увидел только по прошествии года после суда.

Путь предстоял тот же: с Казанского вокзала Москвы через Рязань до станции Потьма на Московско-Казанской железной дороге.

Мама смотрела из поезда и видела то же самое, что год назад попадалось на глаза из зарешечённого окна её Косте. Вот стайка малолетних самозабвенно замахала: здравствуйте, мол, и прощайте. Несколько гружёных телег, составляя обоз, появились в раме окна и стали удаляться по мере того, как поезд уходил дальше. Лошади дружно зафыркали от взвившейся над паровозом чёрной гари. Повседневное бытие текло своим чередом.

Торопливо темнело, и уже невозможно было разглядеть что-нибудь за окном. Дети утомились и быстро покорились необоримому сну. Вагон покачивало из стороны в сторону, колёса громко отбивали бойкий такт, эхом застревавший в проносящихся мимо деревьях, кустах, пристанционных постройках. Светящиеся изнутри тусклым мигающим светом глазницы домов утверждали, что внутри них теплилась жизнь, наполненная своими радостями и горем, встречами и расставаниями, добром и злом. Страхи, опасения, чувство постоянной озабоченности окружали живущих в них и ввергали в неизбежный водоворот собственных хлопот. Кому какое дело до громыхающей на стыках железной змеи?

Да и с попутчиками не поговорить. Особенность нового удушительного строя состояла в том, что после ареста человека виновными становились сразу все члены его семьи. Ты – враг народа и не имеешь права на жизнь. Каждый должен избегать тебя, сторониться, делать вид, что не узнал, не заметил – иначе завтра тебе на голову обрушится

вся мощь государства. Поэтому мнение многих запуганных не отличалось трезвостью: «Если мужа посадили, значит, было за что. Верующий? Тогда и вовсе правильно. Как можно верить в наш прогрессивный век в существование Бога или какую-то загробную жизнь?!» Страну захлёстывала преступная система идей, надругательство над всем святым. Тяжёлое возмездие обрушивало старое. Новые творцы жизни горделиво устанавливали новизну подходов и умозаключений и с безоглядной лёгкостью расточали христианские ценности.

В вагоне стояла нестерпимая духота. Приходилось постоянно вытирать с лица липкие струйки пота. Невольно смежились усталые веки. Минута за минутой неотвратимо слагались в часы и замещали думы всё более сложными размышлениями...

Путь Божий во всей его красоте открылся ей только тогда, когда она познакомилась с Костей.

Немало воды утекло с тех пор, но при всех горестях и бедах, допущенных Богом, спасённая душа не поддалась безутешному отчаянию. Крестом Иисуса Христа для нас мир распят и мы для мира. Многие скорби, которыми надлежит войти в Царство Небесное, делают нас участниками Христовых страданий и Его смерти. Конечно, не всё так гладко на сердце, как кажется. Мир, плоть и сатана усиленно требуют: «Сойди с креста! Зачем тебе эти мучения? Будь как все, и страдания твои прекратятся».

Что делать? Оставить Бога? Предать забвению Его заповеди? Уклониться от предопределённого свыше? Христос знал, как встретит Его мир, однако сказал: «...Я не воспротивился, не отступил назад. Я предал хребет Мой биющим и ланиты поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Ис. 50, 5–6). Его подвиг не был посрамлён: «...за претерпение смерти увенчан славою и честию Иисус». Победа – закономерна: «...мужайтесь: Я победил мир». Власть – неизбывна! «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». Жертва – не напрасна! Его «потомство...

как песок морской». Сам Господь определил святым славную долю – быть несправедливо гонимыми за дела любви и добра, пить из чаши Его страданий! Да будет имя Его благословенно!

Вставало очередное утро, неподвижное и душное.

5.

От Потьмы лагерные посёлки связывала своя железная дорога. Один раз в сутки курсировал между ними поезд из нескольких вагонов. Часть из них были спецвагонами, в них развозились осуждённые. И никакой грунтовой дороги, чтобы пройти или проехать.

В той встрече с отцом детское воображение поразили не впервые увиденные лагерные бараки и зоны, перекрещённые колючей проволокой, огороженные особой конструкции заборами, утыканные вышками, залитые по ночам светом прожекторов, а – столбы комаров и люди в накомарниках.

Легко представить детское недоумение и даже страх: идёт человек, движет ногами, машет руками, а лица нет. Вместо него примитивный шлем: перед глазами чёрная тюлевая накидка, соединённая с обыкновенной тряпкой, надетой на голову и сшитой по форме головы. Зрелище необыкновенное.

Помню, как однажды я оцепенел от ужаса, увидев нечто подобное. Гулял я тогда на поляне в районе Покровское-Стрешнево, куда отправлялся с пастухом пасти стадо. Начало дня. По причине утра в окрестности ни души. При разгоравшемся солнце, плавно кружащими над лесом птицами всё дружно настраивало на мирный и покойный лад.

Вдруг в стороне от дороги, в густой траве как из-под земли выросли две головы, которых раньше не было видно. Да не головы, а какие-то чудовища: вместо глаз – огромные круглые стёкла, вместо носа – длинный хобот до самой груди; волос нет, рта нет – непередаваемый ужас!

Я замер от страха. И онемел. Не мог ни двинуться, ни

крикнуть. Фигуры поползли куда-то в сторону леса, а я ещё долго не мог прийти в себя, боялся шелохнуться, не трогался с места. Откуда мне, мальцу, было знать, что эта местность соответствовала условиям, близким к боевым, и солдаты в противогазах проходили здесь воинское обучение? Я и противогазов за свои шесть лет никогда не видел.

Но тогда это были учения. А здесь, на свидании с отцом – необходимость. Невозможно было в этих местах обходиться без накомарников. Болота...

Наступал вечер. В комнате всё гуще темнело. Скоро отправляться спать. А как же шлемы? Папа знал, что́ делать. Чтобы выгнать комаров, он зажигал газету и открывал окно, двери. Комары боятся дыма и вылетают. Потом он всё закрывал и все спокойно спали. Это и осталось в памяти о свидании.

А ещё папа про лагерную жизнь с мамой разговаривал. Интересно слушать. Они спешили передать друг другу всё накопившееся за время разлуки: об этом не забыть! об этом спросить! и ещё об этом вспомнить! и об этом!

– Другие верующие в лагере есть?

– Есть. Много. Очень удивительно находим друг друга. Этапы большие приходят, народу – масса! А как отозваться: есть верующие, нет верующих среди них? Прохожу, например, мимо обрабатывающего дерево столяра. Как не откликнуться, заслышав знакомый гимн?

Научи меня, Боже, любить
Всей душой Тебя, всем помышленьем,
Чтобы душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Начинаю этот же гимн петь. Так сближались.

Или наоборот. Налаживаю электрическую проводку, напеваю погромче какой-нибудь гимн.

Ты Мой! Не бойся ничего,
Хотя бы мир поднялся целый
И все свои направил стрелы
В слугу спасенья Моего.

Слышу, поднимается кто-то по лестнице: стук-стук.

– Что такое? – отзываюсь спокойно, без особых эмоций.

– Брат? – в двери появляется фигура в зэковском одеянии, а на лице – широкая счастливая улыбка.

– Да, брат.

– По какой статье? Сколько? Когда? – с горячностью спешили узнать об очень важном для каждого из нас.

Эти простые и естественные в тех условиях вопросы, опережая друг друга, срывались с уст бесправных мучеников. Кого на десять лет, кого на пятнадцать тысячами увозили в большие и мелкие неизвестные лагеря, чтобы изнурительной му́кой они оплатили там своё желание исповедовать имя Господа Иисуса Христа.

Узник, утешенный Господом. Константин Павлович за год до освобождения

Братские дружеские отношения оборачивались благом. Тут же в Потьме, в том же посёлке «36 километр» отбывал срок ещё один член Красноворотской церкви, инженер-электрик Лебедев Василий Иванович. Вместе с ним в один день выхвачены были арестом, лишённым всяких разумных оснований, по той же 58 статье.

Ударное возведение лесообрабатывающего завода диктовало в срочном порядке построить местную электростанцию. Рассчитывали на её ускоренный пуск. Василия Ивановича поставили одним из ведущих специалистов. Он взял себе в помощники папу (хотя до этого отец не работал по этому профилю, но он приблизил его с желанием обучить профессиональным навыкам).

Им обещали: «Если вы к назначенному времени смонтируете всё и запустите в дело, то получите льготы и раньше увидите свободу».

В те годы зачёты с досрочным освобождением были одним из центральных моментов государственной политики. Считали, что они стимулируют заключённых к самоотверженному труду и перевыполнению производственных заданий. Изданное в 1924 году «Положение о зачётах» исправительно-трудового кодекса РСФСР объявляло: «Проявление заключёнными из среды трудящихся особо продуктивного труда... поощряются... зачётом двух дней работ за три дня срока».

С началом перестройки лагерной системы в 1931 году пошли дальше: проработанный день считался за два отбытых для всех работающих по-ударному, в том числе и судимым за «контрреволюционные преступления», то есть по 58 статье. Таким образом срок для таких подстражников кончался прежде назначенного.

Жена «врага народа»

Горькая сила неумолимого жребия тяготела над жёнами всех политических заключённых, осуждённых по 58 статье. Куда бы они ни приходили, к кому бы ни обращались, с кем бы ни общались, – они как бы влачили за собой всю тяжесть вины мужей и в глазах власть имущих должны были в полной мере делить вину того, с кем соединили свою судьбу. Эту скорбную участь непомерно усиливало ещё одно обстоятельство.

27 декабря 1932 года в стране ввели паспортную систему. Всех граждан в возрасте от 16 лет, постоянно проживающих в городах, рабочих посёлках и т. д., обязали иметь паспорт. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других промышленных городах этот документ выдавали только тем, кто там постоянно проживал до 27 декабря 1932 года или родился там позже. В числе других

данных в паспорте делали пометки о поступлении на работу и увольнении, равно как и о каждом переезде. Без прописанного в данной местности паспорта нельзя было приступить к работе.

Маму, несмотря на то что она постоянно проживала в Москве с семьёй в течение последних пяти лет (с 1927 года), с введением паспортизации не прописывали как жену "врага народа".

– Выселяйтесь из Москвы! – приказывали ей в паспортном столе.

– У меня на проезд в трамвае денег нет, а вы говорите «уезжай!..» Куда я поеду с пятью несовершеннолетними детьми?

– Тогда разведитесь с мужем и мы вас пропишем!

Злая это была година! С помощью именно таких жёстких заявлений и шантажа удавалось добиться немалого числа разводов женщин, мужья которых находились в заключении по 58 статье. Уж как эти жёны пытались остаться вне поля зрения всепроникающих Органов: посылали посылки не от своего имени, не из этого города или вовсе не посылали – не удавалось. И один только был выход: развод.

К тому же его процедуру сделали совсем простой: суд не спрашивал от заключённого согласия и даже не извещал о совершившемся. Важно было, чтобы развод стал бесспорным фактом.

– Вы настаиваете развестись. Как я могу это сделать?! У меня же – дети! Не предлагайте мне такую глупость. Я никогда на неё не пойду!

– Тогда выселяйтесь из Москвы.

– Легко сказать: выселяйтесь! Мне некуда ехать. Я сиротой росла до замужества, у меня нет ни родственников, ни знакомых. Поймите, мне некуда ехать...

Чиновников её трудности не касались. Они вызывали маму и раз, и два, и три. Терроризировали и издевались. Она возвращалась к детям в слезах, и в бессилие опускались руки.

– Шура! В чём дело? – обратила внимание на её подавленность верующая хозяйка. – Почему они мучают тебя? Я – хозяйка дома и позволяю тебе жить в моём доме. Они обязаны дать тебе прописку. Не может такого быть. Пойдём ещё раз в паспортный стол. Вместе.

Тётя Настя была смелой и решительной, хотя и из деревни женщиной (раньше жила около Дедовска или возле Истры Волоколамского направления железной дороги).

Пришли. За столом молодой человек. Молча поднял взгляд на вошедших. Несмотря на недлинную жизнь, печать устоявшейся жестокости сквозила во взгляде. Тётя Настя ему прямо с порога:

– Почему ты не прописываешь эту женщину? Я хочу, чтобы она жила в моём доме!

Невозмутимость не позволила дрогнуть ни одному мускулу на его лице. Он взял со стола листок бумаги и медленно, чеканя слова, зачитал принятый закон. Но тётя Настя подошла к нему, поставила широко расставленные руки на стол и властно произнесла:

– Знаешь что, молодой человек! Не смотри, что я криво подпоясана, однако знаю, как в Кремле двери открываются. Завтра у Михаила Ивановича Калинина на столе будет письмо и жалоба на тебя!

Прописку оформили сразу.

Беда не живёт одна

Беда на смычке ходит, одна за другой. Как и в книге Откровения Иоанна Богослова написано: «Одно горе прошло; вот, идут за ним еще два горя» (Откр. 9, 12).

В конце июня 1933 года сразу все пятеро детей, начиная от Наденьки, заболели корью.

Мама металась от одной кроватки к другой, всё лечила детей (на работе ей дали отпуск по больничному листу).

Поскольку Наденька переболела первой, то особого внимания к себе не требовала. Покормят её, и она тихонько

лежала в своей кроватке-качалке. Я почему-то вёл себя беспокойнее других; мама проводила больше всего времени со мной и хватилась только тогда, когда Наденька стала задыхаться. У неё возникло осложнение после кори – двухстороннее воспаление лёгких.

Спокойно глядеть на задыхающегося ребёнка не было сил. Из-под одеяльца высматривало резко исхудавшее, с натугой вытянутое, взмокшее лицо – лицо мученика! В измученных глазах стояли слёзы. Застывшие, немые слёзы. Мама понимала: она уходит. И горько плакала.

Вызвала врача. Ждать пришлось долго – летом вся московская интеллигенция оставляла Москву и жила за городом, снимая дачи.

Врач осмотрела, прослушала и говорит:

– Поздно, у неё крупозное двухстороннее воспаление лёгких. Трудно надеяться на выздоровление, надо было раньше...

– Доктор! Ну может хоть какое-то облегчение можно дать, уменьшить её тяготу... Ведь нет никаких сил смотреть!

– Уже ничего не поможет. Вообразите себе, что у вас нарыв на руке. Вы сначала его должны вылечить, а потом вся опухоль сойдёт и рука поправится.

Но как можно там, внутри, это воспаление вылечить, когда уже не один нарыв, а всё воспалено? Если бы раньше. А сейчас нельзя...

Три недели показались вечностью. Мама много пережила, неутешно плакала, потому что было очень тяжело видеть смерть ребёнка, который задыхается. Она себе все губы искусала и, не помня себя от горя и от бессилия облегчить страдания дочурки, всё, что было у неё под руками, комкала, разрывала. С му́кой вглядывалась в её замученные глаза и чувствовала, что сама задыхается; но не могла уйти: она должна всё вытерпеть, испить чашу до дна.

Только вера во всемилостивого Бога могла унять эту глубокую человеческую боль, это невмещаемое духовное сотрясение: Господь во всех обстоятельствах! Он велит дождю падать с неба, огню – гореть; одному родиться, другому – жизнь отдать.

«Боже преславный! – лилась выстраданная молитва. – Вниди в эту нужду, в великое горе наше, и освети светлым лицом Твоим! Не оставь без милости! Пребудь до славного восхода дня, до грядущей зари бессмертия!»

«О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь...» (Мих. 6, 8). В мертвящей тишине рождающейся ночи-смерти сердце особенно знает, чего требуют от нас заповеди Христа. И слагаются утешительные строки к любимому мужу в острожную Потьму: «Это план Божий и надо смиряться, хотя и сердце скорбит... Не печалься и ты, укрепляйся в Нём и радуйся везде и во всякое время».

В июле 1933 года сестрёнку погребли на Ваганьковском кладбище, недалеко от нашего района Сокол.

Земля, политая кровью

День выдался непомерно знойным. Улицы Немчиновки – пустыня. Ни души не видно. Казалось, посёлок вымер.

Я вышел за калитку. Что можно увидеть там в полдень?! – Солнце! Такое ослепительно-пышное, что больно глядеть:

Одна из улиц Немчиновки в начале прошлого века

колет и бьёт в защуренные глаза (с детства я с трудом переносил яркий солнечный свет). Приставил ладошку козырьком ко лбу, чтобы защититься, прикрыл рукой глаза да так и остался стоять с открытым ртом, поглощённый своими детскими думами.

Вдруг какая-то тёмная тень, как крыло птицы, накрыла мою тонкую мальчишескую фигуру. Поднял голову и увидел наклонённого ко мне прохожего.

– Мальчик! Ты зачем губу отвесил? Вот вырастешь и будешь возить её перед собой на тачке.

И пошёл дальше пустынной дорогой. Я удивлённо посмотрел ему вслед, тут же прикусил нижнюю губу и отчётливо представил страшную картину: двумя руками я толкаю впереди себя тачку, на которой лежит моя свисающая от тяжести губа.

С того момента я начал тщательно следить за собой и уже никогда без надобности не открывал рот.

В далёкие 1933–34 годы Немчиновка стала ещё одним моим домом. Отзывчивые верующие, далеко не молодых лет, взяли меня к себе, пока отец дополнял число многочисленного племени заключённых.

Пруд в Немчиновке столетие назад

Это был немаловажный для меня период. Пример жизни очень богобоязненных, милых людей оставил неизгладимый след в душе.

– Ге-е-нька, помане-е-нечку, чтобы наслади-и-ться!

Неторопливо падали слова. Ласковые венчики морщин у глаз, у губ, продольные борозды на лбу – во всём облике дедушки доброта и достойность. Он поглаживал окладистую бороду и мягко смотрел на «Геньку».

В горящем янтарём самоваре отражались вытянутые лица, а я сидел за столом наравне со взрослыми, незаметно отдувался после наспех выпитого стакана и просил налить ещё. И всё потому, что к порции положен был маленький кусочек сахара. Его откалывали тут же за столом специальными щипцами от массивного куска в виде скруглённой пирамиды. Ради этого другого кусочка я и старался изо всех сил поскорее справиться с кипятком.

Разжечь самовар доверяли мне, несмотря на мой малый возраст. Мне нравилось это делать. Пытливость подталкивала в каждом деле досконально постичь: что? как? почему? Уразуметь сам механизм.

Самовар был медный. Я тщательно начищал его, так что

он блестел золотом и отражал зеркальной гладью. А раздувал в нём древесные угли сапогом, собранном в «гармошку» и предназначенном специально для этого дела.

Лёгкий самоварный дымок наполнял двор, сизой дымкой тянулся в дом и предвещал долгожданное чаепитие.

Вечером все вместе молились. «Господи! Прости мне грехи мои, какие совершил пред Тобою сегодня!» – каждый раз просили в молитве эти святые люди. «Разве у таких добрых людей могут быть грехи?» – недоумевал я.

Здесь было так хорошо и уютно! Спать укладывался в специально сколоченной кроватке со стенками с трёх сторон. Четвёртая стенка отсутствовала, чтобы в кроватку можно было забраться.

Любовь к красивому и прекрасному неотразимо влекла к себе уже тогда. На чердаке дома хранились какие-то старинные вещи. Среди них было много хрусталя. Принадлежало ли всё это богатство старичкам-хозяевам или постояльцам из Москвы, снимавшим в этом дачном посёлке жильё на лето, – меня не интересовало. Но, забираясь на чердак, я проводил там многие часы, любуясь играющими в хрустале лучами солнца.

Я чувствовал себя в особом царстве. Это был мой другой, затаённый, оберегаемый ото всех мир – любование необычными переливами, когда при малейшем наклоне головы хрусталь, разными гранями принимая и отражая лучи, создавал неповторимые картины. Одна красочней другой. Я поворачивал голову так и этак, закрывал один глаз, другой и в восторге не мог наглядеться на появляющееся великолепие.

В центре Немчиновки красовался большой пруд (он сохранился доныне), излюбленное место отдыха детворы: летом можно без устали плескаться в тёплой воде, зимой – кататься на санках и коньках.

В один из морозных дней, разгорячившись от долгого катания на коньках, я наклонился к колонке, чтобы напиться, да так и застыл от боли: губы плотно прилипли

к обжигающему крану! Ни крикнуть, ни оторваться. Собравшись с силами, мотнул головой – и струи крови потекли по шее и груди: кожа губ так и осталась на кране. Но это на всю жизнь научило осмотрительности. Повзрослев, ни к какому делу не приступал, не проверив внимательно, к чему это приведёт. Учил заметливости и других.

Необыкновенным спокойствием и умиротворяющей тишиной поражал этот утопающий в зелени островок, лежащий в 20 км от центра столицы на ветке Московско-Брестской железной дороги. Живописность здешних мест привлекала внимание многих знатных людей разного времени.

Я бегал босоногим по улицам Немчиновки, купался в озере, отдыхал под шатром вековых деревьев, помогал приютившим меня старичкам, не подозревая, что не только покоряющая красота окружающей природы достойна восхищения. Главное, рядом со мной жили, ходили по тем же улицам верующие незримой духовный красоты, преданные Богу до смерти.

Они были убеждёнными христианами. Глубоко верили словам Христа. Стремились ревностно нести другим евангельскую весть. И всё это несмотря на дыбящиеся волны принудительного безбожия. Старые и молодые, грамотные и не очень, одинокие и многодетные – они спешили исполнить повеления любимого Господа, и в этой решимости их никто не мог остановить.

Я их не знал, никогда не встречался и вообще немногое мог осмыслить. Мал был ещё. Но на эту землю, по которой я так беспечно ступал, на которой взрослел и набирался ума, через 2–3 года хлынула мученическая кровь святых.

Хлынула не бесследно: Богу угодно было, чтобы долгие годы не стёрли жертвенный подвиг дорогих сердцу братьев и сестёр по вере. В своё время о них поведал наш общебратский журнал «Вестник истины» №1–3, 2004; однако есть необходимость напомнить об этом ещё раз, чтобы проникнуться той атмосферой, в которой Бог сподобил мне расти и мужать.

СМЕРТЬ ВО ИМЯ ЖИЗНИ[1]

Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия,
тот сбережет её. Марк. 8, 35

Ошеломляющая внезапность

И поднялась великая буря. Марк. 4, 37

Список из девяти фамилий едва умещается на листе. Перечень анкетных данных делает его длинным и разбухшим. Среди строк мелькают отмеченные по установленной форме детали: 2 лошади, корова, овца, дом; 6 классов, 7 классов, 3 класса сельской школы; кузнец, учётчица, столяр, колхозница; из рабочих, из мещан, из крестьян; не судим, не состоял, не участвовал и т. д. и т. п.

Видно, что речь идёт о рядовых гражданах, простых людях того времени. В один день – 5 сентября 1937 года – за этими людьми закрылась дверь в свободный мир. Они перешагнули порог тюрьмы. Девять человек в одночасье пополнили многотысячную семью безвинно репрессированных.

«...В посёлке Немчиновка, Кунцевского р-на, МО (Московской области. – Прим. ред.), идейно оформилась секта евангелистов... Названная секта в доме БАБКИНЫХ систематически устраивала сборища... Кроме того участники данной секты поддерживали организационную связь с сектантскими общинами, существовавшими в Москве и в г. Можайске, проповедовали среди населения сектантские идеи...»
(л. д. 95–98, 103–113, 156, 160–167, 170–178, 187)».

Если расшифровать сухие канцелярские штампы обвинительного документа, то выяснится, что «вина» этих людей заключалась лишь в том, что они, подобно нам, современным христианам, собирались на богослужения, читали Слово Божье, молились и радостно свидетельствовали другим о дивном Спасителе. Что сказать на это? Такое обвинение не позор. Ещё первых последователей Христа Апостол Пётр убеждал: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за

[1] Во всех приводимых выдержках из архивных документов их стиль и орфография сохранены.

такую участь» (1 Петр. 4, 15–16). «Вина» девяти верующих явилась перед этим миром воистину славой Христовой.

Величие и мощь крестного подвига Спасителя с особой силой высвечивает и ещё одно обстоятельство: все эти люди посещали собрание сравнительно недолгие годы и фактически в основе своей были людьми новообращёнными. Им не довелось посещать специальные детские собрания, не знали они и что такое христианские молодёжные общения, сыгровки или спевки. А ещё они не могли с удовлетворением отметить: «Мой дед и мой отец были служителями церкви», так как не были потомственными верующими ЕХБ. Более того. Они приходили к Богу в очень бедственное, буревое время. Посмотрите внимательно на этот список арестованных в тот осенний день сентября 37-го года, и вы убедитесь в этом. (Анкетные данные приводятся в сокращённом виде.)

1.	*Бабкина Александра Степановна*	*37 лет*	*верующая с 29 г.*	*одинокая*
2.	*Бабкина Лидия Степановна*	*42 года*	*верующая с 29 г.*	*одинокая*
3.	*Бабкин Всеволод Степанович*	*23 года*	*?*	*холост*
4.	*Гирчук Агафон Евстратьевич*	*52 года*	*верующий с 25 г.*	*12 детей*
5.	*Балякин Карп Фёдорович*	*34 года*	*верующий с 27 г.*	*имеет жену*
6.	*Балякина Евдокия Алексеевна*	*38 лет*	*верующая с 30 г.*	*имеет мужа*
7.	*Худяков Иван Алексеевич*	*52 года*	*верующий с 16 г.*	*2 сына (12 и 11 лет)*
8.	*Блинова Екатерина Александр-на*	*44 года*	*верующая с 26 г.*	*7 детей, муж пьяница*
9.	*Клочкова Александра Андреевна*	*49 лет*	*верующая с 25 г.*	*5 детей, муж умер в 34 г.*

Нетрудно заметить, что на тропу истинного исповедания Бога эти люди стали в основном в 1925–1929-х годах. К тому времени, как известно, кончились послабления для верующих, которые длились всего несколько лет и продержались лишь на рубеже начала 20-х годов. Уже в 1925–1927-х годах и в последующие годы открытое давление на всякую религиозную деятельность проявилось со всей очевидностью. А 1929 год и вовсе узаконил это давление: вышедшее в свет законодательство о религиозных культах положило начало десятилетним жестоким репрессиям против верующих. Однако волны преследований не погасили пламя Христовой вести.

Глядя даже на этот небольшой список наших арестованных единоверцев, хочется сказать словами Юбилейного послания по случаю 20-летия нашего братства СЦ ЕХБ: «Жизнь пробивалась, как росток сквозь асфальт, крепла, стеснённая бетоном и камнем...»

Обращение к Богу этих дорогих наших братьев и сестёр по вере было удивительно крепким, прочным и искренним. Скупые строки их допросов, составленные людьми неверующими, зачастую глумливыми по отношению к Богу, – бессильны скрыть красоту и силу Божьего Слова, посеянного и взошедшего на доброй почве их сердца. Взгляните, как изумительно просты, открыты и бесхитростны их свидетельские показания!

Показания обвиняемого: Балякиной Евдокии.

Вопрос: *С какого времени вы состоите членом секты Евангелистов?*

Ответ: *Состою с 1930 года, вступила в члены в Реформаторской церкви в Москве в общине бабтистов-Евангелистов. Там я крестилась в 1930 г. (подпись)*

Вопрос: *В силу каких убеждений или под чьим влиянием вы вступили в секту?*

Ответ: *С Евангелистами-бабтистами я была знакома ещё у себя на родине в 1928–1929 г., а когда приехала в Москву, я в журнале «Христианин» прочитала адреса общин бабтистов-Евангелистов и пошла по одному из таких адресов на Екиманской улице, где я бывала раза 2, а потом эта община закрылась. Потом я стала ходить в Реформаторскую общину. Посещая собрания общины я в учении бабтистов-евангелистов нашла хорошее и стала верующей. (подпись)*

Показания обвиняемого: Бабкиной Александры

Вопрос: *С какого времени вы состоите членом секты «Евангелистов»?*

Ответ: *В секте «Евангелистов» я состою с осени 1929 года, или 1928 года. (подпись)*

Вопрос: *В силу каких убеждений или под чьим влиянием вы вступили в секту?*

Ответ: *Я первый раз пришла на их собрание, которое состоялось в Реформаторской церкви в Москве в 1929 г. осенью, а число я точно не помню, мне их служение понравилось, я стала посещать и дальше и в служении я нашла удовлетворение и являюсь убеждённой верующей. (подпись)*

<u>Вопрос</u>:	*Какую роль вы выполняли в секте?*
<u>Ответ</u>:	*Я рядовой член организации «Бабтистов». По своей воле объявляла всем желающим гражданам о предполагаемых собраниях...*

Показания обвиняемого: Гирчук Агафона

<u>Вопрос</u>:	*С какого времени вы состоите членом секты «Евангелистов»?*
<u>Ответ</u>:	*Я состою членом секты с 1925 года.*
<u>Вопрос</u>:	*В силу каких убеждений или под чьим влиянием вступили в секту?*
<u>Ответ</u>:	*В лице сектантов я видел самых добрых и справедливых людей, часто посещал сектантские молитвенные собрания, после чего я решился быть в числе справедливых людей и записался членом секты «евангелистов»...*
<u>Вопрос</u>:	*Следствием установлено, что вы под предлогом своих религиозных убеждений вели а/с и антиколхозную деятельность, дайте по вопросу показание.*
<u>Ответ</u>:	*Я это отрицаю, бабтисты никогда против власти не идут, там исключительно честные люди. (подпись)*
<u>Вопрос</u>:	*Следствию известно, что вы вербовали в свою общину молодежь и женщин, дайте по этому вопросу показания.*
<u>Ответ</u>:	*Я сам лично никого не вербовал и со стороны других бабтистов тоже не слышал. Когда мне задавали вопросы почему я не курю и не пью, я объяснял, что бабтисты очень честные люди, они никогда не курят, не выпивают, там исключительно справедливые люди. Больше ничего показать не могу.*

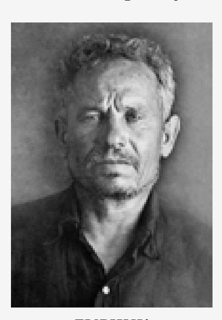
Показания обвиняемого: Худякова Ивана

<u>Вопрос</u>:	*В силу каких убеждений или под чьим влиянием вы вступили в секту?*
<u>Ответ</u>:	*В 1916 году мне один мой знакомый порекомендовал посещать собрания бабтистов, указал место, где бывают собрания, я стал посещать собрания и впоследствии нашел успокоение в учении бабтистов.*

Небеспотомственный удел

...Род правых благословится. Пс. 111, 2

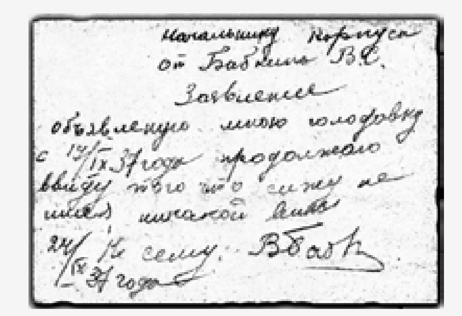
Итак, 9 человек лишили свободы в один и тот же день. И сделали это не для того, чтобы их просто устрашить и через время отпустить на волю. Нет! Им давали сроки. Длительные сроки: 8 лет, 10 лет. И высшую меру наказания (ВМН). Приговор к смертной казни был зачитан тройкой и приведён в исполнение в отношении двух из них: Всеволода БАБКИНА и Агафона ГИРЧУКА. Контраст этого отбора не может не броситься в глаза. Первый – был самый молодой из всех. Ему недавно исполнилось 23 года. Второй – один из самых пожилых: за его плечами более чем пять десятков лет. И если первый был предан смерти, ещё не родив и одной жизни (Всеволод не был женат), то другой – был отцом самого многодетного семейства. Он имел 12 детей, и меньшему из них 2 месяца от роду.

ГИРЧУК
Агафон Евстратьевич
1885-1937

БАБКИН
Всеволод Степанович
1914-1937

Начальнику Корпуса
от Бабкина В.С.
Заявление
объявленную мною голодовку
с 17/IX 37 года продолжаю
ввиду того что силу не
имея никакой вины
24/IX 37 года. К сему. В. Бабкин

На фотографиях лица дорогих наших братьев по святой Крови Иисуса Христа.

Скорбный взгляд Агафона Евстратьевича полон невыразимой тревоги и мучительного горя. Он раскалывает сердце, и невозможно удержаться от слёз. Это взгляд отца, грубой рукой отсечённого от 12 детей, бо̀льшая часть которых – малолетние. Они как бы выстроились в ряд и стоят здесь, перед ним, но – дотянуться нельзя. Не дают. «Боже мой! Боже мой! Любимых детей и одинокую подругу в нужде и в горе не покинь!»

А волевое выразительное лицо молодого брата одухотворено мужественным, твёрдым взгля-

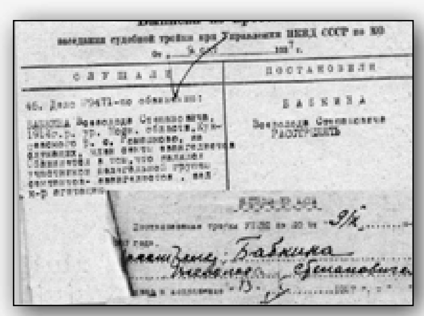
дом: он совершенно не виновен перед арестовавшими его! Оказавшись в тюрьме, Всеволод отказался от пищи и в заявлении указал:

«...ввиду того, что сижу не имея никакой вины».

Десять дней в разные инстанции отсылались депеши помощника начальника тюрьмы №1 г. Москвы:

«з/к БАБКИН Всеволод Степанович голодовку продолжает».

А потом было заседание судебной тройки, постановление о расстреле и короткая выписка из акта:

заседания судебной тройки при Управлении НКВД СССР по МО

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
	БАБКИНА

Выписка из протокола

заседания судебной тройки при Управлении НКВД СССР по МО

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ

«Постановление тройки УНКВД по МО от 9/X м-ца 1937 года расстрелять Бабкина Всеволода Степановича приведено в исполнение "13" X 1937 г.»

И возникает скорее не вопрос, а неоспоримое утверждение: не потому ли этих несгибаемых воинов Христа лишали жизни, что видели могучую Божью силу, ярко проявляемую через них. Однако князь века сего жестоко ошибается, считая смерть святых – своей победой.

Бессмысленны его обольстительные устремления через физическое уничтожение истинных носителей Христова света навсегда окутать землю кромешным мраком. «...Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет её» – просто и доступно объяснял Христос народу и Своим ученикам бессмертную истину (Марк. 8, 35). Есть ещё кем-то произнесённое мудрое изречение: «Кровь праведников – семя христианства». Это сильная фраза. В наши дни она стала афористической.

Но как бы часто мы её ни произносили, она никогда не станет бесцветной, малозначащей или ненужной. В ней – жизнь, доказанная двухтысячелетней историей христианства! Во все века до

дня пришествия Господа славы святая жизнь подвижников веры – не беспотомственный удел!

Вероломный враг

Злые же люди... будут преуспевать во зле... Но они немного успеют... 2 Тим. 3: 9, 13

«Арестовать в одном посёлке сразу девять человек?! Наверно, местная церковь была многочисленной...» – анализирующая мысль прочно занимает первое место, когда взгляд скользит по перечню фамилий обвинительного заключения. Однако неведение длится недолго. В некотором замешательстве приходится признать своё заблуждение. Оказывается, группа любящих Бога в Немчиновке была далеко не многочисленной. Из года в год агентурные сообщения неизменно приводили очень небольшие цифры:

> *«В доме БАБКИНЫХ проводилось молитвенное собрание с участием 7 человек...»*
>
> *«...проводилось молитвенное собрание, присутствовало 9 человек...»*
>
> *«4 мая в квартире ГЕРЧУКА состоялось собрание, на котором присутствовало 6 человек».*
>
> *«30 мая молитвенное собрание состоялось в доме БАБКИНЫХ и проводил собрание ГЕРЧУК, на котором присутствовало 8 человек...»*
>
> *«...устройство духовных бесед в доме Бабкиных практиковалось с присутствием от 3 до 12 человек, в зависимости от характера и важности, например, когда приезжали проповедники, то Бабкины старались оповещать всех свободных членов».*

Да, это была действительно небольшая, но духовно живая группа верующих. Пламя их любви к Богу вырывалось из сердечных глубин и, высоко взметаясь, трепетными полосами озаряло чёрную землю. Его нельзя было не заметить. И ложились на стол очередные агентурные донесения:

> *«...в доме БАБКИНЫХ были БАЛЯКИНА Е. А. с мужем... и наш с/о «Щ». Вели беседу в духе расширения своей сектантской деятельности. БАБКИНЫ на днях предполагают устроить обширное молитвенное собрание с преломлением хлеба...»*

Здесь позвольте отвлечься и обратить внимание на это короткое, почти незаметное, но почему-то сразу сердцем отвергаемое

сочетание: «наш с/о "Щ"». Что это? Вернее, кто это? И приоткрывается завеса ещё одной глубинной тайны, совершенно не понятной этому миру и, безусловно, непостижимой для него: «Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно...» (Ис. 54, 17)! Так обещал Господь любящим Его. «С/о» – это специальный осведомитель.

В Немчиновскую группу верующих их внедрили сразу троих (!): сначала с/о «Щ» (иногда он подписывал свои донесения как «Щавелюк»), затем с/о «Ч» (в других случаях он упоминался как «Чернигов») и в конце существования группы – с/о «Монтер». На 12 верующих 3 предателя, которые исправно исполняли свою неприглядную службу и не в замочную скважину подглядывали, не в приоткрытую щель изучали присутствующих на богослужениях. Они приходили в церковь как ищущие Бога, каялись, молились, кивали в знак согласия на прочитанное из Библии, ревностно посещали все молитвенные собрания. Им казалось, что они делают доброе, особой государственной важности дело. А может быть, просто спасали свою жизнь или же по неопытности попали в липкую паутину и уже до могилы не смогли вырваться из её смертельных пут. Бог им судья!

Начало этому мерзкому делу положил ещё Иуда, и оно не умерло до последних дней. Наше гонимое братство не знало и дня без их тайной работы. Специальные осведомители были, есть и будут и в крупных общинах, и в малочисленных группах верующих, стремясь проникнуть во все отрасли служения. А какой итог? Для них (без покаяния) – мука вечная. Для святых, для Церкви Христовой – «врата ада не одолеют её»!

Оглянитесь вокруг! Где эти, тайные и явные, противники истинного пути Христа? Кто-то из них пал костьми в пустыне, как некогда вышедшие из Египта израильтяне (Евр. 3, 17). Кто-то ещё ждёт своей печальной участи. А стан Божьего народа, чудным образом охраняемый Его святой десницей, как шёл, так и идёт по узкой и тернистой, но сверкающей в Его лучах серебристой лентой тропе. Она проторена странниками многих веков. А главное, её проложил для нас дивный Пастырь – Господь Иисус Христос! Его обещание: «...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Матф. 16, 18) – сильно́ до скончания века! Были бы мы только верны.

Огонь в ночи

Никто, зажегши свечу, не ставит её в сокровенном месте...
но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет. Лук. 11, 33

Чем же особенным отличалась от других христиан горстка верных исповедников Евангелия, живущая в небольшом подмосковном посёлке Немчиновка? Какими делами она приковала к себе зоркое внимание сильных мира сего? Что нашли борцы с религией предосудительного в поступках этих честных, трудолюбивых, ни в чём не запятнавших себя перед земным отечеством граждан? Отчего так непомерно жестоко расправились с ними?

Ответ лежит на поверхности, и, чтобы получить его, давайте ещё раз неспешно полистаем пожелтевшие страницы и взволнованным сердцем ощутим буйное веяние ветра гонений первой трети смутного прошлого века.

Уже говорилось, что девять верующих из Немчиновки, арестованные в один день – 5 сентября 1937 года, обратились к Богу в нелёгкие 25–30-е годы. Трудность тех дней состояла из множества факторов. Затронем же сейчас только одно печальное явление: уже в те годы, ещё задолго до пика гонений 1937 года, одна за другой под давлением внешних закрывались общины как баптистского, так и евангельского союзов. Об этом можно судить хотя бы по отрывочным сведениям из протоколов допросов вышеупомянутых верующих.

Показания обвиняемого: Бабкиной Александры Степановны
9 сентября 1937 г.

...Примерно в 1927 году я несколько раз посещала собрания бабтистов-Евангелистов около Тишинского рынка, точного адреса не помню, эта община давно уже распалась. Года примерно 3 тому назад я посещала общину бабтистов-Евангелистов за Семёновской Заставой, которая находилась в церкви, точного адреса ее я не помню. Она сейчас распалась. (подпись)

Показания обвиняемого: Балякиной Евдокии
10 сентября 1937 г.

...я в журнале "Христианин" прочитала адреса общин бабтистов-Евангелистов и пошла по одному из таких адресов на Екиманской улице, где бывала раза 2, а потом эта община закрылась.

Показания обвиняемого: Худяков Иван Алексеевич
Сентября 16 дня 1937 г.

Первое время посещал на Покровке дом богомолов, где был руководителем Павлов... После ареста нашего дома богомольных (закрытия) я перешел с 1926 года в реформистскую евангелистскую секту и ходил на Воронцево поле... Руководителем там до сих пор были Орлов, Андреев и 3-й фамилию не знаю.

Вопрос: Дайте показание о соединении баптистов с евангелистами?

Ответ: Да, после закрытия баптистских богомолен многие баптисты вступили в евангелисты в том числе и я часто посещал молитв. дом...

Нужно сказать, что вопрос беспощадного пресса атеизма медленно, но уверенно сдавившего в своё время всякую религиозную жизнь, сам по себе не только волнителен и поучителен, но и обширен и, конечно, заслуживает отдельного разговора. Здесь мы его едва коснулись и сделали это лишь для того, чтобы на фоне той мрачной действительности ярче высветить влекущий огонь первой любви милых нашему сердцу братьев и сестёр малоизвестного местечка под Москвой. Как точно исполняли они сказанное Иисусом Христом: «И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Матф. 5, 15)! Как неутомимо шли «по дорогам и изгородям» и убеждали грешников прийти к Богу! При этом они не забывали и страннопримства: труженики Христовы всегда находили в их домах тёплый приём и уют. Они были также отзывчивы и щедры в пожертвованиях на нужды гонимых.

СВЕДЕНИЯ НА № 86 *Лист 76*

Бабкин является организатором евангелистской секты, давая свой дом под молельню. До 1930–31 гг. моление происходило регулярно, в настоящее время моления бывают редко. На эти моления приезжали и приезжают молящиеся из Москвы...

Молитвы и беседы затягивались до поздней ночи, кончались пением религиозных песен и т. п.

8 февраля 1932 г.

ДОНЕСЕНИЕ *Лист 6. Подлинник*

От "24" числа Августа месяца 1933 года

В пос. Немчиновка по Советскому проспекту в д. № 26 проживает сектант ХОДЯКОВ Иван Алексеевич (...) Иногда Ходякова посещает председатель союза баптистов ОДИНЦОВ Николай Васильевич.

ХОДЯКОВ в 1929 г. купил в Немчиновке собственную дачу, а в Москве имеет кустарную чугунно-сварочную мастерскую (...)

ОТМЕТКА:

Резолюция: "Взять на... и установить за ним наблюдение", подпись.

Лист 17

.../X-34 г.

«По агразработке) "Реформисты" получены следующие данные: КЛОЧКОВА Ал-дра Ивановна, дочь б. крупного лесопромышленника, активная сектантка, открыто ходит по с. Давыдково и агитирует женщин за вступление в секту, например: съагитировала БЛИНОВУ Анну Ефимовну...»*

** агразработка – агентурная разработка*

Лист 19

«30. 09. 34 г. наш с/о "Щавелюк" посетил БЛИНОВУ (Екатерину Александровну. – Прим. ред.), которая ему рассказала, что у ней в Давыдкове хороший успех с агитацией за "евангельскую истину", много есть последователей и она намерена в ближайшее время устраивать сборища у себя в доме "братьев" и приглашает из Москвы проповедников.

Агразработку продолжаем».

Лист 24

«По агразработке "Пашковцы" вновь добыты данные о том, что фигурант ХОДЯКОВ И. А. занимается сбором пожертвований для жены сосланного б. пред. союза баптистов Одинцова, в тоже время сам пожертвовал 60 р.»

Лист 27

«30. 11. 34 г.

После этой беседы БАБКИНА пригласила с/о "Ч" побывать у них 14.11. так как у них в это время будет многолюдная беседа и будет один из старших братьев.

Агразработку продолжаем».

Лист 40–41

«17. 03. 35 г. фигурант а/разработки ХОДЯКОВ И. А. встретив нашего с/о "Щ" с недовольством, рассказывая ему об аресте КОЛЕСНИКОВА Ивана Васильевича, говорил:

"Скоро ли Бог покарает противников евангельской истины, которые разгромили всех поборников Слова Божья. Арестован последний работник союза КОЛЕСНИКОВ И. В. а братьям ГУЛЯЕВУ и ЯКОВЛЕВУ предложено уехать из Москвы".

После этого ХОДЯКОВ предложил организовать сбор пожертвований среди братьев высланным проповедникам».

Лист 42–43

«В дополнение к аг. разработке "Пашковцы", с/о "Щавелюк" сообщает, что 29.V, с.г. (1935 – Прим. ред.) будучи в доме БАБКИНА, где во время беседы БАБКИНА говорила:

"На святых будет гонение, власть будет в руках антихриста, а потом она будет передана святым".

Касаясь ареста КАРЕВА (из Моск. общины), она говорила:

"Дьявол вверг в темницу брата КАРЕВА, поэтому детям Божьим нужно молиться [...]

После беседы было решено организовать материальную помощь».

Лист 32–37

«18. 01. 35 г. БАБКИНЫ Лида и Александра посетили в пос. Давыдково – БЛИНОВУ и вели продолжительную беседу о том, что сектантская деятельность прекращается, что видные сектантские деятели из Москвы не посещают и отдельные верующие видя это, начинают отходить от сектантства. В конце беседы они договорились оживить деятельность на местах».

Да, верующих того времени окружал несытый в алчной злобе мир. Нередко можно было видеть охладевших в вере, ослабевших на пути, потерявших первую любовь к Богу, духовно больных, истерзанных грехом, изгнанных врагом, отставших от стада... Сколько их, несчастных мученических жертв, заглатывало в ненасытную утробу бездонное море горя и страданий! Небо почернело и треснуло от грубых раскатов грома. А в темноте, над головой, неумолчным хрустальным звоном звучали слова Святого Божьего Сына: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы ПОСЛУЖИТЬ...» (Матф. 20, 28).

Неутомимые труженики Евангелия по примеру своего Учителя также спешили усердно служить людям и показали ревность ко Христу с особенным дерзновением. Агенты торопились об этом доложить, и эта информация потрясает.

Лист 52

АГЕНТ ДОНЕСЕНИЕ

9 июня 1936 года.

«Немчиновская группа сектантов является опорным пунктом для Московской общины евангельских христиан, а поэтому туда начинают наезжать проповедники из Москвы, как-то ОРЛОВ и в дальнейшем там намереваются сделать нелегальный (расширенный) молитвенный дом» подпись

Лист 76

1. 07. 36 г.

«...руководитель "Евангельских христиан" Московской общины ОРЛОВ говорил, что Немчиновская община, самая крупная и уцелевшая община в МО, в которой фактически имеется 17 членов и по мнению Совета, с утверждением конституции, они намерены в доме Бабкиных открыть официальный молитвенный дом.»

«Резолюция: "Принял 3/XII Гликштерн" *Лист 75. Рукопись*

По Немчиновке.

в последнюю десятидневку среди сектантства ведутся бодро оживительные разговоры, о том, что новая конституция дает широкие права развертывать религиозную деятельность. И свободные религиозные собрания. Из слов проповедника Шлыкова 29/XI и Худякова, они согласились вдвоем совместно двигать дело Божье вперед и вперед...

3/XII 36»

Мог ли враг душ человеческих не воздвигнуть гонений на тех, кто «согласился двигать дело Божье вперёд и вперёд»?! Искони совратившийся горделивец, он – от века лютый враг всего чистого и святого. Чёрный завистник. Злобный клеветник. Это о нем предвозвестил Господь через Своих верных рабов: «Вот, диавол будет ввергать... вас в темницу...» (Откр. 2, 10). Он не только ввергал. Отбирая имущество у Божьих праведников, этот человекоубийца от начала (Иоан. 8, 44) принуждал их скитаться без крова. Подвергал побоям и мучениям. Лишал возможности видеть день освобождения из темниц. Предавал

смерти молодых и старых. Небесный Отец попустил претерпеть эту участь тем, кого весь мир не был достоин (Евр. 11, 38)! Не обошла она стороной многих тех, кто всем сердцем стремился исполнить Божью волю, живя на этой прекрасно созданной, но горькой от греха земле. А на вопрос: «Почему так суров путь верных христиан?» – напомним высказывание много претерпевшего, твёрдого воина Христа, бескомпромиссного Божьего служителя И. В. Каргеля:

«Пусть бы раз и навсегда рассеялось заблуждение, что тот, кто служит Христу, должен быть счастлив и в этом мире. Это заблуждение вымышлено некогда сатаной. Он сказал Богу, будто бы дети Божьи служат Ему из выгоды (Иов. 1, 9–10). Никак нет, путь Церкви Христовой – это шествие, совершающееся под знаменем Христа, это шествие по пути Самого Агнца, обречённого на заклание. И этот путь Церкви – наш путь, ибо сказано: "Мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтоб и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей" (2 Кор. 4, 11)».

Огранённые алмазы

...Праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Матф. 13, 43

Как не воздать хвалу праведному Законодателю и Судье! Вера испытанных Его рабов оказалась «драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота» (1 Пётр. 1, 7)!

Их любовь к Искупителю прошла через искусные прикосновения резца и засверкала многоцветными лучами огранённого алмаза! Даже там, в холодных тюремных застенках, под затяжным злобным взглядом гонителей они проявляли, с одной стороны, христианскую кротость, а с другой – принципиальную верность Евангелию. Дух истины наставлял их на всякую истину (Иоан. 16, 13), и никакие окрики или угрозы не в силах были заставить их оговорить своих братьев и сестёр по вере, открыть перед чужими таинство веры (или, иными словами, тайну церкви), которое заповедано хранить в чистой совести (1 Тим. 3, 9).

Нет слов, чтобы выразить состояние духа при чтении, например, нижеприведённого диалога во время допроса БАБКИНОЙ Лидии Степановны 10 сентября 1937 г.:

Показания обвиняемого: Бабкиной Лидии

Вопрос:	*Кто проводил эти собрания и беседы, т. е. в последнее время?*
Ответ:	*Проводили собрания и беседы Орлов, Жидков – это официальные проповедники. Есть еще неофициальные, но назвать их фамилии я отказываюсь, т. к. это с моей стороны будет являться предательством, изменой своим братьям и сестрам.*
Вопрос:	*Кого вы знаете из братьев и сестер как в Москве, так и в других местах?*
Ответ:	*Этого я сказать не могу, т. е. отвечать не буду, т. к. это будет с моей стороны предательством и изменой.*
Вопрос:	*Следствием установлено, что у вас в доме проводились нелегально молитвенные беседы. Дайте показания кто их проводил и кто на них присутствовал?*
Ответ:	*...я показывать отказываюсь, т. к. не хочу чтобы из-за меня страдали другие верующие. Я также отказываюсь назвать фамилии тех кто проводил беседы.*

Подобной стойкостью и верностью может наделить Своих искупленных только Бог! Напоенные одним Духом, наученные одним Учителем, мы желаем всем читателям нашего журнала, кто любит соблюдать заповеданное Богом Слово, быть богатыми этими дра-

гоценными качествами во славу искупившего нас Господа и Спасителя Иисуса Христа!

Неотменимые беды

Претерпевший же до конца спасется. Матф. 24, 13

Минувший век оставил после себя безумные последствия: впервые в массовом сознании (не в единицах!) насаждалась богохульная идея: «Нет Бога!» Невиданной мощи и необъятных размеров маховик репрессий закрутился. По стране покатилась волна гонений, безжалостно погребая под собой всё, оказавшееся на пути. Гонения делили всё надвое, как делят чётное число: беззащитные малолетние дети оставались без родителей, немощные старики утрачивали детей, опору своей старости. Мужья лишались жён, и жёны – мужей. Это деление никто не намеревался восстанавливать. Все мольбы и прошения страдальцев сливались в один надрывный, мучительный стон и – оставались без ответа. Строки помещённых ниже слёзных жалоб и сегодня невозможно читать без внутреннего содрогания.

7 июля осиротевшие дети КЛОЧКОВОЙ Александры Андреевны обратились с ходатайственным письмом к депутату Верховного Совета от Кунцевского района Московской области Л. З. Мехлису.

«Просим разобрать наше заявление в нижеследующем:

4/IX 37 года Кунцевский отдел НКВД арестовал нашу мать Клочкову Александру Андреевну 52 лет, домохозяйка – инвалидка.

Отец наш умер в 1934 году и его хоронили как лучшего колхозника-ударника (...)

Мать также работала в колхозе, но по болезни ее освободили от работы (...)

Мы дети Клочковой А. А. совершенно не знаем за что арестована и осуждена наша мать.

Мы только знаем что она принадлежала к секте евангелистов. И мы ее дети ручаемся за ее поступки, т. к. она никуда не ходила и вообще непонятно чем может быть опасна старуха инвалидка 52 лет. Она сейчас находится Х.В.К. Амурская жел/дор. станция Тагтамыгда НКВД 1-ое отделение Красная заря 21 колонне (...)

Товарищ Лев Захарович Мехлис к вам обращаемся не только взрослые дети и двое малолетних детей, которые потеряли отца и теперь потеряли мать. Просим Вас принять меры и уведомить нас, т. к. мы обращаемся к Вам как наш. депутату.

7/VII-38 г.»

Нельзя сказать, что подобные жалобы в то время не рассматривались. Рассматривались, и не раз, повторяя в разных вариантах одну и ту же резолюцию: «ОСТАВИТЬ БЕЗ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ».

«3-го апреля 1939 года Следчастью УНКВД МО, в связи с поступившими заявлениями от дочери осужденной КЛОЧКОВОЙ А. А., с просьбой о пересмотре дела ее матери, дело КЛОЧКОВОЙ было пересмотрено и решение б. Тройки при УНКВД МО от 9 октября 1937 года по ее делу оставлено в силе. (л. д. 257–258).

29-го ноября 1939 года Прокуратурой МО в связи с поступившими заявлениями от осужденных и их родственников, архивно-следственное дело № 330485 было вторично пересмотрено и жалобы оставлены без удовлетворения. (л. д. 259–260)».

Посылали прошения о пересмотре дела своих детей и старики БАБКИНЫ. Их бездонное горе можно понять: в 1920 году они уже лишились своего 18-летнего сына. Об этом деле специальный осведомитель «Чернигов» так докладывал в одном из своих донесений:

«После этого БАБКИНЫ с/о "Ч" рассказали, "что их старшего сына призвали в армию, послали якобы работать на телеграф, но так как там работы не нашлось, его отправили в штаб писарем, в одно время их весь штаб арестовали и расстреляли, перед смертью он якобы прислал им только одно письмо (...)»

А теперь у них отняли сразу троих оставшихся детей, и среди них самого меньшего сына, опору ветхой старости Бабкина Всеволода 23 лет от роду. С волнующей надеждой обращались они к Берии по прошествии нескольких томительных лет, надеясь снискать милость и сострадание:

Лист 52 — *Народному Комиссару Внутренних Дел ССР*
от Инвалида труда – пенсионера Бабкина
Степана Артемьевича. Ст. Немчиновка Запад.
ж. д. 4-я Запрудная улица дом № 8.

ЖАЛОБА

Простите что беспокою Вас, Дорогой Лаврентий Павлович, прочитайте пожалуйста мои слова!

Читая газету «Правда» часто вижу судебные статьи о клеветниках, которых приговаривают к заключению на 5–10 лет, а оклеветованных восстанавливают в гражданских правах. Такие статьи приятны; но (...) по клевете мои дети, поименованные ниже арестованы в ночь на 5-е

сентября 1937 г. без объяснения причин и до сих пор не могу добиться справки: где они находятся и не знаю живы ли они?

Арестованы мои дети квалифицированные работники Бабкины: сын Всеволод Степанович (рожд. 1914 г.) дочери: Лидия Степан. (рожд. 1895 г.) и Александра Степан. (рожд.1900 г.) (...) все они были очень трудолюбивы и отличного поведения (...).

Прошу Вас, дорогой Лаврентий Павлович, сжальтесь надо мной – стариком 76 лет и моей женой – старухой 70 лет, вот уже четвертый год страдаем без детей, которые тоже страдают безвинно, они гораздо больше бы делали пользы для Государства на свободе чем в заключении.

Будем ждать Вашей милости, иначе мы старые люди умрем без детей (...)

Инвалид труда – пенсионер С. Бабкин 5/III 1941 г.-

Цинизм происходящего заключался в том, что в то время, когда престарелые отец и мать все ещё ожидали возвращения из неволи своих детей, их младшего сына Всеволода уже давно не было в живых: через месяц после ареста он был расстрелян и похоронен в братской могиле близ Москвы. (Сегодня это известное место: Бутовский полигон.) Об этом родителям никто не сказал ни слова.

Мы не знаем дождались ли Бабкины возвращения своих дочерей. Ведь возраст их был глубоко почтенный. Но смеем предположить, что если бы и дождались, то вместе жить им все равно не позволили бы, как поступили, например, с другой их сестрой по вере, БЛИНОВОЙ Екатериной:

В Московскую Областную Лист 192–194. Рукопись
Прокуратуру СССР

от Блиновой Екатерины Александ. Московской области Кунцевского р-на деревня Давыдково, Средняя улица, д. 30. *Сп 58 748 12/VIII.58*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу выше указную Прокуратуру разобрать мое заявление.

Я Блинова Екатерина Александровна, возраст мне 65 лет, урож. Московской обл. Кунцевского р-на, дер. Давыдково, Средняя улица, дом № 30. Я имела 6 челов. детей, все сыновья. А в 1931 году, когда был неурожай на Украине, то я в Москве подняла у булочной больного мальчика с запиской, что ему 3 года и звать Васей. И взяла его себе вылечила и стала его растить при всей своей нужде и многодетности. Я его вырастила и воспитала до 17 лет и своих 6-х. Муж у меня Константин Григорьевич Блинов был пьяница, развлечения и отрады в жизни не видела, а растила кучу детей и читала Евангелье. Вот в чем было мое

развлечение и отрада моей серой скудной жизни и живши с таким мужем тяжелое неся семейное бремя. И что же меня в последствии постигло. Пришел злосчастный 1937 год, и меня мать от 7 человек детей арестовали 5 сентября 1937 года, дети были большие и были маленькие. И мне тройка НКВД Московской области вынесла приговор тройки, я не видала, а мне зачитали 8 лет тюремного заключения за религиозное убеждение, вот в чем выразилася моя вина что я верила в Бога и читала Евангелье (...)

Я раньше не верила в приговор 8 лет, а просидела с 1937 года и до 5 сент. 1945 года., пришла домой и мне жить не разрешили и пришлось мне выехать в Смоленскую область гор. Гжатск, где и живу по настоящее время. Раньше я работала в колхозе Рабочей путь (...) ходила за овцами, имела большой приплод в своем стаде и не было падежа, а теперь я уже постарела и в колхозе не работаю и мне требуется уход, а у меня в Московской области есть домишко в Кунцеве и там проживают дети и я хочу жить с детьми (...) в чем прошу не отказать в моей просьбе что здоровья нет и силы ушли, а здесь в Смоленской области жить мне тяжело, дрова на себе носишь, огород копаешь руками, прошу реабилитировать и дать возможность жить на родине. Блинова 6 авг. 1958 г.

Лишь по прошествии двух десятков лет, в 1958 году, прокурор Московской области, направляя начальнику УКГБ при СМ СССР по МО генерал-майору М. П. СВЕТЛИЧНОМУ для дополнительной проверки архивно-следственное дело в отношении верующих пос. Немчиновка, писал:

«По данному делу арестовано и осуждено тройкой при УНКВД МО в 1937 г. 9 человек – гр-н Кунцевского района.

Все осужденные обвинены в принадлежности к группе "сектантов евангелистов" периодически собиравшейся на свои сборища для отправления моления (...)

Принадлежность осужденных к "секте-евангелистов" и их сборища по делу квалифицировано, как участие в "нелегальной к/р группе", что является неправильным (...)

И все это в целом дело оформлено с грубейшим нарушением социалистической законности.

Что послужило основанием к аресту осужденных неизвестно, в деле об этом ничего нет, арест осужденных Кузнецовым был произведен без санкции и ведома прокурора, оформлены после ареста осужденных, очных ставок арестованных со свидетелями не производилось (...)

При этих данных необходимо дополнительную проверку по делу произвести в отношении всех осужденных».

без санкции и ведома прокурора,показание свидетелей были оформле-
ны после ареста осужденных, очных ставок арестованных со свиде-

Неотвратимость бумеранга[1]

...Воздайте ему по делам его; как он поступал, так поступите и с ним... Иер. 50, 29

Закрывая многостраничное дело о невинно осуждённых в 1937 году верующих пос. Немчиновки, в безмолвии замираешь. Содержание его последних листов ошеломляет не менее первых: к высшей мере наказания был приговорён тот, кто предал смерти наших невиновных единоверцев. Составитель обвинительного заключения начальник Кунцевского РО УНКВД МО был сам арестован 3 октября 1938 года по обвинению в том, что «являлся участником контрреволюционного заговора и проводил вредительство в области оперативной работы органов НКВД» и был приговорён 26 февраля 1939 года к расстрелу. В тот же день приговор привели в исполнение.

Что сказать на это? Пожалуй, вышеописанный исторический факт, этот небольшой, практически никем не замеченный эпизод является в числе других ослепительным отражением слов Писания: «...смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым» (Пс. 90, 8). Хотя христианская история знает и другую участь тех, кто по роду службы выполняя распоряжение вышестоящих, имел дело с узниками за имя Христа. Когда темничному стражу велено было крепко стеречь Павла и Силу, он исполнил приказание с усердием. Однако чудо Божьего избавления закованных в колоду подвигло исполнительного стража на то, чтобы воскликнуть: «...Что мне делать, чтобы спастись?» И, взяв Павла и Силу, «...в тот час ночи, он омыл раны их, и немедленно крестился сам и все домашние его... и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога» (Д. Ап. 16: 30, 33–34).

Иной удел наследовали четыре четверицы воинов, стерегущих Апостола Петра. Не найдя в темнице избавленного Ангелом Апостола, царь Ирод «...судил стражей и велел казнить их» (Д. Ап. 12, 19). Да, пробил час и этим грешникам уже ничем нельзя было помочь: ни к покаянию призвать, ни молитву о них совершить. Строгий Божий суд совершился: «Скажите... беззаконнику горе: ибо будет ему возмездие за дела рук его» (Ис. 3, 10–11). Не порадуешься участи нераскаявшихся и непомилованных. Она страшна и на земле, и в вечности. А «стезя праведных – как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня» (Притч. 4, 18)!

* Бумеранг – изогнутая палка серповидной формы, при искусном броске возвращающаяся к метателю.

Омрачённая радость

В детстве я знал, что мой отец – верующий, баптист. Знал, что он не может быть плохим. Он добрый, радостный... Но есть какие-то тёмные силы, которые не выходят днём, только по ночам, и делают такие дела, о которых люди боятся друг другу вслух сказать: за что их забрали, кто забрал.

И бабаня (наша бабушка) мне постоянно напоминала, чтобы я ничего не говорил. А это было время, когда ёлку не позволяли ставить – «запрещено!» Буржуазные пережитки, считалось. Мы же поставили ёлку.

Сижу у окна. На улице снег искрится. Мелкие снежинки вяло кружатся за стеклом. Вижу, милиционер идёт. Прибегаю и осторожно так: «Бабаня, милиционер идёт!» Она к ёлке и – под кровать. Вдруг он к нам зайдёт?! Страх-то какой! Тогда ареста, или штрафа, или, в лучшем случае, скандала не миновать.

А милиционер прошёл мимо. Видимо, по каким-то своим другим делам здесь был. Я просто излишне «на посту» стоял.

Бабушка выволокла ёлку. Но какая она уже после этого!

Зимними вечерами мы всегда собирались, садились около печки и пели все гимны, которые знали. Когда пели, папу вспоминали, про узников пели, когда папа наш придёт.

Неожиданное возвращение

Конец ноября 1934 года. Наступала зима. С вечера сыпал снег, припорошил подледеневшую дорогу. Морозный воздух чётким эхом разносил по округе звуки, идущие со двора. Это Василий Иванович (наш хозяин дома в Коптевском переулке) снаряжал санки. На них он ставил кадку (деревянную посудину из досок, стянутую обручами), чтобы ехать за водой для скотины. Большое хозяйство доставляло немало хлопот и требовало постоянного ухода.

На Волоколамском шоссе, где на конечном круге троллейбус делал остановку, колонка была. Тут же вдоль шоссе тянулась трамвайная колея. Все маршруты здесь неминуемо замедляли ход, людей высаживали, сажали.

Стоял он, наполнял кадку водой.

Заскрежетал тормозами трамвай. Дядя Вася даже голову не повернул: снующие туда и обратно вагоны дело привычное.

А папа спрыгнул со ступеньки задней платформы на мостовую и сразу узнал Василия Ивановича. Подошёл:

– Может, помочь?

Тот даже не взглянул на него, как стоял, наклонившись к колонке, так и остался стоять, продолжал набирать воду. Только качнул головой, будто чем-то недовольный:

– Да не надо, сам обойдусь.

– Ну давай помогу!

– Да нет, сам справлюсь.

– Всё же, может, помочь?

Обернулся, взметнул из глубоких глазниц острый взгляд: почему это человек не уходит, помощь настойчиво предлагает? И –

– Ой, Костя! Это ты?!

И вместе уже домой идут, вода в кадке мерно колышется, а папа с ним бок о бок санки везёт.

Тут, конечно, радости было много, и так интересно, особенно нам, детям, что дядя Вася его не узнал! Ведь папа пришёл неожиданно, его никто не ждал, и он ничего сообщить о себе заранее не мог.

Зачёты за досрочно сданную электростанцию сократили его срок на 502 рабочих дня (год и четыре месяца). Но эту арифметику знала лишь администрация лагеря, заключённому много чего не положено знать. Тем более такую подробность, что вместо апреля 1936 года документ об освобождении ему вручат 22 ноября 1934 года.

Отсутствие за плечами колючей проволоки и грозных окриков надзирателей не говорило об открывшемся просторе. Лишённый возможности вернуться из уз к жене и детям в Москву, отец вынужден был скитаться с семьёй по разным местам, находя приют у богобоязненных христиан. В этом был промысел Божий. Многих узников Красноворотской церкви, которым по отбытии срока позволили остаться в Москве, вновь арестовали осенью 1937 года и расстреляли. В это время лютых гонений мы находились сначала в знойной Туркмении, потом на берегу Волги в Астрахани, а затем в Сальских степях – под кровом Всевышнего. Господь сохранил отца для духовного попечения о детях.

У Тебя исчислены мои скитания;
положи слезы мои в сосуд у Тебя, –
не в книге ли они Твоей?
Пс. 55, 9

Глава 4

БЕЗ ПРАВА НА ОСЕДЛОСТЬ

Егорьевск

Непредвиденное возвращение отца из лагеря не вернуло желанной свободной жизни. Закон запрещал жить в Москве отбывшим срок по 58 статье. Такому человеку полагалось селиться не ближе 101 километра от столицы. Братья советовали отправиться в Среднюю Азию, в Ашхабад. Но подняться с семьёй в такую долгую, неизведанную дорогу не было ни средств, ни сил. Бедствующую семью приютили верующие в Егорьевске, старинном русском городке по Рязанской железной дороге.

Мы приехали туда под вечер всей семьёй. Голодные, и есть нечего. Хозяйка предложила: «Сходите пока к соседям, может, они вам молока дадут, как раз вечернее сейчас, только что подоили коров. Они молоко вам продадут, а у нас картошка есть, и накормите детей».

Отправили к соседям Валю с Юрием: «Вот там живут Пяткины, к ним зайдите и возьмите».

Пошли послушно. Подошли к дому, а калитка заперта. Что делать? Ребята застенчивые, да и люди им незнакомые. Постояли-постояли и решились постучать.

– Кто там? – спустя время окликнул со двора громкий женский голос.

– Мы... – робеющий Юрий съёжился и от этого стал ещё меньше ростом. – Мы с Валей...

– Кто – мы? Вы чьи? Откуда?

– Я, Юра... и ещё Валя... нас послали за молоком... мама с папой...

Так начались для нас многолетние скитания, чужедальние, неизвестные пути.

В Егорьевске пробыли зиму и лето. Какое-то время там в школу ходили. Мама всегда давала на учёбу хлеб и 10 копеек. На эти деньги можно было яблок купить. Например, антоновку: крупную, жёлтую, сочную. Кусочек хлеба и яблоко, – нехитрый, но в какой-то мере достаточный завтрак и в школе, и дома.

По малолетству мы всё воспринимали легко. Всё так же беззаботно бегали, заливались живым, беспечальным смехом. Но уже тогда наш детский мир пронизала мрачная действительность: повсеместно религиозная жизнь неуклонно и по нарастающей сдавливалась беспощадной рукой «обновителей жизни». Мы окунулись в самую гущу бездолья, и к нашей большой радости стали обладателями очень сокровенной обязанности.

Дело в том, что у отца было много друзей. Стокилометровая удалённость от Москвы не стала для них преградой. В Егорьевск участили с посещениями друзья-хористы. Они читали Слово Божье, проводили духовные беседы, молились. Папа организовал хор. Начались спевки. Небольшая церковь воспрянула. Ожила её ревность по Боге и любовь к Нему.

Животворное пробуждение привлекло внимание господствующих и властвующих. Доносительство не дремало, и ложились на стол карательных органов очередные доносы.

Чтобы собрание не обнаружили, нас, старших из детей, посылали следить за обстановкой вокруг дома: если шёл кто-то подозрительный, мы подавали сигнал – петь нельзя. «Пузыри» были маленькие, от горшка два вершка, но уже ходили караулить. Доверяли нам как взрослым. Мы не подводили. Задание превращалось для нас в истинное наслаждение, наполняло довольством, светилось на лицах восторгом. Но мы никогда, никому ни слова не проронили о важном поручении.

Потом отца вызвали и приказали: «24 часа на выезд из города или будешь арестован».

Решали с братьями: что делать?

Интересно, но большинство верующих тех лет считали гонения на церковь временным явлением. «Не будет же зло продолжаться вечно?! – оценивали они обстановку так и этак. – Гонения скоро пройдут, наступят другие времена».

И советовали, чтобы отец нашёл пристанище где-нибудь в Средней Азии, там меньше преследовали за веру, и это обнадёживало избавить семью от очередного приговора на новые скитания.

Так и отправились туда двумя семьями: мы и неразлучный с папой Василий Елизарович Николаенко с детьми и женой (сестрой отца), жившие в Москве.

Недолгие сборы и – в долгий путь.

Новое путешествие не страшило: детство не способно на глубокомыслие и полный охват происходящего. Мы наперебой занимали места у окна в местном поезде до Москвы. В столице предстояло погостить у друзей, живших в Коптевском переулке, а затем отправиться в Ашхабад.

Я высунул голову в открытое окно. Щекотливый ветер охватывал подставленное лицо, заставлял жмуриться от его упругого прикосновения и от внутреннего веселья.

– Ай! – я громко вскрикнул и двумя руками схватился за голову.

Но было поздно. От непредвиденного резкого порыва панама белым голубем увлеклась к земле, а на обнажённой голове выпрямлялись освобождённые белобрысые волосы.

– Что же ты наделал, непоседа! Вот беда! – со вздохом повторяла мама. – Ведь в Среднюю Азию едем. Там и десять минут нельзя без головного убора, сразу солнечный удар схлопочешь.

Суетливая утренняя Москва стояла в привычном для себя сливающемся шуме. Отрывисто гудели автомобили, цокали копыта извозчичьих лошадей, заливисто позвани-

вали трамваи; и этот всеохватный гул, это цоканье и дребезжанье совсем не пугали. Мы ещё не успели отвыкнуть от Москвы.

Через некоторое время, в день отправления в далёкую Среднюю Азию мама с утра взяла меня с собой купить для моей бедовой головы новую панаму. Мы поехали в центр города. Поезд на Ашхабад отправлялся вечером.

Магазин был большой, возможно, ГУМ. Двери широкие, массивные, но открывались легко. Народу в нём много.

Как всё произошло, до сих пор не понимаю. То ли зеркальная дверь внутри огромного зала обманула меня (я не воспринял её как дверь, ведущую в другой зал), то ли толкотня людей сбила с толку, – но я потерял маму.

Мелькали чужие лица – озабоченные, спешащие, равнодушные, вялые, – но не было среди них доброго маминого лица. Кинулся туда, сюда, постоял немного – мамы нет. Как сквозь землю провалилась.

Не зная, что делать, я вышел на улицу. Прошёл в одну сторону, в другую – всё незнакомо. И мама не идёт.

За стеклом огромной витрины сверкало на солнце множество часов: маленьких, больших и средних, а между ними фигурки музыкантов: скрипача в парадном сюртуке и круглой шляпе, бойкого барабанщика, ухарского балалайщика. Я замер от изумления и не мог оторвать глаз от диковинной красоты. Это было схоже с тем, как я часами разглядывал игру света в хрустале на чердаке немчиновской дачи.

Сколько я простоял прикованным к стеклу, забыв обо всём, не знаю. По-видимому, долго.

Затем была ещё одна витрина, и ещё, и ещё. Я шёл и шёл мимо этих богатых, блестящих, огромных окон, зеркальных стёкол, отражающих белые рубашки, перстни, лица. От всего виденного счастливо замирая, я переходил от одного магазина к другому, Чудесные виды менялись, как картинки в калейдоскопе.

Наконец я устал и захотел есть. Но куда идти и где мама?

Тут я очнулся и до конца осознал, что̀ произошло. Меня

объял неописуемый страх. Немой ужас сжал сердце, сковал всякое движение мыслей. От бессилия я заплакал. Брёл, куда глаза глядят.

А мимо мчался шумящий город, широко раздаваясь то в одну улицу, то в другую. Люди шли, торопились, обгоняли, ничего не замечая, ни на что не обращая внимания. Никому не было дела до одинокого, еле волочившего ноги мальчишки, до его густых слёз, до внезапно свалившейся беды.

Солнце уже давно шагнуло на другой край неба и играло золотом в маковках уцелевших церквей. Я ничего не видел.

– Что случилось? Почему плачешь? – участливый голос старушки заставил меня поднять голову.

– Я маму потерял...

Так я оказался в милиции.

До вечера было уже недалеко.

А мама? Что она пережила – передать трудно. Как не поседела за этот день?! Рассказывала: такого унижения, такого оскорбления, такого высмеивания и ругани – никогда не испытывала!

– Вы нам сказки не рассказывайте: сын потерялся. Знаем мы вас! Наплодили и рады избавиться! Сознавайтесь, где бросили ребёнка, иначе будете отвечать по всей строгости закона, – издевательски кричали на неё в милиции, куда она в отчаянии пришла после долгих тщетных поисков.

Никто не хотел её слушать. Перед ней сидели облечённые властью жестокие, бессердечные люди с холодными пустыми глазами. Куда и к кому обратиться? Где искать управу на беззаконие, когда людей казнят пачками и никому нет дела до рядовых судеб?

Проходил час за часом, а ей безо всякого сочувствия, безо всякого стремления помочь, с криками и угрозами твердили одно: «Не отпирайтесь! Говорите правду, где оставили ребёнка! Не запирайтесь!»

Только когда сердобольная старушка привела меня в какое-то отделение милиции, дело прояснилось и мы встретились. Но отправление поезда неумолимо приближалось,

и времени у нас почти не осталось. Успеть бы! Помочь мог только Бог!

Задыхаясь, мы вбежали на перрон. Поезд вот-вот должен тронуться. Выпуская облака пара, паровоз стоял, готовый к выходу. Я старался не отстать, хотя ноги были ватные. И нельзя было остановиться, чтобы перевести дыхание.

Проводник укоризненно качал головой и помог подняться.

Только мы забрались в вагон – донёсся протяжный гудок. Толчки, скрип буферов, и вагоны медленно тронулись, словно нехотя расставаясь с городом, успевшим прийтись мне по нраву. За жизнь я ещё не раз возвращался сюда и в сочинении на тему "Мой любимый город" в школе Читинского лагеря – тепло напишу о Москве. Но тогда, любопытно глядя из окна вагона, я ничего не мог знать об этом.

А поезд прогромыхал на стрелках и неминуемо увлекал в даль, известную только одному всеведущему Богу.

Ашхабад (1935–1938)

1.

В раннем солнечном блеске, сияя ало-синим фиолетом, царственной походкой ходит павлин. Иногда расщедрится, распустит колесом радужный хвост. Горделиво вскинет голову, поведёт чёрными бусинами глаз, длинно закричит что-то своё – приветствует грядущий день.

Мы снимали комнату в одном из глинобитных домов, рядом с мечетью. Она стояла на одной из основных улиц, между большим красивым вокзалом и подступающими с юга горами. Это за её великолепной чугунной решёткой в тени роскошных кустов и деревьев важно расхаживали павлины. Не налюбуешься их раскрытым зелёно-сине-алым опахалом!

Строения в Азии непривычные для наших глаз, своеобразные. Снаружи сплошная глинобитная стена переходит в такой же сплошной забор – дувал. А во дворе комнаты этого дома объединены высокой длинной верандой – все двери и окна на неё выходят. Наш дом имел пять или шесть комнат. Одну из них мы занимали.

В наше скромное жилище долетали первые звуки пробуждающегося города. Уже утро. Такое же, как вчера и позавчера: солнечное, сияющее. Надо открыть глаза и идти в школу. Но как не хотелось подниматься!

В школу меня не тянуло. Не было никакого стремления учиться, чтобы затем занимать какую-нибудь высокую должность. Потому что хоть и детским умом, но понимал: если буду занимать хороший пост, значит, должен быть с теми людьми, которые ночью приезжают на «чёрном вороне». В этом у меня уже был опыт, когда арестовали отца и забирали в тюрьму родственников (по отцовской линии).

Поэтому, когда вызывали отца в школу, ему говорили:

– Константин Павлович, мы вас переводим в четвёртый класс! Вас, а не его. Мы знаем, что он неплохой и неглупый мальчик, когда-нибудь поймёт и будет учиться. Его нужно отправлять во второй класс, но ради симпатий к вам, у вас прекрасное семейство, – вас переводим.

Ашхабад, 1938 г. Слева — мои родители.
Справа — Лида (папина сестра) с мужем

Учителя были расположены к отцу. Он какое-то время в этой же 18-й школе, где мы учились, работал, при ней была маленькая электростанция.

В полдень жгучее солнце заливало город, глаз не поднимешь! Нигде не укрыться от палящих лучей. Даже небо истаивало под солнцем, бледным становилось, как выбеленная жесть. Я лениво тащился по жаркому тротуару. Он дышал зноем. Портфель становился неподъёмным, тянул вниз мою прозрачную фигуру, бил по лодыжке.

Солнце все силы плавило – никогда не мог из школы сразу дойти домой: спрячусь где-нибудь под тенью дерева, благо город не обделён был зеленью, лягу прямо на землю. Пройдёт час, другой, а может больше, пока спадёт зной. Мимо проходили редкие прохожие. Семенил по мостовой ослик, поцокивал копытцами. Птицы тоже укрывались в тени – летать жарко.

2.

Удивительный город Ашхабад! Прямые улицы раскрылись веером у подножья величественной гряды горных вершин Копетдага. Горы видны отовсюду, то утопающие в тумане, то сверкающие в лучах солнца (всё зависит от времени года). Раздолье детворе – арыки, наполненные прозрачной быстрой ледяной водой, стекающей с гор. Вода хоть как-то охлаждала калёный воздух и боролась со жгучим солнцем.

Каменные и из саманного кирпича (из смеси глины с соломой) домики с плоской крышей, по большей части одноэтажные, – окружены фруктовыми садами. Бойкие базары, фонтаны, поезда железной дороги, тенистые деревья и хоры музыки в парках – это там, где лишь несколько десятилетий назад паслись верблюды среди бурьянов пустыни.

Но всё это тускнеет перед открывшейся через многие годы действительностью. Оказывается, мечеть на одной из главных улиц Ашхабада с павлинами и живописным садом была вовсе не мечеть, а «Домом поклонения» новой мировой религии.

Когда-то в Немчиновке мне было невдомёк, что я ходил рядом с героями веры, которые дополнили сонм святых, перечисленных возвышенным слогом Апостола: «...иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу... терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин...» (Евр. 11, 35–38).

Так и в Ашхабаде мне было совершенно невдогад, что внушительный участок, окружённый четырьмя улицами, мимо которых я бегал бессчётно раз в день, принадлежал приверженцам нового учения с основной идеей объединения всех конфессий мира, претендуя на всемирное переустройство человеческой жизни, установление нового мирового порядка. Этот порядок предполагал устранение политических границ, создание мирового правительства, введение единого мирового языка (таким с 30-х годов прошлого века стал «эсперанто»).

Сформировалось это сообщество полтора века назад, в 1850–1890-е годы. Иран – его родина, Америка – колыбель его Административного Порядка, в Израиле находится его высший орган – Всемирный Дом Справедливости на горе Кармил. В России же оно нашло защиту от гонений и благосклонное принятие новых взглядов. Ещё в 1852 году она была единственной страной, правительство которой готово было предоставить убежище основателю новой веры.

В начале XX века многочисленные последователи стали строить в Ашхабаде (на территории тогдашней Российской империи) свой первый на планете храм. Из-за двух минаретов он был похож на мечеть. Его девять сторон и девять колонн оглавлял купол, символизирующий единство религий.

«Бог предопределил России такую роль, с которой ничто не может сравниться» – прорекали объявители нового учения. От России ожидали многого, но Небесный Отец совершил другое. Никто не ведал и не мог проникнуть в Его Божественные тайны, что именно здесь, на необозримых просторах нашей страны, где враг душ человече-

ских вознамерился исключить из сознания народа всякое упоминание о Боге и откуда был предпринят всемирный поход против живой веры во Христа Иисуса, Господь благоволил восставить Свой народ: в 1961 году прозвучал призыв вспомнить, откуда мы ниспали, и покаяться, вернуться к истокам первохристианства, стать независимой церковью, не подчинённой никаким внешним влияниям, церковью возрождённых христиан.

На любящих Христа набросились со злобой и яростью. Но почти тридцатилетние жестокие гонения на полувековом пути не сломили дух. И смолкла богоборческая стихия, рухнуло построение безбожного общества, мировой поход в лице атеизма был остановлен. Против Христовой истины ни одно орудие не будет успешно!

Благодарю Бога, что Он оказал мне милость расти в христианской семье, в среде искренних исповедников Спасителя, Который Своей пролитой Кровью, Голгофской смертью и славным воскресением возрождает к новой жизни всякого приходящего к Нему!

3.

Церковь баптистов в Ашхабаде была большая. Имела молитвенное помещение. И порядок в нём свой: слева и справа стояли скамейки, а посреди проход. С одной стороны сидели братья, с другой – сёстры.

В Ашхабад не раз приезжал Степанов Василий Прокопьевич. Вместе с ним ездила слепая учительница. До того как обратиться к Господу, она не раз гордо заявляла: «Я своей судьбой сама могу распоряжаться» – и неоднократно пыталась лишить себя жизни, но неудачно. Наконец решила прострелить себе висок: два глаза вытекли, а она жива осталась. Уверовала и приезжала к нам со Степановым. Имя её не удержалось в памяти, но помнится, как она подарила мне зубную щётку и ещё какие-то мелочи.

Родная сестра Василия Прокопьевича тоже приезжала вместе с ними. Она хорошо стихи декламировала и зау-

ченное на память Слово Божье, пела. Много христианских гимнов мы от них узнали. Степанов Василий Прокопьевич очень любил петь.

В Ашхабаде мы ходили с родителями на собрание. Мало что понимали в проповедях, но пение очень любили. Хор там тоже был, прекрасно исполнял гимны.

Однажды на крещение нас взяли. В арыке, в горах его проводили. Незабываемое впечатление осталось.

Степанов останавливался у тёти Лиды и дяди Васи Николаенко. У нас своего жилья не было, а они обеспеченнее жили и семью поменьше имели. Мы к ним ходили, общались. Быстро протекало время. Очень интересно было.

Василий Прокопьевич умел рассказывать. Конечно, почти ничего уже не вспомнить. Но вот манера проповедовать осталась в душе.

Когда сказали, что сейчас гость поделится Словом Божьим, ожидали, что он сейчас выйдет и встанет за кафедру. Вместо этого запели псалом:

Я жажду петь, любовью побеждённый,
Про жгучую в моей груди любовь
К Тебе, Иисус, я, сердцем удивлённый,
Что Ты стал мой, пролил святую Кровь.

Причём сёстры с одной стороны зала пели, он – с другой. Так интересно было, необычно как-то.

Поднялся Василий Прокопьевич со своего места, направился к кафедре и громко, во весь голос, на ходу рассказывал так, чтобы слышало всё собрание:

– И вот этот мальчик бежал по деревне, бросал шапку вверх и кричал: «Мой папка новый! Мой папка новый!»

А солнце едва только свежими лучами брызнуло, от зажжённых печей дым над крышами курился.

Бежал мальчишка и кричал что есть мочи. Люди подумали: видимо, нового отца им мать привела.

А дело было так...

Встал за кафедру и продолжил рассказ:

– Горький пьяница каждый раз избивал жену и двух де-

Ашхабад. Первый справа – пресвитер церкви. Третий от него – Василий Николаенко, папин зять. Вторая слева — Лида, его жена. 1937

тей. Очень издевался над ними. Ему каждую субботу платили деньги за работу, и он каждую субботу напивался так, что домашние не знали, куда от него спрятаться. Когда он приходил, жена убегала, а дети скрывались, кто где мог.

В какой-то день он шёл и увидел собрание верующих. Перешагнул порог – да так и остался с Господом. Возвращался домой, шёл и пел, что слышал на собрании. Жена всплеснула руками: «О! совсем с ума сошёл. Перепил так, что поёт». Все врассыпную, кто куда.

А он заходит и радостно зовёт: «Где вы там? – называет по имени жену, детей. – Выходите скорей, я теперь новый! Я вас не трону! Я вам гостинца принёс».

Выкладывает всё на стол. А они не выходят, боятся.

– Маняшка, Ванюшка, идите, вылезайте из-под кровати!

Они тайком выглядывают. Видят: на столе пряники и отец не буянит. Потихоньку вылезли. За ними и мать вышла.

Он всю ночь с ними беседовал, объяснял, что он теперь новый человек, что он с Господом и уже никогда не будет их обижать. Вот почему Ванюшка и кричал: «Мой папка новый! Мой папка новый!»

После рассказа Василий Прокопьевич открыл Библию и прочитал: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17). С этого и началась его проповедь. Её содержание утратилось, а вступление – врезалось глубоко. Все слушали с удовольствием.

4.

Внешнее благополучие общины оказалось обманчивым. Властители, вставшие на путь непримиримой борьбы с Богом, не знали покоя и не имели отдыха. В этом нет ничего удивительного: каиниты, хамиты, иеровоамы наполняли землю во все века. Добро и зло, правда и ложь, героизм и предательство всегда идут бок о бок. Бог попускает сему, и всё происходившее и происходящее есть, по сути, любвеобильное назидание свыше, адресованное помрачённому разуму человека.

После 18-й школы папу приняли электриком в какой-то ГРЭСстрой, точное название не помню. Вместе с ним бухгалтером там работал хороший верующий брат, член их церковного совета и проповедник, очень грамотный человек. У него росли дети, увеличивалась семья, и он задумал построить дом... Дом так дом. Дело житейское. Но узнали власти, дали команду по своим каналам, и стало разноситься по местам: не может быть, чтобы у него всё честно было, обязательно где-нибудь проявится незаконное приобретение и т. д. То есть, у них было желание склонить его к сотрудничеству как грамотного человека, чтобы внутри церкви он был предателем.

Наступил день, привезли этому брату какой-то строительный материал, а у него не оказалось наличных денег. Что де-

лать? Не мешкая, обратился к кассиру на своём предприятии:

– Выручи! Нужный материал привезли, а расплатиться нечем. Дай мне из кассы. Как только зарплату получу, сразу же верну.

Женщина решительно замотала головой:

– Ну как я могу одолжить? Как возьму деньги из кассы? А вдруг ревизия?

– Не беспокойся! Я тебе расписку дам.

И уговорил. Написал расписку, взял энную сумму и довольный поспешил домой.

На производство тут же нагрянула комиссия. Обнаружили недостаток. Его арестовали.

Сидел перед ним за столом следователь, смотрел на него суровым хищническим оком, каким голодный зверь пожирает появившуюся перед ним жертву.

– Вот вы какие верующие! В кассе деньги воруете... – злорадная улыбка растягивала губы и искажала недоброе лицо. – Опубликуем о тебе в газете и портрет поместим, будешь страдать не как верующий, а как расхититель государственного имущества. Все верующие будут знать, кто ты на самом деле...

Он, конечно, испугался. Этот честный, простой, порядочный человек, не чувствуя за собой никакой вины, хорошо знал о необоснованных арестах без учёта возраста, здоровья, прошлой и настоящей жизни человека. Знал, что и живым можно отсюда не выйти. Внутри всё оборвалось.

Сколько времени он пробыл там – неизвестно. Но, видимо, недостаточно было улик. Его отпустили с подпиской, что никуда из города не уедет.

Шли дни. Однажды под вечер к нему постучали. Незнакомый человек представился:

– Мне показали на тебя, что ты человек верующий. Я тоже брат, сидел в лагере и бежал оттуда.

– Как бежал?! Верующие не бегут из лагерей. Такого быть не может.

– Заключённые сняли охрану, разоружили её, все бежали

и нам приказали, а кто не соглашался, тех били и убивали. Я вынужден был тоже бежать. Скрывался вместе с местным туркменом... А сейчас случилось такое, что у меня ни паспорта нет, ни документов нет, и домой возвратиться не могу, там меня сразу опять арестуют... Что делать? Туркмен, с которым я бежал, говорит, что знает ходы через границу, через горы Копетдаг можно бежать в Иран (по горам граница проходит с Ираном).

– Как это за границу? Это же опасно... Да и не дело для нас, верующих, страну покидать. Ведь мы же на Бога уповаем, Ему свою жизнь вручаем.

Он смотрел на пришедшего тем взглядом, каким глядят на человека, который может в одночасье перевернуть всё в жизни.

– Не знаю, что тебе посоветовать.

Помолились и легли спать. Утром опять помолились, позавтракали, незнакомец стал уже уходить, да на пороге замешкался:

– У меня даже на хлеб нет ни копейки. Сейчас случись что, совсем пропаду. Дай мне хоть немного денег, сколько можешь...

Дал тридцатку. Тогда такая бумажка была – тридцать рублей. С тем он и ушёл.

Уже забываться стала эта история. Вдруг его арестовали вновь. На допросе он услышал совсем неожиданное. Следователь, исполнив предварительные формальности, внушительно напомнил: «Вот вы какие верующие, сначала деньги воруете в кассе... – и резко повысил тон: – А теперь вот с контрабандой связались, с диверсантами!»

Нелепое обвинение обескуражило. Бухгалтер понятия не имел, о чём речь:

– С какими диверсантами?! Где? Что? Ничего не знаю.

– Ты тут не прикидывайся. Ну-ка введите!

Ввели человека, того незнакомца, который назвался братом и у него ночевал.

– Ты его знаешь?

– Знаю.
– Ты тоже его знаешь?
– Знаю.
Навели справки:
– Он у тебя ночевал?
– Ночевал.
– Ты деньги ему давал?
– Давал.
– Уведите, достаточно.

Следователь в упор смотрел на сидящего перед ним:

– Этого человека мы разыскиваем! Он – опасный рецидивист! Это враг Советской власти! А ты его принимаешь, деньги даёшь и фактически способствуешь...

Много кричал в таком роде.

Приговор гласил – высшая мера наказания. Бухгалтер подал жалобу в Москву. Пришёл ответ: «Расстрел утвердить».

Ох, как доказывали тогда ретивость, показывали железную волю, что новая метла метёт без разбора, но чисто. Шли проторённой дорогой: убить и скрыть. По воле людей, которые провозгласили: мы строим рай на земле, делаем человечество счастливым. Для этого надо много уложить в могилу, очень много.

И – убивали. Большей частью ночью, а то и днём. Замученные на допросах попадали в подвалы. Целые армии ожидали неотвратимой судьбы. Там их морили, отнимали силы, скручивали в бараний рог. А из подвалов брали и убивали.

Невинного брата держали в камере смертников долго. Людей приводили, уводили, приводили, уводили, расстреливали, а его каждый раз оставляли. Загремят замки, сердце сожмётся: за мной!.. Оказывается, нет. В общем, глотнул смертного быта сполна.

Впоследствии делился: «Я молился и говорил: "Господи, я же ни в чём не виноват, я ни в чём не согрешил пред лицом Твоим... Почему же такие испытания постигли?"

При этом всё время готовился к переходу в вечность – надежды остаться в живых не было никакой».

Дни сменялись днями, ночи тянулись за ночами, наконец после длительного времени открылась камера, назвали его фамилию.

Вышел он, идёт по коридору и думает: как же будут расстреливать и где? Одни говорят, что расстреливают так, другие думают иначе. Кто-то утверждает, что ямы копают, кто-то доказывает – к стенке ставят, а кто-то считает, что могут прямо в коридоре расстрелять и сразу затащить куда-то и т. д. О том, что смертная камера может быть использована как элемент следствия, как психологический приём воздействия, никто и думать не мог, такое на ум не приходило.

Шёл он по коридору на расстрел весь настороженный, молился. А его завели в кабинет следователя и тот ему чуть не с порога:

– Я тебе должен сообщить приятную новость. Я понимал, что тебя осудили несправедливо и много ходатайствовал о тебе, перессорился со своими друзьями, много сил приложил. Теперь всё зависит от тебя: ты должен подписать вот эту бумажку. Я тебе дам координаты, об этом знать никто не будет и ты будешь сообщать нам... Нам не нужны ваши церковные дела, а вот если будут такие диверсанты, враги Советской власти...

Не выдержал бухгалтер:

– Я же не Иуда.

– Так Иуда предал своих, а это же диверсанты, это враги советского государства! Ты же советский человек, ты должен...

Он отказывался подписывать, а тот наседал:

– Подпишешь – и сразу можешь идти домой, а другой никакой возможности нет, чтоб тебе помочь. Тогда только смерть. А подпишешь – сразу возвратишься к семье.

Может, и в камеру смертников его бросили, чтобы обессилить, заставить заранее мучиться созданным страхом и таким образом принудить согласиться сотрудничать? Теперь уже никто точно не скажет так или не так было.

Известно только, что в итоге он подписал бумагу. Его освободили.

Пришёл домой неожиданно. Не знаю сколько детей у него было, но все, конечно, обрадовались, на шею кинулись. Жена ему шёпотом: «Сегодня братский совет. Собрались вот там-то и там-то».

Папа рассказывал потом, что в тот вечер они ничего необычного не ожидали, собрались по обыкновению с братьями. Вдруг он на пороге явился. Для всех это было большим удивлением. Посыпались вопросы: как? что? почему?

Он всё и рассказал. И про взятые взаймы деньги, и как его осудили, и как незнакомый «брат» ночевал, и как в камере смертников сидел, и как под давлением подпись поставил. Закончил рассказ и упавшим голосом спросил:

– Братья, что мне теперь делать? Посоветуйте.

Водрузилась тишина. Все молчали. Тут пресвитер решительно встал и взволнованно произнёс: «Ну, брат, дал подписку – теперь действуй. Теперь сообщай. Видишь, мы собрались у брата, вот и извести тех, которые этого требуют».

Сообщал он или нет, никто из верующих не знал. Однако начались аресты. Посадили одних братьев, других.

Подошёл он как-то к отцу и тихо так: «Костенька, твоя очередь... Завели дело на тебя и на Васю... – и будто спохватившись: – Не давайся им в руки. Ты способен ещё много сделать для Господа. Если можешь – уезжай».

Он очень уважал отца, любил его и предупредил.

5.

Вскоре почтальон принёс письмо из Астрахани. Писали верующие друзья: «Константин Павлович, приезжайте к нам. Здесь тебе квартиру уступают. Такая квартира – по твоей семье».

Защемило сердце: Астрахань! Родные места... Город юности... Там он женился, там первый ребёнок, дочь Валя, родилась.

Написал заявление, пришёл в контору, отдал начальнику.

Услышали братья и сёстры, пришли проститься, помолиться, предать в святые руки Господа всё предстоящее. Посидели, побеседовали, поговорили о том, во что были погружены с одинаковым радением и беспокойством, с озабоченностью об общем деле. Склонились на колени. Поднялись, а папа: «Сейчас на молитве я услышал, что указ какой-то вышел. Из наушников доносилось как будто сообщение Информбюро». Надел наушники, а по радио в это время передавали очередное распоряжение правительства.

– Вот так, друзья! Указ объявили: никого с работы не увольнять. Только по болезни, – и с убеждением добавил: – Если Господу угодно, чтобы я отправился, значит, всё состоится... Я заявление на увольнение подал. Если вчера начальник согласился и успел визу наложить, то я уезжаю. Если нет, значит, остаюсь здесь.

Приходит утром, интересуется: «Ну как моё заявление?» – «Подписал начальник, ты уволен».

– Вася, собирайся и ты. Приедем в Астрахань, сразу квартиру тебе подыщем.

Согласился. Так вдвоём с Василием Елизаровичем Николаенко они оказались в Астрахани.

Когда устроились, потом мы всей семьёй и тётя Лида с детьми поехали к ним. Мы жили на улице Кругловой, 63, а Василий Елизарович на Бакинской, 25.

Астрахань (1938–1940 годы)

Волга... Весь край здесь был родной,
места моих предков....

1.

В отличие от Ашхабада Астрахань запомнилась постоянным ощущением голода. В городе опустели магазины, а потом и вовсе ввели продовольственные карточки. Очень голодно стало жить, а на базар никакой зарплаты не хватило бы. Жизнь всё ожесточалась.

Зима. Ночь. Звёзды на небе мелкие, рассыпчатые. Мы, дети, стоим, пересчитываемся в очереди за хлебом. Нам бы

туда шубу да валенки, а на нас какое-нибудь пальтишко, ботиночки... Тридцатиградусный мороз. Сколько постоишь? Побегаешь-побегаешь, да если бы накормлен был, то ещё бегал бы, а голодному и двигаться неохота. Холодно. Тело дрожит мелкой дрожью. Зуб на зуб не попадает.

Очередь занимали ещё с вечера, хотя хлеб привозили к утру. Время длилось бесконечно долго. Особенно тягостно тянулась ночь к концу. Иногда кто-то тебя подменит, а иногда уйдёшь на полчаса погреться, задремлешь где-нибудь на промёрзших каменных плитах, прибежишь – всё! В очереди те, кто с большим терпением – старики, старушки, – только и наблюдали, чтобы люди чуть разошлись и очередь меньше стала. Спешили пересчитаться, им же нужно быстрей сократить очередь. И если был он, допустим, двухсотый, то после того как многие пошли погреться, он уже стал пятидесятый.

Приходим, а нам: «А-а, всё! Мы тут целую ночь мёрзли, а вы и не стояли: заняли очередь и греться ушли! Вычеркнули вас всех, и всё!»

Занимали очередь снова. Был, например, семидесятый, теперь тебя записали трёхсотым. Стой, жди.

Наконец тьма бледнела, появлялись очертания крыш, труб. Привезут хлеб, его давали на руки килограмм. Если вдвоём стояли, возьмём два килограмма. Что это для большой нашей семьи?! Такая жизнь была.

Астрахань – спокойный, самобытный город, разительный. В нём сочетается почти не сочетаемое: царство сонного безмолвия старинных особняков и стремительность новой жизни. Прорезанный несколькими реками, его недаром величают «волжской Венецией». Такова уж местная особенность: принимать воды великой Волги, дробить её на множество рек и речушек и уводить далеко-далеко, в Каспий.

Здания в центре всё больше двухэтажные, гармоничные. Улицы неширокие. Речки такие уютненькие, а через них небольшие деревянные мостики. У каждой улицы свой мостик. А так как множество речек пересекают множество

улиц – то и мостиков множество. Иногда изогнутых, как радуга, маленьких и нарядных, с перилами. Другие – пошире, годные для проезда машин, но всё равно какие-то миленькие и радушные.

Один из многочисленных рукавов Волги – река Кутум. Наш дом от неё – рукой подать. Через неё возведён Красный мост, самый старый в Астрахани, известный ещё с 1709 года. Раньше называли его Живым, потому что он был разводным. По нему везли на расстрел нашего дядю Василия Елизаровича Николаенко.

2.

– Ребята! Живо все сюда! Быстрей! Беритесь за руки и цепочкой за мной. Крепче держитесь! Не отпускайте руки! – умело командовала на берегу девочка лет четырнадцати.

А в это время я тонул в Кутуме, и никто из ребят, даже из моих родных – Юра, например, не поняли, что происходило.

Круговорот над ямой потащил меня ко дну, а плавать я не умел. К этому гибельному месту я сам незаметно подошёл. Просто потихоньку двигался всё глубже и вдруг – нет дна. Сразу потянуло вниз, но догадался оттолкнуться, вынырнул, схватил воздух – и опять вниз, на дно. Вновь оттолкнулся, вдохнул над водой раскрытым ртом, как рыба на берегу, и позвать на помощь не успел, – хотя бы глоток воздуха схватить! Моя голова то появлялась на миг, то скрывалась.

На берегу смотрели и смеялись. Считали, что забавляюсь, придумал новую игру. А мне ещё чуть-чуть и не хватило бы силы оттолкнуться с глубины. И всё это в жутком молчании, лишь расширенные глаза до краёв наполнял ужас. На ноготок от смерти был.

Однако Бог судил иначе. По моим испуганным глазам девочка поняла – беда! Приказала всем взяться за руки, вереницей повела навстречу и выхватила меня из воды. Господь благоволил продолжить мою жизнь.

Домой вернулся бледный, притихший и долго не мог забыть прикосновения смерти.

За долгий жизненный путь ещё не раз мне приходилось стоять у предельной черты, где смерть расставляла свои тенета, но, познав Господа, страх никогда не овладевал мной, никогда не мог заледенить душу. Смертью своей Христос лишил силы имеющего державу смерти, то есть диавола (Евр. 2, 14), и для водимых Духом Святым, живущих в согласии с Его волей, смерть не страх, а приобретение. Так утверждали великие Божьи мужи: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение (Фил. 1, 21).

3.

На 5-й пристани отец работал специалистом по энергетике. Как старшего нередко брал меня с собой. Брал ещё и потому, что мне никак не хватало сил расстаться с шалостями. Соседи плакали от меня: то кур их разгоню, то ещё что-нибудь подобное сотворю. Каждый день озорничал и каждый день порку получал.

Снимали мы тогда квартиру у старушки. По соседству жила девочка, сверстница. Лет двенадцати-тринадцати. Уродливо картавила: вместо буквы «л« произносила «г». Ну как не потешиться?! А она росла единственным ребёнком у матери, избалованная, ни с кем не дружила, не играла. Пожалуется, мать тут же к нам, бранила немилосердно: «От вас никакой жизни нет!»

В нашем доме коридор был раздельный: к соседям свой вход, к нам свой. А крыльцо общее. Вышел я как-то на крыльцо, и она вышла, эта девочка.

– Люсь, где мать-то?

Она в слёзы. Заподозрила, что спрашиваю лишь бы на смех её поднять.

– Пошга на пгот бегьё погоскать (пошла на плот бельё полоскать), – вместо неё мгновенно ответил и сам не понял, как смог так ладно всё придумать.

Она с визгом домой: «Мама! Он опять надо мной смеётся».

Прошло несколько лет. Валя в Астрахань приехала. Девочке той уже 20. Хозяйка, Анастасия Яковлевна, с удо-

вольствием делилась: «Радость-то какая! Вылечил тогда Геннадий Люсю. Ей просто легче и удобней было картаво разговаривать. Но с тех пор стала следить за собой и всё исправилось. А ведь у каких только логопедов ни лечилась, – никто помочь не мог».

В жизни иногда и баловство добром оборачивается.

Не оставлял меня Небесный Отец. И справедливости ради должен признать, что, проявляя неуёмное озорство, моя совесть всегда отягощалась сознанием вины. В ту пору во многих ещё не потеряно было чувство, что всякий проступок наказывается совестью. Признавался: «Папа, ты взыскал с Юрия и Бориса, а это я сделал».

Повинную голову меч не сечёт. Но меня ничто не избавляло от наказания. Бесед и вразумлений выслушивал много. Тем не менее, поучительные уроки бесследно не исчезали, бесценным богатством оседали в податливой душе.

Итак, отец отправлялся на работу со мной. Я брал удочки и ловил в Волге рыбу. Довольный и радостный, нёс улов домой: питанию подспорье! На обед отец брал с собой лишь немного хлеба и грамм 200 халвы. Теперь понимаю, как это мало для работающего человека!

Очень нравилось мне приходить с отцом на пристань! С Астрахани полюбил я водные просторы на всю жизнь – реку, озеро или море. Мимо нас по зеркальной глади лениво проплывали баржи, буксирные пароходы, лодки. От пришвартовавшегося парохода плескалась на отмели речная струя. Хорошо виднелись в воде у причала кишащие раки: клешнёй поводили, за отходами охотились – они для них лакомство.

Баржи, до краёв наполненные арбузами, дынями, близко подойти к пристани не могли, от тяжести на мель садились. Мы, дети, бежали на помощь, вмиг выстраивались цепочкой: первый почти по шею в воде, другой по пояс, третий по колено, четвёртый по щиколотку – и, перебрасывая друг другу, складывали горкой на берегу. Ловко, споро получалось. И сахаристый арбуз или сладчайшую дыню для себя

зарабатывали. Сядем, наедимся – много ли детворе нужно?

Но в общем достаток в семье был скуден. Мы жили в большой нужде.

4.

– Мама, что будем завтракать?

– У папы спросите.

– Папа, что будем кушать?

– Давайте, детки, помолимся...

Все сразу стихали, становились серьёзными. Хоть и мал мала меньше, но понимали, что родители попали в какое-то затруднение: нет хлеба, ничего из еды, в школу идти – взять что-нибудь поесть нечего.

Помолились. Встали с колен. В покойной тишине мерно тикали «ходики»: тик-так, тик-так. И все верили, что Господь пошлёт, обязательно пошлёт! Это светлое чувство память сохранила во всей свежести.

Юра заторопился:

– Пап, да я совсем не голодный. Я знаешь сколько могу не есть?.. Я даже и не хочу есть... – а глаза не просто горели радостью, в них светилась подлинная готовность.

Не быстро свечерел тот день. Нам он казался бесконечным. Никак не могли дождаться отца с работы. Он почему-то задерживался. Мы всё выскакивали на улицу, к трамвайному повороту, но безрезультатно.

А отец с пристани поспешил совсем в другую сторону от дома, к милым, добрым старичкам Богомоловым. Уж не раз приходил он к ним с насущной потребностью и всегда слышал: «Костя, когда надо, мы тебя выручим. Насовсем денег дать не можем, но в долг, когда будет уж совсем туго, приходи, дом всегда открыт...»

«Займу у них ещё. Другого выхода нет», – почти вслух произнёс и согнутым указательным пальцем дробно постучал.

Дверь оказалась заперта. Стук не произвёл действия. Ещё раз постучал, но опять никто не ответил. Он потоптался на месте и решил подождать где-нибудь невдалеке: идти домой

без денег немыслимо. Неторопливо прогулялся вперёд, назад по близлежащим улицам, бесцельно покрутился возле дома, зашёл ещё раз. Опять никого нет. Подобное проделал в третий, четвёртый раз. Заинтересовались соседи: «К Богомоловым? Да не знаем, где они, куда делись. Всегда были на месте. Никто из них никуда не уходил в это время...»

Как палящим вихрем, опалили душу жаркие мысли. По́том покрылось лицо. Укоры совести неумолкающим раскатом раздавались в сердце. Горькое сокрушение лилось неостановимо:

«Господи, да что же это я ломлюсь в закрытую дверь? Я же у Тебя просил помощи и твёрдо убеждён, что Ты позаботишься о нашей нужде. Почему же настойчиво стучусь туда, куда Ты явно показал, что не нужно стучаться! Третий или четвёртый раз подхожу к двери, и там никого нет... Как же мало проявляю веры и как много готов самоуправничать! Разве не диктую я Тебе: помоги именно так, как представляю, а не так, как Ты хочешь!..»

Отошёл от дома и больше не пошёл к старичкам. Сел в трамвай. Его громкое дребезжание и заливчатые позванивания разреживали тревожную черноту. Глухое, сдержанное рыдание вырывалось из груди: «Господи, как стыдно! Как стыдно, что не доверяю Тебе. Ведь знаю и глубоко верю, что Ты позаботишься о семье. Не могут остаться дети голодные! Я же молился, дети молились...»

А мы встречали каждый трамвай. Было уже поздно. Все вагоны почти пустые шли. Но вот издали увидели знакомый силуэт, кинулись навстречу. Я первый бежал:

– Папа! Папа! У нас сегодня и хлеб есть, и сахар есть! Всё есть!

– Знаю, дети, что Господь вам всё послал. Знаю! Мне Отец Небесный уже сказал. Он позаботился о вас.

– Из Ашхабада тётя Саша посылку прислала!

А тётя Саша – это верующая старушка, глубоко верующая. Когда мы приехали в Ашхабад, она приют нам нашла, квартиру помогла снять.

Было у неё своеобразное занятие – утиль собирать. Запрёт кладовку на замок, чтобы дети, шутки ради, не растащили «добро», которое она собрала. Дверь откроет – пройти невозможно, всё заставлено. Тут газеты, школьные тетради, тряпки, бутылки, ломанные ложки. Чего только не было! Детвора смеялась над ней. Вытащат украдкой какую-нибудь ложку и кричат: «Ба, гляди, что она под замком держит!» Или каким-то образом достанут оттуда какую-нибудь тряпицу и трясут: «Смотри, что бабушка прячет!..» Она увидит, поругает и опять замок повесит. Утиль сдаст, выручит сколько-то денег и за счёт этого оказывала помощь.

Вот такая бабушка Саша прислала нам посылку, а в ней немножко сахарку, немножко пряников, каких-то тряпичек: штанишек, маечек. Немножко денежек... Всё очень нужное было и как раз в тот момент, когда мы в этом остро нуждались. Валя в 6-й класс ходила, ей достались две футболочки, «ленинградки» назывались. Очень своевременно её голые плечи накрыли! Никто другой из Ашхабада не прислал. А там были зажиточные верующие. Не вспомнили, что мы бедствуем! Только бабушка Саша. Мы о ней даже забыли. Сама нищая, но помогала нуждающимся. Пошлёт, например, 2 кг сахара куда-то, и это уже кому-то огромная поддержка. Кроме того, узникам посылки посылала.

Был и другой подобный случай. Мы вот так же помолились и пошли в школу голодные. Вдруг присылают деньги с прежней маминой работы: ашхабадское предприятие отправило ей в Астрахань 200 рублей, а это почти её месячный оклад. Тогда за кормление ребёнка платили, положено было 200 рублей. А в Ашхабаде родились мои братья, Виктор – в ноябре 1936, потом Володя, в апреле 1938. И маму нашли. Удивительно! Могли бы махнуть рукой: уехала и ладно. Но нашли и астраханский адрес откуда-то узнали. Совсем неверующие люди! В самый критический момент прислали эти 200 рублей. Вот что значит молитва! Обратились к Господу, и Он послал сверх ожидания. Верно удостоверял псалмопевец: «Я был молод, и состарелся,

и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (Пс. 36, 25).

Господь вводил в чудо! Забыть его невозможно. Оно осталось в памяти на всю жизнь, незримым образом формировало наше мировоззрение и благочестивое христианское поведение.

5.

Солнце село давно. Умиротворяющее благоухание вечера дополняло покойное дыхание Волги. Тот же покой сообщался и окружающему городу. В домах зажгли свет. Мама окончила уборку и через открытый проём поглядывала из кухни на наш увлечённый кружок. Она терпеливо слушала, как мы десятый раз начинали один и тот же новый для нас мотив. Баяна тогда у нас ещё не было. Юрий разбегался щедрыми ударами по струнам балалайки, я перехватывал аккорды на гитаре, Валя – на мандолинке, в руках у папы пела скрипка. Пела о Божьих милостях, которые надо вспоминать, считать, все их до единой в сердце повторять; о небесном крае, где всегда будет празднично, – там как Солнце сияет Христос.

Умела радоваться скрипка!

Уже перевалило за полночь. Спать никто не хотел. Огромное удовольствие доставлял нам маленький домашний оркестр! Мы играли без принуждения, самозабвенно. Почти всегда старались вспомнить всё, что знали, не забыть давно разученное. И много пели. Поэтому с детства знали множество гимнов.

Мама тоже была хористкой. Имела хороший голос. Иногда с папой пели дуэтом. Красиво пели. И бабаня пела постоянно. Так что я рос в окружении постоянной музыки и христианских гимнов.

Один из таких добрых, ласковых вечеров пришёл к концу не так, как всегда. Последний раз вздохнула скрипка, отец опустил её, обвёл внимательным взглядом нас, притихших. С усилием отвёл глаза.

– Дети! – на лице отразилось напряжение борьбы между немым отчаянием и твёрдой надеждой. – Уже ночь. Сейчас мы пойдём отдыхать. Если Господь позволит, утром начнём новый день. Но о нём надо помолиться молитвой «Отче наш»: хлеб наш насущный дай нам на сей день...

В его глазах стояли слёзы.

А утром принесли извещение получить посылку. Через советское торговое представительство в Берлине друзья, знавшие папу по Красноворотской церкви, направили помощь. Уже в который раз она приходила в самый бедственный момент, в день, когда безнадёжность настойчиво стучала в сердце.

6.

Долгое время во всех местах переселения мы не имели своего жилья. Попробуй его найти с такой огромной семьёй, которой и платить нечем. Оба родителя работали, но на хлеб не хватало; денег занимать негде, да и отдавать нечем.

Всё же по непостижимой милости любвеобильного Господа мы получили жильё в бывшем больничном корпусе, разделённом на множество квартир. Там к нашей всеобщей радости мы впервые за долгие годы располагали двумя комнатами и ни от кого не зависели.

Рядом с нами жила Анна Ананьевна – жена Ивана Александровича Левинданто и их дочь Галя. (Его старший брат – Николай Александрович Левинданто в 1921–1924 годах состоял членом Всероссийского Союза баптистов, а с момента образования ВСЕХБ входил в его состав и был его уполномоченным – старшим пресвитером по Прибалтике.)

Сам Иван Александрович отбывал в то время срок, а Галя училась в Куйбышеве в педагогическом институте. Поэтому Анна Ананьевна жила одна и, имея свободное время, уделяла нам много внимания. Она систематически занималась с нами, рассказывала библейские истории. С ней мы читали Библию и Евангелие, выучили много гимнов

на немецком языке. У них было пианино, и она разрешала нам учиться играть.

Грамотный человек, а главное духовный, Анна Ананьевна несомненно оказала положительное влияние на наши детские открытые души, помогла понять различие между добром и злом.

Отсидев 10 лет, Иван Александрович уже при нас вернулся к семье. Его сразу же вновь начали притеснять, куда-то вызывали и вызывали. После очередного такого вызова он по-соседски заглянул к нам, и в его лице и доверительном признании выразилась глубокая симпатия к папе.

– Константин Павлович, вас, наверно, тоже приберут. Повторно пойдёте. Я по делам понял, когда допрашивали. А у меня литература хранится, целый ящик, на немецком языке. Хочу её уничтожить. Жду обыска не сегодня-завтра, если отберут, несомненно, последуют неприятности... Но мне не хочется как-то сразу идти ещё на один срок. (Он и прописаться ещё не успел.)

Тень недоумения и несогласия ясно обозначились на смущённом лице папы.

– Да ты что?! Разве можно?! Это же такая ценность! Там вот братья-немцы Поволжья... у них тоже свои церкви... в литературе огромная нужда! (Они общались между собой.) Мы раздадим. Вот Вася придёт, мы с ним договоримся и быстро раздадим. Ничего не останется. Время сегодня тяжёлое, нигде никакой литературы нет! Это же такая ценность! – всё повторял и повторял отец сокрушённо.

– Ну, сделайте, что можете... – И выставил от себя коробку.

Улучив момент, когда взрослых не было, Валя не удержалась, открыла и посмотрела. Какие там интересные открытки лежали, немецкие, таких вообще мы никогда не видели: гуттаперчевые, тиснёные, красивые-красивые, и сборники христианских песен, наверно, были, литература на немецком.

Встретился папа со своим зятем Васей Николаенко:

– Вася, надо срочно литературу спрятать, потому что могут прийти с обыском и отобрать. А когда братья с Повол-

жья приедут, мы её отдадим, и они сами по своему усмотрению раздадут в своих общинах.

– Хорошо, дай мне её. Мы занимаем комнату в частном доме, на чердак отнесём, никто не узнает.

Наша семья жила в других условиях – в бывшем больничном корпусе, одноэтажном, со множеством соседей. Всё на просмотре. Спрятать совсем негде. Но надежда на чердак, конечно, была наивной: в первую очередь обыскивали подвалы и чердаки, все уголки там обшаривали.

Вскоре мы уехали в Ремонтное...

7.

Верою... умирали от меча... Евр. 11: 33, 37

Василий Елизарович Николаенко выделялся среди молодых людей Красноворотской церкви высокой, подтянутой фигурой с военной выправкой (до обращения к Богу был телохранителем у Будённого). В те годы молодёжь, сплавленная неугасимым желанием служить Богу, отличалась светлой, сердечной благоприязнью. Они часто встречались помимо собраний и спевок, обсуждали предстоящие планы, поездки, возможности. В церкви все трудились «от души, как для Господа» (Кол. 3, 23), со всем воодушевлением, со всем восторгом, к которому только способна пылкая молодость. Целеустремлённая жизнь радостно волновала дух, увлекала от рутинных будней. В этот тесный, сплочённый круг входил и дядя Вася. Он очень дружил с нашим отцом (впоследствии своим шурином), любил навещать нас. Они подолгу горячо рассуждали о том, во что были погружены с одинаковой заботой.

Мы жили тогда в Останкино, когда в гости к нам из Волгограда приехала папина сестра, Лида. Он давно звал её и других молодых братьев и сестёр переехать в Москву. Писал: «Если кто может, приезжайте». Кто-то воспользовался приглашением, а Лиду мама не пустила: «Пока я жива, никуда тебя не пущу». Так она и осталась в Волгограде.

Совсем ещё юная (лет 18 ей было), но богобоязненная,

жизнерадостная, с мягким характером, она излучала тепло и душевность. На маму и брата походила. Теперь вот погостить к нему приехала.

Весь тот день оказался каким-то необыкновенным, светоносным, ликующим. Он ворвался в жизнь стремительно и неожиданно. Василий Елизарович в очередной раз по каким-то своим делам отправился в Останкино. Ему нравилось бывать у нас. Встречи с отцом приносили обоюдное укрепление в вере, наставление в истине.

Вот и дом. Полный энергии и душевного подъёма, Василий Елизарович с молодецким порывом вбежал на крыльцо, постучал. Лида вышла открыть, а он замер точно вкопанный: она! Вот та, которую он во сне видел! А сон приснился необычный, своего рода даже пророческий. Не удержался тогда, с братьями поделился о Божьем откровении.

И вот теперь перед ним стояла та, которую он с терпением ожидал от Бога, которую готов принять как предопределение свыше! От восторженного волнения учащённо забилось сердце: радость какая! Встретил!

Они поженились. Там же в Москве у них родился первый мальчик, Вениамин. Валя иногда нянчила его, хотя сама была совсем малышкой.

Истинный христианин, Василий Николаенко не нёс какого-то заметного труда в церкви. Был просто очень хорошим, преданным братом, но не служителем. Таким было его хождение перед Богом в Москве, в Ашхабаде и теперь в Астрахани. Поэтому все приняли как пригодный вариант спрятать у него доставшуюся от Левинданто литературу. На него и подозрение вроде не должно было пасть со стороны властей. Они его тогда совсем не касались, вели себя так, будто не замечали.

Однако горькая година идти под суд пришла. Она оторвала от дорогой церкви, вырвала из домашней жизни сразу несколько братьев. Среди них и Василия. При обыске нашли у него этот ящик с литературой, и как же удобно

было обвинить его в шпионаже и в сотрудничестве с немецкой разведкой! Время ведь наступило военное.

Конечно, он не мог признаться, откуда у него эти духовные книги. Сказать правду – значит, предать братьев. Он молчал. Сознание невиновности перед арестовавшими и правоты перед Богом давало ему необыкновенную силу. Но именно о сильных духом было спущено сверху задание: убивать! И как итог – расстрел.

Его увели на рассвете, и очень долго тётя Лида не могла получить о нём никакого известия. Ждала-ждала возвращения мужа, так и не дождалась.

Шло время, год уходил за годом, и только по прошествии многих лет, когда встретилась с освободившимися братьями, узнала правду: приговор к высшей мере наказания исполнили незамедлительно.

Нежданно и трогательно произошла эта встреча с отпущенными на свободу!

Шло молитвенное собрание, зашло несколько мужчин. Все стали оглядываться, не поймут откуда, кто такие. Кончилось собрание, их окружили, наперебой спрашивают: кто они, как да что. Они и рассказали, где были, и попросили спеть гимн:

Как мне дорого общенье
Со святыми на земле,
Но и это наслажденье
Не всегда возможно мне...
И я знаю, что с Тобою
В этом мире я пройду
И над хижиной земною
Знак победы я найду.

Тогда поняли, что это узники, и многие своих узнали. А сразу не смогли узнать, ведь десять лет прошло!

Подошла к ним и тётя Лида:

– А Вася, что о нём известно?

– Вася не выехал из Астрахани. Его в другую машину посадили, не с нами, и везли отдельно. А на Красном мосту

Семья Василия Николаенко и бабаня.
Блаженным упованием на Бога он дышал! Живой радостью от близкой встречи со Христом светилось его лицо! Об этом рассказали те, кто видел дядю Васю отмеряющего в окружении конвоя последние метры земного пути в 1940 году. Он ещё руку поднял над головой, показывая на небо.

наши грузовики приблизились один к другому. Мы были сильно возмущены произволом – вменить измену родине за хранение духовной литературы – и крикнули: «Мы будем апеллировать! Мы о тебе ходатайство в Москву напишем!..» Он решительно удержал: «Друзья мои! В какую Москву?! Я сейчас с Господом буду!»

Блаженным упованием на Бога он дышал! Живой радостью от близкой встречи со Христом светилось его лицо! Об этом рассказали те, кто видел его, отмеряющего в окружении конвоя последние метры земного пути. Он ещё руку поднял над головой, показывая на небо. Воистину суровые пути у праведных, но удел всех святых – славный.

Ремонтное

1.

Жёсткая жара выцветила землю до пепельного цвета. Над головой белело опустошённое зноем небо. Окраинные кварталы Астрахани быстро сменились небольшими пригородными домиками, которые вскоре перешли в низенькие постройки из саманного кирпича, крытые соломой, с крохотными окошками посреди глухих выбеленных стен. Первые десятки километров... Множество русел, канав и рукавов прорезали плоскую равнину ссохшегося ила. Степная могила густо поросла камышом в два человеческих роста.

Но вскоре эта приволжская дельта сменилась безжизненной областью Калмыкии с характеризующим названием «Черные Земли». Развернулась безотрадная глухая степь с бесконечной далью.

Под палящим солнцем папа и трое старших сыновей (я, Юрий и Борис) двигались не очень торной, но уже наезженной дорогой, пересекающей Калмыкию с востока на запад, из Астрахани в Ремонтное – большое село в Сальских степях Ростовской области, районный центр. Разморившись, засыпали за спиной отца, а то начинали возню между собой или шли рядом с волами. Длинный путь. До трёхсот километров. Не за один день справишься.

«Цоб-цобэ!» – рассекал степную тишь усталый голос отца, понукающий медлительных животных. Плыла в глаза, покачивалась ровная степь, бурая, бесцветная, тоскливая... Однотонно скрипела повозка, за ней лениво клубился серый столб, и почти неслышно топтали пыль волы.

В Ремонтном жил старик Бондин, баптист. Вместе с председателем местного колхоза «Красный фронтовик» Шелудько Сергеем Куприяновичем он часто приезжал в Астрахань что-то закупить, что-то продать (колхоз успешно занимался такими делами). Кто-то из верующих познакомил с нами. Посмотрел Бондин на наше житьё-бытьё и не утерпел. Говорил с отцом решительно, с напором: «Ты ещё детей как следует хлебом не накормил! Зачем маяться?! Поезжай к нам. Дорога неблизкая, но работой будешь обеспечен и ты, и Шура».

Дело в том, что задумали в тот год в Ремонтном электростанцию строить (село не было электрифицировано). И председатель искал специалиста, который мог бы монтажом электростанции заняться. К тому же и в бухгалтере колхоз нуждался.

Бондин указал Шелудько на нашу семью. Тот обрадовался, что под одной крышей сразу двух нужных специалистов нашёл. Сам он был чистокровный украинец, «щырый хохол», как называли в народе. Да и всё село Ремонтное, где он родился, вырос и стал председателем, – это поселение украинцев ещё с XVIII века, и время не стёрло ни их речевых, ни житейских традиций.

Принялся Шелудько уговаривать отца:

– Прыезжай до мэнэ, мэни нужны спэциалисты. Мы ж колхоз-милионэр. Мы ж там такэ робым! Шо тут ваша Астрахань! Прыезжай! Шо твоя жинка можэ робыть?

– Она бухгалтер, высококвалифицированный.

– Тры трудодни я обэспэчю твоий жинки.

– Сам я электрик, главным энергетиком работал.

– Як раз мэни нужна элэктростанция. Будэшь строить элэктростанцию. Тры трудодни тоби сходу даю, уже считай,

шо воны твои! А на одын трудодэнь у нас знаешь скилькы получишь, о-го-го! Диты в поле будуть робыть. Собирайся, чого ты тут с голоду гынэшь (то есть погибаешь). У нас там всэ: и сало, и масло, и чого тилькы нэма!

Звал папа Василия Елизаровича (ещё до его ареста):

– Поехали вместе, Вася! Там и тебе работа найдётся. Хоть сельская жизнь незнакома, Бог не оставит, поможет. Будем двумя семьями собрание проводить.

Но Василий Елизарович почему-то не захотел расстаться с Астраханью. Поехала с нами в Ремонтное только наша бабушка, бабаня.

В непростой путь двинулись сначала не все: дома осталась мама с меньшими. К тому времени семья наша пополнилась: кроме того, что в Ашхабаде родились Виктор и Володя, в Астрахани прибавилась ещё одна сестричка – Наденька. Имя дали, как и той, что умерла в Москве.

По дороге остановились на Чёрных Землях. Обильно растущая здесь чёрная полынь с тёмными листьями породила это древнее название. Как раз был сенокос, рабочих рук не хватало, и нас попросили помочь в сенокосе и скирдовании. Участок принадлежал именно тому колхозу, в который мы направлялись. Сам он находился довольно далеко, но сюда пригоняли зимовать лошадей, овец, коров. Поэтому и вели заготовку сена.

2.

Приближался сентябрь, время идти в школу. Опять отправился папа на волах в Астрахань. Существовал только такой транспорт. Что-то из колхоза нужно было в город отвезти. Захватил меня с собой. На обратном пути взял в Ремонтное остальную семью. Ребятишки радовались предстоящему переезду, шумно, домовито-детски собирались, маму торопили: новое всегда увлекательно. Что они знали о будущем?

Жара дышала в лицо, пыль клубилась столбом за хвостом повозок. Всё накалилось, струилось, млело. Вокруг до

горизонта разлеглась голая, извека не паханая местность. Мы не привыкли к такому бескраю. Ни деревца, ни кустика на сотни километров, только дурманящий запах полыни, от которого кружилась голова.

На одной подводе сидели мы, на другой – весь наш скарб.

Наверно, годик был Наденьке. Умерла. Здесь же, в дороге. Токсической диспепсией заболела. В то время не знали, как эту болезнь лечить. Считали её простой дизентерией. Да ещё она настигла в пути. Где найти врача в степи? К кому за помощью обратиться?

Ох, как она страдальчески смотрела! На неё больно было глядеть. Началась рвота, стремительное обезвоживание. Лежала под солнечным пеклом, и заслонить ничем нельзя. Безответный немой вопрос висел в раскалённом воздухе: «Довезём ли до Ремонтного?» Кто знает? Только один Бог...

Склонила Наденька головку, сомкнула веки, уже и плакать не могла. Как пушинка стала. Мама взяла её на руки: «Моя крошка!.. Головку клонишь... Великий Творец дал тебе, моей малютке, жизнь... И Он же берёт обратно...»

На глухой, безжизненной дороге целовала она дочь в погасающие глаза. В знойном мареве истаивал последний вздох на родных руках.

Плечи отца беспомощно вздрагивали. Глаза выдавали глубокую скорбь: они блестели влагой. Он невольно мешкал, чтобы дети не видели его таким.

– Не плачь, родная! И это Божья воля! Что мы можем? Только сжать руки, сдавить сердце... Не надо ужасаться смерти... Для нас она – приобретение! За ней истинная жизнь! Светлый край бесконечного Солнца Христа! А сколько есть грешников, для которых во всю жизнь ярко светило Солнце Правды – пришедший на землю Сын Божий! Но уходят во тьму...

Высоко стоял полдень.

Мама бережно положила маленькое тельце. Мы притихли. В Астрахани нас немало увеселяла пустая забава. Наша улица – недалеко от пути на кладбище. Похоронные

процессии нередко сопровождал оркестр. Босоногие, без всякой майки или рубашки, мы не упускали случая присоединиться к печальному шествию. Отбивая рукой по голому животу в такт траурной мелодии, все громко пели: «Калмыцкий чай с молоком... Калмыцкий чай с молоком...» Спроси в тот момент, для чего мы это делали, – и не ответили бы. Для нас недосягаема была скорбь разлуки, утрата любимых. Мы жили своей, ведомой только нам, беззаботной жизнью, несмотря на то что тяготы тех дней вплотную окружали нас.

Теперь иначе. Мы приблизились к величайшему откровению, коснулись глубокого таинства. Сон смерти перешёл в действительность. Безвременная смерть совершилась на наших глазах и всё перевернула в детской душе. Не далёкий и чужой лежал неподвижно, как уже не сущий, а родной, беспомощный человечек... Так и везли её, мёртвую, весь остальной путь рядом с собой. Уже разлагаться стала. Горечь полыни и запах тления ударяли в лицо.

Мощной массой обрушилась на нас могильная степная тишина. Она оглушила. Мы заговорили вполголоса.

А в это время в Астрахани в очередной раз раскрыл ненасытный зев каменный мешок тюрьмы. Почти всех братьев из церкви посадили, а нашего дядю Васю как «немецкого шпиона» повели на уничтожение (об этом сказано выше).

3.

Мало того что после обоснования в Ремонтном вскоре запылало зарево войны, а с ней неразбериха, неустройство и все прочие неурядицы, – как оказалось, там и до войны не всё должным образом налажено было. Мама, когда приехала и устроилась в контору бухгалтером, посмотрела, как велись дела, и в ужас пришла: ничего не было, кроме одной амбарной книги! Из колхоза всё живьём возили, куда и кому следует: то свиней прокурору, то овощи в район. Что-то сдадут государству, запишут и всё. Осталь-

ное между собой поделят, продадут, прибыль получат.

Жуткая картина! От мамы требовали всё, что живьём кому-то отдали, оформить как госпоставку. С простым условием – «лишь бы бумаги сходились». Она глубоко вздыхала, горько сокрушалась:

– Я так ни одного дня не могу работать. Не могу! Я никогда и нигде так не работала!

Бесспорное право жить честно, но невозможность защитить его на деле, приносили нестерпимую боль. С каждым днём всё сильней она чувствовала бессильное отчаяние и говорила: «Я знала, что беззаконий везде много, но такого всё-таки не встречала на предприятиях. Здесь в обиходе почётно явно недозволенное. Весь уклад такой, и ничего изменить нельзя...»

Так и пришлось ей остаться дома, вести хозяйство, ведь в семье было много малышей.

А отец работал. Сразу по приезде ему показали:

– Цэ – фундамэнт, цэ наша элэктростанция! Радио будэ у нас!

И объясняют, что̀ за электростанция должна быть: поставят на приколе обыкновенный трактор, то есть тракторный двигатель, который будет работать, – «и мы по вэчэрах зможэм часа по тры жечь скилькы хочешь элэктрычество!»

А фундамент заложен из красного кирпича, вот и вся электростанция.

– Что же дальше делать?! – недоумённо пожимал плечами отец, смиряясь с неотвратимым ходом жизни.

– Надо от дождя шо небудь зробыть. Кирпичу, правда, нэма. Тут прывизлы движок новый, но у нас тракторы стоять, посевна ж у нас, значыть, знялы пока.

Отец, как и мама, тоже ахнул.

Поэтому очень скоро начальство стало не слишком жаловать маму и папу за их честность. Ведь хорошо жить в колхозах можно было, в основном, за счёт того, что самовольно унесёшь с поля, со склада, с фермы. Заниматься этим родители не умели и не хотели. Бога любили и греха боялись. И нас этому учили.

Так и жили. Папу поставили завгаром, и одновременно он занимался монтажом электростанции. Со временем её смонтировали и запустили, село уже пользовалось электричеством.

Мы, старшие, работали в колхозе. Валя, например, в поле. Я пас овец, за лошадьми ухаживал, на волах пахал и на верблюдах ездил. Юрий тоже. Трудодни зарабатывали, кто как мог.

Детство кончилось, и иная жизнь, полная трудов и тягот, неумолимо втянула в свой водоворот. Мы ещё оставались детьми, но рядом с безмятежной вольностью росли заботы вовсе не мальчишеские. Работать приходилось целыми днями, под жгучим солнцем, до солёного пота. Уставали. Но несли ношу без отказу, никто не был отлынчивым.

4.

Они бойко подсаживались по дороге от дома к дому, так что мажара (длинная телега, запрягаемая парой волов или лошадей) быстро наполнялась колхозницами. Я – впереди. Возница.

В Ремонтном было много волов. Те же быки, только лишённые возможности давать потомство, самые тягловые и неприхотливые животные. Ходят под ярмом, обычно парой, ими ничем не управляют. Легонько стукнут по хребту, окликнут «цоб» – повернут налево, «цобэ» – направо, а чтобы прямо ехать, крикнут то и другое.

Скрипела по жаре мажара, тысячелетнее «цоб-цобэ» тонуло в безмолвной дали, и большие неповоротливые животные покорно брели, мерно перебирая ногами, напрягая натёртые шеи. И всё собиралось воедино: скрип колёс, безропотность волов, парящий орёл на чистой лазури, маленький суслик, застывший столбиком у норы, да не знающий пути вольный ветер.

По малозаметной в степи дороге я вёз женщин в поле, в бригаду. Бригады были разные: хлеборобные, огородные, чабанские. В сенокосных – кто-то сено возил, кто-то скла-

дывал в копны, кто-то косил, а кто ворошил. На огородных все хотели работать, они считались привилегированными: недалеко да и что-то за пазухой унесёшь. Но в неё попадали не все желающие.

В основном далеко были разбросаны бригады. Путь ко многим из них занимал не один час, так что мои пассажирки всё успевали обсудить: и детей, и мужей, и соседок. Не было ничего, о чём бы они не разбалагурились. Не смолкали смех, шутки, песни; и если завидят председателя колхоза, тут же разносилась по селу игривая, задорная, на ходу сочинённая частушка:

Ой, хто ж то идэ,
Голубыи глазкы,
Полотняни галифэ,
А на ных завьязкы...

Я не присоединялся к их весёлому обществу. Вёл себя обособленно. Да и они не докучали. Кто я для них? Мальчишка и мальчишка.

Для бригады сооружали небольшую постройку, в ней – топчаны, на них спали. Никаких матрасов или удобств: зимой кожух под себя, и всё. И совсем не знаешь, кто с каким кожухом и насекомыми в нём прибыл, какие запасы в мешке привёз, работать же ехали. Иногда на неделю задерживались, иногда на две подряд, иногда лишь пару дней могли дома побыть.

А отдалённая бригада вообще представляла одну большую комнату, в ней – человек 10–15. Шагнёшь в прокисшую невыветриваемую мазанку, и в ноздри шибанёт едкий запах овчины.

Воды мало. О бане никто не помышлял, люди подолгу не мылись. Оттого запах соответственный. От жары и усталости рабочие валились на топчан и тут же засыпали мертвецким сном. Только заскорузлые голые ноги торчали, на пятках трещины почти в палец.

Находились шутники. Вставляли в трещину свёрнутую в трубочку зажжённую бумажку, она горела, горела, наконец

до живого доставала. Как ужаленный, вскакивал спящий, не сразу понимал, что случилось. Хохот сотрясал бригаду.

5.

Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Иак. 3, 3

Слово «ремонт» взято из французского языка и означает пересаживаться на новых лошадей, обновлять конный состав. Столетия назад село Ремонтное потому и назвали так, что в этих местах готовились ремонтные» кони, кони для русской армии. Войсковые части приобретали тут лошадей для пополнения убыли.

Кругом – степь да небо! Всё то же бесконечное, вольное, прекрасное раздолье... Серый океан внизу и сверкающая голубизна вверху. Стройный конь нетерпеливо встряхивал мохнатой шеей, рвался вперёд. Вокруг ни души. Величие пространства воскрыляло. Сердце казалось тесно перевито с этим необъятным простором, в котором растворялось всё: свобода, жизнь, восторг, размах природы и души.

Пришпоришь пятками по округлому боку, конь зябко вздрогнет упругим телом, сложится на одно мгновение, потом вытянется и понесёт тебя по бесконечной глади. Прижмёт уши, фырчит. Удержаться без седла непросто, особенно когда летишь вскачь.

Именно так, бывало, мы, мальчишки, возвращались с пастбища домой (не всегда, конечно, а воскресным утром, когда после ночного лошади могли отдохнуть). Солнце неудержимо поднималось от края земли, а мы мчались во весь опор, соревнуясь друг с другом, каждый на своей лошади (её имела каждая семья). Вцепимся в лохматую гриву, прижмёмся к крутой холке, босые ноги, как клещи, обнимут бока лошади...

Перелётный ветер свистел за спиной, а мы неслись вперёд и вперёд, не разбирая дороги, не слыша ударов сердца, рвущегося на части от радости, от стремительного полёта

галопа, от еле заметного прикосновения коня к земле, которая всё время отрывалась от его копыт и летела назад. И вырабатывалась смелость, и укреплялись мышцы ног.

Вскормленная где-то в Калмыкии тоненькими ручейками родников, задумчиво течёт по Ремонтному неширокая река Джурак, делит село на две части. Гнали мы с пастбища лошадей не сразу домой, а сюда, к реке. На водопой. Но сначала давали им отдохнуть. Берегли лошадей. Нельзя их, разгорячённых, пускать в прохладу вод.

Пружинистым шагом кони направлялись к Джураку. Ископытив прибрежную кромку, погружали в вольную неторопливую гладь чёрные губы. Живым силуэтом тень дрожала в воде... Мы любовались, как жадно втягивали они бархатистыми губами порцию влаги. Ветер перебирал их густую гриву, скользил по гладкой спине. Они довольно пофыркивали и, утолив жажду, встряхивали сильным телом, разбрызгивая вокруг мириады радужных капель.

Неторопливо вели мы лошадей домой, и уже не дрожала земля от топота копыт, лишь гулко разносилось по селу одиночное ржание.

Нет, не картинную идиллию безмятежно-счастливой жизни приносил нам каждый рабочий день. Ухаживать за лошадьми нелегко и непросто: их нужно старательно чистить, постоянно гонять на выгон, вовремя поить, добывать зерно. Напряжённый труд, ответственный. Однако усердие всегда обернётся благом: ухоженные кони отплатят сторицей и в хозяйстве, и в поле, и в езде.

Говорят: «Обойдёшь, огладишь, так и на строгого коня сядешь». Эту добрую науку глубоко впитало усвойчивое детство. Не в том только, чтобы ловко гоняться за лошадьми по выгону, умело вспрыгнуть им на спину, ладить упряжи, брать сено на вилы. Бог учил быть терпеливым, внимательным, добросовестным во всяком деле; уважительным, бережным и милосердным ко всем людям. Чтобы в сострадающем сердце нужда другого отзывалась, как своя. Разве можно это вычеркнуть из памяти?

6.

– Лука-а-а! – что есть силы я напрягал голос, и, несомый вольным ветром, он докатывался до направившегося в сторону небольшого козлиного гурта.

Козёл-великан, овечий вожак, сильный, роскошный, останавливался, горделиво вскидывал голову, неторопливо оборачивался, глядел на меня умными глазами и поворачивал назад, к отаре овец, увлекая за собой послушных коз.

Мудрый был козёл, всегда впереди, выискивал корм повкуснее. Без него овцы не уходили, рассыпались вокруг для пастьбы. Если нужно, подгонишь его. Он понимал, кивнёт бородкой, промекает что-то своё, важно обойдёт отару и двинется вперёд. Козы никогда не отстанут, а вслед за ними и овцы послушно тронутся. Лишь поглядываешь, чтобы не отбилась в сторону какая-нибудь овечья стайка.

Ремонтненская степь... Необозримый простор – ширь полынная, голубая беспредельность неба да ветер. Там всегда ветер. Он несёт запах солёной воды от Маныча. Пологие берега этого озера за долгие века поседели от соли...

Чабан, опершись бронзовыми, пропалёнными солнцем ладонями на длинный посох, пристально всматривался в далёкий горизонт. Степь расстилалась перед ним безмолвной равниной. Кочёвку – длинный путь в десятки километров из колхоза на свой отгонный участок – мы проходили за много дней.

Должность моя – чабан второй руки. После старшего чабана нёс ответственность за стадо. Немаленькое – тысяча двести голов (колхоз имел примерно десять таких отар). Был ещё подпасок, помощник мальчишка. Да Лука с козами. Да около десятка огромных сторожевых псов-волкодавов.

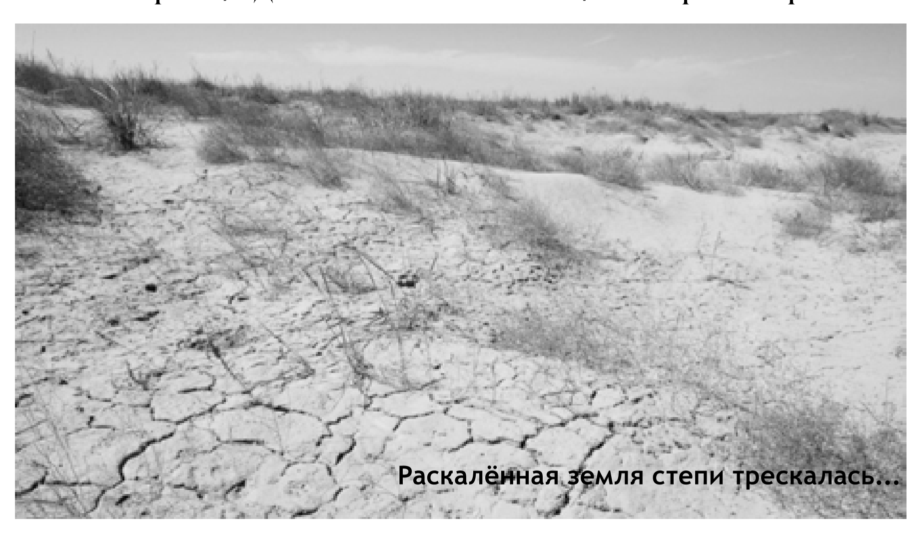
И повар была. Борщ готовила, баранину с диким луком, калмыцкий чай. Вкус этого удивительного напитка сохранился на всю жизнь. Спрессованный кирпичом-плиткой (делается специально для кочевья), чай кипятят, процедят

через ситечко или чистый платочек, дольют молоком – половина на половину – снова поставят на огонь, а пьют непременно с маслом, с солью. Питательный, превосходно утоляет жажду в жару.

Нещадное летнее солнце выжигало бугры, корёжило траву. Ближе к полудню овцы начинали собираться небольшими группками, пряча головы в тени соседей. В разгар солнцепёка стояли по 80–120 животных. Собьются в кучу, уткнут голову под брюшко друг другу. Вместе защищают себя от зноя и мух. Вокруг лежали волкодавы, сторожко поводили чуткими ушами.

Степь сгорала на глазах. Там, где ещё вчера была заметна сизая трава, сегодня всё желтело, сохло. Раскалённая, твёрдая земля трескалась. Суховей дул сильнее. Он срывал с вершин барханов шлейфы мелких песчинок, и небо становилось таким же безжизненно-серым, как степь. На зубах скрипел песок, глаза слезились от едкой пыли.

Место, где паслась наша несметная отара, скоро превращалось в голодный выгон. На таком трава быстро не вырастает. Овцы не любят кормиться там, где уже поедена и смята трава, где остался запах того, кто прошёл раньше.

Раскалённая земля степи трескалась...

– Поднимай отару! – прикажет чабан.

Пронзительным свистом поднимем овец, кликнем собак и зашагаем за отарой. Выберем место. Остановимся. Медленно разбредаются овцы на новой кормёжке. Всё шире и шире, пока перестанут мешать друг другу. Долго не можешь оторвать взгляд от этого живого белого полотна, на твоих глазах постепенно растекающегося, увеличивающегося в размере.

Я стоял, придерживая за спиной длинную ерлыгу – длинную палку с загнутым концом, деревянным крюком. Ею ловят овец за заднюю ногу. Отара вся передо мной, можно прилечь на траву. Но приучал чабан неписаному правилу: «Сел на землю – уже полпастуха, лёг – вовсе нет пастуха, а стоишь, костыликом подперевшись, значит, на месте пастух».

Постоянно внимательно оглядываешь животных. Случайно поранит себя овца – мухи тут как тут, отложат личинки. Сочится сукровица из ранки: там уже возится, свербит червивое потомство, зреет под кожей в теплоте язвы. Снаружи и не заметно. Лютая мука! Но несчастная тварина ничем себе не поможет. Тут не ленись, не зевай. Растолкаешь овец ерлыгой, выгонишь из отары больную, зацепишь крюком за ногу, подтащишь к себе, откроешь пузырёк с карболкой (он всегда висел на поясе) и зальёшь рану. Бывало, не сразу вылечишь, очень широк очаг. И второй, и третий раз находишь эту овцу среди прочих, чтобы излечить.

На зиму отару перегоняли далеко, на отгонные пастбища «Черные Земли», в «кошары» – большие загоны, окружённые высокими валами из соломы, прессованного сена и камыша. Там же стояли два-три домика для чабанов.

Задует в открытой степи лютый буран – овцы сразу сбиваются в плотную кучку, согревают друг друга своими телами, шерстяными шубами. И постоянно перемещаются: кто был с краю, продвигается к центру, отогреется и снова попадает наружу. Так, объединившись, сохраняют жизнь друг другу.

Неподвижна и молчалива занесённая снегом степь. Если зима не лютая, овцы раскапывают снег копытами и достают траву даже из-под немалого слоя. Но когда сырой ветер закрывает небо свинцовыми облаками, надвигается гиблая оттепель, с дождями и гололедицей. Такое время – гибель для животных: лёд не пробьёшь и корм не достанешь. Голод в глаза глядит.

Бог провёл меня замечательным путём – знать пастушеское дело, уметь лечить овец, находить пастбища, стричь гладкую, как шёлк, овечью шерсть... Незабвенное время в Ремонтном! Крутое, хлопотливое, тесное, когда работа кипит и дело нудит. Оно приучало к горячей отзывчивости, с чувством, с любовью быть пылким к добру. Глубоко запало в сердце, золотой монетой опустилось в душу, научило по-новому видеть жизнь. Сердцу отзывчивому, живущему в единстве с небом, дорог этот исполинский труд на поле и со скотиной. Унизителен и непонятен он лишь душе пустой и сухой, далёкой от величия дел Создателя. В хлеве и тучном поле такой человек видит лишь предмет обогащения. Но «богатство – вода, пришла и ушла», а «...все, что делает Бог, пребывает вовек... и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его» (Еккл. 3, 14).

Нам велено совершать молитвы «за царей и за всех начальствующих» (1 Тим. 2, 2). Когда мы молимся так, чтобы наши молитвы были услышаны на небесах, спасён тот царь и то царство, у которого есть такая праведная молящаяся церковь! По её молитве наступает мир в стране.

А когда церковь сама потеряла ориентиры и в ней царит грех, то Господь говорит: «Се, оставляется вам дом ваш пуст». От вашего храма не останется камня на камне. Вы не достойны того, чтобы вас защищать.

И вышел другой конь, рыжий;
и сидящему на нем дано
взять мир с земли,
и чтобы убивали друг друга...
Откровение Иоанна 6, 4

Глава 5
ХОЛОДНЫЕ ОБЪЯТИЯ ВОЙНЫ

Под Божьей охраной

1.

В незапамятный 1941 год многим казалось невозможным, чтобы сложившийся мирный уклад сменила злая година и что-то новое, чрезвычайное, не предусмотренное обычным ходом дел нагрянуло бы без предварительного объявления. Однако уже через полгода вопреки направлению времени это новое вторглось самым неотразимым образом, обрушилось, как шурган, как потрясение. И этим новым была война, её смерть и ужас, её бедственность и неизмеримые страдания.

Первые дни истребительного нашествия не предполагали ничего другого, как поголовный призыв в армию тех, кто по летам и силам на это годен. Брали мужчин от 18 до 40–45 лет.

Отец находился в призывном возрасте – 38 лет, поэтому скоро был мобилизован. Повезли куда-то в неизвестном направлении. Но через малое время отпустили. Он возвращался пешком, в невыносную жару, под испепеляющим степным солнцем, усталый, с котомочкой за плечами. Из-за недуга сердца его вернули как непригодного, ведь он имел «белый» военный билет, освобождение от службы.

Прошло ещё время, снова призвали. На сей раз мобилизовали копать окопы под Сталинградом. Однако и оттуда

отправили как непригодного для физической работы. Он опять с котомочкой вернулся. А в то время по степям рыскали бандиты. Многие калмыки дезертировали из армии с оружием и занимались разбоем. Грабили эвакуированный скот, убивали погонщиков. Из-под Сталинграда отец с трудом добрался домой, обессиленный, разбитый.

2.

Доселе жизнь не позволила нам в достаточной мере бывать на молитвенных собраниях. В лихолетье 1930-х союзы евангельский и баптистский прекратили существование, молитвенные дома закрыли, верующие, рассеявшись, собирались малыми группами в тайне от посторонних. Открытые многолюдные собрания не проводились. Фактически мы не могли посещать богослужения, за исключением короткого времени в Ашхабаде. Их не было. Тем более в Ремонтном. Большое село, районный центр, но в нём не жили верующие нашего вероисповедания.

Правда, когда мы снимали квартиру около мельницы, в том районе жила женщина, из верующих. Она знала, что мы верующие, но почему-то таилась. Суровые были времена, люди старались скрыть свою принадлежность к Церкви Христовой. Поэтому друзей там приобрести не удалось.

Мы росли при удивительном семейном надзоре. Отец был человеком, который воспитывал нас без воспитания, учил не поучая. Он не столько цитировал Писание, сколько объяснял его личной жизнью, отношением к Господу, взаимоотношением с Ним.

Его захватывали интересы и боли церкви. Вне их он не видел жизни. Каждого человека, каждое событие рассматривал в главном для себя смысле: служат ли они Христу или своему «я».

Иногда люди заучивают целые главы Писания, и иной ребёнок быстро назовёт имя жены Авраама, а послушания ни родителям, ни Богу не являет. Такие люди чисто лишь теоретически знают Слово Божье.

А папа практически преподносил нам смысл Евангелия. Поэтому мы выросли так, что пороки века: лёгкое отношение к жизни, бездумность, прожигание – не овладели нашим сердцем. Мы росли под благодатной Божьей сенью, в окружении постоянных родительских молитв и неизгладимого примера их любви к Иисусу Христу, к Его Церкви, к Его заповедям.

Молитву отец считал для себя самым насущным и необходимым. С любой нуждой он прибегал к Богу и нас приучал к этому. Его душа жаждала личного уединённого общения с Богом. Тепло делился он о времени, когда работал на шахте в Белой Калитве: «Специально зайду в глухой забой и там напоюсь, намолюсь, о всех вас вспомню, о каждом поимённо Господу расскажу». И, конечно, Господь слышал эти молитвы, охранял нашу семью, оберегал, поддерживал.

Рассказывал:

– Откуда и как я ехал, не помню, но находился я в то время в степи. Мы там размещались в глиняных мазанках, вокруг паслись отары овец. Высадили меня с попутной телеги на большаке[1]. Совсем стемнело. От сумерек жара быстро спала и горько запахла полынь. Наступала ночь. А ночи здесь непроглядные, слепые. Поднимешь голову – тысячи звёзд. И огромная молчащая степь...

Сошёл я, чтобы идти к месту ночлега. Вдалеке на выгоне разноголосо блеяли овцы. Иду и молюсь, страшно, степь, волки, да и что хочешь может быть.

Слышу, собаки яростно залаяли. Чабаны охраняли отару с помощью собак-волкодавов. Громкий лай стал стремительно приближаться. Посмотрел с настороженным ожиданием в сторону лая, подумал: «Наверно, сейчас меня разорвут». Остановился и молюсь: «Господи, Ты видишь в каком я затруднительном положении, защити! Только на Тебя надежда!»

Помолился, а собаки мчатся прямо на меня, всё ближе и ближе. Уже видны полураскрытые пасти, блестящие клы-

---

[1] Большак – в противоположность просёлочной большая дорога.

ки и густая слюна скатывается с чёрных губ. Внутри всё похолодело и опустилось. Подбежали, неистово злятся, их много, а я уже на коленях.

Вдруг где-то далеко-далеко раздался свист. Пастухи, видимо, поняли и позвали собак. Гляжу, они тише, тише и легли, потом повернулись и убежали. Встал с колен и говорю: «Господи, ну кто, кроме Тебя, мог это сделать? Неминуемая смерть настигла бы, они бы мигом разорвали на куски». Эти собаки такие, что и волков раздирают.

3.

Ещё к осени 1941 года в наши края был наслан приказ: «Собирайтесь в эвакуацию». И потянулись на восток, за Волгу техника, скот, имущество, всё ценное, дорогое, нажитое годами.

После очередного возвращения с призывного пункта папа находился дома. От районных властей поступило распоряжение, чтобы наш колхоз послал людей в соседний животноводческий совхоз, который имел огромные стада овец, лошадей, коров, быков и прочее. Следовало переправить животных сначала в какое-то село, а затем гнать дальше через Калмыцкие степи за Волгу.

Никто не соглашался сопровождать перегоняемый скот: кругом свирепствовали бандиты, дерзко отбирали эвакуированный скот, убивали погонщиков.

Наша семья, несмотря на нужду, тоже не горела желанием браться за эту работу. Но папу очень упрашивали: «Мы хорошо заплатим, колхоз в долгу не останется. Отгоните скот. Приказ пришёл, требуют выполнить. Идёт война, нужно делать так, как решает руководство».

Пришлось согласиться. Папа взял с собой старших после меня двух сыновей и отправился в 20-й совхоз. Кто-то ещё из ремонтненских мужиков пошёл с ним и кухарки для приготовления пищи. Путь неблизкий и трудный.

Приехали в совхоз, получили скот, прогнали его уже через наше село и направились дальше, в Калмыцкие степи.

Юрий перед этим нашёл себе хорошую лошадь, арабской масти, небольшую, молодую, необъезженную. Он сам её объезжал и на ней ездил. Верховая была.

Вообще-то в колхозе хороших коней не осталось. В ту пору формировали для фронта кавалерийскую дивизию и всем приказали гнать табуны лошадей на Волгу, в Астрахань. Наш колхоз имел порядка четырёх тысяч лошадей, но когда загорелась война их почти сразу забрали для армии. Тем не менее, Юрий каким-то образом раздобыл хорошего коня.

День тогда выдался исключительно жаркий. Залитая солнцем степь лежала перед глазами. Над пустынными дорогами бродило жёлтое марево.

Уже продолжительное время гнали гурт скота и коней и заметили, что вместо бесконечной ровной местности дорога повела в гору, в гору, в гору. А что за горой – неизвестно. Кто знал обстановку, объяснил: за холмом – село, но не конечный пункт, скот нужно гнать дальше.

Поднялись на бугор, и взору открылся многокилометровый пологий скат. На нём поле, когда-то, видимо, засеянное, потом брошенное. Вместо доброго урожая стеной поднимался большущий бурьян, высотой метра 2–2,5. Дорога шла через него. Что делать? В таких зарослях весь скот растеряешь. До вечера недалеко, где его в темноте ловить будешь?

Собрались мужики на совет и решили заночевать здесь же, в открытой степи, хотя это очень опасно. Днём на серой однотонной равнине заметен каждый предмет. Если кто-то идёт или едет, его можно рассмотреть невооружённым глазом на значительном расстоянии, до десяти километров. Никуда не спрятаться, ничем не заслониться: голая степь держит человека, как на ладони.

Совсем другое дело ночь. Когда месяца нет – темнота кромешная, беспросветная. Теряются в густой мгле любые очертания. Ночную Сальскую степь никто не осветит.

Расставили охрану. Договорились, что одни начнут дежурить до восхода луны, другие – после. До восхода постави-

ли самых молодых, а потом должны охранять табун люди постарше.

Юрий своего гнедого стреножил, чтобы не убежал, и занял место на охранном посту.

Четыре стороны света – четверо дежурных. Ходят, каждый своё крыло охраняет – черна непроницаемая ночь... Однако что это? Прислушался Юрий, присмотрелся – кони в сторону уходят. А они своеобразные животные, ночью в основном пасутся. Овцы ложатся, коровы ложатся, а кони нет.

Как быть? Верхом можно быстро завернуть отбившихся от табуна, а пешком? Пошёл было за ними, быстро пошёл, поспешал вдогонку – ничего не получалось, никак не догнать. Пустился бежать, – а они от него. Вот незадача. Спотыкался и падал, снова поднимался и снова бежал – всё равно обогнать не мог. Наконец понял, что одному не справится, закричал пронзительно, надрывно:

– Лошади уходят! – И стрелой помчался к спящим мужикам.

– Ты чего кричишь не своим голосом? Всех на ноги поднял!

– Коней не могу завернуть! Уходят! Очень быстро уходят!

Вскочили, мигом оказались на лошадях. Юрий тоже своего коня распутал, прыгнул на спину. Видят, отбивается крыло и скачет как раз в сторону восходящей луны.

А она поднималась из-за невидимого горизонта медная, пышная. И шагнула степь из тьмы. На неосвещённых скакунах казалось нет никого, мчатся одни, без наездника. А осветили лунные нити движущиеся силуэты – и проявились сбоку седла всадники. Как приросли к боку лошади. Было что-то невыразимо-безнадёжное в этом ускоряющемся темпе бегущего табуна с припавшими к ним угонщиками.

Уводили косяк бандиты, а Юрий думал, что лошади сами по себе отбиваются, меняют место пастьбы. Рассчитывал пешком их завернуть. Совсем неопытный был и наивный. Разве угоняемых вернёшь, хоть и на лошади поскачешь?

Конечно, все очень рисковали. Та ночь могла стать последней. Охрану бы перестреляли и весь скот погнали бы в степь, припрятав в камышах Манычских озёр. Уже много раз так поступали, не об одном случае рассказывали.

А папа и все люди с ним всю ночь глаз не сомкнули, с минуту на минуту ожидали возвращения грабителей. Предполагали, что те ускакали за дополнительной помощью и в любой момент вернутся. Фактически смерть смотрела в глаза, все были на грани уничтожения, но Господь чудно хранил и исполнил слова псалмопевца:

«Живущий под кровом Всевышнего под сению Всемогущего покоится.

Говорит Господу: "прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!"

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы.

Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен...

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем...

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится...» (Пс. 90: 1–5, 7).

Ещё дома отец успокаивал: «Ничего не случится, Господь оградит. Пойдём, поскольку обещают хорошо заплатить, с долгами сможем расплатиться». Память не сохранила подробности, сколько тогда заплатили за опасную работу, но благодарение Богу, Он не позволил случиться беде.

Потом, когда утром пригнали скот в ближнее село, жители удивлялись:

– Это невероятно! Как вы остались живы?!

Воистину Небесный Отец «...творит дела великие и неисследимые, чудные без числа... Он разрушает замыслы коварных, и руки их не довершают предприятия... Он спасает бедного от меча, от уст их и от руки сильного...» (Иов. 5: 9, 12, 15).

Такие картины не проходили незамеченно. Они оставляли неизгладимый след, вселяли упование на Господа, и оно незримо присутствовало в сердце.

Новочеркасск

1.

Летом 1941 года во всю мощь война полыхала на землях Белоруссии, Украины, центральной части страны. Но в нашей стороне проявилась лишь сводками Информбюро из чёрного репродуктора, поспешной мобилизацией да отгоном скота и техники. Во всём другом войны как не было. Для нас она гремела где-то далеко, за пределами нашего мира, была происшествием, нас не касающимся.

И загораживалась другими событиями...

Новочеркасск... Как сейчас, его вижу. Стоит у столярного станка мастер-наставник, точно рассчитанными движениями строгает доску. Отложит рубанок, приподнимет край, зажмурит глаз, глянет другим вдоль торца, проверит точность. Проведёт рукой по доске – она гладкая, нежная.

Мы, ученики, внимательно смотрим, а мастер объясняет, как рубанок держать, как встать у верстака. Всё вроде просто, легко и понятно. Но вот он передал инструмент ученику, тот попробовал – рубанок воткнулся в доску, ни с места. Как же неуклюжи непривычные к делу руки! От неумения, неуверенности и пот на лбу выступал. Учитель не торопился, терпеливо объяснял, давал время разобраться. Его спокойствие передавалось нам. Вот уж другой, третий раз провёл новичок рубанком вдоль доски – получилось! Теперь дело за навыком.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года обязал председателей колхозов ежегодно выделять по два человека молодёжи мужского пола в возрасте 14–15 лет в ремесленные и железнодорожные училища для притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Это был мой возраст.

На предложение местного начальства родители не возражали отправить меня за 400 километров в Новочеркасское ремесленное училище. (Ремесленные училища (РУ) официально значились как «учебные заведения начального про-

фессионального образования по подготовке квалифицированных рабочих...»)

Предвкушение чего-то неизведанного объяло меня ещё в дороге, когда в августе 1941 года с первыми лучами солнца я оставил родной дом, дружную семью, простился с вольным ветром, с любимым конём, с нелёгким, страдным трудом пастуха и отправился в неизвестность.

Новочеркасск переменил жизнь в одночасье. Там всё было другое: воздух, окружение, быт. Вместо степного простора – чугунный, чёрный дым заводов и фабрик, вместо пустынной земли – городская сутолока и суета. Рядом ни родителей, никого из близких. Кругом чужие, незнакомые люди, новые товарищи. Нужно самостоятельно решать, выбирать, кого слушать, чего держаться.

Оставался один путь: довериться Богу, чтобы управлял тобой Он, а не своенравные человеческие правила; чтобы Он руководил полно и постоянно, полнее, чем в оставшейся позади привычной жизни.

А мне ещё и 15 не исполнилось...

2.

В ремесленном училище всё было строго. Дисциплина – сродни военной. Она обеспечивала нужный порядок.

Учили бесплатно и содержали на полном государственном обеспечении (питание, обмундирование, учебники, инструменты, общежитие). Форма нам очень нравилась, многие даже щеголяли в ней, выходя в город: шинель из чёрного сукна, большой кожаный ремень с медной бляшкой и буквами «РУ», фуражка с кокардой, суконная гимнастёрка с накладными карманами, такие же брюки.

Уроки проводились, как и в обычных учебных заведениях, но в отличие от них на занятия и в столовую мы всегда ходили строем.

Меня определили в группу столяров-краснодеревщиков. Эта специальность требует более сложных операций с деревом, чем обычного столяра. Испокон века из древесины

ценных пород (в основном красного дерева) изготавливали высокохудожественную мебель – отсюда и название.

Я окунулся в новый мир. Это было огромное изобилие доселе неведомых вещей: токарный станок, верстаки, рубанки, фуганки, долота, стамески, угольники, уровни... Вскоре в мастерской мы уже пробовали делать наличники, осваивали врубки, соединения, так что через время могли собирать табуретки и без гвоздей да так, чтобы при проверке на прочность они не качались.

Хорошим краснодеревщиком способен стать не каждый столяр – только тот, кто испытывает настоящую любовь к дереву. Никто другой не сможет подолгу без устали вытачивать, выпиливать и подгонять друг к другу небольшие детали, по несколько раз покрывать их морилкой, лакировать особым составом и соединять с помощью клея, сваренного по старинной рецептуре.

Но главное, нас учили по чертежам изготавливать деревянные макеты – предварительный образец, по которому должно отлить металлический предмет. Мы готовили, например, модели сложных моторов; и, чтобы хорошо справиться с заданием, нам надлежало знать, помимо всего прочего, устройство станков, принцип их работы, свойства дерева, металла, применяемых инструментов, хорошо чертить и разбираться в чертежах, производить расчёты. Фактически нам сообщали начала высшей математики, механики, в какой-то мере затрагивали науку сопромата (сопротивления металлов). Иногда предлагали смастерить из бумаги объёмные геометрические фигуры. Подвесив, мы проецировали их на разные плоскости – так развивалось наше «пространственное воображение».

Мастер поручал: «Вот тебе чертёж, вот верстак, надо сделать вот такую модель».

Повышенные требования открывали необыкновенно прекрасный мир, такой отличный от того, что я видел раньше! Предметы были очень интересные, и неудивительно, что мне тут нравилось и хотелось учиться.

Душой училища был мастер-столяр, еврей, опытный наставник, человек уже немолодой, основательный. Он видел, с каким избыточным усердием усваивались его уроки, как увлечённо допоздна я занимался в мастерской, отмечал аккуратно выполненные чертежи и доверял мне многое, старался побольше передать из своего богатого опыта. Его благосклонность всячески поощряла моё усердие.

Жизнь вдали от дома не прошла бесследно. Она вырабатывала дисциплинированность, способность к обдуманным действиям. Обстановка и окружение учили постоянной сосредоточенности, даже напряжённости. В недрах души просыпалась и укоренялась решительность и твёрдость; и испытание на прочность не заставило ждать.

3.

Шло к вечеру. Я вышел из училища. В пяти-шести шагах от крыльца стояла кучка ребят. По всей видимости, ожидали меня.

Подошёл. Спокойно всмотрелся в лица, поймал горячий взгляд. Одни – улыбались самодовольной улыбкой, другие обнаруживали настороженность. Я как-то сразу распознал их намерение – подобная этой, жестоковатая мальчишеская толчея уже пробовала разок-другой поднимать на смешок мою непреклонность. Догадка тут же подтвердилась.

– По какому это случаю ожидаете? – спросил как можно спокойней, доброжелательней.

Они окружили потеснее и наперебой:

– Ген! Ты же не слабак. Чего боишься?

– Отличный парень и чтобы не курил, – так не бывает!

– Только разок затянись, попробуй, увидишь как здорово!

– Быть не может, чтобы не захотел!

– Да какой ты мужик, если ни разу не заругался? Ты и на полмужика не тянешь!

Но перед ними стоял совсем не детских лет мальчишка,

а тот, кто вынужденно мужал в ночных очередях у хлебных астраханских магазинов, а потом утверждался всей жизненной обстановкой и действием Божьей благодати в сердце. Уже тогда отчётливо проявилась отметная особенность – иметь своё мнение.

– Праздно говорите вы это, ребята! Напрасно. Ведь всё ни к чему. Я считаю, что любая личность – ответственна и имеет совесть. Она-то и говорит в сердце, как вести себя правильно, что̀ делать можно, а что нельзя. Вы хотите, чтобы я стал неотличимым от всех? Но не зря говорят: «Вороны сбиваются в стаи, а орлы летают поодиночке». Я не хочу превратиться в слепое орудие кого бы то ни было и чего бы то ни было, запереть под семью замками свою совесть и чувства. Человек одарён правом выбора. И если вы панически страшитесь быть не как все, то я не боюсь один идти туда, куда другие не идут. Не лежит моя душа повторять чужие слова и подпевать чужой песне. У меня есть собственная.

Так кем быть? Как все или оставаться самим собой? Чтобы быть самим собой, надо быть сильным. Я выбираю собственное мнение, хотя знаю, что за него надо платить.

Такая решимость обескуражила и остановила. Свинцовое молчание придавило собравшихся и как приковало к месту. Я постоял ещё минуту и пошёл.

И всё-таки, несмотря ни на что, меня считали в училище артельским парнем, душой компании. Было в моём поведении что-то такое, невольно ощущаемое всеми, что не позволяло относить меня к «серым» личностям, с кем позволительно обращаться с презрением. При этом я никогда не стремился к первенству, не лез быть частью «избранной верхушки», выделиться и прославить себя. Даже напротив.

Обстановка доверительного отношения, новые благоприятные условия – всё это нашло отклик в душе; и о недолгом времени, проведённом в стенах этого ремесленного училища, с тёплой благодарностью Богу я вспоминал всю жизнь.

Но в те дни неудержимой волной разливалась война. Давно в боях умирали люди.

4.

Лето 1942 года в Ростовской области выдалось сухое и жаркое. Не только погода. Жаркие бои гремели уже в непосредственной близости от Новочеркасска. Ожесточённые сражения завязывались в излучине Дона на Сталинградском направлении. Мы слышали грозные и тревожные раскаты орудийного грома.

По унылым дорогам Сальских степей потянулись на восток колонны наших войск – пехоты, артиллерии, танков, обозов. Массы пыли мглой застилали небо над городом и над степью.

Нас было человек пять, а может четверо.

Среди неоглядного степного простора, над которым стояло огромное, горячее, мутное небо, виднелись наши тощие фигуры. Бесконечная пыльная дорога упиралась в небосклон. С усилием мы передвигали побуревшие от солнца, от горькой полыни ботинки, то и дело перекладывая с плеча на плечо чёрную шинель, холщовый мешок, – весь наш небогатый пожиток. Мелкая, въедливая пыль лезла в рот, в нос, в уши, покрывала серым налётом волосы, нахлобученную на глаза форменную фуражку, почерневшее от загара лицо.

Мы шли уже не один день. Не один день нас немилосердно палило солнце, обжигал горячий ветер. Зной струился и колебался над буграми. Неутолимая жажда мучила и палила. Сухая, липкая горечь сводила рот, обволакивала язык, нёбо.

На самом краю степи вдруг показывалась длинной полосой вода, неясные силуэты деревьев, ветряных мельниц, строений. Они манили к себе покоем, отдыхом и свежестью. Немного погодя эта светлая полоса воды отделялась от горизонта вместе с силуэтами деревьев, держалась некоторое время на воздухе, таяла. Миражи... И опять нас сопровождала одна открытая, безлюдная, душная степь.

Я бежал с товарищами из училища. Путь из Новочеркасска в Ремонтное лежал через эту тусклую безжизненность Сальских степей.

Мы двигались вслед за нашими отходящими частями, которые стремительно откатывались на восток и юго-восток всё дальше и дальше, за тихий Дон, в Калмыкию, на Кубань.

Однако самовольно покинув училище, мы немало рисковали. Не только непредсказуемостью перехода пустынной степью. По закону того времени учащихся ремесленных училищ за самовольное оставление места учёбы могли подвергнуть по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до одного года.

Но после весны 1942 года, вследствие непобедного наступления наших войск на Харьков, положение заметно обострилось. Участились налёты немецких самолётов, и уже ничто не могло нас удержать. «Домой! Скорей домой! К своим!» – влекло неподвластное доводам горячее чувство. Время было особенное, крутое, тяжёлое.

Из Новочеркасска мы добрались сначала до Ростова, чтобы перебраться через Дон и попасть в Батайск, а оттуда в Зимовники – ближайшую до Ремонтного железнодорожную станцию.

5.

Ростов жил тогда своей напряжённой, хлопотливой жизнью. Всего полгода назад в него уже входили немецкие части, но ненадолго – он был отбит, освобождён, и теперь на улицах царило оживление: люди спешили каждый по своим делам, в дома подавали электричество, хлебозавод выпекал хлеб и продолжали работать переправы через Дон – мосты как железнодорожные, так и на плавучих упорах.

И всё же – война! Временный успех оказался непрочным, к городу стремительно приближались чужие войска. Для многих жизнь слилась в одно назначение: война, на войну, для войны.

В тот день над городом не раз «висели» немецкие бомбардировщики. Сначала они проходили на большой высоте, потом снижались и сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы. Кассеты от зажигательных бомб, падая, наполняли воздух оглушительным воем. В основном били целенаправленно: по окружающим город железнодорожным путям, мостам, зенитным батареям.

Мы искали железнодорожный вокзал. Нашли.

Зал ожидания – полон, в толчее никуда не пробиться. Ряды тел лежали вповалку снаружи перед дверями и внутри на полу вокзала. На перроне народу ещё гуще. Некоторые тут же укладывались на ночлег. Люди неделями ожидали возможность уехать. Непрерывным потоком в сторону Сталинграда шли перегруженные эшелоны с отступавшими советскими войсками, техникой, беженцами.

К первому пути медленно подползал поезд. К нему бросились озабоченные военные, штатские, железнодорожники, пассажиры. Оттесняя друг друга, одни скакали на ходу на подножки, другие лезли в окна и на крыши вагонов. Суматошливый топот и гомон смешивался с воем и грохотом разрушительных взрывов. Мне с ребятами необъяснимым образом удалось протиснуться между крепких рук, торопливых ног, огромных мешков, корзин, сундуков и забраться внутрь вагона. В нём уже было набито и душно. Пристроились кто где смог.

Только сели и поезду надо было уже по мосту через Дон проезжать, – смотрим, опять налетели немецкие бомбардировщики, начали бомбить. То ли устоит мост, то ли нет. Переполненный состав стоял, прикованный к рельсам, и никто не знал сколько продлится эта вынужденная остановка.

В вагоне женщина заговорила со мной, но от бессилия я и слова не мог вымолвить. Худой сидел, голодный, измождённый. А поезд всё задерживался и задерживался. Опять сирена, опять тревога, опять тяжёлые взрывы.

Она говорит:

– Ты шо такый бледный? Мабуть, больной?

Молчу.

– Ты, мабуть, йысты хочешь? (То есть кушать хочешь.)

Опять молчу.

Раскрыла корзину, достала "нэвэлычку торбынку" – небольшой мешочек и высыпала на руку маленькие плотные шарики, по виду, как орешки. Протянула:

– Возьмы горишкы.

Это было своеобразное самодельное печенье, приготовленное на сале, вкуснее которого я, наверно, в жизни не ел.

Вот так иногда Бог трудится в каком-нибудь сердце, человек и не догадывается об этом. Просто вспомнит в тот момент что-нибудь своё и скажет в душе: «Где-то и мой вот так же шатается. Может, Бог даст, и ему кто-то поможет».

Непреложен Господа закон: ты окажи добро здесь, а у Него телеграф хорошо работает. Он тебе в другом месте поможет, коль ты здесь откликнулся на чужую беду.

После этих мучных орешек головная боль сразу исчезла, глаза просветлели, силы появились, я стал способным передвигаться. Тут вскоре и поезд наш тронулся.

Кое-как добрались до станции Зимовники. А оттуда до Ремонтного 130 километров степного бездорожья. Так и шли, как рассказано выше: без хлеба, без воды, ничего из еды с собой не имели.

Далеко друг от друга станицы. Заходили в те, что лежали на пути. Женщины сбегались, спрашивали: «Ну как там, сынки? Что там?..» В то время в подобных захолустьях люди толком ни газет не читали, ни радио не слышали.

Рассказывали им, что̀ видели. Как бомбят с воздуха немецкие самолёты. Они ловили каждое слово, сдержанно гудели. Выносили по кусочку хлеба, но больше всего помню мочёный тёрн, в нём своеобразная сладость. Кто-то варёную свёклу давал, кто-то ещё что-нибудь – так и шли от станицы к станице. Переночуем и опять в нелёгкий путь. Километров по 30 в день проходили и добрались до своих.

Домой пришёл, а дом занят нашими солдатами. Фронт ещё рядом был.

Оккупация

С приближением фронта отца призвали в третий раз. Отправили в живописный старинный посёлок Белую Калитву в центре Ростовской области, на шахты. Валя туда к нему приезжала. Но он там недолго пробыл. Жарким летом 1942 пошло наступление немцев в этих краях. По всей округе загремели кровопролитные бои, сжимая в железные объятия Ростов, тихий Дон, Сальские степи. Рёв танков, пушек, самолётов, не переставая, катился по небу и по земле...

Под приказом «Ничего не оставим врагу!» наши части, уходя, выводили из строя электростанции, мосты, железнодорожные узлы, поджигали склады, подрывали и затопляли шахты. Что делать рабочим? Кто пригоден – уходил на фронт, а непригодные для армейской службы, такие, как наш отец, остались не у дел, никому не нужные. Выход был один: опять отправиться домой, к семье.

Решение принято, но как осуществить? Белая Калитва раскинулась в месте слияния четырёх рек: Северский Донец, Белая Калитва, Лихая и Быстрая, причём полноводный Северский Донец протекает её насквозь. На переправе столпотворение войск, автотранспорта, коней, техники, гражданского населения. Немецкие самолёты бомбили это скопление самым беспощадным образом. Переправу не прикрывали ни наша артиллерия, ни авиация, ни дымовые завесы.

На той стороне, где оставался папа, собралось много техники и людей, которые не могли переправиться на другой берег, потому что не на чём: лодки, плоты, доски и всё, на чём можно плыть, – до единого куска дерева успели переправить на ту сторону.

Что же дальше?

Вернулись в Ремонтное некоторые мужики из нашего села, которые вместе с отцом на переправе были. Мама сразу к ним: «Вы что-нибудь знаете о Косте? Где он?»

Замотали головой:

– Ничего не знаем. Там такое творилось! Всё исчезло в один день. Да что там – в день. В часы. Грохот, свист, скрежет металла. И удары. Совсем близко. От этих ударов темно даже стало, день померк. Бомбёжка жуткая. Переправлялись, кто на чём и как мог. Многие пытались вплавь перебраться. А немцы на бреющем полёте расстреливали их. Настоящую бойню учинили. До переправы мы его видели, а после переправы – нет. Нигде не встречали.

Мы понимали, что отец не мог ринуться вплавь, хотя и вырос на Волге и неплохо плавал. У него не хватило бы сил переплыть широкую реку.

Так что односельчане шли домой без отца. Он только через месяц пришёл.

Как сегодня, картина перед глазами: ребята сидели наверху, на печке, играли. Печь не топилась, просто играть там удобно. Мы, старшие, внизу чем-то занимались.

Он зашёл. Шубняк на плече, старая-престарая шуба, вся изношенная, рваная, нёс детям, чтобы хоть рукавицы сшить или бурки (самодельные валенки, простроченные по типу ватника). Весь выгорел, пока за фронтом шёл 35 дней. Немцы двигались, а он следом за ними. С большими трудностями добрался. Подробно не расскажешь. Под дулом пистолета стоял, пережил угрожающие минуты перед расстрелом. Только любящий Господь не позволил причинить зло.

Поймали его где-то в степи немецкие солдаты. Его наголо стриженая голова (он был мобилизован на трудфронт как солдат) удваивала и утраивала подозрение. Приступили сурово:

– Коммунист?

– Нет, не коммунист. Баптист.

Не успокоились. Требовательно тыкал в него худощавый, жилистый, чёрный от жары и пыли немец:

– Комиссар? Болшевик?

– Не комиссар. Разве не видно, в чём одет?

Потом приблизился вплотную и крайне строго:

– Еврей? Юд?

– Нет, – ответил, – не «юд», русский. («Юд» по-немецки еврей, а евреев сразу расстреливали.)

Один из них как-то слишком внимательно всмотрелся в него, зачем-то потёр ему на шее, понюхал, громко вдыхая воздух, и вынес вердикт: «Neint!» («Найн» – то есть «нет».)

И всё это время держали пистолет у виска...

Отпустили. А могли бы не отпустить. Любая деталь вызвала бы подозрение, и спустили бы курок.

И вот пришёл. Заходит и говорит:

– Можно войти?

Валя с неудовольствием:

– Да заходите.

Нам уж очень надоело: двигаясь к Волге, шли и шли солдаты разного калибра, и все с одним желанием взять что-нибудь. То им дай, это подай. Одни придут – зерна требуют, другие придут – тоже волокут, что глазом накинут. Всё, что у нас было на целый год, ещё до Нового года съели солдаты.

А ребята с печки посыпались, как горох: «Папа! Папа!» Не верилось: какой папа? Совсем не узнать! Обросший, выгоревший какой-то. А это действительно отец наш пришёл!

2.

В тот день наши ребята сговорились с мальчишками из соседних улиц отправиться к вечеру на бахчи в колонию в трёх километрах от Ремонтного. Начальство всё сбежало, а поля сторожили трестовские базы, но они находились далеко. Поэтому бахчи практически не охранялись, а на них давным-давно созрели и арбузы, и дыни, и огурцы.

Собралась идти целая орава. Вышли к назначенному времени, а друзей никого нет. Видимо, о чём-то предупреждённые родители их не пустили. Наша семья ничего не знала.

Если другие не пожелали, решили двинуться сами. Уж очень велик был соблазн даром достать лакомую еду.

Подошли к краю села. Там солдаты, ещё наши, советские, никого не пропускали:

– Нельзя из села выходить! Возвращайтесь к родителям.

Стали ребята сочинять небылицы, проситься:

– Пустите нас, мы домой идём. Наш дом там, за селом. Мы в колонии живём.

Солдаты посоветовались:

– Ладно, идите. – И пропустили.

Странное что-то происходило за селом, люди спешно окапывались, рыли длинную глубокую канаву. А слева со стороны 4-й бригады то выстрелы, то ракеты, то луч прожектора перерезал небо. Тогда все боялись калмыцких бандитов, и сложилось представление, что это их козни.

Пришли в колонию. Все – к ребятам, спешили узнать, что же в Ремонтном? Как раз в тот день во двор управления нашего колхоза бомба упала. Здешние жители видели на расстоянии трёх километров, что в Ремонтном что-то случилось.

Рассказали им, как бомба упала, как вся детвора бегала смотреть. Земля ещё горячая была, когда они воронку рассматривали.

В колонии жил Бондин, верующий, который советовал папе переехать из Астрахани. У него остались ночевать.

Утром: бах-бах, бах-бах... Что такое? Совсем невдогад: калмыки или какие-то учения?.. Началась пулемётная стрельба. На птицеферме от пуль многие цыплята, уже выросшие и большие, так и остались недвижимыми на земле.

А в это время в Ремонтном хотели наш дом снести, он стоял на пути и мешал проходу танков. Чудом всё обошлось. Не тронули.

Возвращались ребята с колонии, а со стороны 4-й бригады доносились раскаты ожесточённой битвы. Затем снаряды стали рваться в селе. Отдаваясь в вышине, волной прокатывался расседающийся гул. Дребезжали стёкла в окнах. Дрожь земли от тяжёлых ударов докатывалась и сюда, на дорогу. И от этих ударов внутри оседал ледяной холодок.

Это был первый голос войны, которая до сих пор шла где-то далеко и доходила к нам лишь в слухах, рассказах, сводках Информбюро да редких письмах-треугольниках.

Когда сражение кончилось, в середине села остался наш подбитый танк, его трактором куда-то тащили. Стало понятно, в чём дело.

Поднимая клубы пыли, к управлению подъехала и остановилась непривычная процессия: два мотоцикла и штабной автомобиль типа «Виллис». Селяне с удивлением смотрели на пришедшую из песков машину, сверкавшую под лучами солнца. На мотоциклах – немецкие автоматчики в глубоких касках. В автомобиле, как видно, офицеры или начальники – в фуражках, при галстуках и в перчатках. Вышли. Зелёная форма солдат добротная, ладно пригнанная. Наших солдат наголо стригли, а эти – нет, с отращёнными волосами.

Мы оказались на оккупированной территории. Многосложная действительность стремительно заполнила дни. Прежнее неожиданно рухнуло. От бывшего ревностно соблюдаемого устройства не осталось и следа, как не осталось и тех, кто его неукоснительно поддерживал. Кто-то ушёл на фронт, кто-то исчез в неизвестном направлении, кто-то остался и затаился.

Что будет дальше, никто не знал. Поговаривали, что впереди не видно ничего хорошего: трудности, опасности, неизвестность. Но кто мог с точностью сказать, как теперь жить и что нужнее в этой жизни, которая началась с того часа, когда у правления колхоза остановились чужие машины? От разговоров и дум пухла голова. Лишь надежда на Бога укрепляла силы, помогала родителям не поддаться волнению.

А нам, пострелам, тревоги были чужды. Всё нипочём.

Прежде всего нас моментально потянуло в управление колхоза, где раньше стояла наша часть. Оттуда женщины уже тащили всё, что можно: шинели, сапоги, какие-то вещи. А мы скользнули туда, где лежало много патронов, винтовки разные, наганы. Вход был с улицы и со двора.

Наши друзья тоже прибежали, все увлечённо копались.

Вдруг с главного входа зашёл немец, на боку кинжал со свастикой. Кто-то крикнул: «Фашист!» От безотчётного страха мы, как стайка воробьёв, мигом порхнули к противоположной двери, выбежали во двор, прыгнули в противотанковый ров (а может просто убежище было) и потом незаметно ушли. Лишь успели набрать керосин, его очень всем не хватало, электростанция в то время уже не работала и дома освещались керосиновыми лампами. Набрали в бутылки жидкости, не разобрались какой, принесли домой. Мама утром посмотрела, а это противотанковое горючее, бутылки с горючей смесью.

– Что вы наделали? Несите где взяли!..

Да разве мы обратно понесём? Закопали в огороде. Немцы потом нашли, выкопали из нашей ямки.

Так началось для нас смутное, непредсказуемое время новой власти, новых порядков.

Кровь и слёзы

1.

За восточной окраиной Ремонтного – песчаная балка, в ней – карьер, там песок брали. Их расстреляли над песчаными ямами, облили бензином, бросили гранату, так что никто не остался в живых.

А всё начиналось многообещающе.

Спасаясь от войны, люди бежали кто куда. К лету 1942 года в Ремонтном, как и во всей округе, скопилось множество беженцев. Преимущественно евреев. Оставившие свои насиженные места очень надеялись, что этот дальний край станет для них надёжным укрытием.

Время отсчитывало дни, заботы наполняли их будничной суетой. Казалось, этому не будет конца.

Зашла к маме по какому-то делу старенькая еврейка. Она любила приходить в наш дом, часто разговаривала с мамой. Села на стул, обтёрла платочком влажные от пота лоб, нос, щёки, поправила упавшее седое кольцо. Лучевые

морщинки близ глаз и губ выражали и возраст, и усталость.

Она задумчиво осветилась в тихой, светлой улыбке:

– Как ругают, что немцы уничтожают евреев, издеваются над ними. Неправда! Они такие все галантные, вежливые, предупредительные. Такие хорошие люди, что я просто не понимаю, зачем такую напраслину на них возводят... – И всё вытирала платочком лицо.

Действительно, до того времени в нашей местности евреев никак не трогали. Никто руку не поднимал. До приказа. А после него в село прибыли крытые грузовики какого-то специального подразделения. Таких странных машин на гусеничном ходу мы ещё не видели.

Беда не предвестила о своём приходе, нагрянула нежданно-негаданно.

Рядом с нашим домом располагалась большая территория заготскота. Созвали всех туда. Объявили:

– Теперь нет нужды скитаться на чужих землях. Германская армия освободила от коммунистической чумы большие территории. Каждый может вернуться на своё место, где жил: под Польшей, в Белоруссии или на Украине. Для этого вас отвезут сейчас до Зимников – ближайшей железнодорожной станции.

Все обрадовались, кинулись собираться, тщательно укладывать ценности, какие имели. Много их скопилось во дворе с вещами.

Приказали:

– Все вещи кладите на эту машину, а сами садитесь в другую!

Долго их держали в кузове. К вечеру, не выдержав, стали они просить:

– Разрешите хоть сетку взять с продуктами, ведь 130 километров ехать, дети голодные, и напоить их надо, и накормить...

Не разрешили.

Валя, моя сестра, ушла с нашей детворой на водокачку, думала успеть воды принести до того, как машины тронут-

ся. Взяли коромысло, вёдра и побежали. Оттуда хоть и торопливо возвращались, но старались воду не расплескать. А фургоны уже навстречу едут.

– Ах, не успели проститься, последнее слово сказать! – горевали вслух, хотя в общем-то уже и простились.

Порадовались за них, считали, что они счастливые, к своим родным местам едут. А из фургона, крытого брезентом, такой душераздирающий вопль раздался, аж страшно стало. Оглянулись, а это старик у заднего борта, с искажённым лицом, перепуганный, стоял и так неистово, видимо, молился или просто плакал навзрыд.

«Что случилось? Всё шло так мирно, хорошо. Собирались в родные края, друг друга поздравляли, ликовали: домой едут! Что стряслось? Где объяснение?» – недоумение оставалось без ответа.

Позже выяснилось: когда им приказали уложить вещи на одну машину, а самим садиться в другую, не разрешили сетки взять с продуктами, – много видевшие в жизни старики заподозрили неладное.

Среди них была преподавательница немецкого языка. Солдаты неопасливо хвастались один другому:

– Глупые, думают, что им придётся где-то кормиться! Сейчас за село вывезут, и всё кончится, а они надеются ещё куда-то ехать, кого-то кормить...

Учительница поняла, и понеслось по рядам: «Нас везут уничтожать! Не домой везут, а убивать!»

Услышанное потрясло, раздавило сознание, лишило способности думать и рассуждать. Осталось только беззащитное чувство краха всему. Поднялся невообразимый крик. Кто-то попытался бежать, но их тут же хватали и как попало забрасывали обратно в кузов – быстрей-быстрей увезти. Вывезли за село и расстреляли. Рассказывали, что маленьким детям, кто держался за родителей, мазали под носом чем-то неизвестным, они чернели на глазах и расслабленным, войлочным телом сползали, как шаль с плеча, к ногам родителей и умирали.

Не дали людям лечь в землю природным успением. Эвакуированные облюбовали здесь гнездовья, приютились, казалось, на столетия – а в 24 часа со стремительностью десанта были собраны в кучу, погружены в машины, и в песчаном яру чужбины замкнулся их жизненный круг.

Привезли в комендатуру вещи, которые они сами укладывали на отдельную машину: одежду, одеяла, отрезы, всё необходимое и самое дорогое, что хотели взять с собой. Много было на еврейском языке религиозных книг, потому что они тщательно берегли для поколений духовное наследство.

Сгрузили всё в сарае. Большой такой сарай, а в середине дверь. И начался грабёж. Сначала немецкие солдаты брали приглянувшееся. За ними потянулись согласившиеся услуживать им. В комендатуре работали наши переводчицы, советские, они тоже стали отбирать для себя изъятое. Затем разрешили добирать оставшееся всем, кто хочет.

Увиденное в сарае, заваленном вещами, вонзилось в сердце, обострило восприятие. Всё улавливалось с удесятерённой резкостью и говорило не о редкой единственности момента, а об общечеловеческой испорченности после грехопадения Адама.

Вещи лежали в двух кучах. Здесь же стоял немец с засученными рукавами, дюжий детина, приставленный наблюдать. И плеть в руках. Пускали по очереди по несколько человек: одни уходили, другим разрешали войти. А в очереди ссорились, не по разу её занимали, гвалт стоял, кто-то ломился в дверь. Другие стремглав неслись домой, разлохмаченные волосы на ветру развевались; подушки отнесли, ещё бегут в очередь... Такая неописуемая кутерьма.

Но главное, всем своим сознанием каждый был прикован к той куче (её так и называли: барахло еврейское), которую отложили подальше для тех, кто сотрудничал с немцами, может, и сами солдаты что-то выберут из неё (для толпы определили другую отдельную кучу).

С отчаянным упорством все лезли стащить что-нибудь именно из отложенного для избранных. Отвернётся немец, и сразу дрожащими от спешки, путающимися, неслушающимися руками кто-нибудь норовил выхватить что-то оттуда. Солдат увидит, полоснёт плетью, человек с визгом отлетит и всё равно: только солдат отойдёт, они опять к этой куче лезут.

Один из тех, кто расстреливал, пришёл пьяный во двор, где в сарае лежали эти вещи, сжимал в руках полную горсть золотых зубов и хвалился: «Я сегодня работал зубным врачом, у всех покойников вытащил зубы и снял золото, какое было...»

Всеобщий азарт захлестнул Ремонтное. Даже кто-то из нашей детворы необдуманно заикнулся: «Пойдём и мы что-нибудь себе возьмём...»

Лицо отца потемнело: «Ни под каким видом! Ни в коем случае нельзя брать!» А они подростки, дети... интересно же копаться... Но отец строго-настрого запретил: «Нельзя! Это народ Божий. Его Господь Сам ведёт...»

Отроческий возраст слаб в познании жизни и не отличается мудрой проницательностью. Когда их везли в крытых фургонах, мы не могли до конца осмыслить происходящее. Хотя Юрий, например, понял, что̀ случилось, знал, что людей повезли на расстрел, но возраст не позволял глубоко осознать всю сложность положения. Сейчас, конечно, сердце по-другому реагировало бы, а тогда казалось: ну повезли куда-то, может, так и должно быть. Близко сердца не касалось.

А папа стоял во дворе и плакал...

От того дня около двадцати столетий назад Христос тоже плакал над Иерусалимом: «...Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Матф. 23, 37). Тогда Израиль не откликнулся на зов Спасителя. Первосвященники и старейшины стояли в числе первых обвинителей Христа. Возбуждаемый ими народ кричал: «Распни, распни Его!» (Лук. 23, 21). «Кровь Его на нас и на детях наших» (Матф. 27, 25).

Роковую ошибку совершили они, отвергая самую великую Личность на земле – Сына Божьего Иисуса Христа! В простом Назарянине они не узнали своего Мессию и Спасителя!

Апостол Пётр, сам иудей, горько обличал своих соплеменников и дерзновенно свидетельствовал всему израильскому народу о тяготевшем над ними преступлении, которое было общенациональным грехом и бедствием общенационального масштаба. По вдохновению от Духа Божьего он говорил: «Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами... вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконных, убили... Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Д. Ап. 2, 22–23; 36).

Вот в чём их смертная беда, неотвратимая трагедия – «ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего» (Иоан. 15, 23). Отвергая Христа, они ненавидели Бога и не шли путём покаяния! Это тяжкое преступление повлекло за собой страшный приговор: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23, 38).

Счастье своё обретёт этот народ лишь тогда, когда Господь изольёт на дом Давида и на жителей Иерусалима дух благодати и умиления, «и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (Зах. 12, 10).

Говорили, 300 человек тогда расстреляли в песчаной балке на восточной окраине Ремонтного.

2.

По-гречески кремень – pyropetra (огненный камень). Пиропетра – название средневекового огни́ва.

Добыть огонь высеканием искр посредством огни́ва – прелюбопытная вещь, требующая навыка, умения, знания. Им издревле пользовались вплоть до начала XIX века. Спички вытеснили этот способ из обихода, но война вернула всё «на круги свои».

Без печи обед не сварить. Без огня печь не разжечь. Добывать огонь кремнием и кресалом вошло в мою обязанность. Никто другой в семье не занимался этим. Мне доверяли столь сложное дело, и оно очень нравилось, как когда-то в Немчиновке полюбилось разжигать к столу медный самовар.

При мне всегда были кремниевый камешек и небольшой стальной нож. Я не расставался с ними. Для розжига приспособился брать щепотку пороха: он хорошо ловил искру и быстро воспламенялся. В то время достать это взрывчатое вещество не составляло труда. Хранил его в металлической баночке.

Я вышел из кухни под навес пристройки перед входом в дом и всё проделал, как и в прошлое утро, и накануне, и перед ним.

На небольшом куске железного листа мирно возвышалась взятая из банки малость пороха. Ударил над ней тупой стороной ножа по кремнию раз, другой, третий. Из камешка вырвался пучок ярких, жёлто-оранжевых искр. Порох тут же загорелся. Поднёс к нему, что̀ имел под рукой, – кусочек ветоши (другой раз и бумага годилась, но её в доме мало было, или связка скрученной соломы) и скорей в кухню, поджечь в печке сухие лепёшки навоза. Огонь от такого топлива невелик, но другого в Ремонтном не достать, а высохший скотский помёт и на улице, и в балке у водопоя удавалось подобрать даже охапку.

Дело привычное: добыть огонь, разжечь печь. Однако на сей раз чуть-чуть не рассчитал. Факел ветоши оказался сильным, быстро подобрался к пальцам, они невольно разжались прямо над наполненной порохом банкой.

Взрыв сотряс округу. Крышу над верандой снесло, лежащие на ней большие тыквы, как пушинку, разбросало по двору. На правой руке кожа сползла от локтя до запястья и висела лохмотьями, как порванная перчатка. Досталось и коленке – обожглась через прореху на брюках.

От жара и боли пришлось лежать в постели. Зашли не-

мецкие солдаты и сразу с подозрением: «Партизан?!» Кое-как мама изъяснилась, что нет, не партизан, беда стряслась. Посмотрел один из них обожжённую руку, присыпанную мукой, решительно закачал головой: «Найн! Найн!» («Нет! Нет!»). Пшеничные брови под такой же шапкой волос обозначили сочувствие. Глаза потеплели, лицо дрогнуло. Он что-то советовал, но мы ничего не поняли.

Как лечить? Ни врача, ни лекарств – война. Подсолнечным маслом рану смягчали, и удивительно, следа почти никакого, лишь пигментация кожи стала в этом месте чуть светлей.

Они интересные были, австрийские солдаты. Ходили подтянутые широким кожаным ремнём. На пряжке выделялось выпукло выбитое: «С нами Бог». Как совместить это с евангельским учением? Рабам репрессивного режима каждым штрихом подчёркивали, что они живут в полной свободе.

Бывало, вынут из кармана губную гармошку (почти каждый носил её с собой), заиграют искусно, весело. Мы встрепенёмся от неожиданности – мелодия знакомая, очень простая! Сколько раз своим домашним оркестром её играли!

Бог есть любовь –
О какое счастье!
Бог есть любовь –
Он нас возлюбил.
Пусть всякий радостно
Поёт и славит,
Его да славит.
Бог есть любовь!

Тогда папа снимал со стены висящую на гвозде мандолину, живо настраивал и начинал играть родной напев. Удивлённо взлетали их круглые, белёсые брови, и детским удовольствием сияли глаза. Каждый с радостью доставал из внутреннего кармана фотографии. Указывали на жену или детишек, на мать или отца и, благодушествуя, улыбались.

Всё было неизмеримо сложней, чем укоренившееся представление. И в той среде были простые, немудрящие солдаты – тот род людей, которых нетрудно отыскать на любом краю земли. Они составляли не те спецназы, в которые не проверенных не брали, а того, кто всё-таки попадал к ним по ошибке и не мог встроиться, немедленно уничтожали. Воюющие стороны пополняли свои силы простым народом, иногда убеждённым, иногда невольным, последних не спрашивали согласия. Немногим удавалось исхитриться и избежать злой доли.

Сколько раз за свою многовековую историю люди уходили от Праведного и Святого, добровольно избирая своим господином губителя, а не Спасителя! Созданные по образу Божьему, наши прародители ещё в Едемском саду не устояли в искушении, пренебрегли Божьей заповедью, покорились сатане, а значит вошли в смерть. Слово Божье гласило: «Не вкушай», то есть «не ешь» (Быт. 2, 17). Назначен был предел, за который нельзя было ступить, но человек вышел из него и встал на путь неверия и противления Богу.

Адам мог бы стать счастливым отцом неисчислимого потомства, но, наделённый Творцом правом выбора, свободой мысли и решений, употребил это не на созидание, а на разрушение и вскоре вынужден был припасть к окровавленному телу сына, убитого рукой родного брата. Бремя греха, печали, труда, болезней, войн, истребления пало на весь мир, который был так прекрасно создан Промыслителем!

Однажды найдя место в сердце человека, грех продолжает своё страшное дело. Поруганным оказалось всё святое, потоптаны заповеди Бога.

И тогда пришёл на землю Тот, Кто отдал Себя для спасения грешного мира и Своей Кровью и Своим победным воскресением искупил от власти греха и смерти падшее творение. И что же? История повторяется с ужасающей точностью. Справедливо Господь сказал: в последние дни

будет, как во дни Ноя перед потопом и как во дни Лота перед истреблением Содома (Матф. 24, 37–39; Лук. 17, 28–30). На протяжении уже не одного века идёт интенсивная дехристианизация мира. В результате разрастается грех, ненависть, зло, народы воюют друг с другом, духовно гибнут и вымирают.

Истории не будет конца до дня, когда Господь положит конец земле. И невозможно ожидать от этого мира чистого общества, способного искоренить из себя крайнее зло. До дня восхищения будет только Церковь Христа, будут только праведники, которые смогут противостать диаволу и не покориться злому. Только в этом единственная верная надежда для грешной земли, потому что эти предстоятели, воздевая к небу чистые руки, отодвигают гнев Господа на нечестивых.

3.

До того дня видеть одновременно такое жуткое скопление боли и крови мне довелось лишь однажды – пять месяцев назад (до оккупации), когда в школе разместили наших раненых солдат. Это сейчас, отстоя на полвека, люди не знают, что̀ такое война. Кто не пережил, не представляет всего ужаса. Буквально в два-три дня все больницы будут переполнены, школы заняты, учёба прекратится. Всё будет отдано под госпитали. Раненые, раненые, раненые... Одежды не хватает, питания не хватает, перевязывать нечем.

Наша армия отступала. Землю сотрясали взрывы. В неестественных позах бездыханные тела оставались на равнине. Фронт уходил через наши земли всё дальше вглубь, прогибался к Астрахани так же неумолимо, как разжимается ладонь от неподъёмной тяжести.

– Ишь как немец к Волге жмёт! Такое крошево устроил!.. – угнетающим осадком проступала в сердце колхозников обидная боль, застилая другие гнетущие впечатления войны.

Школа в Ремонтном стала госпиталем. Несколько дней раненых приносили и привозили без счёта. Одни сидели, ожидая помощи. Но таких было мало. Большинство лежали вповалку на полу и занимали всё здание: и первый, и второй этаж, и все коридоры школы. Августовский зной палил так, что ещё при подходе к ней в ноздри тянуло густым, тяжёлым запахом страдающих человеческих тел, гнойных ран, нестираной одежды и присутствия множества давно немытых людей. Всхлипы, хрипы, стоны и бормотание тех, кто в беспамятстве, стояли под потолком.

– А-а-а-а! – отозвалось в углу длинным надорванным стоном, когда я в очередной раз прибежал, чтобы чем-нибудь кому-нибудь помочь.

Без гимнастёрки, в нижней рубахе солдат лежал, вытянув вдоль туловища белые-белые руки. Тёмное пятно на груди расползлось.

– Поднимите меня... – чуть слышно прошептал. В груди у него громко и страшно заклокотало. «Наверно, умрёт», – кольнуло предчувствие.

Протянулось несколько минут. Белая рука беспомощно поднялась в воздухе. Я нагнулся...

– Пи-и-ть... – почти беззвучно выдохнул он из себя.

Через несколько минут вода ему была не нужна. Я не успел его напоить. В нём смерть уже гнездо свила.

Рядом другой пытался что-то сказать, но губы отказывались повиноваться. Он попытался снова:

– Воды... – получилось еле слышно, но так, что я разобрал. Принёс.

Он приоткрыл тяжёлые веки, перевёл на меня туманные от боли, но наполненные благодарностью глаза.

Неизъяснимая радость раздвинула моё сердце. Золотистый луч скользнул в душе и наполнил её тёплым светом. «...Всегда ищите добра и друг другу и всем» (1 Фес. 5, 15). С добром жить хорошо. Благо всё, что честно и полезно, всё, чего требует от нас сострадание к страждущим.

Вскоре раненых эвакуировали. Школа опустела.

4.

Время всегда верно себе: несётся сногсшибательно, не угонишься. Пять месяцев, напоенных пóтом оккупации, быстро стали прошлым. Наступательные бои наших войск положили конец виденному и пережитому, принесли другие сильные впечатления.

Раненых опять была полная школа. Только теперь они были из немецкого ополчения.

Зима. На улице студёно. Мир будто соткан из холода и пронизывающего ветра. И боли. Боль горела в груди, в разбитых прострелом ногах, расползалась по телу жадными языками пламени. Но теплее от него не становилось. Боль и холод дополняли друг друга и заставляли стонать лежащего на заснеженном пространстве двора школы австрийского офицера.

Это был ещё молодой человек. Красавец. Лицо, даже помертвевшее, дышало живописностью. На соразмерно устроенной голове ветер теребил пышные волосы. Длинные стройные ноги были обуты в высокие сапоги из тонкой кожи.

Она нагнулась над ним, вцепилась в ладно сидящий на ноге сапог, что есть силы потянула, стараясь стащить. Тщетно. Раненый шевелил окровавленными ногами, что-то пытался произнести, но вырывался только протяжный стон. Женщина не останавливалась, лишь встала поудобнее, снова и снова пытаясь снять добротную обувь. Тело раненого дёргалось, билось в конвульсиях, но она не унималась. Уж очень пришлись по душе сапоги!

Во дворе школы появился солидного возраста мужчина. Сухопарый, со строгим лицом. Короткие седые волосы гладко приглажены. Он стал посреди двора и молча наблюдал безобразную картину.

Затем шагнул к женщине и принялся совестить:

– Это полное неразумие! Разве можно так поступать с живым человеком?! Вы же женщина! Мать! Наверно, у вас тоже есть сын. Представьте его на месте этого несчастно-

го. А если бы вы узнали, что с вашим сыном кто-то сейчас вот так же поступает? Каково бы вам было? И у него есть мать, отец, возможно, жена, дети. Предосудительно так делать! Жестоко! Бесчеловечно!

Женщина вслушивалась в порывистую речь, и столько в голосе пришедшего звучало возбуждения и нещадной строгости, что она не выдержала. Молча разогнулась, повернулась и, не оглядываясь, поспешила со двора.

Он подождал, пока её фигура скроется за воротами и удалится на достаточное расстояние, быстро подошёл к лежащему на земле, вынул из кармана небольшой нож, ловко распорол по шву сначала голенище одного сапога, взял обеими руками за задник и легко стянул со ступни. То же проделал с другим сапогом.

Мужчина этот был школьный учитель, преподаватель словесности. Литературы? Истории? Наверно, не важно. Если вёл литературу, значит, обязательно разъяснял детям стихи Некрасова, чья муза особенно чутка к несправедливости, к человеческой боли. И стихи про партию с детьми учил. Теперь вёл себя вот таким образом... Тёмен человек, сам себя не знает...

Проницательному, вдумчивому подростку всё это доставляло наблюдательный материал. Жизнь открывалась с неожиданной стороны, острым зубилом вбивалась в память и оставляла неизгладимые следы в чувствительном сердце.

Голод

Когда зимой 1943 года вернулись наши войска, сразу арестовали всех мужчин, кто находился под оккупаций, в том числе и нашего отца. Бедственное, скудное время вновь заглянуло в семью. Наступал голод. Да и как ему не быть?

Минувший 1942 год не принёс отсутствия нужды, хотя и выдался хлебородным. Урожай созрел богатый, просился в закрома. Но тогда не страда была в разгаре – война. Дым-

ная, грохочущая, взрытая земля... Рёв танков, выстрелы, разрывы бомб и гранат и – новая эвакуация всего: скота, зерна, техники.

«Увозите всё, что можно!. Отправляйте завтра же!» – строгий приказ требовал немедленного неукоснительного исполнения.

Моторы комбайнов, какие увезти было невозможно, и оставляемые трактора разбивали и ломали. Не рассчитывали, что могут пригодиться. Сверлила одна мысль: кому всё достанется? Уцелеешь ли?.. Хозяйственная скупость и бережливость куда-то отступили. Царили лишь тоска и печаль по мирной жизни, так неожиданно нарушенной.

Но не собрать урожай – значит, готовиться к нищете, к неизвестным дотоле трудностям. Перед войной село жило неплохо, и о том, как жить без хлеба, не каждый имел представление.

Душа крестьян заныла от предчувствия новой беды, связанной со смутным страхом, как жить, если не будет хлеба. Не одну ночь светились окна в хатах, люди не спали, ходили по соседям, чтобы узнать, может, отменено указание об эвакуации, может, известно что-то другое об этом.

Другое не произошло. Из села вывезли всё, что можно было, кто чем богат был. В тех местах, где по каким-то причинам не успели эвакуировать убранный и заскирдованный урожай и сено, – всё сжигали. Дым взмывался в небо плотной чёрной змеёй, и такой же чёрный пепел – прах от налитых зерном пшеничных полей смешивался с пылью редких в степи дорог. Её поднимали колёса техники и солдатских ног уходившей к Волге нашей армии.

Амбары опустели. В освобождённом Ремонтном у людей весной не осталось ни зерна, ни семян для посева. Посадить в землю нечего было. Новое время уничтожило всё, что завело старое.

И началась общая бесхлебица. В село ведь никто хлеб не привозил, наоборот, из села вывозили в город. По закромам ветер свистал, всё пусто. Тут наша семья, конечно,

сильно страдала и погрузилась, как и все кругом, – в скудость и голод.

Существовала в Ремонтном организация госскот, там мама работала. Всех бухгалтеров-мужчин на фронт взяли, и ею очень дорожили. Поэтому некоторое время два литра молока выдавали. Никому ничем не платили, только ей. Люди бесплатно работали. Давали одно молоко, ничего другого: ни зерна, ни крупы, ни муки. Два литра принесёт, а в доме ребят что опят. Чтò на всех два литра?

Нужда тяготила невподъём и не раз отправляла на необычный промысел.

Как-то, тоже в горячий полдень, пошли мы с Юрием без дороги по бугристой степи. В руках по палке. То тут, то там раздавался резкий свист: суслики предупреждали сородичей об опасности. Вокруг вся земля вздымалась небольшими холмиками – их норками. Такими бугорками рябил весь приплюснутый пригорок, возведённый сотнями поколений этих зверушек. Иной из них привставал на задние лапы, возвышался столбом, как страж, застывал свечой среди серой однотонности и, часто моргая, зорко посматривал бусинами глаз и вокруг, и в небо. Чуть что-то не так, пронзительный свист оповещал всё население большой колонии, а сам он с поразительным проворством нырял в нору.

Не торопясь, мы слегка разрывали приглянувшуюся норку, старались выкурить зверька удушливым дымом. Очень скоро высовывалась юркая головка. Тут нужна расторопность, сноровка выгнать суслика палкой из норки.

– Бей, – ободрительно кричал я Юре.

Приносили домой, готовили. Голодным, мясо их казалось довольно сносным, даже вкусным. Как не вспомнить народную мудрость: «Голод проймёт, станешь есть, что Бог даёт».

И макуху горчичную ели. В колхозе из горчицы выжимали масло. Горчичное. Оставался жмых, спрессованный в брикеты. Его называли макуха. Нам она служила пищей, а вообще ею топили. Начальство выписывало её для топки печи. Мы её размачивали, отжимали – слёзы ручьём: горчи-

ца же! Промывали в одной воде, в другой, получалась, как гречневая каша. На самом деле – каша из шелухи.

Иногда удавалось достать где-то горсть муки, ею немножко склеивали макуху, иначе она рассыпалась. В последнее время приловчились на сковородке жарить. Но её хоть жарь, хоть не жарь – одинакового вкуса. Шелуха есть шелуха.

На чердаке под крышей висела не выделанная телячья шкура. Тогда кожу любой скотины хранили почти в каждом доме. В войну обуви не раздобыть, вот и шла она на изготовление постолов – доступной и простой обуви. Для себя я всегда делал их сам. Не знаю откуда это бралось, но чуткость ко всему изящному понуждала, чтобы постолы выглядели опрятными, удобными, приличными. Вымоченный кусок сыромятной кожи ещё мокрым подгонял по ноге, плотно оборачивал вокруг стопы, а края сверху стягивал узким шнурком из той же кожи. Не снимал, пока не высохнут. Ладно сидели, аккуратно, и это доставляло удовольствие. В такой обуви не проколешь ноги, когда по стерне идёшь, по сжатому полю. Иначе до крови пораниться можно.

Вмешалось бездольное время и всё изменило: теперь эта кожа годилась для еды – её палили, варили и ели – за счастье почитали...

Так сложилось, что мама осталась почти разутая, из одежды – ничего, дети – голодные. В особенности меньший брат Володя тяжело переносил голод. Ему лет пять-шесть было. Возвращалась мама с работы, шла, пошатываясь от усталости, ещё порог не переступит, только дверь заскрипит – навстречу ей его слабый голосок тянул: «Ма-а-м, дай хле-е-ба!» Жалобно так: «Ма-ма! Ма-м! Дай хле-е-ба-а!»

– Вов, ну что ты просишь, ведь у неё ничего нет! – другой братишка, Виктор, на полтора года старше, останавливал, а сам смотрел ожидающе: может, всё же принесла что-нибудь. Хотя знал, нет, не принесла. Выглядывал, вдруг в руках что-то есть, где-либо достала. А откуда? Мама сама

едва на ногах держалась. А самая маленькая из нас, Таня, лежала в двое сложенная в качке – оригинальной люльке, подвешенной за крюк в потолке. Мама придёт, перед ней маленький комочек. Голову к ногам склонит и спит. Спит-не спит, дремлет, согнувшись. Так и лежала целый день. Уже и не плакала и глазами ничего не просила. Лишь не могла понять, почему не кормит мама... До трёх лет не ходила.

Бегала как-то наша детвора по селу и безнамеренно, ошибкой в детский сад забрела. Никого нет. Хлеб лежит. Целая буханка! Круглая, большая. Руки сами потянулись. Половину буханки съели, а другую половину закопали невдалеке. Довольные, возвращались домой.

А в детском саду переполох – хлеб исчез! Его по кусочку целой группе хватало. Поднялся невообразимый шум, работники ссорились между собой: кто взял? Друг друга обыскивали.

Ребята опять есть захотели. Вернулись туда, где хлеб закопали. Громкий, неутешный плач разнёсся по селу.

– Что приключилось? Отчего слёзы ручьём? – сбежалась на крик вся улица.

Сначала ничего нельзя было разобрать. Только горькое горе вырывалось из этих захлёбывающихся от слёз мальчишек.

– Соба-а-ка... – судорожные всхлипы не давали говорить.

– Какая собака?

– Хле-е-б... – пуще прежнего рыдали дети. – Утащи-и-ла-а-а!.. – еле разобрали взрослые через навзрыдный плач.

– Какой хлеб?

– Мы вон туда положили, а она утащи-и-ла-а!..

Маленькие были, толком не понимали, что̀ делали, есть хотели. А маме выговор: «Вы смотрите за своими детьми! Разве так можно?.. Что натворили... Чуть драка не произошла, и вся группа голодная осталась...»

Потом этот садик закрыли, потому что нечем было детей кормить.

Много дней прошло. Куда же ещё пойти погулять? Бродили-бродили наши несмышлёныши, вышли к окраине, нашли землянку. В ней кто-то жил. Тогда невысокие землянки строили из самана или дёрна и обмазывали глиной, наполовину врывали в землю, пол оставляли земляным, такой же была крыша. Маленькие окошки пропускали немного света.

Осторожно спустились по ступенькам и остолбенели: на столе – тарелки, в них – тыквенная каша, и – никого. Сели, в один момент опорожнили тарелки и поползли обратно.

Солнце ещё припекало, но уже склонялось, от ветерка весело покачивались веточки красновато-бурого чернобыльника.

Хозяйка, ожидая кого-то из своих, возможно, детей, отлучилась. Скорее всего на огород вышла. Вернулась и поняла, что эти два пацана побывали. Да вдогонку, да камни в них бросала. А потом бурно выражала неудовольствие маме:

– Вы смо́трите за своими детьми или нет?! Видите, что̀ вытворяют!.. В чужой дом зашли, всё подчистую съели!

– Да разве я их понуждала? Я же их не заставляла...

Поругать-то она детей поругала, но что делать? И стала их запирать. Ведь убьют ребят ни за что! А они совсем неразумные и безудержно есть хотят. Утром уходила на работу, когда они спали, повесит снаружи двери замок, никуда из дому не выйти. Возвращалась и только ещё замок открывала – Вова в буквальном смысле слова сбивал её с ног, с быстротой вихря летел в огород, совал в рот всё, что попадало под руку. Без разбора всякую траву хватал, только густая пена окрашивала губы в зелёный цвет.

– Вова, ты что?! Нельзя! Умрёшь!

А он ничего не слышал, так неуёмно донимала его бескормица.

Дошло до того, что все дети прозрачные стали, не сегодня-завтра умрут. И мама совсем отощала, глаза провалились в почерневшие глазницы. Ни проблеска надежды! Ну ладно: сегодня голодно, а завтра, может, удастся что-то

раздобыть. Нет, завтра просматривалось таким же. И послезавтра – то же.

«Что будет дальше?» – спрашивала она себя и, хотя не находила ответа, надежда на Божью помощь утешала. Мир Божий нисходил в душу и наполнял её неизъяснимым успокоением.

Господь не оставил. Вышел навстречу. «...Поднимешь к Богу лице твое. Помолишься Ему, и Он услышит тебя... и над путями твоими будет сиять свет» (Иов 22, 26–28).

У истинных христиан есть Друг, есть Отец, есть «скорый помощник в бедах» (Пс. 45, 2). Когда Он распоряжается их жизнью по Своей Божественной воле, им неведомо чувство непримиримого отчаяния или озлобления. Дух Святой помогает с терпением преодолевать препятствия, перед которыми человек без Бога впадает в беспросветную безнадёжность. Уповающие на Господа открывают для себя глубокий смысл слов Небесного Учителя: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после» (Иоан. 13, 7). Ибо наше состояние должно быть испытано перед лицом Божьим.

В то же время Небесный Отец никогда не посылает испытаний сверх сил, «ибо не неправеден Бог...» (Евр. 6, 10). Вводя в скорби, Иисус Христос наделяет Своей силой, чтобы даже самый немощный мог, всё преодолевши, устоять. Потому что мы имеем такого Спасителя, Который сделал всё, чтобы наши силы не оскудели! Мы имеем такого Бога, Который при увеличении испытаний умножает духовные силы и дарует их столько, сколько нужно для того, чтобы выйти победителем из любых сложностей.

На соседней улице жила односельчанка, у которой каким-то образом оставалась корова. Она держала её в хате. Боялась, что по такому голоду из сарая без труда украдут и съедят.

Увидела маму, заторопилась убеждённо рассказать:

– Знаешь, говорят тут недалеко есть совхоз (её знакомые или родственники там жили). Богатый, зажиточный.

Хлеб есть и мясо, и люди живут как люди. Поедем туда.

Слушала мама, как сказку. Не верила. В такой страшный голод где может быть хлеб?

А та не отставала. Долго докучала: «Поедем, а иначе дети умрут... Вот корову запрягу...»

Так и не поверила мама, что рядом другая жизнь течёт. Согласилась только потому, что не находила мочи быть свидетелем умирания детей. Страшно видеть, как медленная кончина отрывает любимых от родимой ветки.

Заперла малышей на замок, со слезами отдала ключ соседке: «Зайдёшь на всякий случай, посмотришь, как они умрут. А я уеду, невмоготу глядеть...»

Запрягли корову, отправились на телеге. Пешком бы и не дошли. Силы у мамы истаяли, всякая крепость вконец истощилась.

Приехали в совхоз. И правда: люди ходят прилично одетые, не как они, в ничего не стоящей ветоши. На маме – какая-то кофтёнка, юбка – дерматин вывернутый на изнанку (наши солдаты, покидая село, оставили ей кусок клеёнчатой ткани). Ноги – босые (меня проводили в армию в сапогах, а в семье, кроме них, другой обуви не было).

Пошли к директору. Женщина, которая маму привезла, бойкая. Плечи чуть подняла и напрямик с порога:

– Хотим работать у вас.

– Ну что ж, хорошее дело. Здесь люди нужны. А кем вы можете работать?

– Да я всё могу. На молочно-товарной ферме работала, с коровами управлялась. Я и дояркой была и в поле спину гнула.

– Вот и хорошо. А вы кем можете? – с таким же горячим интересом взглянул на маму. Перед ним стояла в крайней степени измождённая фигура.

А мама что? Служащий человек. Из сельских трудов ничем не занималась.

– Я просто грамотная. Могла бы учётчиком работать.

– Годится. Будете учётчиком.

Мама ростом маленькая, хрупкая, да ещё от голода последний вес потеряла, а предстояло огромные поля замерять, не один километр за день исхаживать. Сжалилась какая-то женщина, дала ей постолы.

Так устроилась... Тут сразу и хлеб увидела, и молока много, творога. Совхоз имел молочно-товарную ферму, сыры делал.

Всё хорошо. Да неспокойное сердце прочно сжимали тиски. В разгорячённой голове неотступно пульсировали сбивчивые мысли: «Боже милосердный, а дети-то как? Я-то ем хлеб, а дети голодные... Кусок в горле застревает. Что же делать? Надо как-то их с собой пристроить. Ну конечно, я заберу детей и нам здесь будет хорошо! Ах, как же их забрать?»

Решила: «Пойду к директору, попрошу, чтобы выделил подводу привезти семью».

Пришла. Он сидел за столом крупноплечий, крупноголовый, вся осанка выказывала уверенность в себе. Пригласил сесть.

– Вы знаете... Я хочу сказать... Я намерена у вас работать. Работа меня устраивает, но только дайте подводу привезти детей. Они у меня там умирают с голоду.

По его лицу прошло движение, губы по привычке сложились в подобие улыбки:

– Я вас хорошо понимаю и сочувствую. Но хотя бы недели две поработали. Я не могу вам доверить лошадь или верблюда. Поймите, не могу: случись что-нибудь – я под трибунал пойду. – Время-то военное, страшно всем было.

– Да через две недели уже не к чему будет ехать. Через две недели детей уже не будет...

Повернулась от него, чтобы идти, переступила порог деревянными ногами, дальше двинуться не могла. Стояла и плакала.

Подошли какие-то женщины:

– Что такое? Что случилось? Рассказала.

– Да ты что его слушаешь?! Бери лошадь, запрягай...

Нет, давай мы сами запряжём, и поедешь. Он ещё пороха не нюхал, будет тут разглагольствовать... Сидит вон какой, а наши мужики уже давно голову сложили... Не смотри на него, что он чепуху мелет. Дети у тебя умирают, а он слушает, как ты плачешь... Запрягай!

Запрягли верблюда, и та женщина, односельчанка, опять с ней поехала, потому что мама управлять не могла. В дорогу кто чего дал: кто-то, сколько мог, хлеба предложил, кто-то большой свёрток творогу положил.

И они отправились.

Путь лежал мимо молочно-товарной фермы, где обрабатывали овечье молоко, делали брынзу, сыры. Внутри стояли большие чаны, в них молоко кипятили.

– Давай остановимся, надо зайти на ферму, тут работает знакомая женщина...

Мама не соглашалась, домой торопилась, упрашивала:

– Не надо никуда заходить. Поедем, поедем быстрее! Каждая минута дорога! Дети одни!

– Нет, обязательно нужно зайти! Ненадолго. Только чуть-чуть время потеряем, – и настояла.

Пошла на ферму, а оттуда какая-то женщина выскочила и к маме:

– У тебя творог есть?

– Есть.

– Давай сюда!

– Как же так? Я детям везу...

Ничего не объяснила, схватила свёрток и убежала. У мамы сердце оборвалось: украли последний творог, у голодных детей украли, им везла. Кинулась вдогонку. Глядит, а женщина опускает её творог в чан с молоком. Мама только: «Ах! Пропал! Куда она его бросила?» Не понимала куда.

Молоко моментально свернулось, и в этом чане целый мешок творога получился.

Женщина:

– Мешок есть?

– Есть.

– Давай сюда! Теперь держи... – И слила в мешок всё содержимое чана. Можно представить, сколько там творога получилось!

– А теперь, – говорит, – привяжи мешок к телеге и пока доедешь, он стечёт и будет творог.

Чудо какое!

Спешили в Ремонтное по широкому пустому простору. Там и сям росли высоко торчащие стебли чертополоха. Они призрачно вырастали, как редко расставленные для дозора недвижные сторожевые фигурки сусликов.

Боязно было маме в дом зайти, думала не застанет детей. Застала. Открыла двери – живы. Уже и есть не хотели. Правда, один Володя ел-ел этот творог, так что мама тревожиться стала: не умер бы. Сколько времени без пищи!

Наелись дети, взяла их с собой, привезла в совхоз.

Тут повторилась та же картина. Недалеко от дома стояло деревянное корыто, в нём плавал творог для собак, они его ели. А Вова до того был самый голодный, что выскакивал из дому, хватал творог из корыта и ел. Собаки рычали, готовы разорвать – еду у них отбирают. А он внимания не обращал, скорей в рот заталкивал. Люди удерживали: «Что ты делаешь?! Собаки тебя на куски раздерут!» Он как не слышал.

Директор вызвал маму.

«Наверно, за то, что в Ремонтное отлучилась, – заволновалась она. – Что же теперь будет? Ведь без разрешения подводу брала...»

Зашла в контору, а там переполох, суета. Все мечутся – отчёты некому составить, последнего специалиста на фронт взяли, мужчину бухгалтера. На весь совхоз ни одного грамотного, знающего, как финансовую документацию вести.

Мама никому не объявляла, что она бухгалтер. Боялась как бы назад не вернули. По сути, она сбежала со своего колхоза, не предупредив начальство о перемене работы. А это сурово наказывалось. Уголовная политика военных

лет рассматривали отсутствие на рабочем месте без официального разрешения как дезертирство (фр. désertcur – самовольное оставление места военной службы), а оно – к измене родине. Поэтому мама была убеждена: если трест совхозов узнает о её поступке, насильно вернёт назад.

С замиранием сердца открыла дверь в кабинет.

В просторной комнате сидел уже не тот властный человек, который не отпускал её за детьми, а другой, какой-то съёженный, усталый, поблекший. Куда делась осанистость, бравость.

– Что же вы делаете со мной?! Что устроили?! – металлический голос отдавал резковатыми призвуками.

Она уже открыла рот, чтобы извиниться за самовольную поездку, но не успела и слова сказать, он перебил:

– Я пропадаю!.. У меня отчёт (квартальный или годовой) не идёт! В совхозе специалиста не осталось, а вы с таким стажем...

Это соседка, уговорившая переехать сюда, рассказала ему, какой сто́ящий работник мама. А она действительно слыла ценным бухгалтером, потому что разбиралась во всех системах. Бывает, в одной системе применимы знания, а в другой нет. Она же работала во многих отраслях и была хорошим специалистом. Ею всегда дорожили.

Оторопь взяла от неожиданных речей директора. Никак не предполагала такого оборота. От неловкости стояла, с ноги на ногу переминалась:

– Вы же видите в каком я положении. Как в контору войти? Там счетоводы и помощники бухгалтера сидят, все прилично одетые, а я зайду... главный бухгалтер... как нищенка среди них...

– Это дело поправимое.

Моментально всё устроил. Дали в качестве няньки старушку из эвакуированных, поселили в хатке, в которой она должна жить, выделили дойную корову, а когда перестанет давать молоко, другую дадут. Определили в школу ребят.

Воистину чуден Господь в верности Своим обетованиям!

Он не отнимет благодеющей руки, пока искупленные следуют за Ним путём, которым должно идти, и «...при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13).

Страшная пора прошла по нашим душам: оккупация, лишения, голод, и ни один не погиб из нашей семьи! Вот как Бог хранил! Потому что есть непреходящая закономерность: с терпением проходя предлежащее поприще, свято соблюдая заповеданное Господом, чтущие Бога обретают дерзновение обращаться к всевышнему и всесильному Царю царей и, чего ни попросят у Отца во имя Иисуса, Он даёт им (Марк. 11, 24).

Сын Божий пришёл на землю «...отдать душу Свою для искупления многих» (Матф. 20, 28). Только благодаря Его Крови мы имеем доступ к праведному Судье, к всевидящему и всемогущему Богу, Который имеет неограниченную власть и державную силу. Он в одно мгновение может изменить движение планет. Он выводит в своё время новые созвездия и повелевает солнцу остановиться, и оно не спешит к западу (Иов. 38, 32; И. Нав. 10, 13).

«Господь творит все, что хочет...» (Пс. 134, 6) и желает быть единым Владыкой ума и души Своих искупленных. Но только в ответ на абсолютную капитуляцию нашего «я», на полный отказ с нашей стороны от своих прихотей и похотей Он поселяется в кротком, преданном Ему сердце. На других, меньших, продиктованных нашим своеволием, условиях Господь не берёт в ученики. Он никого не желает оставить духовным невеждой, напрасно топчущим дворы Господни, влачащим жизнь в полуотдаче. Итог такой жизни – лишение благодати и дара спасения. А Он «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4).

Если мы так живём и так молимся: «Да святится каждая йота Твоего Божественного слова, да не прейдёт оно и да не изменится!», – то совершается Его воля в нашей жизни! Совершится сейчас! Сегодня! Потому что это обетование

дал Сам Христос, обладающий полнотой Божественной власти! Он – Царь царей, а мы – Его смиренные дети, которых за послушное хождение перед Его лицом Он наделяет Своим благоволением.

Неожиданным чудом обернулась для нашей семьи наступившая новая жизнь! За короткое время множество чудесных событий, надежд и сомнений пришлось испытать!

Но ради истины следует уточнить, что в самый пик голодной поры, когда мама отправилась в соседний совхоз, не имея сил глядеть, как умирают дети, с нею оставались лишь трое меньших. Валя (восемнадцатилетняя) отправились с Борисом к знакомым в Астрахань. Юрий колесил с бездомной компанией по просторам Кавказа. Папу после освобождения нашими войсками Ремонтного арестовали, и мы не знали, где он и что с ним. А меня летом 1943 года призвали в армию.

К семье я вернулся только через долгих семь лет... В конце февраля 1950 года.

И хотя крутое военное время оголило всю похоть человекоубийства, всю тягу к жестокости и озлоблению, грубую ненависть и гнев, — Господь помог в суровые армейские годы вобрать многое из того, что было полезно; приклонить ухо к разумным речам; поднять из глубины душевные тонкости, взращённые с детства; наклонять сердце к добру, к велениям Божьим...

Да будет с нами Господь, Бог наш,
как был Он с отцами нашими...
наклоняя к Себе сердце наше,
чтобы мы ходили по всем путям Его...
3 Книга Царств 8, 57–58

Глава 6

АРМЕЙСКИЕ ГОДЫ

Следы безумия и уничтожения

Мобилизованные на фронт, мы двигались из нашей местности, Сальских степей, на восток, в сторону освобождённого Сталинграда колонной, состоящей из таких же, как я, в поре возмужалости юнцов, хотя были среди нас и люди старшего возраста.

Невод войны потому захватывал нас, мало смыслящих в жизни, что, когда под Сталинградом совершился коренной перелом не в пользу немецких войск и пошло их отступление до Курска, наши стратеги продумали, что оттуда может готовится новое наступление, противник опять пойдёт и погонит в плен молодёжь. Поэтому надо всех мальчиков заранее забрать. Таким мальчиком и был я тогда – хилый, маленький, тщедушный.

Из Ремонтного отправили не сразу. Оповестили всех о дне, в который требовалось собраться на сборный пункт. Мама поскребла по сусекам, достала последние, припасённые на крайний случай, запасы муки, жира, напекла коржей – сына в армию отправляла! Снаряжала в дорогу неизвестную, дальнюю. Собрала, что могла. Поплакали, помолились, предали в руки Божьи жизнь.

А призыв отложили. День за днём проходил, коржи таяли на глазах – детворы в семье семеро по лавкам. Кто же удержится от приманчивых коржей, да ещё в голодное

время! Так и съели все. Лишь кое-что из еды нёс я в тощем мешке, когда пришёл час отправиться служить. Другие же, особенно люди постарше, запасливее были. Наблюдал я потом, как они доставали из увесистых котомок каравай, разламывали, а внутри его – то тут, то там яички, испечённые прямо в хлебе, целыми как есть, в скорлупе. Выковырнут, разобьют, очистят – ценная добавка к отломанному куску хлеба. Впервые я наблюдал такой хозяйственный подход: и сытно, и сохранно.

Дорога вела нас по местам ожесточённых сражений, по недавно очищенной, разорённой войной территории. Вокруг рос чахлый кустарник. Сквозь осколки бомб, мин, снарядов пробивалась уставшая от суховеев и недостатка воды трава. На каждом шагу следы безумия и уничтожения. То тут, то там, на обочине, а то и прямо на пути валялись высохшие на испепеляющем солнце трупы, чёрные и настолько истлевшие, что невозможно было разобрать, советский это солдат или немецкий. Тление уравняло всех.

Здравый смысл подсказывал, и впереди идущий вскидывал руку над головой, подавал знак. Мы молча перешагивали череп с оскалистыми сверкающими зубами, как у мумий, и пустыми впадинами вместо глаз или человеческий остов, отшлифованный ветром и зноем; и уже не дивились этим необычным препятствиям. Человек скоро ко всему привыкает.

Сталинград представлял собой груды кирпича и камня, остовы обгоревших зданий без кровли и перекрытий, с обнажившейся щетиной стальной арматуры. Кладбище руин, раскинувшееся на многие километры вдоль Волги...

Тем не менее, в этом мёртвом каменном море вот уже несколько месяцев люди с воодушевлением налаживали мирную жизнь, полную своих маленьких и больших ежедневных забот, печалей и радостей.

А кровопролитные бои гремели в другой стороне. Освобождали Орёл, Белгород, Харьков. До нас уже не доносилась мрачная музыка войны, когда со зловещим завыванием падали на землю снаряды и бомбы, губя и разнося всё

в клочья; когда от залпов наших «Катюш», шестиствольных немецких миномётов и всех других видов оружия стоял такой невообразимый грохот, что казалось вот-вот лопнут барабанные перепонки в ушах.

Да, в тот час мы не слышали, но по горячим следам видели всю скорбную картину разрушения. И эту вздыбленную от взрывов и пожарищ землю; и берег Волги, вспоротый тонными фугасными бомбами, от которых чудовищные воронки разверзались на глубину 6–8 метров.

Время войны всегда зловеще и последственно влечёт за собой много бедствий и горя. Таков закон зла. Его родоначальник – искуситель, диавол, который исполнен всякого коварства и злодейства. Он «...человекоубийца от начала... он лжец и отец лжи» (Иоан. 8, 44), и люди исполняют похоти его.

Кто-то из разумных в недоумении вопрошал: почему народ живёт так безжалостно, так безнадёжно? За что нам всё это? И пришёл к правильному выводу: человечество платит за нарушение Божьих заповедей. Однако, как ни прискорбно, эта страшная констатация факта не интересовала и не интересует дерзких грешников, живущих как кому заблагорассудится.

В послании Римлянам приведён перечень грехов. Обременённые беззаконием с поразительной точностью повторяют его из века в век: «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1, 28–31).

В неведении всё это вершится? Увы! – «Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1, 32). Вот под какие одобрительные аплодисменты растле-

вается наша планета! И если такого успеха сатана достигает даже в среде тех, которые называют себя христианами, но остаются непосвящёнными Богу и все их действия – противление Ему, тогда глас с неба наполняет вселенную: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?.. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем... все опустело, как после разорения чужими» (Ис. 1: 5, 7).

Постигающие нас бедствия – лишь небольшой намёк на то, что̀ вынужден будет допустить Господь человечеству за крайне умножившиеся беззакония.

Мой первый батальон

Меня облекли в форму, которую сейчас носят солдаты внутренних войск. Не могу сказать, к кому в то время относились эти войска, знаю только, что с началом войны Народный комиссариат внутренних дел (милиция) был соединён с КГБ. Это уже потом их опять разъединили и нами командовал Берия (они так и назывались: «бериевские» войска).

Но хотя с первых армейских лет на моих плечах лежали красные погоны, служил я в отдельном батальоне химической защиты (ОБХЗ) центрального подчинения. Ожидали, что немецкое командование может широко применить химическое оружие, поэтому по всему фронту и в тылу спешно создавали батальоны противохимической обороны (ПХО, затем переименованные в ОБХЗ).

Из кого был составлен наш батальон? В те годы (1943–1944) как раз освобождали западные районы Украины и действовавшие там истребительные батальоны НКВД переформировывали. Какие-то перекинули в Куйбышев (сегодня город Самара). Нас же, совсем молодую поросль (в армию взяли, когда мне и семнадцати не исполнилось), перебросили туда из запасного полка. Вскоре сказали, что пришёл спецбатальон особого назначения (они зелёные погоны носили). В основном это были простые солдаты, только постарше нас. Среди них много чекистов. Нас, мо-

лодых, готовили как противохимический батальон, другой превратили в сапёрный.

А запасной полк, откуда я попал туда, – это, можно сказать, распределительный пункт. Как рынок, ярмарка. Стоит огороженная проволокой воинская часть, полураздетые все, и то одни офицеры приезжают набрать себе человек 100, то другим надо человек 50 для пополнения своих частей.

Прикажут построиться. Объявят, что нужны, например, солдаты с семиклассным образованием или с десятиклассным. Из шеренги один кричит, другой, третий, с нетерпением руку тянут: «Я восемь кончил!.. У меня десять классов!..» Кто попадал во флот, кто в авиацию, кто в артиллерию. Это же запасной полк! Несколько тысяч человек ожидали своего распределения.

И там, семнадцати лет отроду, положил я себе как первую несомненную задачу: никуда не высовываться, никуда самому не рваться. Куда Бог определит, там и хорошо будет. Там моё место. И оказался в батальоне химической защиты.

Через короткое время отправили в освобождённый Харьков.

Потекли дни... Новые знания, незнакомые понятия: иприт, люизит, другие химические соединения... Одни оставляют на теле ожоги, другие поражают лёгкие, третьи повреждают и то и другое. С нами проводили учения по химической защите. Давали задание дегазировать хлорной известью выпущенный так называемый жёлтый газ иприт. (Впоследствии армейский опыт пригодился: хлорным молочком стирали самовольно дописанную Здоровцом страницу в Первом послании Инициативной группы к церкви ЕХБ.)

От меня ничего не зависело. Так уж сложилось провести время в тыловых частях. По мне ни за что бы я там не был. Считал, лучше вместе со всеми всё переносить, лучше фронтовую форму носить. Дух такой был: ни в коем случае не отсиживаться.

Однако жизнь потекла иным руслом. Небесный Отец

благоволил к другому и управлял мною так, как Ему было угодно. И всё ко благу, всё на добро! Верно говорил умудрённый днями Екклесиаст: «Не во власти человека... чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией...» (Еккл. 2, 24).

Жизнь продолжается

Харьков усиленно и безотлагательно восстанавливал жизнь после страшных, опаливших город боёв и бомбёжек.

Иногда нам выпадало счастье отвлечься от воинских занятий и покинуть замкнутое пространство части. Хотя счастье в данном случае, конечно, вещь относительная и возможность выйти в город можно отнести к тем ничтожным делам, которые никакого отношения к счастью не имеют. Но всё же...

Казарма оставалась позади, и мы всё в той же военной форме на несколько часов, а то и больше переставали быть бойцами и окунались в другую, стремительную, многокрасочную жизнь. После однообразия армейского быта и стеснённой солдатской службы тем приятнее было оказаться как будто в другом мире, испытать новые ощущения, неожиданные впечатления.

Удовольствие доставлял поход в баню. Наш путь лежал по узкой немощёной улице Червоного лiтака (Красного лётчика), обрамлённой с обеих сторон частными домиками. Затем через глубокую впадину мы выходили на Сумскую, одну из центральных улиц, древнюю и оживлённую, плотно насыщенную старинными домами; двигались мимо главного входа старейшего городского парка – сада Шевченко. Вокруг голод, разруха, а он всё равно разливал аромат свежести и зелени, несмотря на то что был изрыт воронками от бомб и снарядов.

Дальше был центр, огромная площадь Дзержинского, ещё одна большая площадь, затем какие-то маленькие переулки... Легки под подошвами становились мостовые,

нестройно постукивали о брусчатку каблуки наших сапог да лениво развевались красные флажки в руках сопровождающих впереди и сзади колонны.

А увольнение и вовсе невозможно ни с чем сравнить! Уж одно это слово стесняло сердце нескрываемым волнением, наполняло нетерпеливым ожиданием. Однако дарили нам этот праздник редко. Возможно, потому, что начальство ожидало любых возмутительных неожиданностей (подчас и обоснованных) от пребывания солдат в состоянии относительной свободы. Зато с какой приятностью мы встречали всякий такой особенный день!

Было благостное утро: солнце, прохожие, шум, оживление, радость. Город утопал в какофонии автомобильных сигналов, шелеста дуг и громыхания трамваев, стука копыт и скрипа повозок. Мимо нас катилась возбуждённая струя торопливой, бегущей уличной сутолоки. Только фигуры старых людей вступали в противоречие. Они шагали осторожно, были медлительны, скупы в движениях. Да и мы, наслаждаясь простором свободы, никуда не спешили, останавливались, любопытно разглядывали витрины, машины, прохожих. Казалось – всё для нас! Все нам рады, открыты, приветливы. Но иногда это было кажущимся, мнимым видением.

В тени дерева устроилась кучка мужчин и женщин. Смутный говор, не до конца разборчивые фразы... Вдруг, как по команде, на всех показалось одно и то же выражение. И говорило оно не о благожелательности и дружелюбии, а об озлобленной неприязни. Ничего не подозревая, мы медленно беспечной походкой проходили мимо.

– Бачтэ! Ото идуть ти, що людей вишають» («Видите! Вот идут те, что людей вешают!») – зловеще раздавалось за спиной.

Ох и ненавидел народ краснопогонников! Красный цвет наплечного знака военной формы оказывался для них таким же раздражителем, как и красная тряпка для быка. Этот цвет на погонах вызывал последнюю степень отвращения. Люди считали, что тот, кто носит эти погоны,

не остановится ни перед чем и способен на то, на что не способен даже самый последний преступник. Они убеждали себя и друг друга, что от этих солдат и офицеров следует ожидать того, чего нельзя ждать ни от грабителя, ни от насильника, ни от убийцы.

Живые уроки

Принято думать: кому служба – мать, кому – мачеха. Действительно в те суровые годы благополучие и несчастия в армии не всегда зависели от исполнения или неисполнения приказов. Но во многих случаях от того, имеешь или не имеешь прочную основу в украинских деревнях и таких родителей, от которых можешь часто получать весомые посылки с огромным шматом сала или другими продуктами, а ты поделишься с кем нужно. Таких и на пост не ставили. Простые солдаты несли двойную и тройную нагрузку, отдувались за них своими боками.

В нашу обязанность входило помимо учёбы и тактических занятий охранять разные объекты. (Между прочим, среди них был и красивый старинный особняк в центре Харькова, недалеко от Сумской. Массивные двери выходили на тротуар. Иногда, раз или два в году, в нём останавливался Никита Сергеевич Хрущёв: 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины, а во время войны Член Военного совета фронта. Но охрану дома выставляли круглосуточно каждый день.)

Туго доводилось стоять на посту в осеннюю непогоду или зимнюю стужу. Нещадный холод сковывал руки, цепенил тело. Напористый ветер продувал насквозь тонкую шинелишку, и спрятаться от него некуда. Зябко поёживаясь, я прохаживался, прихлопывал себя руками или стоял, уткнув нос в ворот. Костенело промороженное тело, голова клонилась от дрёмы. Сон – враг смертный. Есть и пить так не хотелось, как спать.

Несёшь караул на пределе усталости, но набегут, как крутые тучи, думы, не дадут покоя настойчивые мысли. Сон,

как рукой стряхнёт. Почему в этом мире всё так мрачно, ложно, несправедливо? Недобрый дух без труда навязывает свою волю, злую, тёмную, неистово увлекает в бездонную пропасть ненависти, коварства, жестокости; и люди безоглядно повинуются ему. Какое же сердце нужно иметь, чтобы не растеряться, не впасть в отчаяние, не потерять самого себя!

Нёс караул, думал, вспоминал, осмысливал... Всплыла картина в запасном полку... Так, небольшой эпизод, но как глубоко проник, всю душу всколыхнул!

Он стоял в столовой в очереди у окна раздачи. Виски у него запали, щёки провалились. Офицер, майор, в выцветшей гимнастёрке, свисавшей с острых плеч, как с крюков. Там, на линии фронта он – величина, повелитель, ему полагался спецпаёк; да для него же каптенармус[1] мог брать продукты из солдатского котла. Возможно, его полк потерял в боях почти весь состав и перестал существовать. И вот он оказался здесь, ожидал нового назначения. А тут он – никто, пастух без стада, командир без войска. Лет за тридцать, но выглядел старше из-за потухших глаз от навалившихся тягот.

В те дни победу связывали с бесперебойным снабжением фронта вооружением, боеприпасами, продовольствием, поэтому страна жила под лозунгом: «Всё для фронта!» На передовой, в действующих частях нормы питания были выше, кормили сытней. Запасные же части отодвигались как бы на второй план со всеми вытекающими последствиями.

В свои неполные 17–18 мы были безудержно молоды и в огнедышащий котлован войны попали в разгар безусой юности, возраст, когда организм ещё растёт и требует усиленного питания. А его не было. Сидя на голодной тыловой норме, те, у кого не было возможности получать посылки, очень страдали и превращались в ходячие скелеты. Мы были постоянно голодны, с нетерпением ждали, когда на-

1 Должностное лицо в воинской части, ведающее продовольствием и имуществом.

станет время обеда или ужина, и кто-то с надеждой высматривал, не достанется ли каким-нибудь образом порция побольше.

Виртуозно орудуя огромным черпаком, раздатчик плескал похлёбку в соответствии с известными лишь ему соображениями.

– Нельзя ли немного густоты добавить... – голос майора прозвучал негромко, просительно, когда он протянул руку за своей порцией жижи.

Крупный детина, с мясистым красным лицом и громовым голосом, любитель разносить и сыпать бранными словами, замахнулся черпаком:

– Чего захотел! Погуще! Всем всё по норме! Вон сколько вас! Отваливай, а то как двину по макушке, сразу погуще получишь!

Не по себе стало от такого разъярённого водопада ругани неприличного человека. Что-то горячей волной ударило по сердцу, лёгкие застыли от нехватки воздуха, мутная обида сгустилась на душе; однако майор молча стерпел обиду. Понимал, что подобным людям уважение чуждо. Знал бы этот человек честь, посовестился бы. Увы! Его неотёсанная натура жаждала унижать и повелевать другими, а в сознании прочно уложилось понятие: сильный подавляет слабого и за счёт этого живёт! Видимо, в штабе он имел своих покровителей. В его руках находилась непонятно как добытая власть и позволение вести себя подобным образом с людьми намного старше по возрасту и званию.

В промозглых ночных караулах я стоял, смотрел, припоминал... Нахлынувшие мысли высвечивали почти до осязаемости лица минувших событий и наглядно показывали, как перестаёт существовать личность и как она беспощадно поглощается чувством власти, подчиняющим себе всякого, кто попадал в её водоворот.

Мне не раз доводилось быть также свидетелем страшного процесса разрушения самого понятия человеческого достоинства, превращения человека в червя. И не где-ни-

будь. Здесь, в армии. Зрелые, толковые, опытные люди роняли человеческий облик. Голод иссушал разум и вращал мысли только вокруг еды. Не было никаких других желаний, кроме досыта наесться. Многие опускались до того, что поднимали с земли кем-то брошенный скелет селёдки, поспешно совали в рот, даже не стараясь очистить от песка и грязи. Тяготы войны ввергали людей в пучину безысходности, давили на психику, лишали душевных сил. А потеряв душевный покой, человек терял надежду. Без надежды оставалось только ждать бесславного, жалкого конца бытия...

Новые восприятия толпой теснились в сердце, не давали покоя. Но чем больше волнений и душевных тревог они приносили, чем упорнее потрясали душу, тем благотворнее сказывались на мне. Это ощущение раннего миропознания не тяготило, не лишало духа, но становилось той прекрасной школой, в которой узнаёшь цену кусочка хлеба, познаёшь себя, своё отношение к миру и его – к тебе. Разумеешь честь. И честность.

Раздавившее и растлившее других – меня лишь укрепляло.

Очнувшись, я отставлял беспокойные раздумья, приостанавливался, шевелил онемевшим плечом, поправлял висящее на ремне оружие, размыкал напряжённые веки. Казалось, низкое свинцовое небо всей тяжестью наваливалось на меня. Но потом всё отодвигалось, и только сердце билось так же громко и быстро. И скользили мысли. И грудились облака. В их разрывах подслеповато мигали звёзды; и свет луны из-за туч, искажая предметы, скрадывал перспективу.

Убить или самому отдать жизнь?

Ещё в детстве я неоднократно слышал рассуждения отца об определяющем выборе: убить или самому отдать жизнь? Он заботливо внушал: «Когда в жизни встретится такая непоправимая трудность, что из вас двоих только один мо-

жет спастись за счёт другого, то, если ты верующий, стань этим другим. Например, где-то леса оборвались, а вы двое ухватились за доску, и нет иного выхода сохранить жизнь одному, как только если другой её потеряет. Тогда выбирай смерть. Кто Бога знает – тот её не боится».

В нерастраченную память прочно легли эти судьбоносные истины. И когда пробил мой час идти в армию, я успел сказать в душе не колеблясь и навсегда, что за свою жизнь никого не убью. Потому что Бог не велит. Какой бы фронт меня ни встретил, на какую бы передовую ни послали, какие бы обстоятельства ни захлестнули, – пусть лучше меня убьют, я верующий, мне не страшно умереть. Хотя ещё ни крещение не принял, ни Писание по настоящему не читал да и в собрании в более осмысленном возрасте ни разу не был. Бог же сердце видел. Если ты не хочешь убить, так и произойдёт. Господь может испытать, но беды всё равно не допустит.

Такой момент наступил. Слава Богу, что меня тогда не изрешетили! Я снял с поста солдата, а он был с автоматом и мог бы в доли секунды полосонуть меня пополам. Но я его обезоружил.

Та ночь выдалась тёмной. Полный месяц изредка выныривал между туч. Вокруг растекалась плотная тишина. От звука шагов она казалась ещё гуще. Малейший сторонний звук был отчётливо слышен. Когда стоишь на посту, не имеешь права спать. Ты должен быть бдительным, видеть всё, что происходит вокруг.

А ночь текла и текла. Скоро развод, надо пост сдавать. Проверил один объект, пошёл посмотреть другой (мне поручили ещё один охранять).

И тут я увидел его. На моём посту. Кто-то приткнулся около самого замка в небольшом подвальчике перед дверью. Не должен никто здесь быть. Что такое? Диверсия какая-то, что ли?

Лицо стало железным, в глазах засверкала решимость: я стиснул винтовку и весь возбуждённый мигом оказался

возле него. Понимал, что он может быть не один.

– Вста-ать! – оглушительно крикнул и клацнул затвором.

Смотрю, поднимается. Еле-еле. Я быстрей выстрелил в воздух: его надо в панике держать! Чтобы не успел прийти в себя. Нельзя отдавать инициативу!

Он медленно поднялся, спиной ко мне, как и сидел. На плечах накинута шинель. Его длинная, чуть согнутая фигура, казалось, особенно подчёркивала трагичность момента. Я продолжал командовать, не снижая тона. Отрывисто, во весь голос:

– Выходи!

А он не спешил. Время тянул? Или не мог справиться с потрясением? Меня не покидало ощущение, что сзади меня есть люди, его сообщники. Хотя город и был занят нашими войсками, но в округе ещё оставались немцы.

В голове настойчиво стучало: «Держать в страхе! Не дать опомнится ни на минуту!»

Повторил:

– Выходи! – И опять дал выстрел вверх.

В немой глухоте ночи он раздался коротким, резким гулом.

Вытолкнутый этим звуком, солдат вышел. Автомат наперевес. Только тогда я понял, как опасно он вооружён. Винтовка ведь не автомат, быстро не развернёшься, очередь веером не дашь. А ему и целиться не надо, лишь пустить оружие в ход. Пока я свою винтовку передёрну, он из меня сито сделает.

Стою перед ним, кричу что есть силы:

– Руки вверх! Три шага вперёд!

Прошёл. Автомат по-прежнему впереди на ремне:

– Бросай оружие!

Он взялся за автомат, а я, не дыша, в оцепенении ожидал очереди: вот сейчас, сейчас ударит – и меня переломит, только руками всплесну... В преддверии чего-то близкого, неминуемого почувствовал, как свело лопатки и колюче-холодно осыпали мурашки...

Он стал что-то раздумывать, видимо, осмысливал, в чём

дело. Потом всё-таки стал класть автомат на землю. А сначала не хотел. И заговорил: «Да я свой».

Не слушая, я дал ещё выстрел, почти над самым его ухом.

Он положил автомат на землю. Я нагнулся, взял его, но глаз с солдата не сводил и винтовку наготове держал. Скомандовал идти на мой первый пост. Мы дивизионную типографию охраняли, а это всё происходило у продовольственного склада.

Выстрелы переполошили всех: ЧП! И когда пришёл разводящий со сменой караула, когда на шум выстрелов пришли наши, меня и его повели в штаб к дежурному по дивизии. Глубокой ночью всё происходило.

Привели к дежурному. Идёт навстречу майор: «Что случилось?..» – и называет этого солдата по фамилии. Я ничего не понял: обычно офицеры по фамилии почти никого из солдат не знают, тем более такие чины. Солдат ответил: «Вот на посту стоял, и меня сняли».

А получилось так. Тот пост параллельно открыли. Завезли продовольствие, и кто-то просто автоматически решил поставить охрану у этого продовольственного склада. Но они не имели права ставить часового, если он в табель не внесён. Мне же поручили, когда ставили у типографии, ещё и этот склад. Показали пломбу и приказали: «Охраняй!» Я принял склад и отошёл на свой пост.

А в это время кто-то привёл солдата или он сам пришёл, не знаю. Он стоял, охранял, а потом, видимо, спать захотел. Сидел, дремал. Тут я его и увидел.

За бдительное несение службы мне объявили благодарность по дивизии.

Должен сказать, что на самом деле опасная ситуация сложилась: я мог убить или меня бы убили, а могло сразу два трупа лежать. Но я имел больше прав, я его застал. В таких случаях положено сделать один выстрел – предупредительный, кроме случаев явного нападения или сопротивления. Если же нарушитель не выполняет команду, – открывать огонь на поражение. Но время военное, и в по-

добных непонятных случаях люди не рисковали. Чтобы обезопасить себя, никаких предупредительных выстрелов не допускали: сразу убивали и лишь потом стреляли вверх, будто бы предупреждали, а он не повиновался. Чаще всего так поступали.

Это происшествие со всей очевидностью показало, как чудно Господь меня хранил! Перед Ним я произнёс сокровенное слово, очень важное слово: никого не убить и, когда пришёл час, исполнил то, что положил на сердце. И Он уберёг от беды.

Для нас, христиан, главное состоит в том, что если мы положили в сердце никогда не лишить человека жизни, то и не лишим. Если о чём-то сказали перед Богом: «Нельзя это делать!», – то и не сделаем. А кто начинает торговаться с совестью, находит оправдательные мотивы, мол, встречаются всякие непредвиденные обстоятельства, в которых можно иначе поступить, тот так и поступит. Но как потом жить с этим гнётом? Как Богу служить? Какой бы из меня пастор был, если я человека убил?

Жить надо для живых. Живого ещё можешь к Богу привести, живому можно помочь, можно ему слово из Евангелия сказать. Только с таким сознанием надо жить! Всё остальное Бог усмотрит и поведёт Своим путём.

Добровольная жертва

– Подожди! Подожди! Остановись! – двое или трое ребят из музвзвода энергично махали мне рукой и бежали за машиной, в кузове которой я сидел вместе с другими сослуживцами.

Я глядел на недоумённые, растерянные лица бегущих и в ответ успокоительно улыбался.

– Ничего не надо! Не беспокойтесь! Не волнуйтесь! Ничего не надо! – И в прощальном взмахе дружественно поднял ладонь. Мы поехали.

В нашей части служили музыканты. Официально числи-

лись музвзводом. Большая джазовая группа: скрипки, саксофоны, трубы и прочее. В оркестре играли 60–70-летние, но и молодёжь была. Все профессионалы, в основном евреи. Харьков в то время бедствовал, население голодало, а в армии какое-то довольствие полагалось. Вот и старались пристроиться, кто как мог.

Я раньше никак и ничего не знал о евреях. Здесь же при живом контакте с ними скоро познакомился поближе, узнал многое. Например, услышал, что у них свой жаргон (слова и выражения отличные от общего языка: «чувак» – парень, «лабать» – играть, «лажать» – фальшивить и прочее); видел, что они часто сходились, о чём-то между собой переговаривались. Но как профессионалы они хорошие были, занимались исполнительской деятельностью и в армии продолжали совершенствоваться.

Эти ребята сразу оценили мои способности. Потому что стоило мне один раз услышать мелодию, пусть даже в джазовом варианте, я легко её запоминал, без труда напевал или насвистывал. Любовь к музыке пронизывала меня насквозь, глубоко гнездилась внутри. Я любил музыку всеми силами души, со всем упоением, к которому способен человек. Исполненная мастерски, с высоким искусством, она означала для меня всё. Рассуждая по разуму, казалось бы: война, люди в нужде, мало хлеба, а тут – музыка. И вот поди ж ты, несмотря ни на что, этот неистовый поток неумолимо захлёстывал меня, властно увлекал, не давал возможности уклониться...

В войне наступил перелом, немецкие войска отступали по всему фронту и наши союзники (Англия, Америка, Канада) открыли «второй фронт». Через границу устремились заморские товары. Не только военные или продовольственные: среди прочего хлынуло и множество кинокартин, красочных, захватывающих, с синкопированной, джазовой музыкой. Когда такие фильмы приходили в часть, их демонстрировали при переполненном зале. Если учесть, что для нашего поколения это был первый опыт знакомства с за-

рубежной музыкой, можно понять возбуждение, которое она вызывала.

С чуть откинутой назад головой, я шёл по двору части, с трудом умеряя шаг, насвистывая впервые услышанную мелодию. Ноги сами несли меня к казарме.

Музыканты тут же ко мне, говорят: «Давай напой, насвисти». Я исполнял их просьбу. Они тотчас писали ноты, и таким образом их оркестр легко оставлял конкурентов позади. Ведь мелодии какого-нибудь нового зарубежного фильма (например, «Джордж из Динки-джаза» и др.) только-только прозвучали, из городских профессионалов их ещё никто не изучил, а оркестр нашей части уже играл. А так как в Харькове всегда находились любители новинок, ребята без дела не сидели. Их приглашали на всякие торжества, выпускные вечера, какие-либо празднества. Они на этом деньги зарабатывали. У них, точнее сказать у воинской части, какие-то связи были с местным начальством в Харькове.

Конечно, для музвзвода я был находка.

Музыканты приблизили меня к себе, включили в число своих приближённых. Привели к своему капельмейстеру, дирижёру, представили.

Быстро и цепко охватили меня глаза человека строгого, легкоподвижного, с подтянутой, несмотря на годы, фигурой. Речь он сопровождал изящной, хотя немного и излишней жестикуляцией. Если бы не морщины и седина в висках (стрижен коротко, но всё равно видны седины меж волос), можно бы подумать, что ему не больше тридцати пяти – столько энергии он излучал.

– Хорошо. Сейчас проверим его чувство ритма, – непринуждённо он сделал округлый жест рукой.

Посадили меня за барабан, дали две медные тарелки (специальный ударный музыкальный инструмент).

– Ноты знаешь?

– Нет. Лишь немного занимался самоучкой.

– Ничего, это поправимо. – И предложил:

– Смотри за трубами. Как только они поднимаются играть высокие партии, ты вместе с ними тарелками бьёшь, а когда баритоны, – тогда бей только по барабану.

Своеобразную репетицию устроили для меня. Проверяли чувство ритма: не ускоряю ли, не путаю ли. Всем понравилось. Посидели вместе, поиграли что-то. Намечалась моя дальнейшая работа с ними, моё вживание в этот новый для меня, загадочный мир. Они уверяли, что я буду играть в их в оркестре и узнаю совсем другую жизнь.

– Эта жизнь другого рода, отличная от прочих солдат. Тут не придётся ни работать, ни на постах стоять, а музыкой заниматься. – вводил меня в курс дела капельмейстер. – Да вот ещё. Скоро ожидается набор на высшие дирижёрские курсы, туда пойдёшь.

Обещание близости чего-то необыкновенного и потрясающего, о чём я не смел ни чаять, ни помыслить, – захватывало дух. А захватив, отпускало нехотя. Внутри поднималась страстное желание окунуться в то невозможное, что неудержимо манило именно своей невозможностью. От предвосхищения неведомого и чудесного какая-то струна глубоко звенела во мне и с каждым прикосновением звучала всё громче и требовательней. Я будто физически ощущал это чувство, сильное, напористое.

В то же время плечи сгибала тяжесть строгого раздумья: как будто от отчаянной опасности оно остерегало волнующееся сердце. С одной стороны, я попал туда, чем всю жизнь болел, – музыка! С другой стороны, страх перед Богом рождал настоятельное желание никогда не искать своего, не подталкивать события, не рваться через все препоны, куда хочется, а положиться на волю всеблагого Отца, куда Он поведёт.

И тут меня постигло испытание. Оно навалилось както разом, вдруг, непредвиденно. Наступил момент держать основательный экзамен на прочность моих внутренних устремлений. Будто целое небо придавило меня – непроницаемое, строгое, молчаливое. А в груди неуёмно пульси-

ровало безотчётное мучительное волнение. И в такт ему клубились тёмные, низкие тучи.

Непредвиденно семь человек направили в другую часть, отчислили совсем в другое подразделение. Зачитали список, кому на завтра приготовиться с вещами. В этом списке значилась моя фамилия.

Сердце сжалось от боли: с одной стороны, только-только стала как бы налаживаться армейская жизнь, я окунулся в атмосферу, о которой всю жизнь мечтал: музыка, оркестр! Открылась перспектива стать специалистом-музыкантом, специалистом самого любимого дела. От этого тяжелей всего было отойти, тем более, что меня намеревались послать на высшие военные дирижёрские курсы. Но, с другой стороны, я ведь положил в сердце никогда ничего самому не предпринимать и доверить жизнь Богу!

Официально в музвзвод я ещё не был зачислен, меня думали перевести туда в ближайшее время через офицеров. Что-то уже писалось по этому поводу, какие-то запросы делались, но пока только на низшем уровне.

На следующий день сажусь в кузов вместе с другими ребятами из нашей части. И вот меня увозят.

Музыканты увидели – я сижу в машине. Ничего не поняли:

– Ты куда?

– Сам не знаю куда.

– Как не знаешь куда?

Они к водителю. Попытались спросить ещё у кого-то. А ведь там ни от кого ничего не добьёшься. Да и мы, солдаты, ничего не ведали. Однако время истекло, транспорту уже выезжать за ворота надо. Сопровождавший нас офицер все документы на выезд предъявил.

– Подожди! Остановись! – последняя, отчаянная попытка друзей повисла в воздухе оборвавшимся звуком.

– Ничего не надо! – только и успел я крикнуть в ответ, а в душе сказал: «Сам ни в коем случае ничего не предприму, поеду, куда направляют».

И понял: Бог ведёт меня другим путём и не стал противиться Его воле. Стоило тогда что-то прокричать, постучать по кабине, мол, остановите машину (она ещё во дворе находилась), и они, музыканты, походатайствовали бы перед начальством, всё бы отменили, кого-то другого вместо меня вписали, а я остался бы, пошёл в оркестр играть, потом бы и учиться направили, институт окончил без отрыва от службы в армии; и это не помешало, пригодилось бы в жизни. Но ведь что мы знаем о будущем? Я мог всю дальнейшую жизнь провести в военном оркестре, и как бы жизнь пошла, – никто не знает.

Но Бог судил иначе, и я осознанно покорился Его предначертанию. Ещё не заключив завет с Господом, я жертвовал ради послушания Ему самым дорогим для себя и никогда в жизни не пожалел о том, как Господь повёл и что̀ предопределил в жизни и служении. Когда человек не ищет своего, а лишь «...того, что [угодно] Иисусу Христу» (Фил. 2, 21), – это приятно Господу, угодно Ему. Жить под водительством Божьим – великое счастье!

Я как-то в автобиографии (которую писал для библейских курсов) рассказал о том, что неравнодушен к музыке и в армии, когда в Москве служил, в бронетанковых войсках, управлял хором. Карев Александр Васильевич, Генеральный секретарь ВСЕХБ, это приметил и вспомнил в первые годы начавшегося в 1961 году пробуждения.

– Нам сейчас в Московской церкви, – убеждал он работников ВСЕХБ, – как раз нужен брат и как хороший регент, и как служитель. Несмотря на то что у него (то есть у меня) большая семья, он получил бы прописку в Москве, и деньги, и управление хором, и всё остальное...

«Вот ведь, – мыслил я, – ничего не упускают вместе с чекистами. Всё вспомнят, всё взвесят, всё учтут, только бы на неверный путь душу вернуть».

Но эти посулы меня не затрагивали, потому что я давно был не тот человек. В армию-то я пошёл фактически безусым юнцом, не знающим Писания, только что из семьи

верующих родителей, тем не менее, уже тогда решительно встал на тропу послушания Богу.

Этот путь отречения был близок многим Божьим подвижникам. Наше евангельско-баптистское братство богато ими. Один из них – самобытный самородок, певец и музыкант – Степанов Василий Прокопьевич (он приезжал к нам в Ашхабад). Вся деревня знала, что семья бедная, но глубоко верующая. Деревня Пески называлась, Тамбовской губернии.

Стали его раскулачивать. А у него, кроме полураздетых детей, ничего не было. Но не посовестились, назвали кулаком, то есть зажиточным. Значит, надо всё изъять, всего лишить. Вся округа сбежалась смотреть на это действо.

Он детишек на подводу посадил, ни куска хлеба, никакой смены одежды. Конвой стоял, колхозная администрация да вся собравшаяся деревня. И он запел. Не знаю, сам ли он этот гимн написал или другой кто (две мелодии есть: минорная и мажорная). Но он пел, и в голосе его звучала такая сила, что, казалось, весь простор неба эту песню слышал. Она заполняла всю вселенную:

И если Ты захочешь взять,
Что мне больней всего отдать,
О, дай мне радостно сказать:
«Как хочешь Ты!»

Так под конвоем на ссылку, на страдания уходили, так самоотверженно Богу служили. Какая тут эстрада?! Какое самолюбование или служение себе?! Эти гимны хвалы сопровождали всю их жизнь! Из сердца лились, из воскресшего к новой жизни духа. И всё это сохранилось для будущих поколений, весь этот общий объём слёз и упования наших дедов, прадедов. Всё сохранилось, слава Богу, и откликалось в отзывчивых сердцах.

Нестареющая память не раз возвращала меня в те волнующие дни, когда без музыки я не мыслил жизни. Душа и музыка слились во мне воедино, возможно, даже не столько от воспитания в музыкальной семье, которое в годы репрессий или в военные годы, по сути, невозможно было

преподать. Всё моё существо переполняла какая-то необыкновенная врождённая любовь к музыке. Она была вторым дыханием, наполняла каждую клетку моего естества.

Божье благоволение сказалось в моей жизни острой музыкальной памятью, безукорным чувством ритма, тонким музыкальным слухом. И именно в свете этого станет более понятен трепет души от того, насколько прославляется имя Христа, когда ради послушания Ему мы перечёркиваем в себе то, к чему безмерно привязаны, и с радостью покоряемся святой Божественной воле. Наличие жертвы во имя любви к Господу и Его Церкви отличает жизнь возрождённых христиан.

Сегодняшнее христианство изо всех сил устремляется играть и петь пред Господом, не задумываясь о том, что духовная жизнь – это не то, что тебе нравится, а то, что является в первую очередь ЖЕРТВОЙ. Ибо любое истинное, угодное Богу служение это не самонаслаждение. Это – жертва. Жертва времени, сил, здоровья, средств; жертва всех своих желаний, увлечений, привязанностей да и самой жизни во имя Того Единственного, Кто Сам стал жертвой умилостивления за наши грехи, «...чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего» (Гал. 1, 4).

Несостоявшееся обвинение

Это был огромный многоэтажный дом. Обгоревший, без крыши, но с толстыми кирпичными стенами. Каркас сохранился неразрушенным и стены тоже. Только в середине дома виднелась значительных размеров дыра от снаряда. Без всяких лепных украшений, он стоял как памятник строго-рациональному кирпичному стилю. Мнилось, что я уже встречал эту печальную картину: чёрные глазницы пустых оконных проёмов, зияющие проломы перегородок, рухнувшие перекрытия... И стойкий запах гари, которая наполняла всё пространство вокруг.

Со мной несколько товарищей. Нам обязательно нужно

выбраться из этого тоскливого остова-скелета. Но как?

Я оказался на третьем или четвёртом этаже. С дрожащими коленями выпрямился в проёме лишённого стёкол окна, опёрся спиной о его край. Посмотрел на землю.

Пугающим и странным было то, что творилось внизу перед дверью. Я увидел то, чего прежде не замечал: огнедышащие кони! Коричнево-красные, с огромными гривами, с большущими копытами, они раздували ноздри. Глаза, налитые яростью, сверкали безумием.

Что делать? Выбора не было. Сердце сковало прочной уверенностью: «Придётся рискнуть! Только бы выбраться из этого склепа-ловушки!»

Решительно взял руководящую роль на себя:

– Ребята! Не бойтесь! Только вперёд! Глядите на меня и делайте всё, как я.

Руки судорожно шарили по поверхности стены, не находя надёжной опоры. Почти теряя равновесие, вдруг обнаружил, что пальцы левой руки попали в неглубокую ямку. Нащупывая кончиками пальцев выемки в кирпиче, чудом цепляясь за них, мы выбрались на карниз и пробирались по нему, словно распятые на стене, прижимаясь к её твёрдой, холодной и равнодушной плоти. Носки грубых сапог едва умещались на узком выступе карниза.

Время от времени подбадривал ребят:

– Всё хорошо! Всё будет хорошо! Только не бойтесь! Идите точно за мной.

Медленно и неуклонно все ползли вперёд и вперёд к сохранившейся лестничной площадке, а когда достигли её, спустились на первый этаж. Вот и входная дверь.

Разъярённые кони вновь взвились на дыбы, молотя воздух передними ногами. Полные ярого неистовства, они храпели и казалось вот-вот достанут нас. Из ноздрей вырывалось пламя, и некоторые отступили в страхе. Однако кони были как на привязи. Будто кто-то невидимый удерживал их на месте, и они не причинили нам вреда.

Проснулся я, не имея силы шевельнуться от переполняв-

шего меня волнения, которое было так сильно, что прервало тревожный сон.

– Большую ложь на тебя возведут. Невообразимую напраслину испытаешь. Но ничего, всё хорошо кончится, – убеждали солдаты, когда утром я рассказал увиденное.

Вообще я не увлекался разгадыванием снов, не придавал им значения. Но этот сон был очень уж явственным и необычным, чтобы на него не обратить внимание. Тем более, что мы жили в непредсказуемую пору, когда ни один человек не мог быть уверен в том, что буквально завтра его не постигнет беда.

Действительно – она не заставила себя ждать.

В том деле всё настолько было беспочвенно и неосновательно, что, казалось, ни до какого разбирательства не должно было дойти. А если бы и дошло, то в единственном качестве: как сомнительное предприятие, которое должно быть тут же отвергнуто, а затеявшие его понести должное наказание.

На какой-то железнодорожной станции обнаружили, что в составе, перевозившем на фронт боеприпасы, в одном из вагонов часть снарядов лежала не ровными штабелями, как положено, а была рассыпана и снаряды громоздились друг на друге вдоль и поперёк. Как подобное могло произойти и когда? – Загадка. В любое мгновение весь состав мог взлететь на воздух! Лишь поразительным чудом не произошла катастрофа.

Сразу вынесли вердикт: диверсия! И конечно, всех, кого найдут виновными в этом печальном и страшном деле, ожидал суровый суд военного трибунала.

После проверки установили, что эти вагоны загружали в нашей части. Кто и когда грузил, как всё это происходило, – предстояло расследовать.

Служил в нашей роте солдат из какого-то заброшенного в глуши украинского села. Совсем ещё мальчишка. Разумом не блистал, был даже с какими-то притуплёнными мыслительными способностями. Всего несколько классов кончил.

До армии из своего села никуда не выезжал. Его и наметили как главного обвиняемого. Очень уж подходила такая фигура: слабая, незащищённая, податливая.

Привели на допрос. За столом трое, перед каждым по нагану. Начались первые вопросы: фамилия, имя, год рождения и так далее.

От страха он плохо соображал. Обеспамятел совсем. Путался, переспрашивал.

– Для твоего же блага советуем чистосердечно во всём признаться. Родина для тебя столько хорошего сделала – дала образование, воспитала, лечила! Не вздумай упорствовать, соглашайся нам помогать! Кто с тобой грузил снаряды? Вот этот, этот и этот? – и назвали ряд фамилий, в том числе и мою. Рассчитывали, видимо, как раз на таких солдат, пришедших в армию из глубинки, на которых можно будет повесить происшедшее злоключение как диверсию.

– Та я ж ничого не знаю... Хиба я грузыв того вагона? Я ж не грузыв.

– Видели мы таких героев, отказываться вздумал! Сейчас на колени упадёшь! Немедленно говори с кем грузил и когда, иначе больше не увидишь ни отца, ни матери, ни родного села.

Наделённые силой и властью знают, как подтасовывать факты, мешать ложь с правдой, а собственные вымыслы выдавать за проверенную и закреплённую действительность. Вот и старались сломить физически и морально:

– Учти, против тебя есть неопровержимые доказательства! Добровольно не скажешь – пойдёшь под расстрел!

Просто раздавливали душу.

Пришёл наш Ваня совсем другим. Волочащимся шагом, с вытянутым постарелым лицом, его аж перекосило, голову повесил. В угол забился, как загнанный зверёк. Молчал и не выказывал никакого движения.

– Ну как там?! Что сказали? – ребята обступили его, старались разговорить. Все очень волновались, хотя ни в чём таком не были виновны.

– Та сказалы, шо то всэ я зробыв разом з Крючковым та иньшыми.

– А ты что?

– Та шо я? Шо я зроблю, колы наган у лоб дывыться? Кажуть: «Знычтожым, як не подпышешь, шо тоби кажуть».

Разве он знал, что нельзя верить ни одному их слову, что для них он всего лишь кусок глины, из которого следует сфабриковать дело?! Основная задача таких дознавателей, как можно скорее принудить человека признать их измышления за факт и всё сказанное обработать под нужным углом зрения и представить наверх.

Я не был причастен к погрузке того злосчастного вагона. За мной не значилось никакой вины. Я был чист в этом деле и перед Богом, и перед ними. Но ничего не оставалось делать, как ждать вызова и обмысливать сложившуюся обстановку: как доказать свою невиновность? Да и можно ли? Понимал, что трудно.

Наступил мой черёд. «Боже мой! защити меня от восстающих на меня...» (Пс. 58, 2)!

Шёл на допрос, а в душе надёжно царило спокойствие, хотя, конечно, нелегко сохранять присутствие духа в таком сложном положении. Однако сердце подсказывало, что именно сейчас от моего поведения зависит будущее.

Господь не оставил. По Своему великому милосердию Он помог предельно собраться, сосредоточиться и в доступных выражениях указать пожелавшей свалить меня кучке офицеров на несоответствие их обвинения.

Рассуждал от сердца, говорил чётко и внятно о том, что, во-первых, погрузка такого рода всегда происходит под наблюдением офицеров, специалистов по боеприпасам. Именно им, кто обладает всесторонними знаниями о правилах погрузки, вменено в обязанность следить, чтобы всё осуществлялось по неукоснительным нормам безопасности. Они – специалисты, они знают нормы, и вся ответственность лежит на них. Никто другой, а они должны были тщательно следить за тем, правильно ли укладываются

снаряды, особенно их верхний слой, чтобы не произошёл сдвиг или падение. Никому другому, как им, следовало удостовериться нет ли среди загружаемых боеприпасов повреждённых, убедиться точно ли соблюдена высота штабелей. Кто вёл наблюдение? Кто проверял погрузку? Где эти ответственные лица?

И добавил:

– К тому же и показания солдат разнятся. И другие несообразности замечены...

Повисла немая сосредоточенная тишина. Какая-то вязкость, какое-то оцепенение охватило включивших меня в число обвиняемых.

Они настроены были свирепо, не погнушались бы и разорвать в клочья, но им могло вдруг открыться, даже через такое моё незначительное слово, что каждый из них не уязвим лишь пока он – незамечаемая часть действующей машины. Но как только на нём сосредоточилась личная ответственность, она явственно обнажила, что и он – ничто и легко может оказаться «под прицелом». Роковая судьба – самому оказаться обвинённым – не так уж редка. Настоящей страховки от неё нет.

Их совершенную убеждённость сменило ощутимое беспокойство. В самом деле, не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Ради личной безопасности не следует ли тщательнее взвесить: продолжать обвинять Крючкова или, напротив, лучше убрать его из дела и не связываться с его настойчивой решительностью и веским умословием? А может, вообще перевершить всё дело заново?

Не выстроилось тогда обвинение. Распалось. И улетучился буйный гнев. И отмелись все грозные обвинения. Только Божья рука, Его милость и защита охранили меня от злого оговора, заведомой лжи и пятна на всю жизнь в военном преступлении. «Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?» (Псалом 17, 32). Ведь то было время, когда что̀ ни произнеси в своё оправдание, какие сверхубедительные доводы ни приведи, – это нисколько не помогало.

Пронеслась лютая буря – и радость залила сердце, хотя этими обстоятельствами я крепко был испытан. Потому что воистину «...гневное дыхание тиранов было подобно буре против стены» (Ис. 25, 4). Как не повторить вместе с псалмопевцем: «А я буду воспевать силу Твою и с раннего утра провозглашать милость Твою; ибо Ты был мне защитою и убежищем в день бедствия моего» (Пс. 58, 17)?!

Я – танкист

Потом было 9 мая 1945. Парад победы в Москве. Салют.

Но война и кончилась и не кончилась. Демобилизацию объявили только для немолодых солдат. Домой отпускали отцов семейства, а молодых оставляли, и на какой срок – неизвестно. Мне – всего 19, и, конечно, с тысячами других подобных я продолжал носить солдатскую шинель. Так и протянулись сплошной лентой горькие семь лет моей армейской службы. Пережил немало.

Красные погоны на плечах сменили чёрные. Я – танкист. В бронетанковых войсках пробыл до начала 1950 года, то есть до конца службы.

Обучали сосредоточенно и усиленно. Много времени уделяли теории, тактике. Учили вождению. Наденешь глухой, словно вата, танкошлем, и шум «коробок» – лязганье траков, скрип башенного поворота, клацанье затвора – не так уж досягаем.

В танке работает экипаж – слаженный коллектив: командир орудия, механик-водитель, заряжающий, радист и другие. Каждый имеет свои обязанности. За долгие годы довелось побывать всеми. Особую полезность находил в занятии механика-водителя. От его мастерства и умения энергично маневрировать в сложных условиях нередко зависит выживание экипажа.

Был и командиром танка – своего рода начальником, при том, что выкладываться приходилось сполна: круговое наблюдение за местностью вести, командовать заряжающим

и механиком-водителем, по радио связываться с танками взвода. От него требуется полная концентрация сил, иначе в бою он не жилец.

Служил не в одном месте. Не раз перебрасывали из одной части в другую. В моём послужном списке отмечено много перемен. Но подобные перемещения не радовали. В сущности, сколько служил в танковых войсках, столько на новом месте всё начиналось сначала – с азбучных истин курса молодого бойца: как аккуратно форму носить, наматывать портянки, ходить строевым шагом и прочее. Преподавали азы: как трогаться с места, по прямой танк водить. А ты – солдат со стажем. Был уже и командиром машины, и вторым в иерархии экипажа – механиком-водителем; и весь круг этой работы проходил с нуля не однажды.

Ну невозможно было это выдержать! Так всё стало невыносимо! И хотя армейский долг требовал дисциплины, не нашлось во мне силы подавить возникшее желание, как потом не смог и объяснить, почему я так поступил.

Дело было в Горьком (Нижний Новгород). Перед очередным строевым смотром рота выстроилась в линию взводных колонн, солдаты держали оружие «у ноги», проверяющий полковник намеревался уже пойти вдоль вытянутых шеренг.

«Семь бед – один ответ!» – отчаянно зазвенело в ушах. Я незаметно подтолкнул винтовку. В немой тишине выстрелом раздался грохот ударившегося о землю оружия. Минутное замешательство сменилось неистовым гневом: что это за солдат, который не может держать оружие?!

Завершилось всё более, чем непредсказуемо. Наказание – наряд вне очереди – наказанием, но!.. Через короткое время отправили меня... в Москву! В город моего детства! Город, который я всегда любил, который так остро манил царившем в нём оживлением.

Дальнейшая служба протекала как в самой Москве – Бронетанковой академии в Лефортово (она размещалась, да и сейчас размещается в великолепном старинном комплексе Екатерининского дворца), так и в ближайшем Под-

московье – Солнечногорске, городке на Сенежском озере. (В то время командовал бронетанковыми войсками страны маршал Рыбалко Павел Семёнович.)

Большая радость, наверно, всегда так же неожиданна, как и большая беда.

Навсегда в памяти

1.

Есть в центре Москвы тихий старинный переулок – Успенский. Рядом Страстной бульвар, Петровка. В непосредственной близости Сад Эрмитаж. Здесь в деревянном двухэтажном доме барачного типа (в те годы в столице их было множество) жила, как мы её звали, тётя Люба Борисова с мужем и двумя сыновьями. Друзья юности моего отца. Высококультурные, тактичные, интеллигентные люди. Глубоко верующие. Члены церкви ЕХБ, чьи богослужения проходили тоже в центре Москвы, в Маловузовском переулке, 3. Трудно теперь припомнить, как мне удалось их разыскать. Возможно, через живущих в Останкино.

Приятная в обхождении, с добрым умным лицом, с такой знакомой, мягкой старомосковской речью нараспев, тётя Люба располагала к откровенной беседе. С ней легко было говорить. Даже о том, о чём с другими никогда бы не поделился.

– Как служба идёт, Геночка? Всё ли хорошо? Много ли трудностей?

О! Она затронула больную тему. Мёртвая тяжесть, которая давно давила на сердце, внезапно вылилась в нескрываемое волнение. Все чувства разом поднялись со дна души, как потревоженный улей.

– Трудности?! Да это просто немыслимое существование! Буквально с ног сбивает открытая несправедливость, бесчестность рядом стоящих, господство грубой силы...

Был в моей жизни поступок. Против собственной души пошёл. Но не себя защищал, другого. Много времени прошло, а забыть не могу.

Мы шли в столовую строем и, входя, всегда отсчитывали: один, второй, третий, четвёртый – отмечали группу для каждого стола. Последнему в группе поручалось нарезать выданный для неё хлеб. А нарезать – значит делить и получить право оставить себе горбушку. Пропечённая корочка ценилась очень высоко.

Среди нас служил большерослый солдат, под два метра. Здоровый, толстолицый. У него была не только мощная челюсть, но и такая же хватка. Он сразу вошёл в армейский ритм: рви и дави, война всё спишет. Легко доходил до рукоприкладства, зная, что с ног может сбить любого. Одни тянулись к его недюжинной силе, другие уступали из страха. Всеобщее покорство мешало воспротивиться скверному поведению. Он купался в податливости окружающих, всё ему сходило с рук.

В тот день мы по обыкновению подошли к столовой, начали вести счёт. Стояли, глядя в спину друг друга, и сталось так, что делить хлеб для нашего стола выпадало не ему, а небольшого роста хиловатому армейцу, стоящему сзади него. Бесцеремонно его оттолкнув, верзила занял выгодное место. Как же? – «Повелевает тот, у кого сила...»

Как случилось, что так измельчал человек? Как легко готов унизить, оскорбить, у́хватью взять не принадлежащее, рушить упроченный порядок ради получения корки горбушки. Подобно он поступал не раз.

И тут... Всё произошло мгновенно. Я приблизился к нему и молча обжёг звонкой пощёчиной. Звучный хлопок качнул застывший воздух.

Все замерли. Говор смолк, наступила натянутая тишина. Полная. А он стоял передо мной, как гора. Моя макушка едва ровнялась с его носом. Никто не сомневался: кары – не миновать, покатится с плеч моя горячая головушка.

Но произошло непредсказуемое: его приподнятая надо всеми мощная фигура неожиданно обмякла, съёжилась, осела. Он неуклюже втянул голову в плечи, выпукло изогнул спину и махнул рукой отодвинутому солдату:

– Иди, становись.

Мы никогда не видели его таким беспомощным и жалким. Он даже вызывал сострадание.

Побледневший, я вернулся туда, где стоял. Никогда в жизни никого не мог унизить словом, тем более ударом. Здесь же не сладил с нахлынувшим чувством, потому что понимал: должен быть положен конец беспределу! По сути, мой одинокий вызов был брошен за всех нас, за то, как мы будем продолжать бок о бок служить и друг к другу притираться.

А разрешилось всё, как видите, зримо и чудесно! Вероятно, среди всеобщей покорности вспышка правдивого гнева неплохо помогает. Но случай этот не выходит из памяти, так и стоит перед глазами его жалкая, согнутая фигура.

Тётя Люба слушала, не перебивала. А я говорил и говорил... Не таясь, открывал душу, выплёскивал наболевшее наружу.

– Ребята меня уважали. Слушали, всегда спрашивали совета. Я не возвышался над ними, даже напротив, чувствуя своё превосходство в чём-либо, спешил не выказать его, никогда не хотел каким-то своим умением унизить другого. Чтобы иметь влияние, нужно разуметь, как объединять ребят, быть готовым в любой беде выручить. Ведь за провинность – действительную или вымышленную (был бы солдат, а провинность всегда найдётся) – наряды вне очереди сыпались для нас как из рога изобилия. В крайних обстоятельствах мы достигали единодушия без предварительного сговора, немногими словами, иногда даже тихо произнесёнными.

Вот старшина решил за какой-то мелкий проступок одного – всю роту после отбоя гонять со строевой песней по плацу. Заранее разве вознамеришься бунтовать? Даже смутного намёка не было. И всё же, услышав обещание гонять до утра, измученные внеочередными работами, а ещё больше – несправедливостью, мы потеряли терпение. Мне предоставилась возможность противостать сумасбродству.

– Р-р-ав-ня-айсь! Смир-р-на-а! Шаго-ом арш!

Громко затопали сапоги.

– Запе-е-вай!

Я полугромко:

– Только попробуй!..

И – рота шагала молча.

– Запева-ай!

Молчание.

– На месте!

Топтались на месте.

– Прямо!

Шли.

– Запевай!

Опять шагали молча. Лицо ротного багровело:

– Изведу! Замучу! Запевай!

Все как в рот воды набрали.

Часа полтора, а может и более, продолжался наш стихийный протест. Только вмешательство кого-то из вышестоящих исправило положение.

Перед внимательно слушающей тётей Любой моя усталая душа сама освобождалась от неудержимого недовольства:

– Как не ужаснуться изнанке жизни?! Она течёт по злым путям. Люди грешат и надеются остаться безнаказанными, не получить Божьего возмездия. Упиваются жизнью и не ищут правды. Любой грех кажется обыденностью. Негодные и корыстные проявляют поистине дьявольскую способность, которая с бесстыдством представляет с наилучшей стороны любые самые неприглядные движения человеческой души. В эту способность окунулись даже, казалось бы, довольно видные, заметные, на первый взгляд добропорядочные люди...

Отчего большинство предпочитает ложь, насилие, коварство, к которым пригвоздила их жизнь? Ведь избавление от несправедливости – великое благо. Как её искоренить совсем?

Горячо вопрошавшим взглядом я смотрел в устремлён-

ные на меня полные сочувствия глаза, желая прямо сейчас, в сию же минуту получить ответ: опомнятся ли когда-нибудь люди от своего зла и восторжествует ли, наконец, на свете правда и порядок?!

– Ну что ты, Геночка! – тётя Люба вдумчиво посмотрела на меня и покачала головой. – Зачем напрасно терзаешь себя? Зачем мечется твой дух? Сам Христос, Сын Божий, не изменил этот мир, не преобразил его. Не для этого Он приходил на землю. Не для того оставил небо, чтобы сделать всех культурными, порядочными, безупречно нравственными, обществом непьющих и некурящих.

Спаситель пришёл для того, чтобы СПАСТИ погибших. Сделать нас Своей частью, Своей Церковью. Он имеет дело с отдельной душой, которую очищает от греха, освобождает от возмездия за него. В прошедшие десятилетия наша страна испытала бездну преобразований. Но внешние изменения не улучшили человека. Лишь свет Христова учения преображает покаявшегося грешника, открывает ему истинный смысл бытия, научает добродетели и благочестию, наполняет радостью и миром!

Каждый человек сотворён Богом для счастья, для спасения и жизни вечной! Но увы! Не каждый располагает сердце к покаянию. В большинстве случаев люди сознательно преступают Божью волю, фактически распиная Иисуса Христа, а значит, и своё спасение.

Бог «недалеко от каждого из нас» (Деяния Апостолов 17, 27). И это чрезвычайно важно, потому что семьёй, обществом – не спасаются, а только лично! К каждому особо обращено слово Духа Святого, призывающего осознать свою греховность и войти во спасение...

Я был так сражён, что сидел не шелохнувшись, не меняя ни вида, ни позы. Это было серьёзнейшее поражение в моей жизни: моих взглядов, понятий, настроений. Мне открылось самое главное – для чего существуют люди, для чего живу я...

Прежде главное для меня состояло в наружном, во

внешнем мире, который плотно обступал меня со всех сторон, такой осязательный, отталкивающий и беззаконный. Я знал, что все моё существо, каждая клетка мозга, каждая частичка нервов рвали сердце на части неотступным вопрошанием: «В чём жизнь? Настоящая жизнь! Почему её в людях не видно?»

Спрашивал себя и не находил ответа. Эта неясность томила, мучила, огорчала, и в этой неувязке таилась для меня смертная беда, уничтожение достоверного.

Но вот услышал легкосердое слово, такое сокрушительное и утешное, от которого просветлели очи и стало легко на душе. Христос встал передо мной как Тот, Кто местом Своего обитания избирает убогие ясли сокрушённого сердца, спасает не толпой, а по одному, преображает не общество, а кающегося грешника.

Новые ощущения, новое воззрение, новые стремления, доселе неведомые, толпою восставали во мне...

– Так как ты, Геночка, думаешь ли о том, чтобы верующим стать? – искренний, непринуждённый вопрос вернул меня к действительности.

– Да я верующий всю жизнь, тётя Люба! Никогда дурно себя не вёл.

Это была правда. Внутри, глубоко в сердце хранились поучения отца. Я знал, что человек должен быть благочестивым. С усердием был наставлен, как быть приличным человеком, никого не оскорбить, не воровать, не курить, не пить. А так – Слово Божье не читал, по-настоящему ещё ничего не знал.

– А читаешь ли ты Слово Божье?

– Нет, не читаю. Его нет у меня.

– Тогда я дам тебе. – Открыла шкафчик, достала лежащий на полке старенький-старенький Псалтирь, затрёпанный, с жёлтыми, пересохшими от ветхости страницами (духовной литературы тогда мало было). Протянула:

– Читай, это тебе очень поможет.

Вернулся в казарму. Сидел дневальным, осторожно от-

крыл небольшую книжечку. Начал читать, как положено, с первой страницы. И уже с первых строк первого Псалма удивление вытянуло моё лицо: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых...» «Интересно, – думал, – что это за муж? Чей? А где жена? Почему о жене ничего не говорится?» Причём этот муж «не ходит на совет нечестивых». Что за совет нечестивых? Мелькнула догадка: у нас есть Верховный Совет, наверно, это как он или ещё что-то подобное. Не в том разуме понимал слова, но всё же знал – о чём-то святом говорится.

Такое наивное представление было. Ничего не мог понять.

Но не закрыл, продолжил чтение. За один раз осилил первый, второй, третий Псалом. А сам решил: «Надо найти время и искренне и честно прочитать всё, потому что она спросит. Что отвечу? Обманывать нельзя. Только бы поскорее прочитать». Ведь чтение, как горькую микстуру принимал.

В следующий раз, когда опять получил увольнение, поехал из Солнечногорска в Москву. Принёс и с удовольствием протянул:

– Вот, тётя Люба, я уже прочитал.

– Ой, что ты, Геночка! – губы её по доброму улыбнулись. – Оставь у себя. Это ж на всю жизнь надо. Слово Божье нужно каждый день читать. Это наш духовный хлеб. Без него душа зачахнет, захиреет и совсем умрёт. Нет-нет, милый. Оставь, пользуйся благоговейно. Читай внимательно, рассудительно.

Вслух не произнёс, а сам подумал: «Боже мой! Это ж всю жизнь мучиться...»

Но не стал препираться, спрятал в карман: «Ладно, пусть будет. Но уж читать! Один раз прочитал и хватит».

Вот каким младенцем был у Господа. Так ещё далёк был от всего духовного! Правда, потом читал Евангелие, но у неё, при ней. И потихоньку, постепенно Бог дал милость расти, подниматься.

2.

Стал посещать собрания в Москве. И тоже с неудачи начал. Предложила тётя Люба:

– Пойдём в собрание (это во ВСЕХБ, на Маловузовском).

Согласился:

– Хорошо, пойдём.

Вечерю разносили. Поскольку все хлеб берут, и я взял. Она мне шепчет:

– Геночка, а тебе нельзя, голубчик.

– Почему?

– Ты же крещение не принял.

Я и этого не понимал.

Она осторожно так, обходительно:

– Ну, ладно. А уж вино будут разносить, ты не бери.

Так первый раз в жизни в вечере поучаствовал.

В декабре 1948 года отмечали 70-летний юбилей Сталина. Отпустили в увольнение, и я пришёл на собрание как был, в военной форме.

Молитвенное помещение в тот день было заполнено до отказа. Кое-как удалось пристроиться в проёме центральной двери. Старинные такие двери, мощные, деревянные, открывались прямо в переулок.

А дальше невозможно протиснуться – верующие плотно стояли, прижавшись друг к другу, так что трудно было пошевелиться или переступить с ноги на ногу.

Подошёл с улицы диакон церкви, стал закрывать двери. А они не закрываются: я стою последний, створки упираются в мою выступающую спину и не могут захлопнуться.

Диакон раз, другой пытался сильней прижать дверь, ничего не получалось: она лишь больно ударяла через тонкую шинель по моим худым лопаткам и не закрывалась.

– Нельзя так стоять! Перейдите в другое место. Двери должны быть закрыты, такой порядок.

Ничего не оставалось, как повиноваться. Я пошёл во двор, но и у боковой двери толпились люди. Правда, сло-

ва проповедника и пение хора можно было расслышать. Там и простоял до конца собрания.

Москва. За год до демобилизации

В другой раз мне удалось подняться наверх, на балкон. И тут я оказался свидетелем необычной картины – доброго дела из-под полы: запуганные старушки костлявыми руками передавали друг другу денежки по рядам: «Это на узника, тч-ш...» С кафедры если бы увидели, не сдобровать бы им!

Так простые верующие, отдельные сердобольные старушки, искренне сочувствуя чужому горю, обходили официальные запреты и исполняли заповедь Христа: «В темнице был, и вы послужили Мне...» (Матф. 25, 34–43).

Итак, в те армейские годы, фактически впервые осознанно читая Писание и слушая Слово Божье, я в итоге пожелал непременно последовать за Господом. Сознательно, за всю жизнь выносил я это решение. И понял, что Он зовёт меня давно и моя чёрствость может ещё долго держать меня вдали от Него.

Потом пришёл такой момент, который я запомнил навсегда, когда сказал, что мне нужно разделяющую меня со Христом дистанцию немедленно сокращать. Я отчётливо сознавал, что ещё не спасён, что мне нужно стремительно это делать. Надо бежать к своему Господу, пока Он не положит Свою руку мне на голову и не скажет: «Иди с миром! вера твоя спасла тебя!»

Евангельское слово – непревзойдённый дар, величайшая истина! Это слово о Спасителе и спасении! При всей поражающей нас простоте Иисус Христос Тот, в Ком «...обитает

вся полнота Божества телесно» и Кто «может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу» (Кол. 2, 9; Евр. 7, 25). В суровой битве Господь совершил разрушение твердынь сатанинских, и я радуюсь тому, что Он приготовил нам славный час, когда восхищением Церкви Небесный Жених совершит великий исход Своих сынов и дочерей из земного плена во свет вечного дня Небесного Царства.

Кто-то верно заметил, что жизнь пишет нашу биографию не равномерно по годам. У каждого человека есть своя пора, свой решительный воспоминаемый момент, в который он глубже всего прочувствовал себя, что̀ он есть на самом деле, открылся весь себе и другим. И что бы потом ни случалось, даже внешне значительное, всё это чаще – только продолжение того толчка, того пробуждения, которые всколыхнули наш дух. Мы приводим произошедшее на память, обновляем в уме детали, восхвально перебираем в мыслях пленительное былое, то, что единожды прозвучало в нас...

Такой порой обернулась для меня первая встреча с тётей Любой. Произошло со мной нечто, после чего я не мог уже оставаться прежним человеком.

Коротко протянулась моя жизнь, но она проборороздила глубокую отметину «до» и «после»: до войны и после неё, до армии и после того, как стал солдатом. Всё прежнее или незначительное отодвинулось в сторону, а душа утвердилась в главном: во всём, что ни делаешь, бойся Бога и храни Его заповеди, тогда пойдёшь прямым путём и не погибнешь, превозможешь искушения диавола; Бог укрепит тебя в добре для себя и для других, ты приобретёшь жизнь вечную. И с тех пор, как я вручил жизнь Спасителю, моей мечтой стало – всей душой служить Ему.

3.

Месяцев за семь до демобилизации Борисовы помогли раздобыть адрес семьи и мне впервые удалось списаться с родными, оставленными семь лет назад в далёком Ре-

монтном Ростовской области, от которых с начала службы не получил ни одной весточки: ни посылки, ни письма, ни открытки. Потерялся и потерялся.

Оказывается, они жили теперь недалеко от Москвы в городе Узловая (в то время Московской области).

Очень захотелось повстречаться с отцом и матерью, с братьями и сёстрами, хоть кого-то увидеть.

Разрешили пойти в увольнение на двое суток, и я отправился.

Стояло погожее свежее лето. Время торопило: всего два дня в распоряжении, а из Солнечногорска нужно сначала доехать до Москвы, в ней перебраться с вокзала на вокзал и одолеть ещё почти 200 километров до Узловой. Путь неизвестный, к тому же неведомо, какие поезда и в какое время туда ходят.

Спешил из части, сокращал путь к платформе. Солнечногорск рассекается древним каналом, когда-то великолепным семикилометровым сооружением, построенным ещё Екатериной II для водного сообщения между Москвой и приволжскими городами. С тех пор положение его не изменилось, только без употребления он стал болотистым, заросшим и заиленным.

Напрасно я питал надежду благополучно преодолеть болото – глубоко провалился, набрал в сапоги воды, гимнастёрка мокрая, хоть отжимай. Пришлось, что возможно, постирать. Драгоценное время растратил.

Сел в Москве в вагон – и уснул каменным сном, потому что крайне устал. Доехал до Ожерелья, а на этой узловой станции железнодорожные ветки расходятся. Мне невдомёк, спал спокойно, в то время как состав увозил меня совсем в другую сторону. Утром проснулся – незнакомая местность. Да и вообще я в этих краях никогда не был.

– Где мы находимся? – спросил.

– Ряжск, – ответили.

Далеко в сторону от Узловой. До неё ещё добрых километров 150. Но главное, здесь пассажирские поезда по-

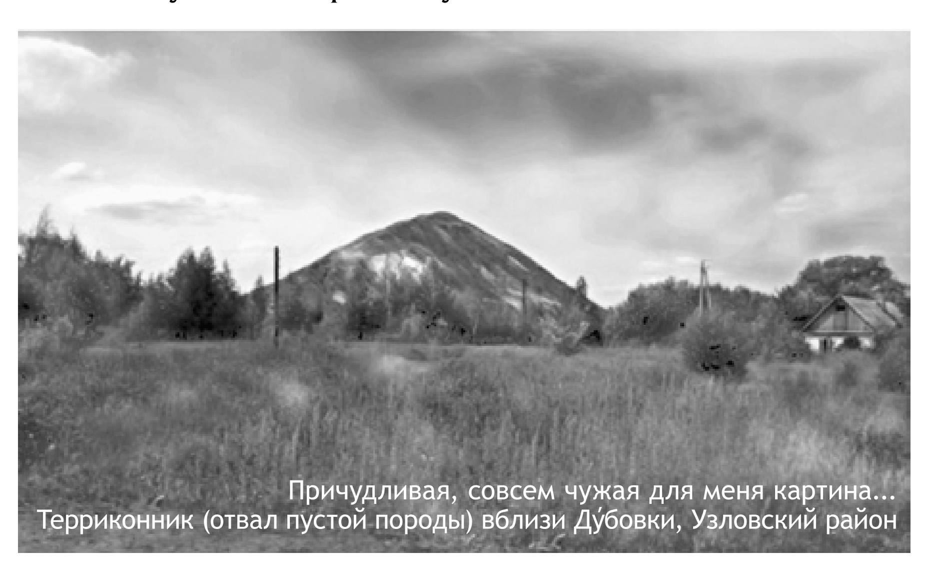
чти не курсируют. Что делать? Ни гроша в кармане, хлеба не на что купить – голова кру́гом идёт.

Подсказали, что можно на товарняке добраться. А товарный поезд как идёт? Остановится на какой-нибудь станции и стоит час, два, а то и три, четыре.

Ехал на открытой платформе. Сквозняк, встречный воздух с паровоза сажу сыпал, плотный дым чёрными пятнами валил из трубы и обдавал округу густым запахом каменного угля. Кое-как добрался к ночи до Узловой.

В наливающемся чернотой небе горел узкий лунный серп. Звёзды были очень яркие, и в их свете кое-где из-за горизонта поднимались силуэты рукотворных холмов – ржавые пирамиды отвалов пустой породы после разработки угля. Причудливая, совсем чужая для меня картина... Мама к ней никак не могла привыкнуть.

Пришёл сначала на шахту, где работал отец. В такую позднюю пору его там не оказалось. Добрые люди рассказали, как найти Крючковых. Семья жила в бараке. Подошёл к дому. Постучал. Мама открыла дверь: «Гена! это ты?» – и чуть в обморок не упала...

Причудливая, совсем чужая для меня картина...
Терриконник (отвал пустой породы) вблизи Ду́бовки, Узловский район

В пустой и бесцельной толчее этого мира, которая называется жизнью, есть только одно истинное, безотносительное счастье: всем сердцем служить Богу, служить, забывая себя, отодвигая на второй план всю суетность наших бессветных, хлопотливых дней.

Но для того чтобы обладать этим подлинным счастьем, нужно прежде пройти через послушание, через жертвенность, через самоотречение, через веру, без которой ничего невозможно достичь.

Ибо в жизнь воскресения, в торжество победы входит только тот, кто идёт стезёй Христа и побеждает врага душ человеческих Его силой. Как сказано: «Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего...» (Откр. 12, 11). Не искажённым свидетельством, дающим право на выживание для плоти, а победным свидетельством слова и жизни, полной послушания Отцу.

Так всякий из вас,
кто не отрешится от всего,
что имеет, не может быть
Моим учеником.
Евангелие от Луки 14, 33

Глава 7

УЗЛОВСКИЙ УЗЕЛ

Недобровольный выбор

1.

Город Узловая не был местом добровольного избрания родителей. Отцу во время войны пришлось полгода находиться в захваченном неприятелем Ремонтном (на фронт его не взяли из-за болезни сердца), и после того как зимой 1943 наши войска освободили село, всех мужчин, живших в оккупации, по законам того времени арестовали как дезертиров: «Вы немцам прислуживали», и они проходили так называемую госпроверку. О них наводили справки на предмет сотрудничества с врагом: почему оказались на оккупированной территории, почему сдались, почему пулю в лоб себе не пустили и т. д.

В жутком напряжении тянулись дни: угроза смерти висела над ними, как дамоклов меч. Каждое утро всех выводили строем и перекличкой делили на две колонны: «Такой-то, налево! Такой-то, направо!» Они знали: налево – на расстрел. Направо – значит, будут ещё мучить. И допросы, допросы, допросы. «А вели нас в полном смысле слова мальчишки, моложе меня, – вспоминал отец. – Богохульники, ниспровергатели всего святого, потерявшие совесть. Замахивались на людей в три раза старше их, обзывали бранными словами: "Вы такие-сякие немецкие прихвостни! Работали на врагов! Родину продали!"»

Уверовал там через свидетельство папы один человек.

Воспитанность, светящийся интеллект, хорошая речь без сорных словечек отличала его от других. Он в Москве военную академию окончил. Вместе они иногда прогуливались во дворе, папа ему благовествовал, много о Христе, о вечной жизни рассказывал. Они обменялись адресами, чтобы сообщить родственникам о постигшей судьбе, чтобы не ждали. Адреса заучили на память, потому что при себе никаких записей нельзя было иметь. Его расстреляли. Но он покаялся и с обновлённой душой, духовный свет познавший переступил черту смерти. Видимо, отец потом сообщил семье о его участи.

Многих тогда «в расход пустили».

Иных же посчитали нужным отправить в тюрьмы и лагеря или в ссылку. А кого-то, как моего отца, повезли на шахты Подмосковного угольного бассейна (схожим образом в 30-е годы осуждённых отправляли на строительство Беломорканала и прочие великие стройки).

Вместе с другими привезли в Узловую под конвоем. Как заключённых. В округе создавались проверочно-фильтрационные лагеря для тех, кого считали неблагонадёжными. Многочисленные отделения этих лагерей располагались на местных шахтах. Продолжились допросы, и опять кого протянули сквозь тюрьму и ссылку, кого приговорили к смерти, но папа ни в чём не был замешан, и, можно сказать, каким-то чудом его ни в чём тяжком не обвинили.

Дешёвую рабочую силу отбирали для неотложных шахтных надобностей. Люди обязаны были трудиться, ничего не спрашивая и ничего не требуя. Им запретили куда-либо выезжать. Сюда в дни войны переместили колонну немцев Поволжья. Со временем к ним присоединили крымских татар, украинских повстанцев. Условий для жизни никаких. Мыкали горе в скученных бараках, болели, во множестве умирали.

Зато тут нетрудно было спецконтингент стеречь. В шахту ведут два ствола: материальный и грузовой. Другого выхода из-под земли нет. У стволов, где люди спускаются в шах-

ту и поднимаются на поверхность, стоит охрана. 50 или 100 метров глубина (в здешних краях залежи угля близки к поверхности) – нигде не выберешься. Легко охранять!

А когда отца расконвоировали, свобода для него ещё долго не наступала. Тоже пережил немало.

В те годы на предприятии невозможно было получить расчёт. Никого не увольняли. Того же, кто самовольно оставлял работу, приравнивали к дезертирам. Такому человеку срок был обеспечен. Даже за опоздание получали до пяти лет лагерей.

Добросовестный и старательный, отец всегда снискивал к себе доброе, благоприятное отношение окружающих. Сначала работал электриком на шахте, потом назначили главным энергетиком. Соломон Моисеевич, начальник шахты, питал к нему особое расположение и предложил перевезти семью. Даже выделил небольшую комнату и кухню в «финском» домике барачного типа (с жильём в те времена было чрезвычайно туго). Отец написал письмо, мама приехала к нему с детьми. Таким образом все оказались в Узловой.

Собирались ли здесь верующие на богослужения до войны – затруднительно сказать. Но нужда военного времени принудила начать на этой земле ускоренное восстановление шахт. Требовался уголь, который в ту пору означал всё: и электричество, и тепло, и транспорт (паровозы). А для его добычи – рабочие руки.

И потянулись сюда люди из разных мест, среди них верующие. Каким-то образом они узнавали друг о друге и начали собираться небольшой группкой, затем всё больше и больше. Так что уже в 1946 году и в 1947 верующие посылали ходатайство в Москву о регистрации общины. Отказали. Предлог нашли – непригодность помещения. Более того, уполномоченный Совета вообще запретил проводить молитвенные собрания без получения справки о регистрации общины. Оповестил об этом исполком горсовета. Однако богослужения продолжали проводить в разных местах.

2.

Пришёл папа на собрание и увидел человек тридцать, в большинстве пожилых людей, старушек. Молодёжи – никого. А он – в расцвете лет, бодрый, энергичный, горячо любящий Бога, проповедующий и превосходно играющий на многих инструментах.

Ни музыка, ни хоровое пение в этой церкви, конечно, не именовались.

На материальном складе шахты каким-то образом оказались трофейные музыкальные инструменты: пианино, баян и скрипка 1812 года, заброшенные, никому не нужные, в очень плохом состоянии. Начальник шахты разрешил продать ему пианино. Оказалось, что это прекрасный инструмент какой-то знаменитой немецкой фирмы, оставленный противником при отступлении. Папа его отремонтировал, восстановил, но по чьей-то несообразной воле его отняли и отдали в шахтный клуб.

А ему продали баян и скрипку (баян папе тоже был знаком, хотя в то время считался светским инструментом). Он стал играть на нём в кругу семьи. Принёс и в церковь, чтобы петь под аккомпанемент. Всем понравилось общее пение в сопровождении баяна.

Богослужения сразу оживились. Со временем появилась молодёжь. Всепроникающие и вечно бодрствующие гэбисты всполошились. Вызвали и предупредили: «Не забывай, ктò ты и что за тобой числится. Ещё одно собрание и – двадцать пять лет будешь коротать в наручниках на подземных работах!» Однако убеждённый и твёрдый в вере отец нисколько не боялся, не оставлял собраний, посещал каждое.

Новый вызов вклинился в нашу жизнь неожиданным поворотом (я тогда уже пришёл из армии домой).

Давно перевалило за полночь. Минул час, второй ночи. Папы всё нет. Такие поздние вызовы – простейший приём для обламывания души. Когда солнце бывает под закроем, то есть давно ушло за горизонт, человек не может быть спо-

коен и уравновешен по-дневному. Он пуглив и сговорчив.

Я стал звонить. Люди мужают и крепнут в бедствиях. Сложные обстоятельства приучали не в прятки с ними играть, а разговаривать не робея, даже, можно сказать, в наступательном духе, но и не по гордыне. Считал: если страдать, значит, страдать, и коль есть у нас право на независимость веры, то это право надо сообразно и отстаивать. Хотя тогда у меня ещё не было ни серьёзного опыта, ни соответственного понятия. Я просто знал, что надо оставаться верным Богу.

– Где мой отец, Крючков Константин Павлович? – позвонил дежурному милиции. – Почему так долго задерживаете?

– Не беспокойтесь, он нужен был для беседы. Но уже уходит или ушёл.

Сердце невольно насторожилось: они же всегда ложь говорят! Но всё равно был спокоен: сигнал подан, что мы наблюдаем, не перепуганы или знать ничего не хотим.

Отец вернулся озабоченный. Ему приказали: «Через 10 дней в Узловой вас не должно быть! Куда хотите уезжайте, но чтобы в Московской области вас не было...» (с 1942 по 1957 годы Узловский район входил в Московскую область).

Он пробовал устроиться рядом на шахтах. Поехал в Богородицк, это уже Тульская область. Всё бесплодно. Около двух недель рано утром он тайно уходил из дома и поздней ночью так же тайно возвращался. Но везде получал отказ, несмотря на то что на всех предприятиях требовались рабочие руки.

Продолжать жить в таком подвешенном состоянии – какой смысл? Пришёл он как-то за полночь и говорит маме: «Что делать? Оставаться здесь – значит идти на явный арест, непригодным стать для церкви и для дома. А устроиться поблизости, чтобы не слишком далеко быть от семьи, не получается».

Пришлось возвратиться в родные места, в Астрахань. И снова за ним последовала семья. Мы же, старшие из детей, уже взрослые, семейные, остались в Узловой.

Пристанище нашли в селе Волжском (в народе – Джакуевка, прежнее старинное название), вверх по Волге от Астрахани километров 40, в каракулеводческом совхозе. Мама опять устроилась бухгалтером. Её в тресте совхозов узнали как хорошего специалиста и дали туда направление. А папа работал сначала также электриком, затем энергетиком. Мой меньший брат Борис с женой переехал в Джакуевку к родителям да так и остался там жить.

Божье предначертание

1.

Я вернулся из армии с твёрдым намерением стать другим воином – воином войска Христа, поэтому и семью намерен был создать только христианскую.

Хотя совсем недавно сменил военную форму на гражданскую (первый костюм мне мама сама сшила) и в Узловой доселе не жил, но добрых друзей, среди них и девушек, сразу появилось много. Осторожно присматривался, внимательно вглядывался. Меня же в первую очередь интересовало отношение человека к Богу. А оно не всегда выявлялось положительным. В таком случае и близкие отношения не складывались.

Было и так. Договорился о встрече. Девушка умная, деловитая, с широким кругозором, несмотря на то что в провинции жила, – её и разговор был совсем особенный. Глаза ясные, серые, чисто русские – девичьи глаза, смотрели живо и уверенно. Худощавость и высокий рост придавали её виду какое-то изящество, невинную прелесть. И весь облик с первого знакомства повеял чем-то новым для меня. Но это всё – наружность. А внутри что?

И вот должны встретиться, но меня дела задержали. Опоздал. Наконец увиделись. Хмурясь и распаляясь от собственной строгости, она выговаривала настойчиво, с полнотой права: «Нужно быть хозяином своего слова, Геннадий! Вид-то какой – я стою, жду, а тебя нет... Как это понимать?»

Тяжёлым осадком сползло в душу сомнение: мы ещё никто друг для друга, и если так жёстко с первых шагов, то что же дальше будет?

Моей сестре Вале, да и отцу знакома была девушка из близлежащей деревни Хитрово – Лида Доможирова (она с Валей на машиностроительном заводе работала). Стали рассказывать: «Приглядная девушка, скромная, с музыкой дружит, поёт задушевно. Живёт с матерью и братом. Отец с фронта не вернулся – без вести пропал».

А ей только-только восемнадцать исполнилось. С широко распахнутыми глазами в мир шагнула. Голос красивый и подражательные способности неплохие, оттого по местному радио исполняла песни знаменитых певцов. Ещё любимым развлечением были танцы. И во всей фигуре такая летучесть! Хрупкая, лёгкая, поворотливая, маленького роста, в изящных туфельках на высоком каблучке, с широким поясом вокруг тонкой талии и широко разлетающейся в кружении юбкой, с такой детской заразительной улыбкой, на которую трудно не ответить, – она явно блистала среди своих сверстниц.

Но свою будущую жену я желал видеть прежде всего в добром отношении к Богу. Поэтому разговор вёл именно на эту тему.

Мы сидели на скамейке у её дома в Хитрово. День был осенний, но не холодный. Свечерело. Уже не скрипели калитки, в окнах зажигался свет. На улице людей не видно, деревня будто опустела. Потонуло за горизонт солнце, и пропитавшие окрестность дневные звуки, и воздух самый – всё на покой отошло, затаилось. Лишь временами задумчивую тишину нарушал лай собак, да в сарае на нашесте громко взмахивали крыльями куры. Вскоре и это стихло.

Совсем просто, не таясь, спросил:

– Ты в Бога веришь?

Встрепенулась. Строгая стала:

– Я в душе очень-очень верующая. С детства много слышала о Боге. Отец у меня из священнической семьи.

И, взволнованно вздохнув, радостно продолжила:

– Я Бога боюсь. Молюсь Ему. Даже когда на танцы хожу, всегда прошу, чтобы Он меня простил. – И такую искренность отражали её лежащие на коленях сжатые руки, её поднятая голова с русыми, тёплыми волосами, что я невольно оторопел... Не встречал ещё, чтобы вера во Всемогущего не теряла продолжения в новом поколении; чтобы молодость открыто предпочитала то, что огромная масса других отвергает как позор.

– Это хорошо, что Бога боишься. Жизнь христиан непростая. Всякое может произойти. Вот, например, даст нам Бог восемь ребят, а меня в тюрьму посадят за то, что верующий. Ко всему надо быть готовым, всё с благодарностью принимать.

Не ошеломило её такое предложение, и сразу была готова ответить: «Согласна».

В тот вечер как-то сами собой с моих уст ронялись слова внушительные, ответственные, без всякого подозрения, что каждое слово найдёт своё место в жизни. Сказанное пришло на память в тюремной камере Лефортово, когда я был арестован в мае 1966 года. Посчитал, сколько оставил дома детей, и понял: пророческие слова произнёс, предлагая Лиде стать моей женой. У нас действительно росло восемь детей, и я оказался в застенках за веру в Бога.

Никакого свадебного пиршества не устраивали. Не водил я своё воздушное создание под венец. Собрались на Рождество 25 декабря 1950 года за столом в отцовой комнате в бараке две пары брачущихся: я с Лидой и Юрий со своей Валей, да ещё пришёл недавно женившийся наш меньший брат Борис с женой и её родственниками, папа с мамой и Валя, старшая сестра. Кто-то из родных Лиды. Пожалуй, все. Папа помолился. Таким неприметным образом состоялось наше бракосочетание. Мы же ещё не были членами церкви.

А гражданский закон исполнили через три недели. Тоже неприметным образом. Павла Петровна, мама Лиды, зани-

мала в сельсовете[1] должность секретаря и в этом качестве имела право на государственную регистрацию актов гражданского состояния.

14 января 1951 года, на старый Новый Год, вечером, вместе с ней мы пошли в сельсовет (в её распоряжении были ключи от дома, где он располагался). Она открыла дверь, зажгла свет, достала актовую книгу. Внесла в неё соответствующую запись. Мы расписались и возвратились домой. Вот и всё. Незатейливо и просто. На основании этих записей нам выдали свидетельство о браке.

2.

С тех пор и года не прошло... Ярко горел костёр осенних дней. Кудрявые рябины полыхали красным цветом, клёны дрожали на ветру жёлтыми листьями. Шла вторая осень моего возвращения из армии...

Я очень торопился, но пока окончил работу, уже повернуло к вечеру. Солнце стояло низко, но всё ещё играло радостными лучами. Моё сердце горело, как и природа вокруг. Пылало тревогой. Я удерживал её в глубине, скрывал под спокойной сдержанностью. Одновременно она была и сладкая тревога в наступлении часа, когда Бог даст увидеть свет нашему первому ребёнку.

В небольшом однооконном тамбурке больницы я стоял в ожидании у двери, ведущей в длинный коридор, куда ещё вчера вошла Лида. Мне нельзя было к ней. На вопрос об исходе родов обещали сказать позже.

Уйти куда-то было неразумно. Я остался и неспокойно похаживал из угла в угол. Думы, обгоняя одна другую, выносили из глубин воспоминания...

Прежде чем переселиться на Ду́бовку, в небольшую однокомнатную квартиру на улице Щербакова, которую мне выделили от производства как молодому специалисту, мы

---

[1] Сельский Совет народных депутатов – первичный орган государственной власти в сельском районе.

некоторое время жили у Лиды в Хитрово. Домик небольшой, одноэтажный, не на одного хозяина. Неосвещённая улица неотрывно глядела в его маленькие оконца.

Павла Петровна, мать Лиды, была женщина лет пятидесяти, суха и невысока, с решительным неукладистым характером, который часто проявлял манеру повелевать.

Хоть и не ждали мы много добра, но всё же меньше всего рассчитывали услышать от неё резкое возражение.

– У нас с Лидой предвидится пополнение семьи! – улыбаясь с откровенной простотой, не пряча глаз от настороженного взгляда, мы надеялись на понимание и поддержку.

– Надо срочно что-то предпринять! – и сузились в полоску её побледневшие губы.

– Что вы имеете в виду? – не сразу открылся нам смысл услышанного.

– Рано ещё. Вы совсем молоды. В свободе походить надо. А ребёнок по рукам и ногам свяжет.

Вот он, безнадёжный порок безбожного времени! Как далеки эти взгляды от упования на Бога! От желания вручить свою жизнь в добрые руки Небесного Отца! Как грешна даже сама мысль об убиении ни в чём не повинной зародившейся жизни! Такая мысль не только к земле тянет – в бездну! Потому-то, встав на Божью стезю, мы с Лидой обоюдно от подобного отрешились, навсегда отказались. Выбросили вон из сердца. Поступать по воле Бога было для нас всем: пониманием, сознанием, чувством и даже самой жизнью.

Так и ответили тогда: «У нас другие взгляды на жизнь и поступать будем, как Бог велит».

Из коридора в тамбурок пробивался резкий запах йода и вообще своя особенная лечебная пахучесть. В окно открывалась часть больничного двора. Оттуда доносились крики: кто-то из посетителей громким отрывочным голосом силился докричаться до стоящей у окна на втором этаже, но через закрытое окно это невозможно было совсем.

Я ожидал уже больше часа, когда дверь неожиданно от-

ворилась и в её растворе появилась улыбающаяся медсестра. Всё её умиление, и большие тёмные глаза, и округлая мягкость лица, и приземистая, чуть дородная фигура излучали неисчерпаемые потоки благодушия и душевного тепла.

– Поздравляю с сыном! Мальчик родился. Всё благополучно, без всяких осложнений. Можно не волноваться, домой идти.

Я не мог тронуться с места. Ноги словно приросли к полу. Сомкнув веки, как от яркого света, так и стоял, невидящий. Горячее чувство безмерной радости теснилось в груди, требовало выхода и распространения. «Сын! Первенец... Всё благополучно... Слава Богу! Слава Богу!» – беззвучно шевелились губы.

Сколько я простоял – не знаю. Время для меня остановилось. Весь поглощённый новостью и не услышал, как дверь распахнулась во второй раз:

– Вы ещё не ушли? Должна вам сказать... Сообщить... Только не расстраивайтесь, вы же мужчина – мальчик умер...

За тот час, продолжительный как вечность, мне довелось побывать на верху блаженства и на дне отчаяния. В наступившей тишине явственно и часто колотилось сердце: «Как?! Отчего?! Что случилось? Сказали же, что всё хорошо!» Вопросы молнией проносились в голове, но ответа не было. Его никто мне так и не озвучил.

Сына назвали Юрием и похоронили на Узловском кладбище возле деревни Супонь. Там он покоится до великого дня воскресения, когда Господь вызволит из тления его маленькое тельце и навеки водворит в Своих славных чертогах.

По воле Своей Господь посетил нас смертью первенца, признал за благо его отнять.

Некто верно сказал: «Что̀ Бог даёт, на том верующая душа растёт – в этом её сила!» Над всем существует всемогущий Владыка, поэтому уповающий человек утверждается Его святой волей и говорит: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1, 21).

К тому времени мы с Лидой были уже отданными Богу и обещали служить Христу доброй совестью. Прочной бороздой пролегла в сердце та исключительная ночь, когда мы приняли крещение. Её не стёрли ни долгое время, ни скорбь, ни теснота, ни болезни, ни беды...

Таинство погружения

Господу сказал ты ныне, что Он будет твоим Богом, и что ты будешь ходить путями Его... Втор. 26, 17

Бессонная речка с добрым и ласковым названием Любовка неспешно течёт по восточной окраине Узловой, устремляясь к Новомосковску (до 1961 года – город Сталиногорск). Когда-то она была глубокой и полноводной, но время сделало её неширокой, бесшумной, почти недвижной. Лишь у выстроенной ГРЭС широко разливается.

Ночь, по-летнему серебристая, тёплая, стремительно накрыла землю. Над головой среди распахнутого звёздного свода висел пронзительно-светлый круг луны. Узкой тропинкой, притаптывая сонные травы, мы пробирались вдоль реки к заранее выбранному месту. Под говор листвы прибрежных кустов чуть заметно плескалась Любовка в зелё-

Дремлющая Любовка – свидетель таинства погружения в смерть для себя и в жизнь для Иисуса Христа!

ный пологий берег. Торжественная очищенность раздвигала пространство и разливала во все стороны бодрящий воздух.

Умиротворённая природа как бы спешила уменьшить наше тревожное чувство осторожности. Для всякого духовного дела нашей незарегистрированной церкви то время было угрозное, опасливое.

17 июня 1951 года. Наступал праздник Троицы. Будто ничего нового, но радость, торжество, светлость момента переполняли сердце. В моей обновлённой жизни неустранимо созрело это самое великое, самое главное, отчего зависит вечное счастье, вечная блаженная жизнь, – встреча с Иисусом Христом. Внутри положил я в сердце: «Господи, обязательно должен я сделать этот шаг – принять крещение». Огромное желание переросло в непреодолимое убеждение: Небесный Отец непременно даст эту милость! Готовился и думал: «Враг ведь хитёр. Что-то встанет между Христом и мной. Надо спешить, надо дотянуться, чтобы сказать: "Господи! Дай Твой завет мне! Возьми меня ко спасению, и так, чтобы никто не помешал!" Быстрей, быстрей, быстрей дотянуться!..»

Очень устремился и торопился заключить с Ним завет верности. Желал открыть перед всей вселенной то, что произошло в моей душе невидимо и тайно от других. В Писании сказано, что Господь изольёт воды на жаждущее и потоки на иссохшее (Исаии 44, 3) и что мы должны быть полными и переполненными Им и, вместе с тем, быть крещёнными, или погружёнными в Него, как в глубину, которая сомкнётся над нами, скроет нас.

Тысячи, сотни тысяч, миллионы миллионов раз до этого дня (и сколько ещё будет потом!) совершалось это невыразимое по силе и глубине таинство погружения в смерть для себя и в жизнь для Иисуса Христа! Теперь это происходило со мной.

Воистину «благословен Бог... по великой Своей милости возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых...»

(1 Петр. 1, 3), чтобы неотступно творить уже не свою волю, но волю до смерти возлюбившего нас Божьего Сына.

На берегу народа немного... Но событие – долгожданное! Израиль во времена Судей знал период, когда: «...слово Господне было редко в те дни, видения... не часты» (1 Цар. 3, 1). До этого времени и наша церковь редко проводила водное крещение – новообращённых мало было. Но в тот день на радость церкви и ликующих небожителей в неё вливались молодые силы. Рядом со мной ожидали крещения моя сестра Валя и Вася Морозов, художник-оформитель, работал в районном шахтоуправлении. Был кто-то ещё постарше нас, в летах преклонных.

Наблюдала за происходящим и Лида, моя жена. Она пришла посмотреть на то, чего ещё никогда в жизни не видела.

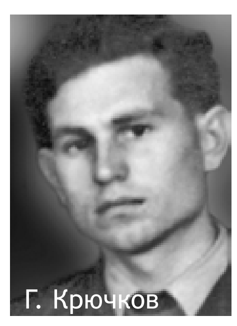
Когда я выходил из воды, пресвитер неожиданно спросил:

– Сестра Лида, а ты не желаешь принять крещение?

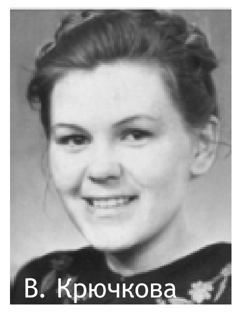
– Желаю...

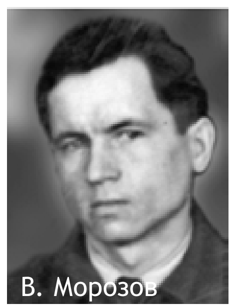
Нашлась нужная одежда, и вместо четырёх – пять раз смыкались воды Любовки над головой тех, кто актом крещения исполнил всякую правду, заповеданную Иисусом Христом (Матф. 3, 15).

Через три года, тоже на праздник Троицы, в 1954 году, мой брат Юрий и его жена крестились во имя Господа Иисуса. Благодатию Христа «верующих... более и более присоединялось к Господу...» (Д. Ап. 5, 14).

Г. Крючков

Л. Крючкова

В. Крючкова

В. Морозов

«Ищите Господа»

1.

К служению в церкви я подходил очень робко. Не мечтал стать в ряды служителей. Не знал и не предполагал, откуда они берутся, кто и где их готовит. Просто ходил на собрания. Регулярно. С усердием.

Как-то пришёл на собрание, а там всего два брата проповедующих. Пресвитер и другие старцы отсутствовали. Павел Афанасьевич Якименков руководил общением (он был для меня тогда старшим духовным братом, ведь уже несколько лет состоял членом церкви, хорошо знал Слово Божье).

Он повернул ко мне строгое лицо и твёрдо заявил:

– Сегодня ты что хочешь делай, а проповедовать будешь.

– Как же я буду проповедовать? К такому делу я себя не готовил.

– Братьев сегодня мало. Отсиживаться нельзя.

– Да я и Слово Божье к проповеди не читал, не изучал...

Как ни отказывался, – ничто на него не действовало:

– Нет, ты всё-таки поднапрягись. Я тебе и текст Писания подскажу, какой прочитать.

Открыл Библию, полистал, вслух прочитал: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко» (Исаии 55, 6).

Он – опытный проповедник, а мне впервые в жизни предстояло обратиться со словом назидания к собравшимся. Но не смог продолжать препираться. Стыдно стало. И прочитанный стих понравился. Лёгким, доступным показался. Думал: «Смотри, какая простая вещь. Особой мудрости не требует. Всё очень понятно».

Лёгким кивком головы Павел Афанасьевич дал знать, что теперь моя очередь говорить.

Я решительно поднялся. Встал за стол (он служил вместо кафедры; мы собирались в разных местах, иногда таких тесных, что кафедры не поставить). Поднял лицо, обвёл сидящих поспешным взглядом. Все смотрели на меня доброжелательно и спокойно.

Прочитал предложенный текст.

– Вот тут написано: «Ищите Господа, когда можно найти Его...» Значит, тут сказано так, что нужно искать Господа... Искать тогда, когда можно найти...

Уже при первых словах ощутил охватившую меня свинцовую волну и тут же всю решительность потерял. Понял, что покраснел, и впервые в жизни самым натуральным образом испытал такое чувство, что если бы земля разверзлась, я моментально скрылся бы в её недрах, исчез от нахлынувших неловкости и стыда. Но нет, на меня смотрели те же добрые, внимательные глаза, ожидали продолжения.

Опёршись руками о стол, нагнув голову, я постоял некоторое время, попытался ещё что-то сказать. Несколько раз повторил, что нужно искать Господа, призывать Его, когда Он близко.

Отошёл от стола, торопливо сел на своё место.

За мной встал Павел Афанасьевич:

– Дорогие друзья! Вы сейчас слышали, какое хорошее слово нам брат прочитал! И как правильно изъяснил. Я лишь немного дополню.

Когда можно найти Господа? Давайте вспомним слепого Вартимея. Он сидел при дороге и просил милостыню. Услышал шум. Это Христос проходил мимо в окружении большой толпы. «Иисус, сын Давидов, помилуй меня!» – закричал нищий. «Что ты хочешь от Меня?» – «Чтобы мне прозреть». – «Прозри».

Господь был близко, и Вартимей не пренебрёг благоприятной встречей. Что было силы воззвал, и Сын Божий услышал его. Пророк Исаия убеждает: «Призывайте имя Его, когда Он близко. Ищите Господа, когда можно найти Его».

Павел Афанасьевич сделал паузу, приподнял руку с вытянутым указательным пальцем. Голос стал громче, звучнее:

– Братья и сёстры! Если бы Христос шёл мимо, а Вартимей не пошевелился, так и отсиделся на своём месте,

нашёл бы он Христа? Нашёл бы спасение? Конечно, нет! Поэтому прилагайте старание, когда можно найти Господа, зовите Его, когда Он близко. Может быть, есть в нашем собрании те, которые ещё не нашли Господа? Это ваш день, это ваша прекрасная возможность! Не упустите доброго часа!

Говорил он свойственно его манере – плавно, убедительно. Я подумал: «Надо же! Такая несложная вещь. Если бы я догадался сказать о Вартимее, было бы всётаки умнее».

Кончилось собрание, Павел Афанасьевич приступил ко мне: «Видишь, как всё хорошо получилось! В следующий раз готовься – ещё лучше будет».

Так начинались мои самостоятельные шаги проповеднического служения.

2.

Быть сосудом, благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело разве есть неодолимые препоны? И хотя я был очень неповоротлив в руках Господа, но не по нерадению, а от смущения, считая других более достойными себя, – не пришлось мне долго оставаться без церковного труда.

Избрали меня диаконом и поручили среди прочих необходимостей небольшое служение. Его всегда я стремился исполнять чисто, све́тло, благоговейно. В мои обязанности входило в конце собрания проходить по рядам со специальной тарелкой для добровольных пожертвований.

В тёмном костюме, в белой рубашке со строгим галстуком, не очень высок ростом, худой, с шапкой густых волнистых волос, без труда перемогая ложный стыд, которым дьявол старался уязвить сердце (мол, любого пришедшего в соблазн введёшь: молодой, а поборами старух занимается), – я с достоинством нёс перед собой как золотой сосуд простую деревенскую тарелку.

Святое дело отклоняло всякое желание устыдиться.

3.

С тех же молодых христианских лет во мне была заложена прочная основа благоговейного отношения к Библии.

Раньше люди боялись огорчить Бога даже в малом. Я был ещё начинающим христианином и как-то получилось, что поверх Библии положил газету. Брат постарше поправил меня: «Старайся благоговейно относиться к этой бесценной Книге. Выше Библии для тебя ничего не должно быть. Так можно на неё и блины поставить на тарелочке – места другого нет! Привыкай бодрствовать даже в этих вещах». И я старался.

Рабочие будни

1.

Семилетний период моего казарменного положения в армии давно миновал. Но тогда, в первые дни возвращения,

С сыном Игорем, 1953

жизнь в Узловой потекла для меня в область неведомого. Как она пойдёт, совсем не представлял и планов не строил.

Однако недолго позволил себе ходить свободным, ничем не занятым человеком. Через месяц устроился в ЦЭММ (центральные электромеханические мастерские) треста «Молотовуголь» обслуживать высоковольтные подстанции шахт.

Мастером у нас работал парторг ЦЭММа. Сначала я у него как подручный был. Через полгода перевели меня на должность мастера по ртутным выпрямителям и релейной защиты (в те годы редкая специальность и высоко ценилась).

Проработал три месяца, обложился грудой книг по электротехнике и ещё через три месяца сдал экстерном государственный экзамен при учебно-курсовом комбинате нашего треста. Выдали аттестат профессионального специалиста.

Парторг ЦЭММа знал, что я верующий, и всё время ехидно подсмеивался. Уже в годах, этот человек не мог, чтобы над именем Христа не поиздеваться. Иногда проходил мимо кого-нибудь и обязательно бросал: «Ну что стоишь, как исусик?» Неприятно было. Намного старше меня, партийный руководитель, по видимости, ещё с революционных годов заряжённый ленинскими идеями, он рьяно следовал общему пропагандистскому воззрению.

А потом на подстанции ошибся ячейкой. Там один силовой трансформатор стоял 560 кВ/А, другой. Дежурная отключила один, а он зашёл в другой. И успел взобраться на железную конструкцию, будто там и напряжения не было, – вот как бывает.

Но его не убило за счёт того, что он локтём перекрыл. Как только взобрался и коснулся шины[1], его сразу начало крутить, корёжить так, что он вторым локтём приблизился ко второй шине: произошло короткое замыкание и подстанцию выбило. (Во время замыкания сразу всё автоматически отключается.) У него кисть сгорела, её ампутировали. Его спасло ещё то, что он в резиновых сапогах

[1] Ненагревающийся электрический провод для сильных токов.

был, хотя и хороший новый сапог пробило. После этого он припадал на ногу. Остался хромым и без руки.

Обвинил во всём дежурную, повёл на неё усиленную атаку. Перепуганная, она со страхом ожидала, что её будут судить, с работы уволят. А у неё маленький ребёнок.

Жалко стало человека. Дежурная совершенно не виновна была, по правилам, по инструкции всё положенное со своей стороны исполнила. Он сам решил ещё что-то сделать, перепутал ячейки и пошёл в другую. На подстанции есть резервный трансформатор, и характеристика у них бывает одинаковая, только номерами отличаются. Трудно сказать, возможно, после покраски не осталось точных знаков, в чём она не виновата. Да и не видела, в какую ячейку зашёл. Со слезами рассказывала: «Пока записывала распоряжение, он взял ключи и пошёл. Я даже не заметила».

Непорядочно, конечно, человек поступал. Для того чтобы представить происшедшее как производственную травму, стал на бессильного человека все вины сваливать. Но, во-первых, его и так без пенсии не оставили бы, это же парторг! Да и жаль было молодую женщину, особенно когда этот человек власти, коммунист так недостойно поступал с бесправными, беззаступными. И я подсказал ей, как обойтись, что сделать в данном случае. Следователь вызывал раз и два, она объяснила, как всё сталось, и беда миновала, обошлось благополучно.

2.

Однажды я слышал, как опытный начальник по высоковольтным подстанциям отозвался о давно работающем сотруднике: «Вы говорите, что он привык, уверен в себе, все проблемы решает по́ходя и с электричеством на "ты"? Знаете, это именно то время, когда опытные попадают в беду и могут мгновенно сгореть...»

Моя специальность действительно представляла собой ежедневную опасность. Малейшая неточность – и тебя нет в живых, в лучшем случае, калекой на всю жизнь

останешься. Лишь особая Божья милость оберегала меня от несчастья. Без молитвы и упования на Бога, без Его благословения вседневное благополучие тебя не окружит. И если мы верно служим Христу, у нас есть дерзновение. А с дерзновением приходят отверстые небеса: мы просим – и получаем. Я воочию видел эту защиту и помощь Божью в личной жизни. И даже чудо.

В тот день на подстанции дежурили молодые работницы. Кольцевание шахт требовало некоторых операций. Особенно надлежало следить, чтобы фазы совпадали. Потому что, если они будут работать не так, произойдёт короткое высоковольтное замыкание и моментальное отключение электроснабжения шахт. В мои задачи входило проверить, приборами испытать и сказать на какую фазу перекинуть.

Я производил операции, ходил, отключал (это всё через масляные выключатели делается) и потом решил на всякий случай ещё раз проверить. Хотя и сверх нужного затеял – всё нормально было. И когда последнюю фазу проверял, следовало сразу пойти отключить, а я подумал: «Ну, всё готово» – и потянулся... И как только взялся за шину – у меня в глазах искры полетели и пошло меня крутить. В моём случае тоже должно бы сразу подстанцию выбить, но не всё точно бывает отрегулировано и тогда автоматика не всегда срабатывает.

Мастер и дежурная сзади стояли. Они бы закричали, но в буквальном смысле оцепенели. Ведь я стоял в сырых ботинках, почти в воде, весна была. В это время у меня открылось потрясающее зрение: я видел даже, что̀ они делают, стоя за моей спиной! Меня крутило-крутило, потом каким-то необъяснимым образом оторвало от шины, и я долгое время не мог произнести ни слова. Прирос к месту. Все суставы, как калёным железом прижгли.

Сначала я говорить не мог. Чувствовал, что мысль работала нормально, но язык отнялся. Беззвучно к Богу воззвал.

Пришёл в себя не сразу. Но как только очнулся, тут же приложил палец к губам, мол, «Тс-с, Тихо!» – потому что

понял: как только работницы из шока выйдут – начнут кричать, народ сбежится и мне первому категорию снимут (у меня самая высокая группа была для работы на высоковольтных подстанциях). И для них могло всё плохо кончится. Больше, чем меня, наказали бы. Этого напряжения достаточно убить человека. Тем более обутому, как я.

– Что случилось, что произошло? – у работниц дар речи вернулся.

– Это чтобы вы знали, что Бог есть! – неподвластно, убеждённо выдохнул я об очевидности, в которую нельзя было не поверить.

– Правда! Правда! – обе согласно закивали. С неподдельным изумлением отозвались. Добрый исход утверждал их в Божьем чуде убедительнее всяких слов.

Мне приходилось попадать и под 380 вольт. Замкнул между руками. Надо было отключить большой агрегат, но там трудно было развернуться, и я пассатижами работал с одной фазой. Сидел на резиновой транспортёрной ленте и как-то невзначай коснулся – трудно даже предположить, к чему коснулся. Одно из двух: или массы, а это значит заземления – 220 вольт, или фазы. В это время резко начали сводить судороги, и, вместо того чтобы оторваться, я всё больше сжимал провод, пассатижи, всё, что в руках держал, – вырваться невозможно. И произнести ничего не мог. Но, видимо, контакт каким-то образом прервался, и, несмотря на то что я сидел на корточках, меня подбросило вверх. Я неестественно подпрыгнул и принуждённо надсадно крякнул. Дежурная испугалась: что такое? Тогда я основательно почувствовал, что̀ значит оказаться под напряжением...

3.

Для питания мощных промышленных установок нужен электрический выпрямитель – преобразователь переменного тока в постоянный. Эту роль выполняет вакуумный ртутный выпрямитель – сложный агрегат, как бы огром-

ная колба с двойным водяным охлаждением, с высоковольтными изоляторами – целый комплекс. Его можно сравнить с выпрямительными лампами, наподобие тех, какие употреблялись в прежних ламповых приёмниках. Но только громадных размеров и весь из металла. Очень непростой в обслуживании. В нём нужно и вакуум создать, и соблюсти идеальную чистоту при сборке. Специалисты такого профиля нечасто встречались в то время, во всяком случае в нашей местности. За пуск подобного выпрямителя можно было большие деньги получить.

И вот как-то на шахту, где я находился, намеренно приехал инженер нашего ЦЭММа, еврей. Никто не знал зачем. И мне невдомёк. Меня этот человек хорошо знал, мы часто встречались. В технике он разбирался в основном неплохо и, оказывается, подрядился пустить такой выпрямитель на новой шахте. Но не мог. Не получалось у него.

Приехал он ко мне на работу.

– Константиныч! Я решил вас проэкзаменовать, – обратился испытывающе, с нотками важной серьёзности, горделивости. – Такое вот у меня сегодня настроение. Хочу проверить, насколько вы подкованы в своём деле, оправдано ли доверять вам ответственные участки работы. Давайте разберём, допустим, такой пример.

Разложил бумаги:

– Вот перед вами схема. В ней всё воспроизведено и показано, как это строится, и всё-таки выпрямитель не работает, не зажигается. Найдите причину, в чём загвоздка. Я спрятал здесь закавыку, разгадайте её.

Я посмотрел сначала высоковольтную часть, потом проверил подключение разных подсобных реле и всё прочее и пожал плечами:

– Должен бы работать.

– А вот не работает. Не работает! Обнаружьте причину.

– Ну что может быть? Если случайно концы перепутать – вспышка не произойдёт. (Там такая игла есть, вольфрамовая. Заливается примерно 16 кг ртути, эта игла окунается

в неё, вызывается вспышка, потом идёт дуга и этот выпрямитель горит всё время, как знакомые нам дневные лампы. Ток, проходя через пары ртути, выпрямляется.)

– Ну смотри, – опять разъяснял мне, – вот реле. Оно – включается, ток – включается, а искры нет.

– В таком случае остаётся одно: если случайно вот здесь концы попутать, – и указал пальцем на схеме. – Вы попадаете на одну полярную фазу. Естественно искры не будет, вспышку не даст.

– Во башка, молодец! А я думал тебя подловить.

Выяснил, в чём дело, и бегом на новую шахту.

Как я узнал позже, сдавали в эксплуатацию шахту и объявили везде, что объект к пуску готов. Для его приёма начальство уже съехалось, а бумаги подписать не могут – выпрямитель не включался. А этот инженер обнадёжил, что всё сделает, но справиться не мог. Проверял одно, второе, третье предположение – ничего не помогало; что хочешь делай, не зажигался выпрямитель, и всё.

Мне потом рассказывали: пришёл после меня на шахту и сразу к шкафу, поменял всего-навсего два конца (почти как на обычном выключателе). Включил – всё зажглось. Он торжествовал, положил денежки в карман. А я ничего не знал и не подозревал, для чего меня экзаменуют. Да мне и не нужно было. Просто сам по себе метод для меня неприемлем. Я никогда подобным не занимался, ни при каких обстоятельствах не применял хитрости (хотя и мог), чтобы извлечь выгоду за счёт кого-то, даже за счёт государства. Это глубокий грех. Нельзя надеяться, что даром что-то приобретёшь. В конечном счёте, всё потеряешь. Но инженер был мирской человек, с него и спрос другой.

«Научает руки мои брани» Пс. 17, 35

1.

В дни Пятидесятницы Господь образовал Свою Церковь и излил Дух Святой на единодушно молящихся учеников. Необыкновенное пробуждение потрясло Иерусалим: там по-

каялось и присоединилось к новозаветному Иерусалиму – Церкви Христовой – около трёх тысяч человек (Д. Ап. 1 гл.).

Созданной Церкви предстояло идти за Христом узким путём (1 Петр. 2, 21), и уже в первом веке со всех сторон наступали на неё противники истины: Ирод и Пилат, язычники и народ израильский. Единым фронтом шли на верных Божьих власть духовная и политическая, знающие Бога и отрицающие Его.

Минули века, но основные методы борьбы с учением Христа остались прежние. Диавол выступает против церкви двумя способами: как рыкающий лев (1 Петр. 5, 8–9) и как ангел света (2 Кор. 11, 14). Как рыкающий лев он гонит истину в лице отвергающих Бога правителей, начальников и окружающих людей, а как ангел света – в образе отступивших от веры служителей, врагов креста Христова (Фил. 3, 18). На заре моего духовного становления Небесный Отец благоволил научать «руки мои битве и персты мои брани» (Пс. 143, 1). Ощущение острого, необыкновенного трепета влекло к восклицанию: «...волнуется во мне сердце мое, не могу молчать; ибо ты слышишь, душа моя, звук трубы, тревогу брани» (Иер. 4, 19).

В нашей общине Холтобин был тот пресвитер, который отделил группу своих сторонников, после того как его отлучили. О нём говорили: если столбы пали, то забор не устоит – не на чем держаться.

«Плоть и кровь» тянули в разладицу, в спор, в погибельную междоусобицу. Бывает, люди широко шагают, но верного хождения перед Богом не являют. Не тот дух ими руководит. Тогда церковь погружается в расстройство, нескладицу. Тогда и праведник гнёт голову, как тростник, а простой народ Господень страдает.

Закрадывалось отступление этих людей исподволь. Чтобы маскировать молитвенные собрания (даже когда собиралось несколько человек), проводили их под видом дня рождения или какого-нибудь праздника. Для этого ставили на стол вино, водку, закуску. Скверные послед-

ствия таило в себе это недостойное приспособленчество, однако его никто не пресекал. Со временем приучились содержимое бутылок выпивать и привыкли к этому как к должному.

Потянулись смутные дни. Церковь погрузилась в длительную трудную болезнь. Одни поддерживали неверных служителей, особенно Холтобина: «Да он же ангел церкви... Да он же Слово Божье знает... Да он проповедует...»; другие (влившиеся в последние годы молодые члены церкви) – не желали мириться с грехом, выступали против. Это продолжалось до тех пор, пока бунтующих шесть человек отлучили.

Холтобин отделился и совершил в своей группе крещение. Надеялся, что после такого действа многие за ним пойдут. Однако пошли человека три. Мужчины. Их и братьями не назовёшь: кто выпивал (за это, собственно, их и отлучили), кто в церковную кассу руку запускал. А ведь в собрание приходили – ордена на отвороте пиджака сверкали.

Сам Холтобин, помимо прочего, с властями был связан. Такие не бездействовали. Усердно разрушали Божье дело.

Чужим веяло от него, когда, не сводя с нас неприязненный, режущий взгляд, заявлял высокомерно, угрожающе:

– Вы ещё пожалеете! Языки распустили! Отлучили! Меня тут все власти знают!

Не было желания резко ему отвечать: перед нами стоял далеко не молодой человек. Спокойно и в то же время непреклонно хотелось его усовестить:

– Что вы нас властями пугаете? Если мы законное делаем, какого-нибудь мошенника, пьяницу отлучаем, – власть тут нам не должна мешать. А если она в эти дела захочет вмешаться, мы всё равно должны стоять на позиции правды. Божьи установления нельзя рушить.

Прошло некоторое время. Отделившиеся питали обманчивую надежду, что их пригласят вернуться в церковь без всяких условий. А церковь ожидала от них прежде всего покаяния. Только так могло дело решиться. Только так.

С целью увещания несколько братьев посетили Холто-

бина. Я тоже с ними был как диакон. Принял нас:

– Заходите. Проходите. Что скажете хорошего? С чем пришли?

– Ну вот, брат, пришли наведать тебя. Узнать, как мыслишь о будущем, своём и своих друзей...

Он был всё тот же: неспокойный, напряжённый. Но сразу приосанился, приободрился:

– Что до меня, – я так хочу сказать, – торопливо открыл Библию и прочитал: – «...Не бойтесь, ибо я боюсь Бога» (Быт. 50, 19).

Текстом Писания спешил заверить, что не будет мстить, а церковь должна опять его пресвитером поставить. Но братья сказали: «Нет, мы тебя не боимся, но хотим напомнить то, что ты и сам хорошо знаешь: если не покаешься – погибнешь...»

Но никакого покаяния не было.

Довольное время я нёс уже диаконское служение (место пресвитера занимал Запарин (спокойная старость благодушно сочеталась с дерзающей молодостью), когда Холто-

Г. К. Крючков, П. А. Якименков, Запарин, 6 января 1957 г.

бин привёл с собой человек пять. Пришли в церковь вступать: «Хотим с народом Божьим побеседовать».

После собрания остались человек 15–20. Окружили пришедших. Холтобин впереди своих как предводитель.

– Прежде чем беседовать, – обратился я к нему, – надо вначале кое-что выяснить. Мы должны задать вам несколько вопросов, чтобы определиться: действительно ли в вас произошли какие-то перемены и есть ли основание для пересмотра вашего дела.

Первый вопрос: считаете ли вы ваше отлучение законным?

И второй: считаете ли верным пред Богом, будучи отлучённым, преподавать вечерю Господню и совершать крещение?

Его глаза заблестели, заметались. Понял, что в тупик попал. А рядом сторонники. Признать отлучение незаконным – какое же это покаяние? Какое сознание вины? – В церковь никак не примут. Открыться, что против Божьих повелений крестил, вечерю совершал, – что̀ сторонники скажут? Если крещение их недействительно, значит, они самозванством занимались.

При искреннем покаянии человек не замедлил бы повиниться: «Да, признаю, меня законно отлучили. Я погорячился, погордился, теперь уж вы судите меня, как Бог на сердце положит». Так совершается покаяние от Господа.

Он долго молчал. Побагровел весь. Глядел перед собой. Потом отвёл глаза на ноги, перевёл взгляд на меня, глаза в глаза. Пресвитер наш стоял в середине и тоже молчал, не спешил ни говорить, ни проявлять отношение к происходящему. Я – сбоку.

Холтобин стоял-стоял, молчал-молчал, наконец выговорил:

– Да, считаю законным крещение.

– Какое же это покаяние? Вы судите церковь, обвиняете, что она с вами не так поступила. Это не покаяние. А где основание вашего взгляда из Слова Божьего? Чем обосно-

вываете возможность для себя совершать хлебопреломление и крещение?

– Читай Римлянам 11 глава, 29 стих: «...дары и призвание Божии непреложны».

– Да, то, что Бог даёт, – это навеки. Но сами люди, впадая в грех, остаются без Бога. Самсон, например, Саул, о котором написано: «...как бы не был он помазан елеем» (1 Цар. 1, 21).

Всего полчаса прошло, и так отчаянно он раскрылся перед всеми.

Потом я обратился к другому из них, депутату районного совета:

– А вы как смотрите? Так же мыслите, как он?

Его щека нервно задёргалась. Нескладно качнулась голова. Он как бы соображал: наступила последняя предельная пора, и если её упустить, то дальше всё потеряет.

– Нет, тут каждый сам за себя. Он (Холтобин) так, а я так... – И как упал со всех ног на колени, весь затрясся в судорожных рыданиях. Плакал, аж пол сотрясался (мощный мужчина был). Но чувствовалось, не в покаянии плакал, а от досады: очень уж хотелось опять в церковь попасть, негодную работу продолжать, ведь с властями они были связаны, – и не получалось.

Никакого ощущения подлинности эти рыдания не создавали. Одно дело, когда грешник кается, Бога ищет, сокрушается, а другое дело – ловкими фокусами своего добиваются.

Он поднялся. Звякнули привинченные ордена. Я сказал:

– Для того чтобы вы на деле проявили иной взгляд, чем у Холтобина, и убедили, что вам дорого общение святых, – у вас нет никаких препятствий ревностно, в страхе Божьем посещать собрания. Это подтвердит то, что вы нам сейчас сказали, и обнаружит или соответствие с вашими последующими делами, или расхождение. Посещайте собрания.

Но он так ни разу не пришёл. Видимо, Холтобин запретил.

2.

Всё же дело отлучённых не остановилось. Последовала открытая попытка восстановить Холтобина. К этому целый год готовились. Власти не переставали вынашивать планы вернуть ему пресвитерское кресло. Действовали, конечно, не сами, а через служителей, послушных им больше, чем Богу.

Вдруг пригласили нас на совещание: «Карпов приехал, хочет всех братьев видеть». Собрали всю округу.

Интересно: в области ни одна община не зарегистрирована и всё равно он, Карпов, хозяином себя чувствовал и в зарегистрированных и незарегистрированных церквах. В то время он одновременно нёс служение пресвитера Московской церкви ЕХБ и старшего пресвитера Московской области.

Возрастом уже за середину жизни, Алексей Николаевич был крупной фигурой не только по чину. Высокий, плотный, в корпусе широкий, казалось, вся внешность выставляла вперёд его значимость, принадлежность к высшим.

Он сразу приступил к делу и стал вспоминать заслуги прежнего пресвитера: как тот не один год успешно пресвитерствовал, как много времени отдавал попечительным заботам о регистрации общины, как прекрасно владел Священным Писанием. Много перечислил и авторитетно подвёл черту:

– Надо восстановить хорошего брата, вновь доверить ему руководство Узловской церковью.

После него один за другим вставали прибывшие из других церквей. Повторяли сказанное Карповым. Под конец общим хором постановили: Холтобина – восстановить!

Возможно, так всё гладко и прошло, если бы...

Как нужно было воспринять видимое очами и слышимое ушами? Как ко всему этому отнестись?

Всё это время я тихо сидел, всматривался в лица, внима-

тельно слушал и ожидал, что кто-нибудь встанет и вразумительно скажет: «Братья! Да не можем мы помимо церкви действовать и что-то здесь постановлять. Только ей дано право от Господа решать о своих служителях или членах церкви. Она – столп и утверждение истины!»

Никто такого слова не произнёс.

Бог наделил человека правом выбора, правом самостоятельно относиться к тем или иным обстоятельствам. И если мы в Духе Божьем действуем, Он научает всему и совесть подсказывает, как в любой ситуации правильно себя повести. Человек, не знающий своего жизненного предназначения, сложивший с себя личную ответственность, становится рабом чужих настроений и чувств и с готовностью поддерживает всякую неправду, позволяет мнению большинства управлять собой.

Люди хотят быть принятыми, признанными, а для этого поступают как все. Спешат говорить чужие слова. Они никогда не могут выдержать состояния, если их взгляды разделяют немногие, а уж тем более, когда они имеют мнение одного против всех. Потому что знают: непохожесть в образе жизни, в поведении приводит к неприятию. А то, что не принимают, как правило, осуждают. Как следствие – насмешки, презрение, открытая вражда.

Что же делать? Молчать и тем предать правду Божью? Пренебречь заповедями Христа? Его Словом? Учением? Дальше оставаться в стороне не было сил. Я попросил слова:

– В нашей Узловской церкви все считают решение об отлучении Холтобина правильным, с полным соответствием со Словом Божьим. И сейчас, когда мы сюда ехали, этот вопрос не возникал, по крайней мере, нас никто об этом не ставил в известность. И вдруг здесь, где это дело не должно разбираться, оно возникает и приходят к заключению совершенно без учёта церкви. Как будто она не существует. Свидетельствую как представитель Узловской церкви, здесь присутствует также наш пресвитер, что этот вопрос никто никому не поручал разбирать.

А. Н. Карпов (1) – старший пресвитер Московской области среди братьев общин Узловского района. Отлученный пресвитер Холтобин (2), Г. К. Крючков (3), Ю. К. Крючков (4)

Поэтому рассматривать его здесь совершенно неуместно.

Говорил не стеснённо, уверенно, прямо. Наш пресвитер всё время молчал, и это похуже всякой речи было.

Одни сидели ко мне боком, другие спиной. И Карпов не был повёрнут ко мне лицом. Да так и не повернулся, только спросил:

– А кто это говорит?

Кто-то ответил: «Крючков Геннадий».

– А, Геня, Геня. Да, я слышал, что у Константина Павловича здесь сын есть.

Отец мой в то время жил в Москве и был регентом в Московской церкви на Маловузовском.

– Я слышал, я слышал. Ну что ж, правильно он вопрос поднял. Правильно. Тут ничего не сделаешь. Вопрос правильно ставится.

Наш пресвитер и другие старцы как сидели, так и остались сидеть. Безмолвствовали. Но и не отрицали сказанного мной, потому что решение церкви в отношении Холтобина было конкретным, единодушным. Здесь же вопреки всему постановили – восстановить.

Почему я об этом говорю? Благодарю моего Господа, что Он научал руки мои брани. Часто встречаются ситуации, в которых ты своё дело сделай, по истине Христовой поступи, решительно скажи как должно говорить, – и неважно, какое мнение о тебе сложится у таких, как Карпов, или у кого другого. Господь Сам уже пойдёт впереди и дальнейший исход дела возьмёт в Свои руки, когда ты идёшь с молитвой, дерзновенно действуешь на основании Писания и не ищешь ничего своего.

Не один год наша церковь страдала от таких, как Холтобин, лжебратьев, людей чуждых истине Евангелия. И неизвестно сколько бы ещё продолжали они вносить в наши ряды разлад и неустройство, но Господь вступился. Открыл себя Холтобин. Не выдержал. Отпал от веры, от Бога, отрёкся через газету. Обнаружился во всей «красе» – стал выступать с лекциями по клубам с атеистами вместе.

3.

В местном клубе Дубовки (зал большой, рассчитан на 400 мест) предстояло очередное публичное выступление Холтобина. Пригласили многих: нас, православных, неверующих. Сначала мы отказались, но когда заверили, что нам предоставят слово, – согласились. После собрания я объявил об этом в церкви и предложил всем желающим пойти. Собралось человек 20 из общины.

Прежде чем этому отступнику появиться перед народом, прокрутили картину «Тёмные люди» ленинградской киностудии «Научтехфильм». Показывали общину пятидесятников, но нигде об этом не оговорились, осознанно не различали: баптистская, пятидесятническая – все они, мол, чуждый элемент для советской власти. Чем хуже образ, тем лучше.

Показали вымышленного пресвитера. Зима. Он едет в электричке. Тучный, лысоватый, средолетний. Вроде провинциал, но богато одет. А по вагону идёт мужчина, фронтовик, что-то продаёт, пристаёт ко всем, торгуется – бизнес свой имеет. Пресвитер ему: «Садись посиди. Не тем занимаешься. Что ты тут нашибёшь? Я вот вижу – у тебя все данные есть, чтобы по-настоящему деньги зарабатывать». И предлагает ему в общину прийти: «У тебя такая способность! Ты мог бы ой-ой-ой сколько иметь! Светопреставление приближается. Приходи, посмотришь, поможешь. Это и тебе, и мне – всем польза будет».

Пришёл. Один раз, второй. Показали общину: у всех монашеские лица, а пресвитер в белой одежде в кругу верующих кричит: «Крести, крести!» Объясняет, что это благодать сошла. Рядом жена его молодая, накрашенная, лет 35, а ему лет 50.

Далее пресвитер убеждал всех, что скоро будет светопреставление, Бог придёт и возьмёт готовых. «Нам надо от всех сует отойти, – склонял усиленно. – И даже вот эти проклятые деньги, которые зло сеют, сжечь нужно. Прямо в печку их и поджечь, пусть они горят».

В конце концов вместе с фронтовиком уговорили верующих принести все деньги. У кого какие накопления были – все всё принесли. Тут молитву совершили, чтоб от всего земного прах отрясти. Пачки денег сложили в печку, а у неё с другой стороны тоже дверца, только в другой комнате. И там сидит этот изобретённый пресвитер со своей женой, загребли деньги, радуются. А фронтовик им помогает, окружённый верующими всё молится, трясётся. То его колотит, то ещё что-то. Затем стал приставать к жене пресвитера. В итоге драку учинили.

В общем смешали верующих с грязью, очернили всякой невообразимой ложью: деньги, обман, разврат. И вот эту так называемую "научную" кинокартину во всю ширину Союза прокатили.

Но что удивительно, наш пресвитер Холтобин был точь-в-точь похож на показанного в фильме. Такой же лысый, такой же уширенной стати, такого же возраста.

Посмотрели зрители картину и поняли: ну типичный наш пресвитер!

И тут дали слово ему, Холтобину. Он вышел в резиновых сапогах – так бедно жил. А его по всему району на «Волге» возили с лекциями. И тут он открыто выступил: «Бога нет! Я не верю больше...» Совсем распоясался и всякую грязь на Христа и деву Марию лил. Ха-ха, хи-хи! Дерзкое бесстыдство проявлял, «до охальной гольности», как в старину говорили.

Потом дали слово мне. Установили регламент – пять минут. Удивительно, но народ встретил меня аплодисментами. Холтобин перебивал, а деревенские мужики кричали: «Завязывай! Пусть Крючков говорит!» Слушали с удовольствием и были на стороне верующих.

На следующий день ехала в автобусе наша молодая сестра. Кондуктор знала её и на весь автобус закричала: «Вот баптистка едет с собрания!»

Муж кондукторши тоже оказался в автобусе, заинтересовался и сразу к ней:

– Вы были в клубе на диспуте?

– А как же! Была.

– Ой, как хорошо вы посадили на место того старого деда-безбожника! Мы не хотели его слушать и всё просили: «Пусть Крючков говорит!»

После такого дружественного расположения к нам народа, диспуты уже не проводили.

А потерявший всякую пристойность Холтобин в жаркое лето не раз, бывало, обхватит за талию двух молоденьких девчонок и идёт по посёлку не таясь, раздетый, в майке; хриплым голосом какие-то крикливые песни тянул. Конечно, всем на соблазн был.

Впрочем, когда он так открыто стал выступать против Бога, тогда в церкви мир водворился. Те, которые видели в нём «ангела», уразумели, что глубоко ошибались и не напрасно его вместе со сторонниками отлучили от церкви. Даже раздавались голоса: «Всех этих отступников надо было раньше отлучить, и болезней бы не было».

4.

Мы не герои, часто утомляемся и ослабеваем, как говорит пророк Исаия. А нападки сатаны не только извне, но и посредством разных лжеучений требуют от нас непрерывного подвига веры, величайших усилий в духовной брани. Лишь «надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут, и не устанут, пойдут, и не утомятся» (Ис. 40, 31).

В Узловой на 11-й шахте жили наши верующие сёстры. Не знаю, по какому знакомству, но приехал к ним старец (как потом оказалось – пятидесятник). Подошли они ко мне после собрания: «Брат Геннадий! Нас посетил такой милый старец! Такой милый брат! Так Писание знает! Вот если бы вы с ним встретились, побеседовали...»

Как легко в наш век запутаться в изобилии «истин»! Очень уж убедительно преподносится каждая из них! Познакомится иной со взглядами какого-нибудь нового брата – и затрепещет: как не согласиться?! Всё правильно, всё

Праздник Жатвы в Узловской церкви, 1959
1 - Павел Афанасьевич Якименков, 2 - Геннадий Константинович Крючков

к сердцу! Тем более, что сеющие заблуждение выдают свои притязания за стремление к большей святости. Слушая их, невозможно предположить, что сатана посредством их усердия желает удалить из церкви Того Единственного, через Которого все только и могут спастись. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Д. Ап. 4, 12).

У меня уже был опыт знакомства со схожими людьми. Когда я из армии пришёл и только-только стал посещать собрания, встретил на нашем посёлке пятидесятников. Они там жили. Заходил к ним раз, другой. Интересовался. Размышлял: если истина здесь, может, и мне тут нужно быть.

Тогда полагал, что простые верующие – они как все, обычные люди. А эти – особенные. Они даже чудеса делают: могут исцелять, иными языками говорить. Такое сильное, разительное действие практикуют. Задумывался: может, у пятидесятников действительно больше настоящей веры?

Спросил отца. Он ничего не стал объяснять, сказал только: «Гена, я всю жизнь знаю пятидесятников, но что тебе толковать, ты ведь почти Писание не знаешь...»

При всём этом Бог меня вёл так, чтобы я сам мог всё увидеть и понять.

В очередной раз зашёл к ним. Жена этого пятидесятника учительницей работала. Оказывается, и языками говорила, и подосланная властями была. Разворовала у него всё и ушла от него.

Но это потом произошло. А тогда я с ними откровенный разговор повёл, что, дескать, всё-то мне понятно, но вот как с иными языками? Неужели они обязательно должны проявляться? И тут два молодых человека к ним в гости пришли, их друзья, тоже пятидесятники. По-видимому, штукатуры: одежда, обувь измазаны, строители какие-то на посёлке.

Они тут же включились в беседу и как взяли меня в оборот: «Да, только с языками! Потому что Писание вот так говорит, вот так!.. Только с языками!»

«Ну, – думаю, – здесь не отобьёшься». Многого ещё

не знал, только в собрание стал ходить, Библию, Евангелие мало изучил.

Прошло, наверно, с неделю. Я работал электромехаником, несколько шахтных подстанций в районе Узловой обслуживал: распределительные установки, трансформаторы, релейные службы защиты, ртутные выпрямители и прочее. В тот день далеко от дома был.

Время обеда. Поблизости открыта столовая. Заглянул, народу немного, стал в очередь взять что-нибудь поесть. А эти оба парня впереди меня оказались, тоже в очереди. Взяли себе по стакану водки, колбаски и за стол пошли.

Я даже не стал стоять дальше. Какая тут еда! Выскочил, только бы они меня не заметили, потому что представил: увидят – они же покраснеют!

Минуло довольно много времени, и вот после собрания сёстры убеждали меня со старцем познакомиться.

Рабочий день отошёл. Спускался вечер. Вдоль дороги, как стражи, стояли тополя, упираясь кроной в небо. На них садились вороны. Разносилось их карканье. На немощёной улице ветер гнал пыль прямо в лицо. Но я ничего не видел, шёл решительным, правда, не очень спешным шагом. В раздумчивость погрузился так, что не заметил, как у нужного дома остановился.

Сёстры и их гость уже ждали. Завязался свободный разговор. Старец с первых же слов повёл речь о Духе Святом и как-то сразу обнаружил, что он пятидесятник. Я тоже не скрывал своих взглядов, говорил как понимал:

– Да, без Духа Святого невозможно ничего делать, ни Священное Писание правильно понимать, потому что «изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр. 1, 21). Но Слово Божье открывается тому, кто пребывает в святости, живёт жертвенной жизнью, послушен Богу, повинуется Духу Святому.

Ещё касались немаловажного вопроса, который и мне дорог и понятен, что по вознесении Иисуса Христа именно через Дух Святой явлена Божья сила на земле. Спаситель

утешал учеников: «А теперь иду к Пославшему Меня... Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам...» (Иоан. 16, 5–7). «Лучше для вас, чтобы Я пошёл», «пошлю Его к вам...» – это говорит о том, что Дух Святой будет по всей земле присутствовать и во всём могуществе будут явлены Божьи силы!

Так я откровенно высказывал.

Старец пристально взглянул на меня:

– Вижу, ты можешь сделать здесь большую работу в пользу Духа Святого!

Понял я, что̀ он имел в виду, и произнёс в душе слова 78 Псалма: «Для чего язычникам говорить: "где Бог их?"» (10 ст.) То есть для чего пятидесятникам уничижать наследие Божье: где Дух Святой у баптистов? Возликовало сердце, что я его предложение отринул; сказал, что это не наша жизнь – ходить, сеять о дарах, иных языках; хотя о языках они почти нигде открыто не говорят. На первый план выставляют, что надо исцелять, широко проповедовать. Но как только соберутся одни и склоняются для молитвы, начинают во всю мочь гласить на непонятном языке, невообразимый шум стоит. Вот такая картина.

Прошло ещё время, и вдруг на наших собраниях стали появляться сёстры из той общины. В рядах сядут и так шу-шу-шу с нашими членами церкви. А после собрания идут с кем-нибудь и наставляют: «Надо крещение Духом получить. Это ещё не всё, что вы здесь радуетесь и молитесь. Вы ещё не достигли совершенства, вы ещё не крещены Духом Святым. А если крещение Духом не имеешь, то ты ничего не имеешь».

При этом предупреждали, чтобы не рассказывали служителям. Но в нашей общине отношения между членами церкви были дружеские, и сёстры обо всём мне рассказывали.

Тревога зажгла сердце, опасение опалило, что в церковь несут смуту, болезнь. Собрали совет. Посовещались с бра-

тьями и решили разузнать, где собираются пятидесятники, чтобы с ними объясниться.

Нашёлся свободный вечер, и я отправился на поиски. Спросил у жителей. Указали: «Пятидесятники? Есть такие. На 3-й шахте собираются».

Оказывается, многие из немцев Поволжья, перемещённые в эти места во время войны, были пятидесятники. Посещали их общину и русские. Собирались в доме пресвитера, тоже немецкой национальности.

На посёлке показали его крайний дом. Постучал:

– Здесь верующие живут?

– Да.

– Я из церкви баптистов, хотел бы повстречаться с пресвитером.

– Мой муж сейчас придёт, – охотно ответила хозяйка.

Действительно он вскоре пришёл. Приступили к беседе. Спрашиваю:

– Вы к общине пятидесятников относитесь?

– Да.

– Но вы, наверно, знаете, что здесь и баптисты есть. Вот и я служитель баптистской церкви.

Какой у меня вопрос? Члены вашей церкви наведываются в нашу общину. Беседы ведут, слухи различные ходят, а мы как служители начинаем думать, к чему это приведёт: вы будете к нам засылать своих людей, мы к вам будем ходить, споры возникнут – как работать? На это нас Господь не посылал. Давайте, чтобы народ не страдал и чтобы не вести закулисных ненужных обсуждений друг друга, назначим встречу. Пригласим с вашей стороны человека четыре и от нас равное количество. Побеседуем, в чём наше понимание Священного Писания сходится и в чём не сходится. На чём-то остановимся и дадим ясность этому району, за который несём ответственность, проповедуя здесь истину, утверждая церкви и т. д. Мы ведь на одной территории живём, бок о бок соприкасаемся, и возникшие трения обстоятельного разговора требуют.

Договорились. Назначили день, время. Встретились. В течение двух дней беседовали. Был на всех этих встречах и Юрий, мой брат.

Прежде всего мы из чего исходили? Что в общинах пятидесятников есть разные люди по пониманию дара иных языков: одни чуть ближе, другие чуть дальше к этому стоят. Поэтому наше предложение было – начать беседу с общих вопросов: как мы понимаем Библию, Евангелие, жертву Христа, спасение грешников и вообще всё, что с этим связано.

– Вы нас не знаете, какие мы баптисты, мы о вас мало имеем сведений. Может, вы вовсе не такие, как слухи ходят. Давайте сначала познакомимся.

В первый день беседовали часа четыре. Вели разговор внятный, неспешный, не с того, что нас разделяет, а что может объединить, в чём наши взгляды схожи, равнозначны. Начали с первых страниц Священного Писания: что такое человек, сам собой ли он появился, Господь ли его создал, есть ли Бог на земле, верите ли вы во всё Писание?

– Да, да, да – кивали головой в знак согласия все четверо с их стороны.

– Потом что с человеком случилось?

– Мы верим, как в Библии написано, что человек пал в Едеме, проявил непослушание и через это потерял жизнь вечную.

В этом вопросе и мы имели такое же понятие.

Далее говорили о законе Моисеевом, о жизни израильского народа, о жертвах животных, приносимых за грех: что такое эти жертвы, что̀ они означают.

И здесь наши точки зрения совпали.

А что такое Новый Завет? Кто был Иоанн Креститель? Кто был Иисус Христос, пришедший во плоти на землю? Какая была Его жертва на Голгофском кресте? Что после этого нужно человеку, чтобы спастись?

В общем, богословская беседа получилась.

Сошлись и во второй день. Продолжили разбирать подробно: достаточно ли того, что Христос пострадал? И если

человек верит, что Христос умер за его грехи, довольно ли это для спасения? Открывали один стих Писания, другой.

Они медленно, но всё же соглашались, ведь Писание одно для всех.

Так шаг за шагом мы продвигались и находили общность в том, что спасение совершено, что водное крещение необходимо, что Дух Святой при уверовании даётся. А как иначе, если написано: «...уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом» (Еф. 1, 13); «Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную» (1 Иоан. 5, 13). Не когда-то будете иметь что-то, а, веруя, уже имеете жизнь вечную.

Под конец беседы исчерпали все вопросы, по которым наши мнения сходились. И если бы мы так и шли всё время по Евангелию, то никогда бы и не разошлись.

Но потом пошло нечто совсем не из Евангелия.

Наши братья сидели по одну сторону стола, они – по другую.

– Братья! – примирительно предложил я далее (мы их братьями называли, всё у нас так любезно шло). – После того как в долгих рассуждениях мы выяснили всё и во всём все были едины во мнениях, давайте теперь поговорим конкретно в чём же у нас разница? Что нас разделяет? Для спасения и жизни вечной Господь сделал всё и для вас, и для нас, как и вообще для всякого человека. В таком случае, позвольте узнать, – и обратился к первому из них:

– Вы говорите на ином языке? Имеете его?

Он сразу как онемел. Замкнулся, губы крепко сжал, взглядом ухватил одну точку. Смотрел, дышал, молчал, и всё это делал с лицом жёстким, нахмуренным. Его сторонники тоже насторожились.

– Брат, так вы говорите на ином языке? – мой повторный вопрос прервал возникшую тишину.

Протянулось молчание. Не думаю, что он не расслышал. Видимо, просто не знал, что̀ сказать, как реагировать.

И здесь обнаружилось, что наша беседа вмиг завершилась. Сразу кончилось всё: и Христос, и Евангелие.

– Но почему вы не хотите ответить? Доселе мы так мирно беседовали на основании Писания, у нас были общие взгляды.

Он продолжал молчать.

Я – к другому:

– А вы имеете?

Тоже молчал. Будто в воровстве пойманы. Почему же о благодати-то не сказать? Третьего спросил:

– А вы имеете?

Первый не выдержал. Голову вскинул, испепеляющий взгляд в мою сторону метнул:

– Что ты всех спрашиваешь? Проси, и ты получишь.

– Ну вот, братья, – говорю, – вы и высказались. Вы почувствовали, что̀ сейчас произошло? Увидели, что̀ нас разделяет? Нас разделяет то, чего в Евангелии нет!

– На основании какого текста Писания вы получили право просить иной язык? – пристально, не отводя глаз, я смотрел на первого брата. – Где вы об этом читали? Вы мне советуете: «Проси, и ты получишь». А разве Бог не знает, что̀ мне лучше дать? У Него Своё мерило. Бог даёт Духа Святого повинующимся Ему (Д. Ап. 5, 32), кто в послушании перед Ним ходит. «...Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24) – вот кому Господь даёт Духа Своего. И как даёт? Сказано: «...разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 12, 11). Одному слово мудрости, другому слово знания, третьему дары исцеления, кому-то дары чудотворения – каждому Бог разделяет, как Сам желает.

Нет повеления требовать какого-то конкретного дара и тем более превращать его в знамение, как это делаете вы. Как вы можете советовать мне: «Проси, и ты получишь»? Этим вы доказываете, что сами просили то, чего Бог не повелел. Вместо того чтобы отдать себя в распоряжение Бога, вы Ему диктуете, как поступать с вами. Что вы можете получить после таких настойчивых требований?

На этом беседа кончилась. Но не бесплодно она прошла. Обогащённый разговор получился. Мы выяснили позиции, открыли их заблуждение. А для себя сделали вывод: нам нужно покоряться Богу, ходить в смирении, а Он, видя нашу святую жизнь, наделит угодными Ему дарами, которые послужат к славе Его святого имени.

Ткань учения Иисуса Христа о спасении по благодати, в принятии Его заслуг и славного воскресения так плотно соткана, что в ней нет ничего лишнего и ничего недостающего. Если из этой ткани начать по нитке изымать и истолковывать евангельское учение по своему произволу, то мы можем лишиться благодати Божьей и остаться без Христа, без спасения. Нам дано уникальнейшее, неповторимое сокровище, всесовершеннейшая Божественная истина, которую нельзя нарушить даже в малейшем, потому что из-за этого распадётся всё целое.

Враг душ человеческих всегда знает, что̀ он хочет получить через внедрение этих малостей: «...заповедь на заповедь, правило на правило... тут немного, там немного, – так что они пойдут, и упадут навзничь, и разобьются...» (Исаии 28, 13). В этих маленьких поправках духовное око через откровение Господа видит величайшую беду: покушение на наше спасение. И если не бодрствовать, то можно много чуждого и разрушительного в церковь внести, так что для кого-то распадётся вся ткань истины Господней. То есть истина-то останется вечной и непобедимой: «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут», – сказал Христос (Матф. 24, 35). Но для одних – это «запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2 Кор. 2, 16). И это – для каждого персонально.

Да, нашествие ереси – затягивающий омут. Коварное искушение! Но оно служит и испытанием прочности нашей веры, нашего упования. Чтобы выйти победителем из этой беды, нужно вникать в заповеди Господни, размышлять об откровениях Божьих, и тогда воистину станем разумней всяких лжеучителей.

Ведь Господь поставил Своих служителей стражами на стенах не для того, чтобы красоваться перед паствой или ожидать похвалы. Они поставлены высоко, чтобы дальше видеть и заблаговременно предупреждать Божий народ об опасности. Они должны распознавать откуда, с какого фланга наступает неприятель: с тыла ли заходит, в окружение ли берёт или засаду устраивает – и заранее всё видеть, а не тогда, когда ереси уже Господне наследие косят.

«Молитва веры исцелит болящего» Иак. 5, 15

– Что-то мы с тобой, Лида, наверно, не так жили. Ведь она маленькая совсем, сейчас без памяти, ничего не слышит, ничего ей не больно. А нам больно. Значит, посмотреть надо, как мы жили. Перед лицом Божьим проверить. Потому что, если не покаемся, Бог нас не услышит, когда будем молиться.

Наташа, дочь наша (годика полтора-два ей было), недвижно лежала на нашей кровати, завёрнутая в одеяло, как кукла. Полуоткрытые, никуда не устремлённые, сухие от жара, отсутствующие глазки... Она ничего не видела, ничего не сознавала.

В тот час наши устремлённые в глубь души духовные очи находили отраду обратиться за помощью к Богу. Там, в глубине, достигало спелости желание примириться с Ним, очистить сердце. Вызревало конкретное решение покаяться и перед Ним, и друг перед другом. Тут же приведённое в исполнение, оно было отдельной частью большого и ещё предстоящего пути, на котором Господь учил возлагать упование на Него: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Матф. 7, 7) и «...чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним» (1 Иоан. 3, 22).

Попросили прощения друг у друга, потом у Бога. Искренне каялись.

Около кровати мы опустились на колени.

Молились, а я стоял у высокой постели (кровати тогда железные были, пространные в отвесном направлении), и мысль очень короткая, но разительно острая и ясная прочно овладела сознанием: «Господь услышит! Непременно услышит!» Даже почему-то убеждён был в донельзя смешном, но в тот момент для меня жизненно важном: обязательно должно в животике бурчать как несомненное доказательство того, что не прервётся жизнь.

Склонённый на коленях, я всё старался ухом поближе к ней приникнуть, настороженно, чутко вслушивался. И правда, негромко, но улавливалось чуть слышное «бур-бур-бур» в животе. Признаки жизни, которые я с таким нетерпением ожидал!

Был вечер. Часов пять. Я с работы вернулся.

В кроватку её отнесли, спать положили.

Она в бессознании так и оставалась до утра. Но сразу цвет лица её изменился и очень уж миротворно сомкнулись глазки. Такой глубокий, целительный сон её охватил! Раньше часто, прерывисто дышала и сердце непомерно стучало. Теперь же, слышу, спокойно дышит. Недвижимо лежит, но мирно дышит. В тот вечер дел никаких не могли делать, всё время подходили, всматривались: как она? что? И убеждались: дышит, спит спокойно. Спит и спит, лицо румяное стало.

Вот и полночь пробило, час ночи – мы потом спать легли. Но глаз почти не смыкали. Будкий сон, некрепкий был. Вставали, смотрели.

Утром мне на работу идти, а она всё спит. Часа в два дня на обед пришёл, специально попросил отпустить на большее время, потому что далеко от дома рабо-

Силен Бог исцелять!
Дочь Наташа (1956 г.)

тал. Прихожу, а она сидит, только слабенькая немножко. Стали ей есть давать, и пошла наша дочь на поправку.

Силен Бог исцелять! Хочет слышать наши молитвы! Только для этого нужно искреннее, осознанное покаяние. Чтобы услышал нас Господь, нужно чистое сердце. Ибо «далек Господь от нечестивых, а молитву праведников слышит» (Притч. 15, 29). И «мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Иоан. 9, 31).

Умираем, чтобы жить!

1.

Мучительные, скорбные минуты тихо ускользали – безвозвратно, не обращаясь назад. Стучали молотки. Их разнобойный щемящий стук вместе с песком тут же уносило ветром в сторону, рассеивая на лету.

Гроб опустили. Песком забросали могилу. На ней ненадолго вырос холмик. Ветер срывал с него шлейфы мелких песчинок и вихрями увлекал прочь. Иногда ветер чуть утихал, но его хватало на то, чтобы шевелить в воздухе вдоль земли песчаные струи. Они медленно извивались, а на вершине насыпанного холмика срывались с пологих песчаных краёв и распылялись в раскалённом воздухе. Холмик на глазах сравнивался с землёй.

Вокруг ни деревца, ни кустика, ни травинки, только ослепительно-горячий монотонный песок. Да кресты и памятники, во многих случаях покосившиеся. Да висящее знойное марево и ветер, с растворённым в нём песком.

Увязая в тягучем песке кладбища, я спешил к месту, откуда с приглушью доносились голоса.

Опоздал! Не увидел мамы. Далеко от Узловой Джакуевка, где жили родители и где мама сделала последний вздох. И хотя хоронили её в Астрахани (по Волге су́дном тело перевезли), но мои долгие пересадки с транспорта на транспорт не позволили вовремя прибыть, чтобы на ребре могилы взглянуть на родное лицо. Как ни торопил-

ся – не поспел! Гроб уже опустили. Только сыпучий холмик таял на глазах.

Человек родится на смерть, а умирает – на жизнь. Изменений здесь никогда не бывает!

Многие из лежащих тут, в глубине песчаной земли, умерли молодыми, в расцвете сил. Умерли, когда и не помышляли об этом. И маме ещё не исполнилось 50. Вышла ранним утром, чтобы отправиться в Астрахань по делам, да так и осталась лежать во дворе... «Тромбоз коронарных сосудов». В разгар лета, в конце июня 1955. Внезапно и непредвиденно моментальный уход положил предел её трудному поприщу.

Сердце сжимал холод утраты. Скорбно, грустно, больно. Далеко-далеко уплывали мысли. К беспечному детству. Его полоса пролегла через суровые, горькие для родителей годы. Было в России время (хотя кажется оно отдалено от нас целым веком), когда грубый стук в дверь и всего три слова: «С ордером из Отдела!..» – ввергало взрослых в потрясение, а детей – в безотцовщину.

На том переломе, оставшись одна после предрешённого приговора 5 лет разлуки с мужем, никакой новый день не предвещал другой, успокоенной жизни. Как вчера и позавчера, с утренним пробуждением на неё накатывались всё те же нескончаемые хлопоты. Подняться чуть свет, успеть до работы начать с детьми день, дать им что-то поесть. Да и на обед оставить, обернуть потеплее, иначе остынет. Обеденное время короткое, разогревать некогда. Прибежит с работы, поскорее перекусит, детей всех накормит и опять торопится не опоздать. Домой возвращалась только вечером.

В то давно минувшее раннее утро мама тихо вышла на кухню, надела фартук, разожгла керосинку. Руки двигались, а с ними и мысли не стояли на месте. Обо всём надо подумать, всё предусмотреть: «Хорошо, что Гена вчера за керосином съездил, а то бы ничего и не сварить. Бедокур из бедокуров, а совестливый, нужду понимает. Трамваем

несколько остановок до Покровского-Стрешнево охотно едет, не боится. Там специальная керосиновая лавка. Продавец его уже знает, приметил, всегда хорошо встречает. И в аптечном киоске рядом не забыл рыбий жир купить, который врач ему выписала. Хозяйственный, хотя и мал совсем».

Дети проснулись, за стол уселись, ждут когда подадут.

– Ма-а-м! А Гена где?

Глядь, и правда нет.

Подумала: «Наверно, опять спозаранку к соседскому приятелю Вове ускользнул. Однолетки, роста одинакового, и дружба завязалась крепкая».

В обед пришла – снова нет. «Геннадий дома?» – «Нет».

Она встревожилась, но сделать ничего не могла: надо сразу на работу бежать, а то карточки не дадут. (В 1930–1933 годах не только в Москве, но и везде чувствовался острый недостаток продовольствия. Тогда и появились закрытые распределители для элиты. А для работающего населения ввели карточную систему получения продуктов. Очереди – длиннющие, но по детскости мы мало обращали на это внимания.)

Вечером мама не шла с работы, летела. Опять нет. Пропал сын, и всё!

Тут она в слёзы, обежала всех соседей, все дома. Навзрыд плакала, не зная, где искать. Переживаний-то сколько! Транспорт рядом, может, в аварию попал. Хотя на Волоколамском не случалось особого затора, но всё равно и легковые машины ездили, и грузовики, троллейбусы и трамваи. Что делать? Слезами делу не поможешь. Одна надежда на Господа.

Солнце уже мягко опустилось за дома, коров с поля пригнали, и я появился. Не просто красный, а багровый весь. Сгорел. Оказывается, каким-то образом пастух позволил мне пойти с ним пасти стадо и никому не сказал. На ранней заре погнал коров на пастбище. Я с ним. А одет был, как и не одет: только летняя маечка, которая внизу застёгивалась.

Много горя втиснулось в короткие 50 нашей незабываемой мамы!

Мама на пастуха:

– Как же так?! Я уже и в милицию заявила – пропал ребёнок!

– Так ему на поле совсем неплохо. Он же не голодный, на воле гуляет и гуляет.

С пастухом действительно голодным не останешься. У него всегда хлеб с собой и молоко – пастухов же кормят. А мы жили бедственно. На скудную зарплату мамы много ли купишь? Несытому мальчишке, конечно, с пастухом хорошо.

– Да я не против. Но почему не сказали об этом? Во-первых, я бы его одела. Вот сам-то ты в рубашке. А ребёнок сгорел.

Всю ночь я метался, плакал, тело нестерпимо жгло, температура поднялась. Мама со мной промучилась, глаз не сомкнула. А утром – на работу. Она беззвучно скорбела, и вместе со слезами утекала её боль, неизбежная при виде мук больного ребёнка.

«Сколько горя втиснулось в её короткие 50! Разве сосчитаешь?» – склонив голову, я стоял под жгучим солнцем у могилы до боли родного человека.

Мать! Перед глазами всплывала её бодрость, быстрота. Немешкотная она была, находчивая и практичная, всегда и во всём поспевала. Но голод и страдания прочертили глубокую борозду в жизни. Не растаяли бесследно. Туберкулёз у неё приключился. Стойко переносила, терпеливо, мужественно... А умерла – сердце не выдержало.

В конечном итоге все будем лежать в земле. И не положат в могилу богатство, которое собирали всю жизнь, не приложат к телу земные почести, славу. Не нужна там красивая одежда, вкусная еда и сладкое питьё. Только

душа предстанет пред Господом Богом и ответит за все свои добрые и злые дела. Поистине «...блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

2.

Жизнь совершила круг. Семнадцать лет назад «зелёным» мальчишкой я от удивления онемел, сражённый блистающим зеркалом беспредельной водной глади. Волга! Величавая, мирная, широководная, перед впадением в Каспий разбилась на множество рукавов. В этой дельте уютно устроилась Астрахань. Позади остался Ашхабад с заоблачными хребтами Копетдага, долгий путь по бесконечным пескам Каракумской пустыни, а тут – водные просторы. Подобное я наблюдал впервые. Каждый новый день пропитывал меня привязанностью к этой красоте, и она охотно ютилась в моём впечатлительном сердце.

И вот скорбное событие. Оно вновь привело меня в Астрахань. Как в далёкое детство, охотно вглядывался я в знакомые очертания. Всё дорого, мило.

После похорон не сразу возвратился домой, в Узловую. Наступал воскресный день, и не хотелось его в дороге проводить. Решил посетить собрание.

Уже к началу собрания молитвенный дом был полон народу. Слаженный хор пел красивые гимны. Мне как гостю предложили сказать назидание. Не посмел отказать, проповедовал.

После собрания окружили кольцом. Тёплые рукопожатия, искренние приветствия... Не ожидал такого жаркого благорасположения. На душу пахнуло святое дуновение братской любви. Горечь недавней утраты тонула в ней и растворялась.

– Брат Геннадий! Переезжай к нам в Астрахань, – неторопливое слово пресвитера заставило внутренне напрячься. – Хорошее наставление ты церкви сказал. Ободрил многих.

Я вглядывался в его простое открытое лицо и не верил

тому, что слышал. Жить в Астрахани? Такой родной и знакомой с детства? «Это невозможно, потому что невозможно никогда!» – подсказывал рассудительный разум. Как им объяснить?

– Переезд для меня – дело неисполнимое. Я не один. У меня семья, и не маленькая. Весной уже третий родился.

– Ты об этом не беспокойся, – пресвитер говорил внушительно и ответственно, так, чтобы и тени сомнения не осталось. – Мы всё понимаем и всё учтём. Жильё найдём и содержание положим.

Очень убеждал его мягкий ладный голос:

– Всё усмотрим. Бери жену, детей и переезжай. С радостью во всякой нужде поможем. Посильными удобствами обеспечим.

Астрахань, Волга, церковь, хор... Так пронзительно вдруг ожила связь со всем этим устроенным миром, что, казалось, переливала через край.

«А что главное в жизни?» – тихий голос внутри всколыхнул сознание. Я остановился. Собирая разбегавшиеся мысли, беспристрастно ответил себе, отчего уж так хорошо мне при мысли об Астрахани. Стал перечислять заманчивые преимущества: большая церковь, пригодный молитвенный дом, подобранный хор, обещанное жильё, стабильное содержание... Всё в приятность себе, в угоду плоти. Всё созвучно Едемской триаде: хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание (Быт. 3, 6).

А Узловая? Там наоборот. Для плоти – всё плохо: церковь небольшая, погружена в затяжную болезнь. Взором окинешь – 30 старушек на богослужении. Постоянного места для собраний нет. Семья ютится в тесной комнатушке, и заработок – небольшой. Печальная картина!

При этом в духовном плане нужда во мне есть.

Говорил это сам в себе правдиво, не в восхваление, а как очевидный факт. Злые делатели разрушают церковь, но в ней есть живые, горящие любовью к Богу души. Они нуждаются в попечении. Оставить их – значит отдать на рас-

Середина 50-х ушедшего века. Группа верующих Узловской церкви.
1 – Геннадий Константинович; 2 – Юрий Константинович;
3 – Валентина Константиновна; 4 - Семён Давыдович Володин

терзание, на полное уничтожение. Можно ли это позволить?

Как ударом молнии, опалилось взволнованное сердце: действительно, можно ли позволить угождению плоти стать заменой тому главному, подлинному, единственному в жизни? А главное это – когда уже не ты живёшь, когда не твои желания, пристрастия, вожделения для тебя существуют, а всё и во всём распятый Сын Божий, Его благая воля и святое дело! Всё другое, всё остальное должно быть отложено в сторону. Оно к главному отношения не имеет.

В тот решающий момент так ощутимо ликующая ясность осенила! От всего поверхностного, второстепенного отделила. Главное заполнило передний план души, заняло надлежащее место. Это главное надо беречь, чтобы не потерять, не измельчить; чтобы никто и ничто не смогло его изменить. А уж как враг Христа устремляется, что только не предпринимает, с раскрытой пастью над всякой душой стоит, только бы убить и погубить, с прямого пути в преисподнюю направить!

Все беды, всё неустройство всегда происходят оттого, что люди ищут своей выгоды, стараются для себя, а не для Христа. Да как искусно себя оправдывают, в какие красивые одежды всё это обряжают!

Бог помог с этим покончить. Сильное искушение допустил, но и доставил в сердце победу: пусть будет малая церковь, тесная комната, скудный достаток, пусть вместо Волги понуро глядят унылые конусы террикоников – я добровольно избрал поклонение Богу, а не золотому тельцу и остался жить в Узловой.

Главное – не оступиться!

1.

Наши богослужения проходили по разным местам. Церковь не зарегистрирована, своего молитвенного помещения не имела. Регистрацию упорно не давали, несмотря ни на какие ходатайства. Преступная идеология безбожной системы своими искусственными построениями давила на

жизнь. Верующих людей находили лишними и вредными для политических планов. Поэтому власти всё время приходили с целью разогнать собрания. В противовес мы с братьями с неизменным постоянством отстаивали своё право собираться вместе и служить Богу (см. Приложение №1).

В какой-то очередной подобный случай опять не дали властям развернуться, не позволили нарушить собрания, не подчинились, не разошлись по домам. А пришли тогда вместе с милицией и дружинниками секретарь исполкома, люди из горкома комсомола. Секретарь горкома комсомола написал жалобу на нас и отправил в КГБ. (Это происходило ещё до разоблачения Хрущёвым «культа личности».)

Меня по повестке вызвали к начальнику КГБ. Пришёл. Сижу в коридоре. На моих глазах разыграли такую картину. Спросили:

– Как фамилия?

– Крючков.

– Хорошо. Посидите здесь.

Потом начальник начал бегать по кабинетам: то в один зайдёт, то в другой. Двери полуоткрыты. Он кричит в телефонную трубку так, чтобы я слышал: «Да, да, я тоже решил!.. Я согласен!.. Кончать надо, кончать раз и навсегда!» Предприняли такую психологическую атаку. (Тогда ещё действовал сталинский кодекс и можно было ожидать не только срока заключения, но и любого произвола.)

Я спокойно сидел и слушал. Сердце наполнилось благостью: и моё время пришло отстаивать истинное служение Богу! В тот момент мне было всё равно, что̀ сделают со мной: отправят ли в тюрьму или лишат жизни.

Наконец завели в кабинет:

– Фамилия ваша? Имя? Отчество?

Ответил.

– Хочу вот что сказать: вещь неприятная, но я должен сделать это по долгу службы: на вас поступила жалоба, что вы саботировали мероприятие советской власти, не подчи-

нились требованиям работников милиции. Вы не прекратили свои моления. Я познакомлю вас с Уголовным Кодексом, чтобы вы знали, что̀ такое саботаж.

Зачитал.

– Чем вы руководствовались, оказывая сопротивление властям? Объясните свои действия.

– Как служитель церкви я прежде всего руководствовался Библией...

Только я произнёс эту фразу, начальник резко встал и что есть силы ударил кулаком по столу. Коробка спичек (она была у него в руке) – вдребезги!

– Фанатик! Какая тут Библия?! Я вам Кодекс зачитал! Вы не имели права срывать работу советской власти! Не должны ей противодействовать!

Это заявление ещё больше утвердило, что на поставленный вопрос именно так нужно отвечать, потому что они не имеют права вторгаться в дела церкви, а мы как христиане не должны в делах веры руководствоваться Уголовным Кодексом.

– Как служитель я руководствовался только Библией... – вторично попытался пояснить я.

Он опять перешёл на крик:

– Какое у вас образование?

– Шесть классов.

– Вы понимаете, мне даже трудно с вами будет говорить. Шесть классов! И вы людям голову морочите! Я не считаю себя особо образованным, но я – инженер-металлург, а сейчас мне партия поручила эту работу (начальник КГБ). Вы видите, мы на разных языках говорим.

И опять к тому же:

– Так скажите, на каком основании вы действовали?

– Вы знаете, я сейчас предприму, наверно, уже третью попытку объяснить суть дела, но у вас нервы не выдерживают.

– Хорошо! – быстро сменил он настроение. – Я готов вас выслушать!

Пришлось вновь повторить, что я должен действовать на основании Священного Писания. А он принялся объяснять мне, что наше государство борется за мир и прочие вещи. Я спросил:

– Почему вы не хотите дать верующим свободу? Что вредного они делают для государства?

– Не нужно нас учить! – прервал он. – Мы вас, баптистов, держим в кулаке, – и для убедительности сжал руку в кулак, – а вы всё равно множитесь, множитесь, множитесь! – жестами пальцев другой руки он попытался изобразить, как из крепко стиснутого кулака неудержимо ускользают верующие. – Что будет, если кулак хотя чуть-чуть разжать?!

– Ничего не будет. Государство станет только крепче и всё.

– Не морочьте нам голову! – делая ударение на каждое слове, продолжил начальник. – Весь вопрос – во власти! Кому она достанется? В Америке баптисты становятся президентами, в конгрессе законодательной инициативой ведают! Что мы будем делать, если дадим баптистам размножиться?! Вы потребуете места в парламенте и придёте к власти. Для чего тогда мы революцию делали?!

В кабинете висел большой лозунг: «Если народы мира возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца...»

– Все обусловлено словом «если», – указал я на лозунг. – Мы с вами сейчас благополучны, но ни у вас, ни у меня нет гарантии, что над нами не пролетает вражеский самолёт с атомной бомбой на борту, что им управляет не пьяный лётчик, что он не начнёт атаку, что наши не предпримут ответный удар и не развяжется атомная война даже по такому случаю. Вы уверены в психической состоятельности человека? Всё построено на «если»!

– Если мы все будем стремиться к миротворчеству, всё будет хорошо! – настаивал он.

– У вас есть гарантия, что вы сегодня дойдёте домой невредимым и не попадёте в аварию? И у меня её нет. Кем

могут быть выданы эти гарантии? Есть Бог, Который всё знает и управляет абсолютно всем, и тот, кто надеется на Бога, молится Ему, тот спокоен в любой ситуации.

Во время второго вызова начальник КГБ, испытывая мою осведомлённость, завёл речь о Мальтусе:

– Я забыл, какую он вывел теорию, вы не в курсе?

– Мальтузианство, – навёл я ему справку. – Он был священником и выдвинул теорию неизбежности войн.

– Оказывается, вы это хорошо знаете!

Потом он подвинул своё кресло ближе к моему, сел на его ручку и вполне искренне спросил:

– Вы знаете Устав партии?

– Знаю, – говорю.

– Даже Устав партии знаете, у-у-у! А программу?

– Знаком.

– А как вы считаете, вот если мы в соответствии с Уставом партии, без кривизн и всевозможных отступлений будем последовательно проводить в жизнь демократические принципы, борясь за права человека, мы что̀, не попадём в рай и будем в аду и Бог будет нас строго судить?

– Непременно.

– Почему? Что плохого в нашей деятельности?

– Даже по вашей теории нет застывших общественных формаций. Всё движется, всё изменяется и переходит из простого в более сложное. В марксистской теории есть такой закон: отрицание отрицания. Что вы сегодня считаете верным и принимаете за норму жизни, завтра становится ненужным и отрицается. Важным становится что-то новое, и это новое признаётся обязательной к исполнению догмой. Сегодняшняя ваша теория, основанная на учении Маркса, ваша программа, ваш Устав завтра могут быть отрицаемы на всех уровнях. На учение Маркса будут смотреть как на отжившие теории Платона, Сократа, Эпикура и других философов.

У Бога есть одна универсальная, хорошо понимаемая всеми истина. Она является нормой справедливости в об-

щечеловеческом плане: «...не делать другим того, чего себе не хотите...» (Д. Ап. 15, 29). Эта универсальная формула несёт людям, даже если они дикари, спасительное сосуществование. В ней – верх справедливости, и каждый, к какой бы партии ни принадлежал, в душе отлично это понимает. Зачем же вы сегодня гоните и бросаете в тюрьму ни в чём не повинных людей, которые, следуя этой Божественной истине, не делают никому зла?

Он подсел вплотную ко мне.

– Знаете, я удивляюсь вашей логике! Вы посмотрите, слог-то у вас какой! А вы мне нравитесь! Это очень интересно, что̀ вы говорите. Впрочем, ваши рассуждения, конечно, подходят больше для старушек... – Пересел подальше и опять принял такое лицо, какое требовал офицерский мундир.

После хрущёвских разоблачений культа личности стали сокращать некоторых работников КГБ. Эта участь постигла и его, он перешёл работать начальником стройуправления. При разгрузке железобетонных плит одна из них упала ему на ногу и раздробила всё. Он долго болел. Как-то вижу, он идёт к остановке автобуса, хромает. Думаю: мне бы в переулочек свернуть ещё до остановки. Неудобно встречаться, он почувствует неловкость. Скажет: сектант позлорадствует, вспомнит, как говорил: где гарантия?..

Смотрю, он тоже переулочек ищет и нашёл его раньше меня.

Потом я его в автобусе встретил. Народу битком. Спрашивает:

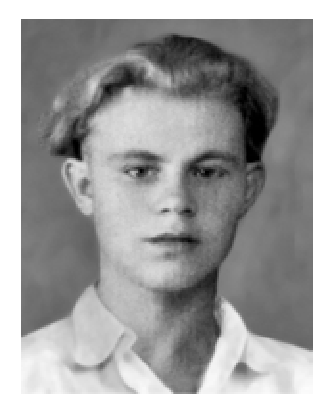
– Константинович, ты всё занимаешься своими делами?

– А как же?!

– Ну хорошо. Заходи, я слышал, ты на пианино играешь. У меня есть пианино. Заходи, дорогим гостем будешь. Вот здесь, – показал на дом, – второй подъезд, второй этаж, пятая квартира. У меня дочь играет. – А сам довольно громко говорит в автобусе: – Ах, жаль-жаль, что такими делами занимаешься! Мужик-то какой, а?! Мужик-то какой!

2.

Должен признаться, не первый раз происходил у меня с этими людьми такой словесный обмен мнениями, понятиями, воззрениями. Только-только успел расстаться с армейской шинелью, пришёл получать паспорт, тут и началось. «Кто? Что? Как да почему?» – большой интерес проявили к моей личности. И сразу без обиняков, прямо, открыто: «Мы хотим предложить вам определённую работу. Поскольку вы так долго служили в Советской Армии и даже были в войсках Берии, вы нам как раз подходите».

Виктор Константинович Крючков

Владимир Константинович Крючков

Спокойно ответил, но решительно: «Я пришёл для того, чтобы больше никогда не подходить не только к армейской службе, но и ко всему прочему подобному».

Убеждение твёрдо стоять в истине воспитали во мне ещё беседы отца. Вообще отец всегда старался передать нам, детям, свой опыт веры. Особенно было то единственное, в чём он стремился направить нашу жизнь, – это предостеречь никогда не оказаться на пути предателя. И уже за одно это заслужил наше полное почтительное внимание, любовь и уважение. Бог дал милость: никто из нас не встал на эту скользкую, смертельную тропу. Жизни лишались: Виктор, Володя (мои меньшие братья), но на сговор с КГБ не шли, доносить обо мне, когда началось пробуждение церкви и я ушёл на нелегальное, не соглашались.

Впрочем, когда я покаялся, принял крещение, – настой-

чивые попытки склонить к сотрудничеству возобновились. О нет, они не стали прямо так, в лоб предлагать сотрудничество. Они довольствовались бы пока гораздо меньшим – приучить к уступкам, к мысли, что надо идти на компромиссы. Искусно выведывали, проверяли: способен я на это или нет. Издалека разговор заводили:

– Долг каждого гражданина – защищать своё государство. Видите, какая международная обстановка? – Холодная война! Предпринят широкий поход против нашей страны. Вокруг нас и здесь, на шахте, могут быть враги. Нужно быть бдительными, всё видеть и слышать, что̀ люди говорят, как ведут себя... Родина требует – значит, надо помогать.

В сердце горело стремление служить Богу преданным сердцем, и хотя я был ещё довольно неопытным молодым человеком, всё же хорошо знал: все согласившиеся на эту секретную, нигде публично не объявляемую, тайную работу переступили роковую черту, делались способными на омерзительное. Отдать на расправу любого вчерашнего друга? Предать близких? Родных? Выдать тайны церковной жизни? Перед чем остановятся эти люди? Тем не менее, даже многие далёкие от Бога, но не утерявшие понятия чести и совести, – оставались нравственно сильными и отказывались от предлагаемой службы. Как же мы можем поступить иначе, те, кто облёкся в праведность Христа, познал Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его?!

И вот такие свои горячие мысли я должен был сверстать и озвучить так, чтобы не оскорбить, не унизить их, «ибо написано: начальствующего в народе твоем не злословь» (Д. Ап. 23, 5). И в то же время остаться чистым перед Богом и перед ними. И ещё, чтобы мои объяснения убедительно говорили о моей открытости, искренности, прямоте:

– В Слове Божьем сказано: «Все делайте без ропота и сомнения» (Фил. 2, 14). А я как раз очень сомневаюсь,

что должен помогать вам. Совершенно не уверен. А значит, согрешу, если поступлю не по Евангелию, пойду против совести.

При всей внутренней решимости противостать злу, я не был резок, не грубил. Возможно поэтому меня напорно продолжали убеждать:

– В помощи разоблачать врагов социалистического строя нет ничего зазорного! Это наша гражданская обязанность. Сознательный человек признаёт, что делать это необходимо в интересах упрочения мира и на благо своей страны. Такая работа не позорит. Каждый должен считать это своим долгом.

– «Все, что не по вере, грех» (Рим. 14, 23) – память подсказывала новое подтверждение из Писания. – Я не верю, что хорошо поступлю, если стану вашим сослужителем. Поэтому не могу пойти против воли Господа, никак не желаю преступить Божью заповедь.

Конечно, можно бы отвечать как-то твёрже. Вероятно, можно бы изловчиться и придумать что-то понаходчивей. Но я не занимался этим. В моих словах не таилось лукавство. Как мыслил, как понимал – так и отвечал.

На этом не остановились. Стали предлагать более конкретно, чтобы сотрудничать с ними по церковным делам, и всё время продолжали попытки втянуть меня в смертоносный грех. А меня только избрали диаконом. Я же старался всё рассказать церкви, чтобы она и молитвами поддерживала и чтобы подпитывалась фактом настоящей жизни. Церковь должна всё знать и обо всём ходатайствовать.

Есть лишь одна надежда исполнять волю Господа – быть твёрдым и верным во всём; признаваться друг пред другом в проступках, рассказывать о малейших контактах, чтобы во взаимоотношениях с миром не оставалось ничего тайного и сокровенного. Я не вербовался, ни на что не шёл, у меня отношения с ними всегда были прозрачные, никаких обязательств, никакого сослужения с ними.

Поначалу, когда меня вызывали чекисты, я не придавал этому большого значения. Думал, что тут удивительного? Был молод, полагал, что, несомненно, и во ВСЕХБ и везде (тогда ВСЕХБ для нас единым центром как бы был) каждый верующий, тем более служитель, сталкивается с этой проблемой, и борется, и сохраняет верность. Каждому приходится переживать этот нажим, просто братья противостоят, служат Богу в истине, остаются непреклонными. Сам настроившись быть твёрдым до конца даже до смерти, я ошибочно верил, что в церквах таких тысячи, и, разумеется, в официальных общинах.

А вербовать – обыкновенное дело «ответственных органов». Такая уж их служба. Но мы на это не идём – такой уж наш удел. И происходит, как в природе: без сна и покоя бьются упорные волны о берег скалистый; гибнут надменные, гаснут и отступают, разбиваясь о неприступные каменные глыбы, чтобы вновь вздыматься седой пеной. И так без конца непрестанная, непримиримая борьба...

Ценной школой для меня эта вербовка стала. Когда мы с Господом, то «...любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8, 28). Она учила, как устоять в искушении, как отвергнуть все их притязания и как в церкви быть окружённым стойкими и верными братьями и сёстрами. Это была прекрасная школа, через которую Бог дал увидеть что̀ происходит вокруг, в какой мере плотно и упорно вербуют.

Всматривался и рассуждал: сколько служителей окружают меня и они или отвергли всю эту мерзость, или завербовались. Нужно было как-то входить в контакт и узнавать правду. А узнавать приходилось малоутешное: даже незарегистрированные в большинстве своём завербованные люди! И окрылялась душа, и утверждалось во мне неистребимое желание: быть другим христианином и служителем – верным Богу и покорным Ему, чистым от сотрудничества с внешними!

Так шло моё самообразование.

Всё повторяется

1.

На первый год вдовства отца (он оставался жить в Джакуевке под Астраханью с четырьмя детьми – двумя сыновьями и двумя дочерьми; самая маленькая Люба в Узловой родилась) – пришла ему мысль уехать с семьёй в Сталинград, где он провёл раннюю молодость, где оставались его когда-то хорошие друзья. «Там собрания есть, с детьми в дом Божий ходить смогу. Они к жизни церкви приобщатся», – воскресшая надежда прочно окутывала сердце.

Ах, время! Как многообещающе оно повернуло на перемены! Смерть вождя в 1953 открыла простор для хлынувших вдруг заманчивых реформ, свобод, начинаний. Повеяло свежим ветром переустройства. Но, как оказалось, всё это не имело отношения к церкви. Тайные инструкции и запреты, удушающие духовную жизнь, продолжали упорно действовать, а церковные вожди безотказно их выполняли.

С невольным напряжением шёл отец по Сталинграду. Потрясённый волнующими впечатлениями, восхищённо вглядывался в город: хорош, удивительно хорош! А ведь был почти полностью разрушен! Восстановили. Теперь всё новое, всё неузнаваемое – улицы, дома, набережная Волги... Что на памяти оттиснулось – ничего известного не находил, всё преобразилось! Ещё парнишкой к бабушке сюда из Дубóвки приезжал, немало времени здесь проводил. Да и в церкви успел потрудиться, когда крещение принял и с женой из Астрахани переехал. Хором управлял, и его Шура в хоре пела. Принадлежали тогда к союзу евангельских христиан.

Вот и молитвенный дом. С заметным трепетом приближался, тёплые встречи предвкушал. Теперь церковь относилась ко ВСЕХБ (Всесоюзному Совету евангельских христиан-баптистов). Имела регистрацию. Верующие собирались в определённые дни недели.

Его появление не осталось незамеченным. Пресвитер церкви объявил: «Братья и сёстры! Советские законы за-

прещают своим гражданам всякое общение с преступниками, с врагами народа, которые были судимы по 58-й политической статье. Поэтому с ними нельзя поддерживать никаких взаимных отношений, приветствовать, молиться. Иначе мы лишимся возможности проводить наши богослужения».

Закончилось собрание. Вышел отец из молитвенного дома и стоял одиноко. Все стыдливо обходили, никто не приветствовал, руки́ не подал. Сторонились и бывшие друзья. Лишь одна разумная, богобоязненная сестра, уже старенькая, понимала, что̀ происходит в церкви, и пригласила его к себе на ночлег.

Вязкая, глухая скорбь обволокла душу: в отстроенном новом городе он встретил верующих с жизнью старой! Во внешней религиозной форме, снаружи такой убедительной, а внутри лишённой глубинной духовности, – что сто́ит этот блеск и совершенство формы?! Существование с помощью компромиссов неизбежно приводит церковь к зависимости, к порабощению! Истинная же духовность, пролегая между свободой и принуждением, избирает свободу во Христе. На что же согласились? Широкой рекой разлились предательство, ложь, обман, нечувствие к правде, пренебрежение истиной. Но не заметили смешения и подмены, положенных в основу антихристова похода! Триумфальные песни поют! Откуда это?! Где мужественные, сильные, верные, славные? Почему изменили, покорились неверному?! Молчат...

Нестерпимая боль не молкла в скорбном сердце...

И он вернулся в Москву, в ту церковь и хор, которые почти четверть века назад не по своей воле оставил.

Сначала жил в большой тесноте у старых знакомых. В общине же на Маловузовском практически всё руководство ВСЕХБ хорошо знало его ещё с довоенных лет. Многие из этого руководства дружелюбно его приняли и даже назначили одним из регентов.

А ему предстояло поднимать на ноги ещё своих несовершеннолетних... Нужда заострила конкретный вопрос: ради

Как и четверть века назад, Константин Павлович управлял хором Московской церкви ЕХБ. Пела в нём и нередко солировала дочь Валентина (1). 1958

детей и прописки в Москве нужно жениться.

После долгого хождения по мытарствам, после жизни, столько раз переходящей от одной невзгоды к другой, где самыми крутыми её всплесками были арест, лагерное подневолье, смерть маленьких детей, война, принудительный трудфронт и бесконечные скитания, – жизнь неожиданно поворачивалась другой стороной, подошла к неизвестному краю. И теперь от его решения, вернее, правильного познания воли Божьей, зависело: пройти мимо или шагнуть навстречу иной жизни, распахнуть сердце новому обороту. И он шагнул.

Братья указали на сестру, по их мнению подходящую и по возрасту, и по положению, и для его семьи, – Анастасию Никаноровну. Она его предложение приняла, согласилась нести нелёгкое бремя воспитания неродных детей. Жила в комнатке коммунальной трёхкомнатной квартиры на Соколе. Так что отец опять обосновался в Москве, совсем рядом с местом, где мы жили в 30-е годы, откуда его вырвали по огульному обвинению в контрреволюционности, где прошла часть моего детства. Он управлял хором, как и четверть века назад. По объявлению купил старенькую фисгармонию. Теперь небольшую комнату на Соколе наполняла уже своя музыка, без которой ему так трудно было обойтись!

Мудрый Екклесиаст прозорливо изрёк: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (1, 6). Так и жизнь моего отца: кружилась, кружилась и возвратилась к прежним местам, к прежним друзьям.

Чермное море – сомкнулось!

В тот день мне довелось оказаться в Москве и по какимто делам заглянуть на Маловузовский (я был тогда диаконом в Узловской церкви). Карев А. В., Генеральный секретарь ВСЕХБ, по обыкновению тепло приветствовал меня.

– Рад встрече, рад, дорогой брат! Хорошо, что вы приехали, решили посетить, – Александр Васильевич смотрел на меня ласковым взглядом.

Давний друг отца, он проявлял ко мне не деланное доброжелательство. Я тоже питал к нему огромное уважение, по его приглашению не раз бывал у него дома. Он обладал внушительной библиотекой. Книгами были уставлены все полки в шкафу вдоль стены. Он обязательно подходил, открывал створки и предлагал что-нибудь почитать. Например, Клайв Льюиса, английского христианского писателя. В ту бытность его имя имело большую известность.

Он провёл меня в канцелярию, предложил сесть, сам сел за столом напротив:

– Ну как, дорогой брат, поживаете? Как жизнь церковная идёт? Какие трудности встречаются?

– Слава Богу, всё хорошо. Только вот постоянно вызывают меня сотрудники КГБ. Настойчивые такие, неуёмные. Невмоготу уже, до нестерпимости всё доходит, а как конец положить, – ума не приложу.

– И что же они от вас требуют? – руку на стол положил, глаза острые стали, вниманием загорелись.

– Требуют, чтобы я сообщал им о всей жизни церкви: где намечаются собрания, кто проявляет активность в руководстве молодёжью, на какую тему были проповеди, кто приезжает из «бродячих» проповедников (так они называли благовестников, посещавших другие общины), кто что говорил на братском совете и даже не живёт ли кто у верующих без прописки. (Сам долгие годы пользуясь заботой странноприимных «Онисифоров», теперь я хорошо понимаю, какую службу мне предлагали!)

– Ну и как, дорогой брат, вы ко всему этому отнеслись? – спрашивал, а сам всё смотрел на меня пристально, не отводя глаз.

– Разумеется, – с жаркой убеждённостью оживился я, – как христианин я не могу исполнять эти требования. Господь даёт сил хранить верность.

Он помолчал. Заговорил без тяжести, веско, доверительно:

– Знаете, что я вам скажу, дорогой брат, – вы напрасно боитесь обязательств. В нашем деле всякое мало-мальски заметное служение, будь то диакона, пресвитера, регента или проповедника, – связано с обязательствами. И потом ваша честность ничего не даст: не будете сообщать вы – это сделает другой, а вас уберут.

Ужас сотряс мою душу! Ведь если «всё с ними», с внешними, – значит, всё без Бога, всё против Бога! Значит, вместо церкви – создана антицерковь! До этого я полагал, что не все, а только некоторые служители ВСЕХБ совершают двойную работу. Что касается Карева, то в моём сознании он был человеком исключительным. Он увлекал меня, когда преображался на кафедре. Теперь же я понял, что с кафедры звучат лишь слова, а настоящие дела решаются здесь и в других кабинетах.

Ничего ему не ответил. Всему, что услышал, нужно было дать отстояться; через молитву и Слово Божье получить прозрение.

Не раз рядовые верующие признавались мне, что не доверяют служителям ВСЕХБ. Особенно таким, как Карпов Алексей Николаевич, Орлов Михаил Акимович. А Моторина Ивана Иудовича подозревали больше других. Мне захотелось узнать, есть ли среди них богобоязненные, кто уклонился от сотрудничества с внешними. Не скрыл интереса, спросил Карева:

– Александр Васильевич! Бывают такие нужды, когда хочется душу открыть и обсудить сугубо доверительно. Кто из ваших служителей наиболее надёжный? С кем можно без опасений поделиться?

В его зорком взгляде промелькнуло что-то – недоверие? подозрение?

– Знаете, дорогой брат, у нас все одинаковые! К любому можно обратиться, любой вас выслушает, даст необходимый совет.

Всего минуту назад я вслушивался в его ровный, с нота-

ми убеждённости голос, следил за блеском напряжённых глаз и, повинуясь невольному внутреннему трепету, надеялся получить благоприятный ответ. Увы!

Безмолвная, смертельная боль затаилась в сердце: «Если бы большинство служителей были чисты от связи с внешними, он обязательно поспешил бы меня предупредить: избегайте того-то, старайтесь с сокровенным обратиться к такому-то брату, – размышлял я в тревоге. – Но поскольку Александр Васильевич сказал "все одинаковые", этим он подтвердил, что все сотрудничают со спецслужбами. А это значит – с ними нет Господа и братство, руководимое ими, не может быть водимо Богом, кроме отдельных душ».

И опять я ему не возразил. Возможно, молодость сказывалась. Тем более, что допускал мысль: вдруг он просто опасается, подумал, что я слишком откровенничаю с определённой целью – испытать его, проверить? Потому и насторожился, и так говорил со мной.

С взволнованным сердцем я покидал ВСЕХБ. За мной, как некогда за Израилем, вышедшим из Египта, сомкнулись воды Чермного моря, которые разделили нас навеки. Для меня больше не существовал ВСЕХБ как духовный центр, и я для них. Бежал оттуда, как из горящего дома, понимая, что с этими служителями ни советоваться, ни вести духовную работу нельзя. Они на службе у безбожников и работать могут только против Бога.

Их трагедия – следствие жалкого компромисса и сделок с совестью; трагедия потери Христа, жизни без Христа. Ретиво убеждали себя и других: ради главного следует идти на уступки и жертвы. Уступкам не было конца, и вот уже священников назначал КГБ, а с кафедры возглашали здравицу советской власти. Но дружба с миром, которая, как им представлялось, помогла выжить, на самом деле была их собственной дорогой в смерть, фактически – духовным самоубийством.

После этой беседы, приезжая в Москву, я продолжал посещать их собрания, но духовного общения уже не находил.

«Избери жизнь...» Втор. 30, 19

1.

Как-то отец сообщил, что молодых перспективных братьев (Жидкова Михаила, Орлова Илью, Кирюханцева Анатолия, Мельника Матвея) ВСЕХБ намечает послать на библейские курсы за границу. Как предполагаемому курсанту Карев А. В. предложил и мне написать биографию.

– Да-а, трудная задача. Что же в ней изложить? И как? Совсем не знаю... Никогда ничего подобного не писал... – вырвался невольный вздох от сознания своего несовершенства.

– Не беда! Вот автобиографии других курсантов, можно посмотреть и использовать в качестве примера. – Александр Васильевич достал папку с четырьмя бумагами, дружелюбно протянул мне.

Шёл 1956 год. Сразу ясного ответа от Господа ехать на эти библейские курсы или нет у меня не было. Но, признаться, учиться я хотел, считал, что имею в себе значительный недостаток, поскольку нет у меня широкого систематического образования. Я его в то время ещё ценил. Сейчас, конечно, уже по-другому к этому отношусь. Всё же я был – молодой человек, душа горела. Втайне мечтал: может, здесь курсы откроют? А посылали в Англию. Это при Хрущёве чуть дверь приоткрыли, на осень 1956 первых наметили послать учиться. Надеялся, что, может быть, подучусь и какая-то польза будет.

Основная цель была такая: коль едут сын Жидкова, Орлова, Мельника и Кирюханцева (мои ровесники), то я из всех сил постараюсь сблизиться с ними, буду всей душой убеждать поступать праведно. Полагал: они увидят, что я готов за Господа пойти на смерть, и сами станут подвизаться за истину, будут верны Богу и, возвратившись, мы начнём работу с того, чтобы ещё преданней служить Христу.

Но это была моя ошибка, от которой Господь, слыша мои молитвы, уберёг. Во всей полноте их духовной тра-

гедии я не мог ещё увидеть, а Бог знал их сердце. Он их отринул, потому что они сделали роковой выбор, когда согласились на осведомительство, на вербовку. Бог знал, что они по предательству превзошли Иуду. Сколько бы я их ни убеждал, – переделать непосильно! Сам Бог не может заставить их быть праведными и ни через меня, ни через кого другого не будет это делать. Их участь страшная.

Так было с Иудой. Всё происходило в соответствии со Священным Писанием: «Ты это делал, и Я молчал, ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя, и представлю пред глаза твои грехи твои» (Пс. 49, 21). Христос не один раз давал ясно понять Иуде, какие он вынашивает планы; но неверный ученик не остановился. И тогда в него вошёл сатана. На тайной вечере, под сводами тайной горницы голос Учителя звучал приговором: «Что делаешь, делай скорее» (Иоан. 13, 27). Иуда стал чужим человеком. Наступил необратимый процесс, после которого уже не было возврата.

«За сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи». За что же? Что это «за сие»? – «...За то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2, 10–11). Это одно наказание. А вот второе: «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму...» (Рим. 1, 28). Виновен не Бог, а люди, исключающие Его из своего разума. Только после этого Он предаёт их превратному уму. А уж если вечно Сущий предал превратному уму, то такой человек не может подвизаться за Бога, – какой он тогда соработник и нам?!

Владычествующий над всем Бог никогда не нарушает принципов святости, принципов справедливости. Он знает состояние сердца каждого. «Я знаю, – говорит Господь, – что царь Египетский не позволит вам идти...» (Исх. 3, 19). Господь знал, что у фараона жестокое сердце, однако допустил проявить ему свою волю в конкретных делах. Семь раз фараон протестовал против Бога и ожесточался (Исх. 5, 2; 7: 13, 23; 8: 15, 19, 32; 9, 7). И когда фараон исчер-

пал милость Божью, отверг дело благодати, тогда Господь на законном основании ожесточил его, то есть совершил высший суд ещё при его жизни. Законодатель и Судия всех имеет на это право!

Когда Анания с Сапфирой добровольно допустили сатане вложить в их сердце мысль солгать Духу Святому, то возврата для них уже не было (Д. Ап. 5: 3; 5: 10).

Так Господь может поступить с каждым из нас.

Иного христианина в церкви увещевают, вразумляют, окружают заботой. Кажется, всё предпримут, чтобы не потерять душу, а душа – недосягаема для доброго влияния. В таком случае у нас должно быть духовное вéдение, мы должны понять, что этот человек не ищет благодати Божьей, он отринул Бога не только в делах, но и в помыслах и живёт как ему нравится.

Особенно важно понять дух человека, которого избирают на служение. Для этого Бог даёт время и мудрость. И не советует: «Определяйте по интуиции, по духовному опыту, по таланту человека». Нет. Точно и определённо написано: «Таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения» (1 Тим. 3, 10). Задача служителей понять: есть ли в человеке страх Божий или он – человек произвола? Водим ли он Духом Божьим или делает, что ему угодно. Не следует удивляться, что такие христиане уверенно заявляют: «Мы Бога любим! Мы Бога знаем!» А Бог их не знает. Каждый из нас должен иметь свидетельство в себе, что угодил Ему (Евр. 11, 5).

2.

Получить дефицитное духовное образование – дело важное, но кем я буду после этого? Где смогу трудиться? Решиться поехать было непросто, и я стал молиться так, как до этого никогда не молился. Для меня это было как бы второе крещение.

Находился я тогда в Москве у отца. Он жил с семьёй в коммунальной квартире на три хозяина. Соседка, пожи-

лая одинокая женщина, уехала в отпуск и разрешила пользоваться её комнатой, если возникнет нужда. Отец предложил: «Комната большая, пустая, иди туда. Там напишешь свою биографию и переночуешь».

Я пошёл.

Будто отдельная келья, даже стола нет. На его месте – швейная машинка. Там, в чужой комнате, вместо стола на швейной машинке устроился писать биографию.

Открыл папку, достал листы с биографическими данными молодых Жидкова, Орлова и других. Написанное оставило двойственное чувство: вроде бы и понятно, чтò нужно излагать, но в то же время вызывало недоумение – каждый не преминул прославить счастливую советскую действительность и светлое коммунистическое будущее.

Составил, как сам понимал, своё жизнеописание, отложил бумагу в сторону. Стал молиться. Внутренность содрогалась от ответственности: «Господи, биографию-то я написал, но не знаю, чтò будет завтра; а Ты знаешь, нужно ли ехать за границу, смогу ли я после обучения принести пользу для Твоего дела? Я не хочу сам выбирать, скажи, Господи, Ты Своё слово».

И Он подарил мне откровение Своего Слова. Сказал: «Возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (1 Петр. 2, 2). Это был мой личный опыт, личное хождение перед Ним. По моей молодости и по великой просьбе. Господь снизошёл ко мне, «...услышал, внял гласу моления моего» (Пс. 65, 19).

Чудесное откровение

До сих пор не знаю, был ли это сон или я находился в исступлении. С сильным воплем и со слезами умолял Бога не оставить меня в неведении. И увидел на полке две коричневые книги, величиной, как обыкновенные справочники. На них в качестве заглавия стояли две ссылки Библии, тиснённые золотом, благолепные, яркие. И та и другая со-

стояли из двоек: 2 Царств 2 и Петра 2 2. Ни запятых, ни точек между цифрами. Забыть невозможно! Я их как один раз увидел, словно печать на сердце положил.

Утром сразу кинулся к Священному Писанию, прочитал, и для меня на всю жизнь всё стало ясным.

Для себя я тогда расшифровал так, что всё нужно читать по порядку.

Открыл вторую Книгу Царств, вторую главу. Там описана молитва Давида после гибели Саула: «После сего Давид вопросил Господа, говоря: идти ли мне в какой-либо из городов Иудиных? И сказал ему Господь: иди. И сказал Давид: куда идти? И сказал Он: в Хеврон». Значит, Бог не посылал Давида сразу в Иерусалим, а в Хеврон, в землю предков, отцов, где была похоронена Рахиль. Здесь Авраам купил себе пещеру.

Начал рассуждать, что̀ значат эти слова в моей ситуации? Внутренне понимал, что Господь посылает меня в братство, в родную землю, на родину предков, а не в чужую землю. Мне нужно оставаться здесь. Господь сказал Давиду: «Иди», но для него это было недостаточно. Он спросил, куда конкретно идти. И нам должно вопрошать и получать от Бога полную ясность.

Затем стал читать Петра 2 2. Не указано, какое послание: первое или второе. Порядок подсказывал читать, как поступаем всегда, – начиная с первого Послания. Запятой нет, но в послании Апостола нет 22 главы. Значит, читаю 2-ю главу, 2-й стих: «Как новорожденные младенцы, возлюби́те чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение».

Спасение – главная цель нашей жизни. Как о нём узнать? – Через Слово Божье. Я понял это так: нужно любить чистое словесное молоко без всяких посторонних примесей. И чтобы стать доктором богословия, достаточно одной Библии.

Я был неопытен, и Господь послал мне эти два откровения. Гедеон тоже был неопытен, и Бог послал ему знамения. А в Слове Господнем – бездна богатства и премудро-

сти! Только нужна полная покорность Ему, чтобы обогатиться этой мудростью.

«Мы имеем вернейшее пророческое слово, – пишет Апостол Пётр, – и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте...» И здесь конкретно поясняет: «...зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» (2 Петр. 1, 19–20). Для многих христиан Библия – это книга, запечатанная семью печатями. Кто же открывает её и объясняет написанное? «...Кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Лук. 10, 22). А Сын открывает глубину Своих откровений тому, кто полностью самоотрёкся и готов в послушании следовать за Ним, куда бы Он ни повёл.

Для меня эта молитва в чужой комнате и полученные от Господа откровения были не простым событием. Я избавился от желания получить заграничное образование. И хотя свою биографию уже отдал А. В. Кареву, всё же чуть позже передал ему записку примерно такого содержания: «Думаю, что библейские курсы в пределах своей страны сыграли бы лучшую роль для братства, чем обучение за границей».

При ВСЕХБ был Международный отдел по связям с Западом. Им нужны были люди, способные изучать не столько богословие, сколько ряды христианских лидеров, их миротворческое настроение, расположение к социализму и прочее. Наши студенты должны были собирать и регулярно передавать агентам посольства все эти сведения. По их данным соответствующим порядком выстраивались списки церковников, с которыми можно было организовывать конференции; знали, к кому приехать и через кого распространять нужное влияние на мировую общественность.

Я окончательно отказался ехать на первые библейские курсы за границу. Но это меня не беспокоило, курсы мне были уже не нужны. Было ясно: какое бы богословское об-

разование студенты ни получили, – всё равно Бога в братстве нет. Отступившие от истины вместе с КГБ ведут против Бога и церкви злейшую войну. Здесь постажировавшись, создав церковь нового, не божественного типа, они по этому подобию создавали церкви и в соцстранах. А конечная их цель – распространить коммунистические идеи и охватить безбожием весь мир. Они были плодотворнейшие из осведомителей! Много помогли КГБ в разрушении церкви, им очень верили верующие.

Раньше, читая журнал «Братский вестник», я старался отыскивать в нём некоторого рода духовную пищу, а теперь, переосмыслив, понял, что в их журнале вообще грешно употреблять имя «Бог». Именем Божьим они прикрывали свои безбожные идеи: то экуменическое движение прославляли и дерзко вовлекали в него, то налаживали контакты с миротворческим движением и прочее и прочее, приправляя всё это проповедями о Боге. Я понял, что их журнал стоит вопреки истине, вопреки Божьей воле.

И приходил в ужас: не желая осудить этот грех, мы, называясь Божьим народом, являемся активными участниками антихристова похода. Вот где наша величайшая вина!

«Вы делаете роковую ошибку...»

После того как я отдал свою биографию Кареву, вскоре меня вызвали в КГБ через военкомат. Уходя из дома, я простился с женой: «Может, и не вернусь, ведь я отказываюсь принять их предложение. Могут арестовать». (Тогда действовал ещё сталинский уголовный кодекс, была в силе пресловутая 58 статья, и я не знал, как они со мной поступят.)

Надел фуражку, взял фуфайку и прибыл в военкомат.

Сижу, ожидаю. Вышел человек. Представился: «Я из Комитета госбезопасности! Следуйте за мной...» Меня вывели, посадили в машину и привезли в КГБ. Пригласили в кабинет. Там за главным столом сидел представительный, наделённый очевидным обаянием и располагающей внеш-

ностью генерал из Москвы, а местные работники расположились за столами справа и слева. Велась запись. Генерал интересовался моими взглядами на некоторые церковные вопросы, моим отношением к государственной власти. Я понимал, перед кем сижу, и своими ответами не подавал никаких надежд, что со мной о чём-либо можно договориться.

– Вы человек со сложившимися взглядами. Но нам известно, что ваши церковные лидеры намерены в будущем продвигать вас на ответственные посты в церкви, а для этого хотят послать вас за рубеж получить богословское образование. Должен вам сказать, что беседой с вами я не рад. Скажу почему. В вашей будущей карьере вы делаете одну роковую ошибку: вы напрасно боитесь нас. Напрасно. Мы никогда не повредим ни церковному делу, ни вашей карьере. Но запомните: в вашем служении без нас вы не сделаете ни единого шага!

– Направляясь в военкомат, я вполне сознавал, что могу не выйти отсюда и был готов ко всему, – ответил я. – Видите, я даже одет в расчёте на тюрьму. Но не думайте, что у нас, христиан, притуплены чувства и погашены эмоции; что у нас нет любви к жёнам, привязанности к детям. Мы любим их, пожалуй, больше, чем другие. Но когда жизнь ставит нас перед выбором: Бог и спасение или свобода и личное благополучие, мы, не раздумывая, избираем самое важное – верность Богу во что бы то ни стало! Заботу о семье и о собственной жизни мы вверяем Его попечению. С такой внутренней готовностью я и отправился сюда.

– Что вы! Что вы! – мягко возразил он. – Мы не собираемся вас разубеждать. Напрасно вы о нас так думаете.

В стране, где новая власть возвела доносительство в ранг высшей добродетели и доблести, – предать друга, брата, родных всегда было в норме вещей.

Но то, что в мире утверждается как добродетель, что считается доблестью в искусстве управления обществом, то в церкви – суть самые страшные грехи, самые свирепые пороки. Это, наверно, самый губительный путь в истории

человечества – путь предательства, растления и вырождения многих миллионов душ. Это грехи, которые разделяют нас с Богом, после чего Он не действует в нас, а мы только обольщаемся временными плотскими успехами, своей организационной способностью. Однако всё это не богоугодные дела, без водительства Духа Святого, и сам человек обрекает себя на печальные последствия, и делу наносит урон.

Окрылённые в Боге

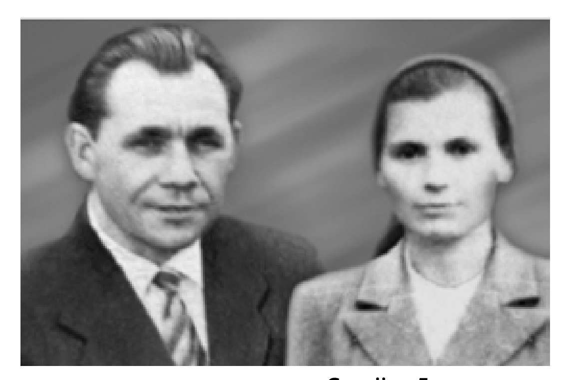
1·

Прекраснейшего свойства брат, Володин Семён Давыдович отличался прямотой взглядов, открытостью, был бодрый, всегда готовый и поспевающий помочь. Устойчивость и сила ясно ощущались в нём. Под стать ему и жена, Раиса Павловна: с твёрдой постановкой плеч, посадкой головы. Она всегда выглядела уверенно.

В нашей стране всё было. Было и то, что построение безбожного общества исковеркало миллионы судеб, немыслимое число жизней унесло с собой; широкими волнами заливало бытие богохульной идеей: «Нет Бога». Но вера билась, дышала в людях, для многих являлась тем единственным, что всю жизнь определяло. Семёна Давыдовича таким с молодости знали. Не поддался святотатству, чтил Бога. Только не знал твёрдого основания учения Христа, не был верно наставлен. Набожных правил, искренне благоговел перед святынями; какие-нибудь вещи продаст, а с новой иконой радостно домой торопился. Вместо хлеба образа покупал. Они тускло блестели золотом по стенам. Весь дом был ими увешан.

Молотобойцем в депо работал тяжело, изнурительно. По причине этого сильно заболел двухсторонним туберкулёзом лёгких. А росло уже трое ребят.

Богу все чудеса доступны! С осветлённым лицом Раиса Павловна впоследствии делилась, каким необыкновенным образом Он исцелил её мужа от болезни, привёл их к познанию истины! Радостно, горячо рассказывала:

Семён Давыдович
и Раиса Павловна Володины

– Мучительная затяжная немощь Семёна покой отняла. Однажды он так лежал-лежал, долго думал. Подозвал:

– Рай, я на работу устроюсь.

– Куда?

– На шахту.

– Ты что?! С ума сошёл? На верную смерть пускаешься! Детей сиротами оставишь!

Не послушал, пошёл. В отделе кадров никто и не поинтересовался больной или не больной, отправили знакомиться с техникой безопасности и – в шахту. Очень в рабочих руках нуждались.

Там встретил верующих: Николая Ермолова, сестру Наташу. В один из дней по работе рядом с ними оказался.

Подошёл Николай к Наташе, тихо переговорить понадобилось. К ним в общину брат гость приехал. Она обернулась на Семёна: «Сеня, ты иди, иди...» Боялась его. Строго с религией в стране обходились, без позволения властей запрещали вместе Богу молиться.

Не ушёл, упрашивать стал: «Возьмите меня с собой. Хочу послушать».

Взяли. Всего человек шесть, может быть, пришло на собрание. Окна занавешены. А перед Семёном вмиг как завеса разодралась сверху донизу, до того всё скрывавшая. Зазеленело, расцвело в душе то, что уже заронено было! Нашло добрую почву – проросло. Безотлагательно в тот момент к Богу обратился.

Подошёл к брату остро назревший вопрос решить:

– Скажите, Господь может исцелить физическую болезнь?

Пристально взглянул на него Николай Ермолов. Прямо в глаза посмотрел:

– Если веришь, получишь.

Почувствовал Семён: как калёная стрела через него прошла.

Не шёл домой, бежал. Я увидела в окно, удивилась: быстро шагает. Давно так не ходил, болезнь не позволяла.

Живо приготовила еду, какую только ему припасала, а он зашёл и сразу ко мне:

– Подожди, Рая, я теперь не больной. Я – здоровый!

– Как здоровый? Ты что? – И к маме: – Наверно, у него с умом что-то плохо. Голова "поехала", что ли?

– Я уже заявление написал, перехожу работать на другое место (он уголь проверял).

Я – в слёзы:

– Что же ты делаешь? Не посоветовался даже...

– Рая, я здоровый!

А сам – на колени. Молиться стал: руки сложил, глаза закрыл, на иконы не смотрит... Батюшки! Что случилось с Семёном?!

– Мам, что с Семёном?

– Рай, у нас были такие. Ты только не ходи к ним. У нас такие были. Их расстреливали, в тюрьму сажали. – Ох, как этим напугала.

Ну, всё это прошло.

Приходил Семён с работы и каждый день свидетельствовал мне о Боге. Много рассказывал, разнообразно. А я была секретарём в райвоенкомате. Секретная работа считалась. И никак не могла с ним согласиться, всё возражала. Заявила:

– Я в партию буду вступать. Коммунисткой буду.

– Вступай куда хочешь, сатана этого хочет.

Внезапно заболела наша дочь Люба. Пришлось рассчитаться и членство в партии отложить.

Гляжу как-то – он в доме убирает, чистоту наводит. В самом нутре души поняла: гостей ожидает. И правда,

пришёл Чумачков Петя. Жил в Сталиногорске. Стал беседовать:

– Рая, веришь в Бога?

– Верю, но только по-своему.

– Хорошо, хорошо. Значит, по-своему.

Поговорили, помолились, и он ушёл. Как напала на меня тоска, места не могла найти. И туда, и сюда, и к соседям. Мысли усиленно работали: «Это что-то, Рая, у тебя случится, что-то случится...»

Собрался Семён уходить, кого-то из верующих навестить.

– Давыдович, возьми меня с собой.

– Нет, Рая! Ты мне что̀ сказала? «Если только узнаю – всех пересажаю». Не хочу, чтобы через меня невинные люди пострадали. Нет, не возьму.

Я заплакала. Подговорила его сестру Ксению и другую сестру с ним поехать. Убедила и меня не оставить. Они согласились и – к Семёну:

– Нас возьмёшь с собой?

– Если хотите, конечно!

Шли пешком по шпалам до перекидного моста с Донского. Дошли до него. Семён – впереди, мы – ссади. Обернулся:

– Рая, если бы тебе дали 100 рублей, поехала бы?

– Ты что? Я и за десятку бы вырвалась.

– Рая, Рая! А если бы мне сказали: «Семён, вот тебе гора золота», – я бы ни за что не взял. Что такое жизнь наша, для чего мы живём? Человек умирает, ничего с собой не берёт. Дела идут вслед за ним. Не за деньги служить Богу надо.

В те годы тайно собирались, строго было, гонения большие воздвигали. (Они начались ещё до того, как Константин Павлович Крючков здесь на 1-й шахте поселился, а его сын Геннадий ещё из армии не вернулся.) Григорий Алексеевич был, Михаил Игнатович Захаров.

Пришли к Чумачковым. Они дом строили, в небольшой времянке ютились. Увидели идущих гостей, выбежали на-

встречу, обнимают меня. А я в 12 лет сиротой осталась. Ни мамы, ни папы. Братья на фронте погибли. Одна росла среди людей. Думаю: я такую ласку ещё ни от кого не встречала!

Поговорили о том о сём, Давыдович предложил:

– Петя, мне в ночную смену на работу, а они пусть останутся.

Меня, Ксенью, Зину оставили. Комнатка маленькая, на полу постелили.

Сон бежал. Столько мыслей, столько вопросов в голове роилось! Всю ночь проговорили: почему нельзя рукой креститься, почему не надо иконам поклоняться, разным святым молиться. Всё Петя по Библии разъяснил. На всё вразумительно ответил.

Это была суббота. На следующий день, в воскресенье, собрание на 2-й шахте назначили. С радостью спросил:

– Рая, не пойдёте ли с нами?

– Не могу, у меня Любочка, дочка, маленькая, я попросила зятя посидеть с ней. Пойду, наверно, домой.

А сама крепко запомнила, как он сказал: «Там, на посёлке «9 Мая» Валя Крючкова живёт, ты постарайся с ней познакомиться».

Вернулась домой, но не сидится. Собираюсь идти:

– Сыночек, посиди с Любой, я быстро на посёлок схожу.

Бегом, бегом, быстро неслась, как на крыльях. Прибегаю туда. Посёлок большой. Где же её найти? Пошла в столовую, спрашиваю:

– Не знаете, где Валя Крючкова живёт?

– Знаем, вот в этом доме. – Приметы назвали.

Постучала:

– Можно?

– Можно.

Сидит за швейной машинкой, миловидная такая, стан прямой, чёрные волосы в узел сплетены, шитьём занимается.

– Вы будете Валя?

– Да, я.

– А я Семёна жена.

Она так и ахнула! Я рассказала, как у Чумачковых ночевала, как всю ночь глаз не сомкнули, беседовали.

Все свои занятия тут же отложила. (Валя работала на шахте, а дома ещё пошивом одежды занималась, немного подрабатывала.) Сердечный разговор повели.

Потом поближе познакомились, сдружились, и уже не я ходила к ней, а она приходила к нам (мы жили в домике в Родкино). Часто встречались.

Как-то приехала в церковь хорошая сестра в Господе, Нина Рузанова. Побыла у нас в Родкино, посмотрела и говорит:

– Ой, как много у вас «квартирантов» живёт! – Прямо в недоумение меня ввела.

– Нет, – отвечаю. – У нас никаких квартирантов нет.

– Как же нет? Есть. Вон висят (на иконы показала). Вам не жалко их? – А сама проворно снимать принялась.

А мне-то и жалко, дорогие были. Но не призналась, виду не показала:

– Да нет, не жалко...

Она их снимает, снимает и – в печку! Так от ненужного и освободились.

Вскоре к нам Павел Афанасьевич Якименков приехал. Побыл и уехал. За это время я заявила на крещение. Семён Давыдович препятствовал: рано, мол, тебе крещение принимать. Укрепиться надо, отрешиться от всего, твёрдой духовно стать.

– Нет! Не удерживай. Я буду принимать крещение!

Прошла испытание, Богу обещание дала служить доброй совестью, к Церкви Христовой присоединилась.

Вот какими чудными путями Господь привлёк нас к Себе! Светом и радостью озарил нашу душу! Очистил от проказы греха. Возродил к новой жизни. Научил добродетели и благочестию. Наполнил миром и покоем. Невозможно было сдержать счастья, и мы с Семёном неустанно благодарили Господа за незаслуженную милость!»

2.

Время не стояло на месте, в годы слагалось...

«Рая, вот ведь какое у нас неладное положение. Сама видишь как мы собираемся: то в тесной коморке, то в отдалённом районе, то при дверях запертых и окнах занавешенных, как в дни Христа «из опасения от иудеев»... Давай собираться в одном доме, пусть к нам все ходят!» – Семён Давыдович широко отмеривал чёткие шаги по пустой середине комнаты. Переживал: согласится его супруга или нет. А она, конечно, очень радовалась: в их доме имя Господа будет славится!

О своём желании поделились с Павлом Афанасьевичем. Он проживал у них на квартире в Родкино, пока не перешёл пресвитером в соседнюю церковь – в Новомосковск (тогда ещё Сталиногорск), куда и переехал.

Павел Афанасьевич передал эту хорошую новость мне.

Собрали церковный совет. Думали, взвешивали, молились. В итоге все братья согласились собираться в Родкино. Когда сообщили об этом церкви, назначили пост. Неделю церковь постилась, утверждалась, чтобы на этом месте собирались верующие.

Вообще, когда встал вопрос, чтобы для богослужений иметь постоянный дом молитвы, поступило четыре предложения. Церковным советом рассматривали, рассуждали, выбирали лучшее. Например, предлагали квартиру, но она не совсем устраивала: в любой момент соседи могли запротестовать, что их покой нарушают. Или в предложенном доме жили неверующие родственники – через них власти тоже могли чинить преграды. Рассматривали также, чтобы по расположению место было удобно для всех.

Нашим требованиям лучше всего соответствовал дом Володиных: во-первых, частный; во-вторых, хозяева – люди ревностные, верные Богу. И удалён дом почти на одинаковом расстоянии для всех. Верующие стекались туда на собрание с трёх сторон: с вокзала через совхоз «9 мая»;

со стороны посёлка, где жил Афонин Иван Алексеевич, и с Дубовки, откуда мы всегда шли пешком через посадку километра три.

Когда окончательно утвердились, что будем у Володиных собираться, – объявили близлежащим церквам. Многие к тому времени прекратили собрания по причине гонений. Нигде в округе не собирались. Все ехали к нам: из Тулы, Алексина, Киреевска. Народу много бывало. В Сталиногорской, соседней церкви, братья дали подписку не собираться. В Донском, в Северном и Южном Сталиногорске раньше действовали церкви ЕХБ, хотя и небольшие. Но не выдержали нажима, поступились своим правом. Нам же Господь давал милость проводить богослужения, ни на что не взирая.

Как-то зашёл я домой к Семёну Давыдовичу прямо с работы. Они удивились, конечно, спрашивают:

– Ну что же, Геннадий, побудило тебя навестить нас?

– Пришёл побеседовать. Давайте помолимся Господу.

Помолились, и говорю:

– Это слава Богу, что у вас созрело такое единодушное обоюдное решение – пригласить собрание в свой дом. Но я хочу вас предупредить: народ Божий в больших гонениях, церкви везде закрывают, хозяев сажают, дома отбирают. Брат Семён, взвесь всё, у тебя уже много деток. Подумай. Говорю вам как есть.

А Семён твёрдо посмотрел на меня, на свою жену и выразительно произнёс:

– Брат Геннадий, нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих. Мы с Раей так решили: не оставит Господь наших детей и нас не оставит. Проводите у нас собрания.

Когда стали постоянно совершать богослужения в Родкино, церковь написала заявление в райисполком: «Мы такие-то, собираемся там-то. Просим нас зарегистрировать».

Приехали из Тулы, посмотрели и дали заключение: дом для молитвенных собраний не подходит. Мы горячо убе-

Геннадий Константинович (1) среди членов любимой
Дом Володиных был маленький, низенький, крытый соломой, с крохотными окош

Узловской церкви у старого молитвенного дома.
ками посреди выбеленных стен. Всей церковью дружно помогли его перестроить.

ждали: «Всё сделаем! Всё, что нужно, – переделаем! Задержки за этим не будет!»

Оставили нам предписание: во-первых, другой колодец вырыть; во-вторых, благоустроенный туалет построить и бачок с кипячёной водой установить. В общем требовали соблюсти соответствующие санитарные нормы.

Мы тут же приступили.

У Володиных домик был маленький, низенький, крытый соломой, с крохотными окошками посреди выбеленных стен. Всей церковью дружно помогли его перестроить. Окна увеличили. Зал расширили. Крышу подняли и накрыли оцинкованным железом. Туго бы пришлось, если бы не смекалка. Железо взяли из бочек, в которых на шахту доставляли взрывчатку. Его выравнивали, получали длинные плоские листы и ряд за рядом укладывали. Добротно получилось. Под новой кровлей не только для собраний и семьи, но даже для коровы с телёнком место нашлось.

Колодец вырыли ладный, со множеством колец в глубину. Всё сделали, как предписали. Однако силы господствующие и властвующие совсем не были заинтересованы в распространении Божественного слова. Разрешение проводить молитвенные собрания мы не получили и делали это явочным порядком.

Зачастила к нам милиция, дружинники, что только не устраивали: и стёкла били, и хулиганили, и собрания разгоняли. Но мы, слава Богу, стояли до конца.

Павел Афанасьевич перешёл тогда в Сталиногорск (сегодня Новомосковск), а я остался пресвитером в Узловой.

Повсеместная разруха, которую переживала церковь ЕХБ по всей стране, не позволяла оставаться в стороне. Что-то нужно было делать. Но что? Начались поиски выхода из кризиса, поиски верных Господу братьев, встречи, длительные беседы, совещания. Пришлось оставить своё любимое занятие с хором. Надеялся, временно. Вот найдутся преданные Божьему делу служители, которые лучше меня будут

совершать этот труд, и тогда я непременно возвращусь к регентскому служению.

Ответственность за хор возложили на Петю Захарова.

Но годы шли и утекли, а я так и не возвратился к своему любимому делу и, как понимал, призванию. Господь распорядился иначе. В очередной раз (в третий уже), покоряясь Богу, я добровольно отказался от того, к чему питал чувства жаркие, живые, отложил арфу в сторону, и никогда об этом не пожалел.

Десятилетия невозвратно стирают многие рубцы прошлого. Иные деяния за это время распались, растеклись, море забвения перехлёстывает над ними. Но неотразимо прекрасное, золотое время церковного регентства никогда не забыть! Из глубокого горизонта воспоминаний всплывают неповторимые картины ушедших дней, и я не в силах сдержать переполняющее меня безудержное счастье...

Пламенный хорал

Любимой – музыка была!
Что есть родней заветной фразы?
Но страдный час позвал на стражу –
С пращой сроднился навсегда!
Хвалебной музыки души
Не смели бури заглушить!

Нет, не всегда так желанно укладывалось на душе!

День был будничный. Люди в деревне занимались своими делами, а из нашего молитвенного дома в Родкино вольно и радостно разносилось пение. Все так увлеклись, что не слышали ни кудахтанья кур, ни мычания коровы за стеной. Ликующие голоса поющих с восторгом устремлялись в небо. Хор создавался! Небольшой, смешанный, но главное – на полное число голосов.

У меня так жизнь устроилась, что за семь лет в армии я много в разной самодеятельности участвовал. В Москве в Центральном Доме Офицеров музыкой занимался. Там мне пришлось участвовать и в дуэтах. И хором управлял.

Мог целыми ночами не спать и упиваться музыкой, не легкомысленной, конечно. Но это опасное дело. Если увлечься, то себе же и станешь служить. Я готов был сам деньги платить, только бы оставаться приобщённым к музыке, тем более, что у меня хорошо получалось. Открывалась отличная перспектива устроенной жизни и любимого дела.

Но есть и иной путь – вверх! Не мирской, где удача, признание, дружество, благополучие. Это тупик. Одни раньше в него упираются, другие позже. Коль поймёшь это – небо откроется... И когда я покаялся – всё оставил.

Приехал к родителям в Узловую. Пришёл в небольшую местную общину ЕХБ.

Мне всё дорого, что связано с Узловой. Там моя первая церковь. Но признаться, глубоко по сердцу резануло: такой жалкой предстала она в сравнении с армейскими хорами в 50, 70 человек, профессионалами возглавляемыми, с сопровождением то джазовой группы, то больших оркестров. Скорбел непомерно: это и есть церковь? Три молодые сестрички сидели и 15 старушек. Всё. Два-три служителя, которые всё время то тайно выпивали, то вообще не пойми что делали, даже церковные деньги пропивали. Вина на вечерю побольше брали, чтобы оставшееся можно было в себя залить. При этом с властями были связаны, депутатами избирались.

Душа от боли в комок съёживалась. После того, что я в армии видел, передо мной вставал церковный хор: семь человек и у половины из них слуха нет. Попробуй двигаться.

Немало времени терзали нашу церковь изменившие вере и Богу беззаконники. Духовная болезнь надолго сковала все виды служения и принудила прибегнуть к крайним мерам: сразу шесть человек отлучили. В руководстве остался старец Запарин – во всех отношениях человек слабый и немощный.

Чтобы привести измученную общину в надлежащее состояние, по форме и содержанию Евангельского уче-

ния, предстояло всё начинать как бы заново. В том числе и хор создавать. Павлу Афанасьевичу доверили быть пресвитером. Мне помимо диаконства поручили хор. Вернее, создать хор, настоящий, и в этом свете первый в её истории.

С детских лет неугасимая, затаённая мечта прочно владела сердцем. Этой мечтой я кипел, пылал, ни с кем не желал делиться. И вот она сбылась! Музыка... Пение... Хор... Любимое дело, желанное! Теперь уже не для себя, для Бога.

Сначала, как обычно, отобрал способных, которые умеют и любят петь. Определил, кто какую партию будет исполнять. Назначили дни и время спевок.

На первых порах гимны подбирал самые простые, чтобы любой из хористов мог уверенно и точно вести свою партию. Учил, показывал, старался доступно объяснять, терпеливо с каждым отдельно разучивать, потому что для многих это было новое дело.

Иногда просил: «Вы тут пойте без меня, а я отойду на расстояние, послушаю, как воспринимается. Ведь церковь нас со стороны должна слушать». Отдалюсь, со вниманием исследую, поправки внесу. Стремился, чтобы хор отличался своим особенным, приятным и согласным пением. Чтобы не просто правильно пел, а каждый мог вложить в музыку дух и душу.

Стало неплохо получаться. Все радовались. Радовался и я.

Через месяц хоровое звучание впервые украсило наше богослужение.

В простые дни мы пели несложные гимны, а когда укрепились, то и в воскресные дни, и на праздники звучали красивые хоровые песнопения.

Восторженные лица, живые глаза... Дискант, альт, бас, тенор сливались в едином хоре. Они уже не робели, с упоением отдавались всему своему вдохновению, радости, счастью; и благоговейная песнь незримо росла, расширялась, раздвигала стены, устремлялась в беспредельный голубой простор. Как сейчас, слышу это свободно льющееся сла-

вословие Богу. Оно было неподдельно глубоко, наполняло душу чудесными картинами тихой Рождественской ночи или величия Голгофской жертвы Христа. Горячая, благодарная молитва звучала и дышала в каждой ноте, заставляла дрожать отзывчивые струны сердца. Всё так небесно настраивало! Я чувствовал, как теснилась грудь и поднимались к глазам благодатные слёзы. Казалось, в жизни другого счастья не надо – только бы вот так служить Христу до последнего вздоха стройным, ладным пением!

Всё было хорошо, но одно смущало: с музыкальным сопровождением значительно богаче и лучше можно достичь результатов.

И тогда я продал мотоцикл. Не один год он преданно служил, был незаменимым помощником. Сколько времени сэкономил добраться с работы и на работу! Сколько нужных посещений по приязни, по добру я смог совершить! Сколько церковных дел в состоянии был осилить, преодолеть! Сообщение между посёлками – до крайности редкое. Тем более от шахты до шахты. За отсутствие мотоцикла приходилось потом расплачиваться ногами. Но многое ли пешком успеешь?

Двухколёсный друг основательно вошёл в мою жизнь, оказывал неоценимую помощь. Только, если уж честно признаться, не раз на нём и на волоске от беды был. Бог спасал.

Выдалось как-то суровое, холодное утро. Солнце потонуло в сизом морозе. Навстречу колкому ветру, рассекая его промёрзшим лицом, я спускался на мотоцикле круто вниз по глубокой колее. Не хотел в неё попадать, но на голом льду трудно удержать лёгкую машину. Дорога, как стекло. Внизу небольшая впадина, через неё – мост, а за ним опять крутой подъём. Неровная местность, холмистая.

Вижу, грузовая машина появилась. Спускалась навстречу мне. Срочно из колеи выбраться надо. Вывернул руль, да не тут-то было. И раз, и два пытался выехать – напрасно. Представилось, вся мощь мороза внедрилась в эту

блестящую окостенелую колею. Спуск лишь прибавлял скорость. Ни затормозить, ни выскочить. Крепко держала западня.

Встречная машина в такую же отчаянную безысходность попала. Непредсказуемо удлинялся её тормозной путь. Мы неудержимо неслись навстречу тому, что должно произойти. Только Бог мог предотвратить неотвратимое. А оно стремительно надвигалось. Разделяющее расстояние таяло на глазах.

Не помню отчего, но я упал на бок. Вместе со мной мотоцикл продолжал скользить навстречу грузовику. И – остановился. На мосту. Чёрной птицей навис надо мной перед машины. В глаза смотрел резной рисунок резины колеса. В тот момент оно уже перестало двигаться.

Так Господь ещё раз дал испытать, как непрочно мы стоим у обрывистого края! Как в любое мгновение рядом с нами живёт конец земного пути! И как знать, не держался ли в ту минуту всемогущий и праведный совет: допустить бедствие или загасить этот яр молнии, которая умеет разить наповал? Господь, совершающий всё по Своему изволению, благоволил продлить мне жизнь. «По воле Своей Он действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: "что Ты сделал?"» (Дан. 4, 32). Он усматривал для меня иные планы. Я их не знал, но от души помолился. Благодарно вознёс Богу хвалу за чудное спасение.

Ради музыки надо было чем-то пожертвовать. Пришлось расстаться с железным конём. Большие расстояния пешком преодолевал, но фисгармонию купил. Старинный инструмент с красивым звучанием. Громкий, мелодичный. Установил на фисгармонии маленький вентилятор, чтобы не ногами воздух накачивать. Начал играть, готовиться к спевкам.

Затем и для церкви фисгармонию нашли. Так что с тех пор и общее, и хоровое пение сопровождалось музыкой.

Запретить проповедовать

В тот вечер в цехе ЦЭММа, где располагалась наша лаборатория, проводили рабочее собрание. За огромным столом сидело человек десять: производственное начальство, парторг, комсорг, председатель месткома и представители горкома. С бравым, решительным видом все строго смотрели в зал. Эти важные партийные чины с деловой серьёзностью собрались принимать постановление, запрещающее верующим говорить о Боге.

Собрание вёл наш парторг. Но фактически руководил всем сидевший во главе стола заведующий Отделом агитации и пропаганды из горкома (городской комитет партии).

Для меня давно было ясно, в каком государстве мы живём и чего следует от этого государства ожидать. И тем не менее, я был поражён: кто же может отнимать право выражать свои взгляды, убеждения, веру? Какое отношение имеют эти люди горкома к свободе личности? Почему они определяют, что̀ делать верующим и чего не делать, как им жить и чем руководствоваться в жизни?

Не смог сдержаться, пожелал выступить. Сначала не позволили. В такой обстановке как отступить?! Сердце загорелось, будто к нему пламенем коснулись. Повторил громко, на весь цех:

– Дадите мне слово или нет?

Гляжу, наше начальство задвигалось, заёрзало, в замешательство пришло: допустить меня встать перед народом или нет? Парторг сам ничего решить не может, с представителями из горкома должен посоветоваться, но и показать этого не хочет.

Смотрит на них, и я в упор на них смотрю. Они на меня глядь, я на них. Им нельзя незаметно хотя бы кивнуть, невозможно даже какой-нибудь малозаметный знак подать, потому что глаза всех устремлены на них и все сразу поймут, кто на самом деле «парадом» командует.

Долго-долго они так мешкали, выжидали, мялись. Не-

ловкая заминка протянулась. Потом всё-таки заведующий отделом агитации и пропаганды горкома неуловимо так кивнул головой. Дал знак, что можно дать слово. И я вперёд вышел:

– Здесь предлагают запретить человеку говорить о вере в Бога. От имени общества хотят принять резолюцию, чтобы верующие в пределах района нигде не проповедовали о Боге. Вы не почувствовали, каким пещерным веком веет от таких запретов? «Запретить!» – это какими санкциями возможно достичь? Кто это может сделать? Каким образом рабочее собрание может принимать подобную резолюцию?

Если вы отвергаете Библию, утверждаете, что она – негодная книга, «дурман» для народа, то поступите с ней, как поступаете в других случаях. Когда хотят убедить, что пьянство – это зло, посмотрите, какое множество разных карикатур вывешивают на рекламных щитах! Сколько газетных, журнальных статей выходит на эту тему! Или когда предупреждают, что в нетрезвом виде опасно садиться за руль, – показывают фотографии разбитых машин, детей, оставшихся сиротами. Это наглядный пример агитации того, что плохо, чего нужно остерегаться.

Вместо того чтобы неаргументированно, безосновательно утверждать, что Библия – дурман, не лучше ли выпустить эту книгу миллионным тиражом и дать людям убедиться, что это за книга и действительно ли она дурман, как её называют?! Но вы не позволяете её печатать, спрятали от народа и произвольно трактуете, как заблагорассудится. Не поступайте с людьми, как с детьми. Дайте возможность им самим свободно принять непредвзятое решение.

«Как подумаешь да поглядишь, так только головой и покачаешь!» – иного не скажешь о том, для каких целей собрали многолюдное собрание. Вы даже не замечаете, что в своих рассуждениях вернулись к доисторическим временам, к жизни первобытных людей. Какая может быть резолюция? Кто вправе её принимать? И где у вас гарантия, что она будет выполнена?

Люди переглядывались молчком. Для них всё-таки имело значение, что из горкома прибыли и наш парторг собрание проводил, – нельзя же просто так разойтись. Посмотрели: кто за то, кто за это, посовещались и на этом всё закончили, никаких решений не приняли. Словом, карикатурная история получилась: «Собрание проведём, как приказано, а в отношении резолюции – оставим как есть».

«Возьми меня отныне...»

Некоторое время я нёс служение пресвитера без рукоположения. Церковь незарегистрированная, больших связей с другими общинами по Союзу не имели. Кого пригласить, если не знаешь братьев, имеющих право рукополагать?

Когда предоставилась возможность принять рукоположение, у меня было пять детей. Я мог бы отказаться, сославшись на семью: детям ведь нужно уделять внимание и жена не слишком способна справляться с ними. Жили мы скромно. По тем временам я зарабатывал 110 рублей дореформенных. За электророзетку четыре рубля в месяц платили, за остальные коммунальные услуги. С аванса или с получки я мог позволить купить семье грамм 300 колбасы – это был для нас праздник. А так – жили на постном масле.

Но когда я посмотрел на состав братьев нашей церкви, то, взвешивая перед Господом свои нужды, не мог бы оставаться спокойным, отказавшись от служения. Представлял в руководящей роли одного, другого, третьего брата и, не возвышаясь, не уничижая их, говорил себе: будет хуже для дела Божьего, если устранюсь или, побыв на собрании, повернусь и уйду к своей семье.

Года за полтора до начала пробуждения в руки мне попала газета со статьёй о верующих ЕХБ подмосковного города Дедовска (в народе долгие годы его называли Гучково – по железнодорожной станции, переименованной

в Дедовск лишь в 1965 г.). Это была обычная кампания клеветы в советской печати. В пылу злословия, наветов и навешивания ярлыков в ней указали даже адрес, где собирались верующие: Пушкинская, 11.

Мы сразу почувствовали, как эти обнародованные сведения и взволновали, и огромную радость доставили. Ведь и правда, удивительные вести! Значит, живут неподалёку такие же ревностные, мужественные, не поддающиеся нажиму верующие. Являют стойкость, дерзновенную смелость в борьбе и нападках.

Понял: в обязательном порядке нужно навестить, познакомиться. Очень важно непосредственное общение иметь. В разгар гонений хорошо чувствовать плечо друг друга. Без живого содействия трудно, не упадая духом, крепко стоять за правду, за Божий народ, за дело Христа. Биться в одиночку.

Предложил Павлу Афанасьевичу Якименкову, и поехали с ним в Дедовск. Разыскали указанный в газете адрес.

Нас встретил приятный молодой человек. Высокий, статный, видный. Улыбкой и добродушием сияло его смуглое лицо. Волнистые чёрные волосы красиво обрамляли голову. Тёмные глаза хранили силу. Папка под мышкой подчёркивала деловитость (в ней лежали листы с нотами).

Приветствуя, представился:

– Брат Василий. Регент и проповедник местной церкви. Издалека ли к нам? И с какими нуждами?

– Мы из одной местности. Недалеко от вас, Тульской области. Пресвитеры. Я – в Узловской церкви ЕХБ, брат Павел – в Сталиногорской (Новомосковской).

Вот прочитали клеветническую статью в газете. Крепко чернят вашу церковь, недоверие к верующим сеют. Однако разумеем, что Господь послал вам особую милость – на деле приобщиться к славнейшему бесчестию за имя Христа. Как написано: «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас...» (1 Петр. 4, 14).

Мы тоже переносим разгоны наших богослужений, бесчинства, ущемления на предприятиях, где верующие работают. И видим, что это наше общее подвижничество нуждается в силе Духа Святого, в единодушных молитвах, во всякой взаимной поддержке, чтобы, перенося скорби, мы, по слову Писания, «прославляли Бога за такую участь» и «радовались, что за имя Христово удостоились принять бесчестие».

Он посмотрел на нас, послушал (это был Василий Феодосьевич Рыжук, впоследствии преданный Богу служитель, многолетний узник, член Совета церквей ЕХБ). От неуловимого движения чёрных бровей лицо приняло строгое выражение, и он так на полном серьёзе спросил:

– А у вас, братья, всё завершено? Вы рукоположены?

– Нет, нам никто такое дело не предлагал. Ведь наши церкви не зарегистрированы.

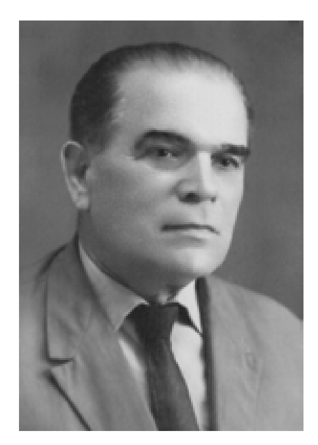
(В те смутные времена свободно не рукополагали, как ныне в нашем братстве. Тем более в церквах без регистрации, хотя о ней мы не раз ходатайствовали. После 1944 года баптистские общины объединили с евангельскими христианами, всё одинаково было. Но ВСЕХБ даже в своих общинах самостоятельно никого не мог сделать официальным служителем. Без особого позволения властей не рукополагал.)

– А вы сами как на это смотрите? – во внимательных глазах Василия зажёгся откровенный интерес.

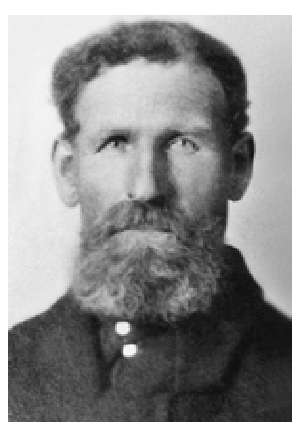
– Очень просто смотрим. Если бы нашлись старшие братья, которые хотели и посчитали нужным рукоположить, то пусть бы рукоположили. Церковь и мы с радостью это примем.

– У нас в Дедовске есть такие братья. Они вас и рукоположат, – уверенно сказал, не суесловно.

Всеобщее почтение оказывала Дедовская церковь своим старшим служителям: Исковских Алексею Фёдоровичу (пресвитеру), Глебову Борису Глебовичу (он совершал тайные рукоположения в незарегистрированных общинах),

Борис Глебович Глебов (1897–1981)

Алексей Фёдорович Исковских (1891–1970)

Ковалькову Ванифатию Михайловичу (впоследствии ушёл во ВСЕХБ). Из старых баптистов были. Последние двое ещё в довоенном Союзе служителями стали.

Борис Глебович сначала убоялся к нам ехать. Не решался рукополагать. Колебание проявил. Возможно, потому, что, побыв с Павлом Афанасьевичем на церковном совете Дедовской церкви, мы изложили им в общих чертах идею созыва съезда. Молодые братья с восторгом восприняли услышанное, а старшие – отпрянули в сторону.

Но на рукоположении настоял пресвитер, старец Исковских:

– Если пообещали, нельзя умедлить. Мы у многих на виду. Не следует давать простор худому мнению, чтобы наше слово безответственным, лживым считали.

После некоторого времени неясности, Алексей Фёдорович посетил нас. Один. Побывал на богослужении, посмотрел обстановку, познакомился с церковью.

Потом уже, в начале 1960 года, приехали двое: Борис Глебович и Алексей Фёдорович. С верующими встретились, побеседовали. Также и с моей женой.

Согласились, чтобы в субботу сначала рукоположили меня, поскольку в моём деле ничего сложного, запутанного или затруднительного не было. А в Сталиногорск наметили поехать на другой день, в воскресенье. Там братья и сёстры Павлу Афанасьевичу тоже полное доверие оказа-

ли. Но Борис Глебович не соглашался. Основной мотив возражения – холост, не имеет семьи. Уверял: «Да он не женат, соблазны будут...»

Я поднял этот вопрос в Сталиногорской церкви, и без всяких затруднений он был доведён до завершения. Борис Глебович не имел никаких доводов в пользу своего субъективного мнения. Все в общине питали расположение к избранному пресвитеру.

В общем, у меня с Павлом Афанасьевичем получилось так, как нередко и в другие годы: пришлось отстаивать. Да и поехать в Дедовск я его пригласил. По моему совету в Инициативную группу, в Оргкомитет, а потом и в Совет церквей его вводили.

Событием, праздником всегда всплывал во мне тот особый субботний день. Борис Глебович рукополагал, а старец Исковских был сослужителем ему.

Единодушие Христовой паствы, её благоприятное отношение ко мне, восторженное восприятие происходящего оживляло силы. Я испытывал знакомую, столько раз повторявшуюся за эти годы работу Духа Святого, когда всё, что есть в тебе покойного, тёплого, бытового, – отодвигается и невидимым способом наполняет тебя другим: решимостью, самоотдачей, полной покорностью Христу, любовью к Нему и Его Церкви!

Торжественной дымкой плыл над нашим гостеприимным молитвенным залом в Родкино густой неторопливый голос с удивительно добрыми интонациями. Алексей Фёдорович, с благолепной бородой, с мужественными морщинами, античным носом и басовитым голосом, стоял, как капитан на судне: прямой, несгибаемый, не ведающий страха перед буйными ветрами и бунтующими волнами. После рукоположения он остался стоять и предложил спеть общим пением известный псалом.

Все поднялись. Он зачитал глубоко проникновенные куплеты гимна. Каждое слово произносил отчётливо, внятно, веско:

Возьми меня отныне
И впереди
По жизненной долине,
Господь, веди!
Не мог бы я тропою
Твоей идти,
Но если Ты со мною, –
Я твёрд в пути.

Я вслушивался, слог за слогом впитывал, полной грудью вдыхал прочувствованные строки, пронизывающие до глубины души и вызывающие сладкие, величественные слёзы. Волнением стиснуло горло. Восторг охватывал меня. Всё – небывалое, так ни на что не похожее...

Воистину нет другой цели пребывания на земле, кроме возможности встретиться со Спасителем, познать Его и служить Ему! В этом смысл существования человечества. Для этого мы и сотворены Богом.

Открой же, Господи, что̀ со всем тщанием и усердием я должен делать, будучи призванным и помазанным служить Тебе, пока ещё длится время дивной благодати!

Ведь служители – это духовные реаниматоры. («Анима» – душа. Реанимировать – значит восстановить душу.) Бог вверяет мне как Своему слуге благословенное служение: в силе Духа Святого возвещать всю правду Евангелия. В точности его исполняя, я не только свою душу спасаю, но и грешника, не оставаясь виновным в гибели того, кто отвергает волю Божью о себе и сам себя делает недостойным вечной жизни (Иез. 33, 6–9).

Жаждал я Божьей милости исполняться Духом Святым (Еф. 5, 18), служить Ему со страхом (Пс. 2, 11), в чистоте и святости ходить под Его водительством. Всем существом желал предстать перед Ним делателем неукоризненным, верой и последовательным служением побеждать мир и не потерять, до конца сохранить всё, что Небесный Отец отпустил мне, что через церковь вверил моему попечению. А Он скзал: «...надеющиеся на Меня не постыдятся» (Ис.49:23).

Четыре несчастья

Нам стало невмоготу собираться на одном месте (у Володиных в Родкино), но мы говорили гонителям: «Не уйдём отсюда». Стоит один раз уйти – всё, уже утратим возможность собираться!

Помню, надо начинать собрание. Только мы вознамерились обсудить, кому, когда слово говорить, – тут появилось человек шесть милиции, дружинников. Спрашиваю:

– Братья, кто из вас готов к служению?

– Брат Геннадий, я готовил проповедь, но как в таких обстоятельствах проповедовать? Ничего не смогу сказать.

Примерно так и другие высказались. Нет, они не боялись. Они готовы были идти на страдания, но в напряжённой обстановке терялись, робели. Я видел, что у кого-то просто мужества недостаёт, другой в таких условиях не знает, что̀ сказать, – по-другому сложен человек, каждого Бог по своему ведёт.

Говорил им: «Братья, нам же ни одно собрание нельзя позволить сорвать! Будем проводить, как Бог на сердце положит».

И брал ответственность на себя. Решительно входил в зал и, направляясь к столу (письменный стол служил нам кафедрой), в мыслях уже подбирал псалом, который хорошо всем знаком. Подойду к столу и тут же призываю: «Братья и сёстры, помолимся!» Как только молитвой откроем богослужение, – сразу начинаю вслух читать хорошо поющийся псалом:

Дорогие минуты нам Бог даровал,
Мы увидели братьев, сестёр,
А Иисус дорогой с нами быть обещал,
Дадим Ему в сердце простор...

Все начинают петь. Затем прочитаю слвово, призову к молитве, все становятся на колени, молятся. Милиция, дружинники пытаются препятствовать – шум стоит. Собрание всё равно продолжается – идёт настоящая война.

Старушки искренне молятся: «Господи, открой глаза этим тёмным людям, они света Твоего не видят, правды Твоей не знают...» А пришедшие кричат: «Чего вы расхлюпались? Что̀? Вам власть плохая?!»

Только закончим молитву, все скажут «аминь», и, если замешкаться, не сразу продолжить, непрошенные гости уже кричат: «Вы не имеете права собираться! Вы нарушаете законы!» и прочее. Это же борьба! Поэтому, как только скажут на последнюю молитву «аминь», немедля поём, например:

Услышь мольбу и вздох души моей,
Хочу Тебя, мой Бог, любить сильней...

Пение закончат, опять надо сказать небольшое назидание и без задержки предложить: «Встанем, будем молиться, преклонив колени».

Все опять склоняются для молитвы, а гонители остаются стоять, как свечи. Стали беспокоить Семёна Давыдовича, хозяина дома:

– Володин, Володин, пойдём выйдем!

И начинают его таскать.

– Крючков, выйдем поговорим.

Я стою. Если хоть раз выполнишь их повеление, когда идёт богослужение, значит, подашь пример всем так поступать, а у гонителей появится желание систематически силой добиваться власти. Ни грамма не уступим!

Они Володина Семён Давыдовича таскали-таскали, никак не могли поднять. А верующие стоят плотно, молятся, кто-то со слезами.

«А-а, расплакались! Москва слезам не верит! Нечего тут плакать, очки втирать!» – насмешки, глумления, выкрики не прекращались.

Под таким прессом стало не в силу проводить собрания. Тем более, что дружинники каждый раз приходили нетрезвые. Прежде чем идти в нашу церковь на погром, соберутся на посёлке «9 мая», зайдут в столовую, а им на культмассовые (то есть культурно-массовые) мероприятия выписывали деньги, рублей по 150–200. Напьются и идут.

Для того чтобы бабушек толкать, нужна особая смелость. И милиция с ними. Так каждый раз. Мы уже взмолились: «Господи, помоги нам!..»

Прошло немного времени, и в одно из наступивших воскресений сразу четыре несчастья постигло тех, кто был причастен к разгону наших собраний: три гроба и оставшийся без кистей рук милиционер.

В те дни жена начальника дружинников попала вместе с сыном под поезд. Недалеко от посёлка «9 мая» проходит железная дорога на Узловую, там есть мост через речушку, на нём всё и произошло.

Потом хоронили ещё какого-то начальника, тоже имел отношение к этой дружине. Гонитель.

И милиционер, который поднимал молящихся с колен: «Вставай! Москва слезам не верит!..»

Пьяный, он упал с электрички, а морозы ночью стояли тридцатиградусные. Он долго пролежал в сугробе, и, как некто сказал, «на отмороженных кистях его рук уже не таял снег...» Так обе кисти и отняли в больнице. Он только одно там кричал: «Бог, больше не буду! Прости, больше не буду, Бог!» Стал работать объездчиком в колхозе (в Родкино). Положит поводья на обе культи и едет нередко мимо нашего молитвенного дома по каким-то своим делам.

Вот так, когда гонения стали совсем невыносимыми, Господь посетил их ударами. И тогда все в один голос заговорили: «Это, наверно, за то, что баптистов преследовали; мы их допекли, и Бог вступился за них». Сразу все разгоны богослужений приостановили. Возобновили их лишь когда усилились всеобщие репрессии.

Изгнание беса

Поскольку мы как служители Божьи печёмся о народе Господнем, то должны врачевать всякие недуги. Молитвой, постом, упованием на Бога и Его силой вызволять души из греховного плена и дьявольского порабощения.

Года за два до начала пробуждения Господь позволил мне, как пресвитеру, участвовать в молитве об изгнании беса. Со мной подвизались в этом нелёгком труде ревностные братья Павел Дорофеевич Голощапов, Юрий Константинович (мой брат).

Это была сестра нашей церкви.

Сначала никто ничего подозрительного за ней не замечал. Она была самым обыкновенным членом церкви, с обычной христианской жизнью. Но затем не только служителям, но и всем верующим очевидно стало, что в ней бес. Он открылся, когда стал повелевать ей писать разные письма, наставления. Неожиданно для себя и для других она начала сочинять целые духовные проповеди, трактаты. Очень красиво составляла. Здравость подсказывала: своим умом так не напишешь. Умная сестра, это мы знали, но всё же...

Всё написанное как бы соответствовало Евангелию, вроде сообразно Слову Божьему было, но о Христе – ни слова! Это имя она умело обходила, никак не упоминала.

Беседовали с ней:

– Как вы пишете эти письма?

– Мне дух говорит: «Бери ручку и пиши». И диктует.

Раз так, второй. Затем начал откровения посылать, предсказывать события, какие с ней произойдут.

Она ходила из дома километра три пешком и там под железнодорожным мостом направо поворачивала. Идёт дорогой, а дух говорит: «Ты сейчас дойдёшь до моста, тебе встретится мужчина, он поднимет палку и, когда будет проходить мимо, скажет тебе вот то-то и то-то». И повелевал: «Ты ему ответь вот так-то». Всё точно сбывалось.

В другой раз она домой возвращалась, и дух ей вещал: «Сейчас придёт твой сын, ему не хватит молока. Он станет с тобой ругаться, а ты ему вот такие слова скажи». Указания давал. (Единственного сына она воспитывала одна, без мужа жила.)

И целый ряд подобных происшествий с ней происходило.

Прежде чем приступить к изгнанию, мы не один день мо-

лились, постились, как заповедал Иисус Христос: «...Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Матф. 17, 21). Лишь потом пришли изгонять.

– Именем Господа Иисуса Христа повелеваем, дух нечистый, выйди из неё!

Сестра эта сама по себе крупная была, плотного телосложения. А мы – трое молодых людей. Мне года 33, Юрию и Павлу Дорофеевичу и того меньше.

Дух не повиновался ни в какую. Женщина корчилась, скрежетала зубами. Потом он ей что-то повелел. Она говорит: «Он сказал, что выйдет только через задний проход...»

Сатана поиздеваться над нами хотел. Смутить, привести в замешательство и командовать нами.

– Да запретит тебе Господь! – приказали. – Замолчи и повелеваем выйти из неё именем Господа Иисуса Христа!

Она как-то вся встрепенулась. Что-то неестественное, утробное послышалось в её выдохе. И замерла.

Отрадный возглас истомлённой души ответной радостью отозвался и в нашем сердце:

– Братья! Я теперь могу молиться!

До этого она не молилась. Не могла. Никак не открывались уста ни для прошения перед Богом, ни для благодарения.

– Какое счастье! Душа моя свободна! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе!

Мы поняли, что бес оставил её. Спокойно и удовлетворённо глядели на её светящееся бесподдельным чувством освобождения лицо. Вся она сияла от глубокой, неисчерпаемой признательности Христу.

Все преклонили колени. Живым потоком лилась из её исстрадавшегося сердца горячая благодарность Богу. Вместе с ней и мы восславили Всемогущего.

После молитвы предупредили, чтобы не допускала сомнений или колебаний и в страхе Божьем проводила жизнь:

– Молись, благодари Бога, радуйся!

Мне как пресвитеру всего один раз пришлось участвовать

в молитве об изгнании беса. Но всегда нужно было бодрствовать, наблюдать: что это, как, почему? Для нас, верующих, тем более служителей, очень понятное дело исцеления, изгнания бесов. Когда мы к этому готовы, молимся и Господь к этому благоволит, – Он непременно услышит, ответит и всё пошлёт. Здесь не надо сомневаться. Сам Христос учил, ответив ученикам на вопрос: «Почему мы не могли изгнать его? Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Матф. 17, 20).

Пасторская обязанность

Господь вёл меня Своим особым путём.

В церкви я прошёл все ступени: был рядовым членом церкви, затем диаконом. Потом избрали регентом, и я влюблялся в свой труд, особенно когда не было серьёзных гонений. Потом стал пресвитером. Это такое служение, от которого не уходят до последнего дыхания. Капитан последний покидает тонущий корабль. А тут гонения, а тут нажим, дружинники, милиция; и надо было ни одного собрания не прервать – паника посеется, не устоим. Что же мы надежду, упование потеряли?

В конечном итоге, когда вокруг уже всё было непомерно зажато, Господь подвиг меня к тому, что надо не по одному Божье дело отстаивать, каждому на своём маленьком плотике выживать. Народ стенает. Много этого народа, много тех, которые не преклонили колен перед Ваалом. И поскольку нас уже вербовали и служители, и КГБ и мы на это не согласились, то что теперь делать? Сидеть? Да не имеют права ставленники извне делать работу в церкви! Надо голос возвысить: «Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе...» (Ис. 58, 1), что погибнем, если не покаемся, если не обратимся к Богу за помощью, – это была моя пасторская обязанность!

Смутны истоки неверности Богу, нечёткой кажется неминуемость Божьего оставления на неверном пути. Оттого трудно бывает найти в себе влечение к жертве, ещё труднее разбудить её в других.

Множество пастухов испортили
Мой виноградник,
истоптали ногами участок Мой;
любимый участок Мой сделали
пустою степью...
потому что ни один человек
не прилагает этого к сердцу. Иер. 12, 10–11

Глава 8

РАЗДУМЬЯ И ПОИСКИ

1.

Если говорить откровенно и предельно точно, то идея создания Инициативной группы по пробуждению народа Божьего была сокровенным делом между мной и Богом. В ответ на искания, скорбь, молитвы и рыдания Бог послал ясность, с чего начинать и как делать (хотя я не собирался заниматься этим сам). Все мысли рождались от Духа Божьей благодати и в точности соответствовали Священному Писанию и здравой логике. Все идеи были пропитаны духом братолюбия ко всем, даже к отступникам, – только бы исправить бедственное положение, в котором оказалась церковь.

Но что самое главное – все планы строились на безумной вере, как сказано в Писании: «Мы безумны Христа ради...» (1 Кор. 4, 10). Да, имея по утверждению Апостола ум Христов (1 Кор. 2, 16), я верил в чудо! Вера всегда строится на чуде. Она не только рассчитывает на осуществление ожидаемого в будущем, но имеет уже сегодня уверенность в невидимом и сейчас реализует обещанное Богом (Евр. 11, 1). Ни на минуту не сомневаясь, я верил: Бог всемогущ! Если Его народ пройдёт через покаяние и сделает так, как повелевает Святое Писание, Господь непременно пошлёт Свою милость и осуществит ожидаемое. У Бога никогда

не было слабого периода, когда бы Он был не в состоянии повернуть ход истории в нужное Ему русло: будь то гонения, тяжёлые режимы или суровые правители. Эти рассуждения вытекали из слов Самого Христа.

2.

Пробуждение церкви должно иметь прежде всего богословские предпосылки. Одно дело теоретически понимать непреложность Божественного обетования: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» и совсем другое – обрести это Богоприсутствие, сделать его практическим достоянием в каждодневной жизни. Одно дело знать букву драгоценного обетования и совсем другое – проявлять на деле полное послушание этому ясному учению Иисуса Христа.

Особенность пробуждения, воздвигнутого Господом в нашем братстве, состоит в том, что оно началось с осознания отступления от истины в первую очередь руководящих работников духовного центра. Через Своё Слово, через Дух Святой Бог открывал, что им первым должно изменить своё отношение к Богу. Если не освятятся несущие служение во святилище, то некому предстоять перед Богом (Исх. 19, 22).

Внимая Слову Господнему, я видел эту часть войска, поставленного для осквернения святилища (Дан. 11, 31). Видел, как люди, обученные тонкостям военной стратегии, осквернили сердце действующих во святилище. Знал, что предстоятели пали, сознательно делая беззакония. Да, они не курили и не пили, но заражены были суммой мерзких грехов, таких как предательство, сотрудничество с уполномоченными и КГБ. Они не имели водительства Божьего, утратили право предстоять перед Господом.

Пять лет длился мой томительный поиск с того дня, когда Генеральный секретарь ВСЕХБ в беседе со мной откровенно признал необходимость делить власть в церкви с врагами Христа. Вопросы громоздились один на другой: почему церковь перестала быть церковью, почему Божий

народ оставлен на глумление миру? Как мы вошли в этот исторический обман? Можно ли исправить ситуацию? Как вернуть Господа к наследию Божьему? Эти мысли поглощали меня всего. Я продолжал нести диаконское служение, старался искренне ходить перед Богом, не соглашался на вербовку спецслужб. Мне было всего 30 лет. И Господь через откровение указывал на грех, разобщивший церковь с Ним. Становилось ясно, что отношения с Богом прерваны систематическим пребыванием во грехе.

И ещё было понятно, что Дух Святой живёт в отдельных душах в среде Божьего народа, но Его нет в руководящих служителях. Наша беда не в том, что мы гонимы сильными мира сего, а в том, что массовым тотальным предательством и сотрудничеством со спецслужбами Бог изгнан из церкви и бóльшая часть Божьего народа введена отступниками в заблуждение. Они не видели и не понимали глубины постигшего бедствия.

Я знал, что Бог жаждет обитать в среде Своего народа. Это Его первое и вожделенное желание. Но Он обитает в сердце тех, кто признаёт Его авторитет абсолютным и Его волю совершенной. «Вот, на кого Я призрю, – говорит Господь: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис. 66, 2). Бог не может руководить теми, кто сознательно делает беззаконие. Слово Божье ясно говорит: «...лицо Господне против делающих зло...» (1 Петр. 3, 12).

Поэтому все основополагающие принципы зарождающегося духовного пробуждения – это результат не сиюминутного спонтанного порыва. Они были вымолены, выстраданы и получены от Господа. День за днём Он всё более открывал мне, что необходимо работать на внутрицерковных путях, искать вину прежде всего в себе, изменять не внешние обстоятельства, а через покаяние и внутренний суд восстановить прерванную связь с Богом.

Для возобновления истинного служения Богу есть один путь: «Испытаем и исследуем пути свои, и обратимся к Го-

споду. Вознесем сердце наше и руки к Богу, сущему на небесах» (Пл. Иер. 3, 40–41). Через покаяние, смирение и очищение Господь придёт к Своему народу и будет действовать Своей всепобеждающей силой. И тогда ни одно орудие, сделанное против святых, не будет успешно (Ис. 54, 17). Все победы могут быть обеспечены только Сущим над всем Богом!

Так в рассуждениях и молитвах накапливался дух веры.

Но через какую форму внедрить эти мысли в Божий народ? Нельзя выходить на этот путь имея лишь дух обличительства. Нельзя просто объявить: «Мы мыслим иначе, чем ВСЕХБ, идите за нами!» – Это самозванство. Осудить грех можно только при общем Соборе всех служителей: и тех, кто отступил, но остаётся у власти, и тех, кто бодрствует. Прочитал 15 главу Деяний Апостолов: «Собрались для рассмотрения сего дела...» (ст. 6). Есть такой прецедент в Слове Божьем? – Есть. Значит, нужен такой Собор, нужен съезд.

А как его собрать? – Через Инициативную группу (такой порядок предусматривало существовавшее тогда Законодательство о религиозных культах. Инструкции по применению Законодательства подробно описывали эту процедуру).

Следующий вопрос: кто может наделить Инициативную группу полномочиями? – Церковь. Значит, нужно изложить церкви назревшую проблему, сообщить, что руководящие служители духовного центра находятся в отступлении, и заручиться её согласием на дальнейшие действия. (Через несколько лет, весной 1961 года, так мы и поступили в нашей Узловской церкви.)

Что же касается ВСЕХБ, то, как сказано об Иезавели: «Я дал ей время покаяться...» (Откр. 2, 21), – следовало не обойти и их, предложив действовать совместно. Когда служители исправят свои пути, тогда и остальные покорятся Богу, пойдут путём освящения, и Он вернётся в среду сокрушающихся и поведёт их верным путём.

Вот так всё это происходило. Постепенно Бог укреплял

во мне мысль о необходимости проведения съезда. Такие представления сложились примерно к 1958 году.

А потом начали теснить враги. Указ за Указом: 1957, 1958, 1959, 1960 годы – на верующих последовал очень жёсткий нажим. Стали массово закрывать общины, а для действующих общин издали «Положение ВСЕХБ» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам».

3.

Бог же ещё при начале движения открывал мне, что без Духа Святого, без Его силы ничто не придёт в движение. Он послал мне удивительное сновидение.

Вижу в кусках породы заготовки больших, примерно с человеческую голову, различных драгоценных поделочных камней. Понимаю, что они должны быть автоматически отшлифованы так, чтобы все грани играли светом. Автоматический красивый станок стоит тут же, всё на нём точно подогнано: вставляй камень, нажми кнопку – и он сам начнёт обрабатывать заготовки, после чего камни приобретут ещё бóльшую ценность.

Понимаю, что это для меня первый в жизни пуск. Из людей никого не вижу, но чувствую, что ответственность за все эти пусковые стенды лежит на мне, я должен их сдать.

Подхожу к пусковому стенду, нажимаю кнопку, а техника молчит, не подаёт никаких признаков жизни. Рассуждаю в себе: это не потеря, я просто не сделал главное – не включил рубильник. А без тока никакая электрическая машина работать не будет.

Этот сон объяснил мне многое: без Духа Святого, без этой невидимой энергии, ничто не придёт в действие. На первый взгляд, есть всё: и заготовки драгоценных камней, и выкрашенные пусковые щиты, и лампочки сигнальные на месте, но автомат не начнёт работать, если не подключён к источнику тока, если рубильник не включён.

Я стал молиться и благодарить Бога, Который открывал мне не забывать главное – Его невидимой силы. Всё зави-

сит от Божьего присутствия! Об этом нужно заботиться прежде всего, к этому направлять всю работу в Его народе.

Первый камень преткновения

Шёл 1958 год. С Якименковым Павлом Афанасьевичем я направлялся в Тулу, в нашу соседнюю церковь. К Владыкину Николаю Ивановичу.

Дело уже к теплу повернуло. Время дождей, грязи, непутной дороги. По весенней распутице башмаки месили раскисшую грязь. Криволучье, где жил брат, – окраинный, дальний район.

Думали навестить Николая Ивановича, да не застали. По делам куда-то отлучился. А дом свой он только начал строить, и с таким расчётом, чтобы в нём собрания проводить. Верующие усердно ему помогали.

(Кстати, по нашей просьбе и по нашему проекту через 10 лет в этом доме переделали крышу, когда возводили «братскую комнату» для Совета церквей.)

Сколько шли к дому Николая Ивановича, столько и беседовали с Павлом Афанасьевичем. Мне хотелось всегда всё делать сообща. И вот ему первому и единственному до того дня решился открыть свой созревающий замысел. Высказал всю непокинутую, вынашиваемую и даже обретающую всё более определённые черты затаённую идею:

– Павел! Замечаешь ли, что

В этом доме Владыкина в 1969 году в мансардной части была оборудована «братская комната»

положение в церкви гибельное, что ВСЕХБ не представляет Божьего народа, что его работники в согласии с властями ведут дело к полному разладу, разрушению церкви? (Разговор вёл года за два до выхода «Инструктивного письма».) Даже по простой логике возникает не дающий покоя вопрос: можем ли мы считать, что за предателями остаётся право решать судьбы дела Божьего? Бог хочет присутствовать в Своём народе и совершать Своё дело, ибо Он – Бог действующий, живой. Но Он хочет это делать через тех людей, которые угодны Ему.

Тогда я не себя выставлял, а желал только сделать то, что Бог полагал на сердце, делился с ним самым сокровенным:

– А что, если нам посредством съезда призвать весь народ Божий к бодрствованию, обратиться ко всем церквам?

– Знаешь, я с Колей Ермоловым говорил (верующий из Ферганы, с которым Павел в дружбе был), и он мне рассказывал, как по причине столкновений с пресвитерами, которые кто в блуде был, кто с уполномоченным тесно связан, в Ташкенте, в Орджоникидзе (Владикавказ), в Баку верующие вышли из ВСЕХБ. Конфликтовали с руководством, и общины разделились. Решили создать союз, но из этого ничего не получилось. В Ташкенте из церкви в тысячу членов вышло семьсот человек, однако вскоре всё распалось. У них даже среди отделившихся была очень конфликтная ситуация. Храпов Николай Петрович в то время остался всего с несколькими членами церкви,

Внутренний вид «братской комнаты» для совещаний СЦ ЕХБ

17 человек. Потом Храпова посадили. Подобным образом обстояло дело в Орджоникидзе, Баку.

Слушал я его и недоумевал: отчего же всё так плачевно завершилось?

Впоследствии выяснил. Оказалось, эти общины и с места не могли сдвинуться в создании какого-то союза, потому что совершенно не понимали атеизма и под каким контролем спецслужб находится церковь. Они откровенно написали своим знакомым служителям, которые отделились: «Не собраться ли нам обсудить общую программу объединения?» В открытую вели переписку: «Мы должны съехаться».

Кто же так делает? У них совершенно отсутствовало представление о конспирации. Если бы они сознавали, в какой действительности живут, то хотя бы втайне начали что-то делать. В тюрьме или лагере всё понятней: колючая проволока, обыски, слежки, а здесь... всё на просмотре, всё насквозь продано! И прежде чем они съехались хоть на одно совещание, власти всё узнали, их письма сразу попали в КГБ. Они передали их уполномоченным, а те – областным пресвитерам: они же у них доверенные. И пресвитеров предупредили: «Вы что, собираетесь на съезд или что-то ещё думаете делать?»

Пришлось срочно телеграфировать друг другу, что обо всём стало известно: уполномоченный знает, областные пресвитера знают. Так всё это и умерло, не родившись.

Спросил Павла:

– Ну и как ты смотришь на моё предложение?

А он:

– Да как? Думаю, что из этого ничего не выйдет. Что это даст?

– Может, просто отложить всё до лучшего времени? Или вообще не заниматься?

– Кто знает...

По духу он считал всё правильным, разумным, но только не верил в возможность воплощения в жизнь.

Неувенчанный поиск

Кампания по массовому закрытию храмов, церквей, молитвенных домов развернулась в нашей стране ещё до 1959 года. Начиная с 1957 года почти каждые полгода опубликовывали новый закон, ущемляющий права верующих. Среди них был, например, закон об обложении налогом священнослужителей монастырей и, если таковой не оплачивался, – предусматривалось прекращение их деятельности, за исключением узкого круга культовых учреждений. И много других, подобных этому, законов.

Глядя на это, я лично рассуждал так: пусть гонения идут полным ходом – они послужат к славе Божьей, лишь бы церковь была чиста! Но если Божий народ живёт в послушании миру и не осуждает предательскую деятельность официальных служителей, – то нам нужно ожидать от Бога не помощи, а жестокой кары, не защиты, а справедливого возмездия.

Неотступное желание Божьей силой противостать развёрнутому наступлению атеизма на церковь – теснило грудь, а сердце наполняла глубокая вера: Господь непременно сокрушит восстающих на Божий народ, но для этого с нашей стороны должны последовать конкретные угодные Ему шаги. Нужно предложить выход из создавшегося положения, каким мог стать съезд, на котором можно было совместно обсудить назревшие проблемы.

Забота об общем деле поглощала меня полностью; я не мог от неё освободиться, да и не посмел бы: боялся Бога, старался найти в Его Слове полноту откровений, жаждал водительства Духа Святого.

Понимал: надо искать братьев, хоть одну седую бороду найти, спросить: «Братья, как оно во всей правде было? И как это отступление случилось? И почему? Может быть, мы чего-то тут недопонимаем?» И слышал в ответ: «О, милый мой, тебе ещё рано об этом».

Когда года за полтора до образования Инициативной

группы мы поехали с Павлом Афанасьевичем в Дедовскую церковь (по тем временам она вела активную духовную жизнь), там неожиданно решился вопрос нашего рукоположения. Тогда же мы попали на их братский совет. В числе других в него входили Румачик Пётр Васильевич, Рыжук Василий Феодосьевич (молодые проповедники).

На этом братском совете я изложил свои размышления о пробуждении церкви, идею о созыве всесоюзного съезда церкви ЕХБ для разрешения внутрицерковных вопросов. Они внимательно выслушали, и некоторые сразу насторожились. Порассуждали между собой и ответили: «Мы посоветуемся с Глебовым Борисом Глебовичем и Ковальковым Ванифатием Михайловичем. Они братья опытные, работали ещё в старых союзах, участвовали в прежних съездах. Тогда и скажем вам своё мнение».

Прошло время. Маститые служители, к которым обратились за советом, обменялись мнениями между собой и шарахнулись от нашего предложения, как от чумы. Дали такой совет: держитесь подальше от таких идей! Тут, мол, только за одну попытку высказать эти мысли можно схлопотать такое, что ой-ой-ой! Тюрьмы не избежишь!

Молодым тогда я был, и очень хотелось делать всё сообща с искренними, бодрствующими служителями. Я искал с ними встречи. Особенно льнул к старцам – у них устои прочные, взгляды сложившиеся, а когда убеждения соответствуют истине, что может быть лучше для Божьего дела? Другое дело, если они не согласуются с Божьей правдой. Попробуйте старика перевоспитать – безнадёжно.

Поэтому, встречаясь с опытными служителями, я прежде всего стремился выяснить, как они смотрят на состояние церкви ЕХБ. Подходя беседовать с ними, делал это не с хитростью или лукавством, а с искренним желанием узнать их независимые суждения. Если видел, что у брата верные взгляды, – был готов в некоторых чертах открыть намечаемые планы. В своём роде я как бы исследовал их внутренний мир. Если же чувствовал: болен насквозь – шёл дальше.

Вот так обстояло дело.

Подошёл к уважаемому в Дедовской церкви служителю:

– Борис Глебович, в связи с массовыми гонениями, как вы находите нужным вести Божье дело? Есть такие суждения, что сейчас необходимо возвысить голос в защиту истины, обличить беззаконие внутри церкви, а также открыто говорить о преследованиях за веру. Но есть и другое мнение: переждать. Как вы полагаете?

А он ростом выше меня, солидный такой, стоит и поверх моей головы куда-то смотрит:

– Что ты, дорогой брат! Сейчас нужно только затихнуть, исчезнуть. Кричать в это время – самое безумное дело. Голову снимут. Бог Сам усмотрит, как поправить дело.

Это происходило после того, как он с Алексеем Фёдоровичем Исковских рукоположил меня на пресвитерское служение в Узловской церкви. Поэтому во время этого разговора он поинтересовался:

– Ну как, брат, поживаете?

– Слава Богу! – ответил.

– Что ж, хорошо, что слава Богу. Если возникнут трудности, обращайтесь, окажем помощь.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, юридическую помощь, разъяснения какие-то дать...

Так мы побеседовали. Вижу, убеждения у него прочные, он же не молодой человек. Да и вёл он себя тогда соответственно сказанному: одно собрание побудет в Дедовской незарегистрированной общине, а на другое идёт во ВСЕХБ. Расставаясь с ним я сказал: «Тогда не удивляйтесь, если увидите, что кто-то в ином, противоположном духе действует...»

Отправился в город Горький (это было чуть позже, когда наши Послания уже разошлись, но братство ещё не разделённое было). С пресвитером познакомился, с Иваном Олимповичем Руновым. Старец. Картинный такой, представительный, с благолепной патриаршей бородой.

И диакона посетил. В общих чертах изложил ему суть

дела. Достал Послание, предложил почитать. Он молча слушал меня и так же молча знакомился с Посланием. А когда дочитал до конца, поднял голову, всё так же молча взглянул на меня, подошёл к книжному шкафу, открыл старинный журнал – там большая фотография съезда Волго-Камского Союза 30-х годов. Произнёс обречённо, с полным крушением надежд:

– Вот посмотри, дорогой, на них... – А сам стоял высокий, мощный, да и весь его образ широкий. – Внимательно посмотри. Они тоже хотели что-то сделать. Видишь, сколько их было?! А где они? В Сибири! В земле! Единицы остались в живых!

Полыхнул тёмными глазами (я стоял перед ним молодой, роста не выдающегося, очень худой), впечатлительным взмахом развёл в стороны руки и звучно выдохнул:

– Не знаю... Если только уже через ничто Бог хочет делать Своё дело! Через никого...

Так откровенно подвёл итог разговору. Мы только вдвоём с ним в комнате оставались.

Ну и всё. Никаких бумаг не взял, никакой надежды оказать поддержку не подал.

Я обращался то к одному, то к другому служителю – всё без результата.

Жизненное сопротивление всегда упорно тормозит исполнение угодных Богу замыслов. Не ожидал я такого отказа от опытных, седовласых. Надежда на людей повисла ни на чём. Но уверенность в Божьей силе и в нерушимости Его истины не позволили мыслям о движении расплыться в сомнительной целесообразности.

Заместительный съезд

Что же сделала в это время молодёжь Дедовской церкви, услышав, какие мы предложили вопросы на их церковном совете, а служители эту идею не приняли? Они сказали: «Это старшие не хотят, а мы – молодёжь – полны

энергии», и созвали свой молодёжный съезд. Назвали его Всесоюзным молодёжным совещанием.

Собрались в доме Рыжука Василия Феодосьевича. На повестке дня вопросов 13-15. Председательствовал на общении Румачик Пётр Васильевич. Мы с Павлом Афанасьевичем присутствовали в качестве гостей (единственные из всех рукоположенные пресвитера).

Приехало человек 12 (с нами в том числе): Вениамин Мельничук из Киева, отрабатывающий после института в Горьком, Лида Черняева (в замужестве Циорба) из Казани, Иосиф Бондарь из Средней Азии с пятидесятническим уклоном, четверо из Дедовска, Люба Полоскова из Ленинграда, Гармашёва из Ташкента. Она привезла стих Храпова, специально написанный им для этого общения. Сам он приехать не смог. Вскрыли конверт, и одна из сестёр торжественно прочитала:

Привет вам, Христово цветущее племя,
Рождённое в бурях великой судьбой!
Вас грозно встречает последнее время,
Зовёт на последний, решительный бой.

Повестка дня содержала такие вопросы:

– что может делать молодёжь сегодня;

– в церкви всегда есть пожилые сёстры – нужно пойти к ним, дрова наколоть или огород вскопать, в доме убрать;

– если какие старички находятся при смерти, а у них остаются Библия, песенник, нужно, чтобы эти книги не попали неверующим родственникам, а вовремя взять, переплести, кому-то передать;

– надо иметь свою кассу для посещений.

И другие подобные вопросы.

Конечно, делать это всегда необходимо. Но я помыслил: «И это всё, что оставили для молодёжи?! Всё, чем она занимается из того главного, что поручено Господом?!» Моё сердце горело другим: призвать пресвитеров к покаянию, призвать их к ответственности за церковь, за судьбы Божьего дела.

И здесь меня объял ужас, я понял, что даже и разъяснять ничего не стоит. Разве расскажешь всё, чем душа переполнена? Тем более, что там я много не говорил.

Мы отсидели день и ночь, а я плохо это переносил, у меня тогда нередко возникала жуткая головная боль, с питанием всегда было плохо, я постоянно был в поездках, в посещении верующих. Внезапно я почувствовал, что уже почти теряю сознание, сил нет, а ещё надо на работу успеть в Узловую (причём ездили мы всегда на личные деньги). Настало утро, рассвело, я совершенно обессилел и отчётливо понимал, что все поднятые вопросы далеки от того, чем наполнено моё сердце.

Когда всё закончилось, я подошёл к Петру Васильевичу: «Понимаете, хоть это совещание прошло, и вопросов ставили много, и проблем обсуждали много, но как-то всё это не то. Никто не понял, что съезд должен быть другой, что нужно созвать служителей Союза, следует менять всю ситуацию, которую только пресвитера могут изменить. Что молодёжь изменит?..»

На это он ответил, что они решили сделать то, что в их силах, и всё. Я ещё не знал, что они провели это совещание фактически как заместительный съезд.

Когда же ближе познакомился, спросил: «А как возникла сама идея съезда?» Мне пояснили: «Мы так подумали: если наши старики не берутся, а наша Дедовская церковь считается всё-таки неким центром незарегистрированных общин, то сделаем всё сами, проведём такой съезд...»

Поездка к Храпову Н. П.

Спустя несколько месяцев после проведённого молодёжного общения в ноябре 1960 года у меня оставалась ещё одна надежда – Николай Петрович Храпов. Именно там, в Дедовске, я услышал его проповедь, записанную на магнитофонную кассету (Василий Яковлевич Смирнов приобрёл катушечный магнитофон).

Проповедь мне понравилась. Подумал: если человек отсидел срок и остался верным Богу, значит, можно предложить ему стать участником нашего дела. Посланий мы ещё не писали и намеревались формировать Инициативную группу с привлечением Храпова. К нему я просил поехать Павла Афанасьевича Якименкова: «Посети Николая Петровича. Я его только по слухам знаю. Говорят, хороший брат, неоднократно судимый за веру в Бога, очень умный. У тебя сейчас отпуск, поезжай...»

Шёл январь 1961 года.

Павел Афанасьевич поехал. Они встретились, поговорили.

«Не знаю, я Николаю Петровичу объяснил о наших делах, об Инициативной группе, о том, что нужно начать общую работу. Но он, наверно, ничего не понял, да я и сам не знаю, как ему объяснить толком, – сообщил он, вернувшись. – Никакой беседы фактически не получилось. Ничего, наверно, я ему не сказал, да и не мог ничего вразумительно изъяснить. Последовательно не помню всего. Это тебе Бог такую заботу на сердце положил.

Потом, когда мы разговорились, у нас вся беседа сбилась на то, как рукополагают евангельские и как баптисты, – кто правее. Он настаивал на том, что рукоположение, как эстафета, передаётся ещё с апостольских времён, на нас апостольское помазание. Я не во всём мог согласиться с этим. Поезжай ты к нему. У меня с ним ничего не получилось».

Как выяснилось, ещё в начале разговора Храпов затронул вопрос о рукоположении, о помазании, что всё это передаётся наследственно, преемственно от одного к другому и во все века от дней Апостолов ни разу не прекращалось. Таким образом, всё их общение сошло на обрядовое, на начатки учения, а главный вопрос: состояние Божьего дела в стране и выход из кризиса – остался в стороне.

В марте мне предоставили отпуск, и я поехал к Николаю Петровичу, но увы не застал дома: 16 марта 1961 года его арестовали. Хотел встретиться с его семьёй, с женой Елиза-

ветой Андреевной, а мне сказали, что её тоже нет, она в роддоме. Побыл тогда у Кораблёва и поехал обратно ни с чем.

Сначала я не видел, что Бог ограждает меня. Как и мой брат Юрий не сразу мог понять: «Как это так?! За неделю до начала движения такого брата арестовали, Павла Афанасьевича! Ведь он так нужен! Почему это произошло?» А потом и он понял почему.

Делая попытки передать идеи пробуждения церкви другим, я сознавал себя очень молодым для такого дела, неопытным. Но во мне началась переориентация. Какая? Я нашёл себя в образе отрока Самуила: Господь действует в моей душе, зовёт, даёт поручение, а я – внутренне смущён и не готов. Иду, как малый Самуил, ищу священника Илия и спрашиваю: «Ты звал меня?»

Передал идеи братскому совету Дедовской церкви – они их не восприняли, а молодёжь провела свой «съезд», не в состоянии понять масштабы духовного бедствия, в каком находилась церковь.

Направился к Храпову Николаю Петровичу – не застал дома, его арестовали. Везде заслон.

Господь отрезал меня от всех: Дедовск, Горький, Храпов... Для меня только впоследствии открылось, что Бог Своей рукой останавливает, а я всё ищу братьев-старцев. Я увидел, что Он по-другому хочет вести дело и показывает, что эту работу мне нужно начинать самому, при всех обстоятельствах слушая Его больше, нежели людей. Пришлось браться за дело. Так всё и пошло и пойдёт у каждого, если Бог кого-то избирает.

Искусительное предложение

Последние годы перед началом пробуждения я был очень занят церковным служением, всё свободное от работы время – собрания, поездки: искал умудрённых опытом и сильных духом старцев.

Мне было нелегко: семья прибавлялась, нужды росли,

а зарплата оставалась та же. Иногда я мог бы что-то купить, к примеру 150 г колбасы, но такая роскошь была, как на праздник. Обычно я брал на обед 15–20 копеек и иной раз заходил в рабочую столовую. Куплю полпорции первого, а там и смотреть не на что. Рядом со мной товарищи берут первое, второе, сметанки, водочки. А мне стыдно, что беру всего полпорции щей и кусочек хлеба. При этом всё сопровождалось шутками, насмешками. Одно дело я спиртное не употребляю, а другое дело – есть почти нечего. Почему с насмешками? Потому что знали меня как баптиста, имеющего большую семью, для них это необычно.

Поэтому на обед я, как правило, не ходил. Неделю деньги собирал, хотя у самого, когда возвращался домой, от слабости голова кру́гом шла. Случалось жена говорила: всё, денег нет. А я за неделю рубль–два сэкономил, отдавал ей, и уже можно что-то купить, продержаться до аванса или до следующей получки. Признаюсь, это меня не тяготило, я жил другими заботами, ни о чём другом не думалось, как о Божьем деле. На этом Господь тоже испытывал моё сердце.

К тому же у нас много напряжённости было в церкви, в том смысле, когда милиция, дружинники приходили для разгона богослужения. В это время нельзя ни одно собрание отменить, ни на секунду сдаться. Пока я в борьбе, в напряжении, – чувствовал себя превосходно. Но как только всё кончалось, собрание разошлось, ушли последние чекисты, – сразу чувствовал резкую головную боль.

И тут мне на работе предложили инженерную должность. Сначала я не понял, что̀ это за жест со стороны начальства: зарплата должна увеличиться втрое, в квартире поставят телефон. Но рабочий день – не нормированный, в воскресенье я должен находиться или на работе, или дома у телефона, на случай, если произойдёт авария на шахтах, – тут же выехать. Словом, всё время привязан к работе. Цель гонителей была одна: не дать

нам проводить богослужения, привязать к работе, а без служителей легче расправляться и разгонять Божий народ. Думаю: ни в коем случае! Как бы заманчиво ни выглядела возможность улучшить материальное положение семьи (мы действительно жили очень скромно), но оставить церковь на растерзание я не мог и от предложения отказался.

Отказался я и от предложения родного брата строить рядом дом: «На это уйдёт минимум три года; у меня денег – ни копейки: с чего начинать? Все вечера будут заняты. Вместо того чтобы поехать на дело Божье, я буду хлопотать на своём участке. Тесно, но буду жить в квартире», – решил я.

Загадочные обстоятельства

После того как я высказал братскому совету Дедовской церкви свои рассуждения о съезде, они пошли за советом к своим старым служителям: Глебову Борису Глебовичу и Ковалькову Ванифатию Михайловичу. Василий Феодосьевич Рыжук и другие считали их старшими братьями, без них ничего не делали в церкви. Ковальков жил в одном доме с Моториным Иваном Иудовичем. Их жёны – сёстры между собой. Таким образом, Ванифатий Михайлович вместе с Борисом Глебовичем делились обо всём с Моториным, который занимал в то время пост председателя исполоргана Московской церкви ВСЕХБ.

Когда они узнали нашу идею, вне сомнения, сразу отнесли её (в основном Ванифатий Михайлович) Моторину и другим служителям ВСЕХБ. Главное, они настолько испугались, что посоветовали братьям Дедовской церкви «держаться подальше от этой "чумы"». Поэтому, если спросить: знали власти о наших намерениях или нет? – думаю, могли знать, но не во всё верили. Это же происходило за целый год до начала движения, никто и мысли не допускал, что из предложенных рассуждений Божьей милостью ра-

зовьётся такое благословенное движение пробуждения.

Оно ещё не началось, а власти уже пристально наблюдали за мной. Домой я обычно возвращался в двенадцать или в час ночи, редко раньше. Мы тогда молитвенный дом в Родкино восстанавливали, и как раз в это время у нас были намётки инициативного движения.

После работы мы постоянно задерживались в Родкино в доме Володина Семёна Давыдовича и возвращались оттуда пешком сначала вдоль посадки, а потом километра три пустынным полем. Были моменты, когда я и на мотоцикле уезжал оттуда, иногда с Лидой (женой), иногда один. Дорога там ведёт к переезду, где 3-я Узловая.

В очередной раз шёл я по этому абсолютно безлюдному полю, всё казалось тихим и спокойным. Неожиданно откуда-то послышались голоса. Вижу в стороне, в поле, стоит «Волга» на расстоянии приблизительно 50 метров. Мелькнул огонёк. По доносившемуся говору – одни мужчины. В этом поле днём никогда никого не бывало, а тут ночью... Что-то неладное происходило.

Послышался шум мотора – меня догонял грузовик.

«Может, он связан с ними», – промелькнула догадка. Я поостерёгся, хотя тут никуда нельзя было спрятаться, тем более, если наблюдают. Когда высветят тебя на каком-нибудь открытом поле, тогда остро чувствуешь, что̀ значит быть преследуемым охотниками.

Помолившись, я двинулся бегом вперёд, машина ещё достаточно далеко была, и очень вероятно меня могли не заметить, хотя фары светили ярко. А дорога там ухабистая, грузовик двигался медленно. Я побежал к переезду. Пока спешил, не увидел, приостанавливалась ли машина или нет и куда повернула. Но удалиться я успел.

Трудно сказать, что̀ тогда происходило. Вполне возможно, меня просто могли убрать. Эти обстоятельства так и остались загадкой.

Потом и другие моменты замечал. Однажды в посадке даже днём дежурила машина.

И началась беспримерная в истории, мужественная борьба горстки верных Богу людей с укоренелым вековым отступлением церкви от евангельских принципов.

«Они пошли со слезами,
а Я поведу их с утешением;
поведу их близ потоков вод дорогою ровною,
на которой не споткнутся...»
Иер. 31, 9

Глава 9

БОЖИЙ НАРОД! ВОССТАНЬ ИЗ ТЬМЫ

Церковь благословила на служение

Гонения повсеместно набирали силу. Даже в соседней Московской области такая ревностная церковь, как Дедовская, считавшая себя неким центром незарегистрированных общин, решила прекратить собрания в одном доме (Пушкинская, 11) и стала собираться группами по разным местам.

Тульскую общину я посещал раза два, познакомился с братьями. У них были два старца служителя, верующие считали их очень мудрыми, хорошими. А они всё мечтали: вот если бы нас зарегистрировали! Один из них ездил в Москву к Жидкову и говорил: «Наша община очень старая, у неё такая богатая история, нам бы только не нарушать законов, и может нас зарегистрируют...» При этом жалобно-сокрушённое выражение его лица совсем не вязалось с мерцающей сединой, резкими крупными морщинами, прямыми и упрямыми губами – с фигурой, производящей впечатление умудрённого жизнью священнослужителя. Годами ожидали регистрации...

А потом, когда начались хрущёвские гонения, вообще перестали собираться. Лишь одна наша община стояла твёрдо, отстаивая своё право служить Господу. Хотя это стоило многих трудов. Нас преследовали, били, нам угро-

жали, но мы духовно процветали. Фактически Узловская церковь оставалась малым уцелевшим островком среди множества общин, растерзанных смерчем гонений. Вот тут-то мы и задумались. Покончат недруги с зарегистрированными общинами и обратят пристальный взор на нас. Бросят всех за решётку – и с организованными религиозными обществами будет покончено, сатана нанесёт ущерб всему Божьему народу.

На членском собрании (около 100 членов) я готовил церковь:

– Братья и сёстры! Чтобы нам выстоять, нужно со всеми святыми обрести одно сердце и именно тут проявить то единство, о котором написано: «Да будут все едино...» А сдаться всем вместе властям – такое единство никому не нужно. Христос молился: «Как Я в Тебе, и Ты во Мне... – то есть в исполнении Божьей воли, в соединении духа с Ним – ...так и они да будут в Нас...» Значит, и нам следует таким же образом слиться воедино со всеми споспешниками истине в исполнении святой Божьей воли. Вот какое единство Спаситель ожидает от нас!

Через небольшой промежуток времени опять оставили членское собрание. На нём речь шла уже о более определённом предложении:

– Что-то надо, братья, сёстры, конкретное делать. С болью наблюдать сокрушение христианских устоев – недостаточно. Мало иметь верные мысли – нужно проявить стремление осуществить их. Необходима общая молитва, совместное противостояние, следует подготовить какое-то обращение к Божьему народу. Вы согласны, чтобы мы подключились к общей духовной работе, проводили необходимые организационные мероприятия? Важно молиться и действовать со всеми святыми, иначе и к нам придёт беда.

Церковь, хотя и в гонениях, но по милости Божьей была на большом духовном подъёме и при абсолютном согласии выразила свою волю:

– Братья, наше согласие есть. Мы с радостью благословляем вас! Дай, Господь, вам мудрости и силы осуществить то, к чему Он вас побуждает. Вы у нас спрашиваете, но не нам же этим заниматься, а вам, братскому совету. Вам Бог полагает на сердце эту заботу.

– Слава Господу! Так и будем считать: вы поручаете нам заботу об общем Божьем деле.

Членское собрание в единодушии и даже со слезами закрепило своё согласие молитвой.

Учитывая обстановку, нельзя было в церкви открыто объявить, что будем приступать к созданию специальной группы по созыву съезда, иначе недруги тут же пресекли бы это святое начинание. Приходилось всё это учитывать, потому что ещё 5 лет назад я стал подвергаться вербовке КГБ и церковников. А когда Карев откровенно признался: «У нас всякое мало-мальски заметное служение связано с обязательствами», то есть «мы все агенты КГБ», – это побудило к осторожности и легло в основу того, что всё, что мы намерены делать, следует совершать, не разглашая никаким пресвитерам, никому, кроме самых близких и надёжных людей. Это стало методом подготовки Инициативной группы. Даже в своей церкви приходилось просто объяснять: «Вы согласны, братья и сёстры, чтобы мы организовали какую-то всеобщую работу, потому что мы призваны молиться со всеми святыми, стараться "о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых" (Еф. 6, 18)?»

С некоторыми братьями я предварительно разговаривал на эту тему, только всех секретов не раскрывал, чтобы не стало известно властям. В то время наш церковный совет составляли: Иван Алексеевич Афонин, Семён Давыдович Володин (хозяин дома), Павел Дорофеевич Голощапов, Вася Морозов. А Павел Афанасьевич Якименков не состоял в нашем братском совете: года за полтора до начала движения он перешёл из Узловской в Сталиногорскую (Новомосковскую) общину. Она была духовно разбита, и он

пытался наладить в ней духовную работу. Там его и рукоположили.

Собрались мы после членского собрания церковным советом. Говорю: «Братья, поскольку церковь доверила нам заботиться о Божьем народе, давайте решать, кто и как будет это делать?»

Павел Дорофеевич откликнулся сразу: «Правильно, братья! Предпринимать что-то нужно. Но ведь этим же вам заниматься, не нам. Мы, если нужно, всегда готовы поддержать, а так, какие мы работники? Вот вы, брат Геннадий, ну Иван Алексеевич, и занимайтесь».

В то время Иван Алексеевич Афонин только вернулся в церковь из отпадения, Юрий Крючков, мой родной брат, стал первые проповеди говорить. Но братский совет был весь единодушен.

А разглашать о предпринимаемом деле не приходилось, потому что будешь много высказывать – быстро всё долетит до Москвы. Вся работа шла секретно. Бог дал так, что мы тайно сумели всё приготовить, без шума развернуть работу, не привлекая к себе лишнего внимания.

Первая встреча с Прокофьевым А. Ф.

Знакомство наше состоялось в июне 1961 года на второй день Троицы. Не помню точно на какую квартиру, но приехал он сначала в Новомосковск. Туда его привёз Афанасий Иванович Якименков (отец Павла Афанасьевича, живший в деревне Десне в 20 км от Москвы). До этого никто из местных братьев и членов церкви Прокофьева не знал и не видел. Алексей Фёдорович был тогда разъездным нелегальным проповедником. На

А. Ф. Прокофьев

него завели уголовное дело за совершённое им крещение, после которого крещаемая якобы заболела. Он скрылся и посещал церкви и отдельных верующих не только Донецкой области, где жил, но и многие другие места. И когда приехал в Десну, Афанасий Иванович говорит ему: «Что мы?! Вот есть молодые братья, такие соколы, орлы! – мой сын Павел в Новомосковске, Геннадий в Узловой. Тебе надо обязательно с ними увидеться».

Так Алексей Фёдорович оказался в наших краях.

Прокофьеву как гостю предложили сказать в церкви слово. Остался в памяти рассказанный им стих, один из куплетов которого:

Хочу одно! Одно хочу:
Гореть, сгорать, сгореть!
Тогда орлом я полечу и раны ближних залечу –
Ах, так бы умереть!

Продекламировал с выражением, с чувством. Высказал некоторые мысли о том, что надо стоять в истине. Рассказал о своих взглядах. Так прошло наше знакомство.

Видим, брат производит впечатление человека ревностного, искреннего. Пригласили его на богослужение в Узловую. Там он тоже проповедовал, потом собрался уезжать. Услышав его пламенную проповедь, увидев в нём человека горящего духом, я переговорил с Павлом Афанасьевичем:

– Павел, нам всё равно вскоре придётся выходить на открытое служение и нам нужно будет много братьев, мы ведь собираемся рассылать Послания по всей стране. Может, поставим его в известность? Без поддержки других искренних верующих нам не обойтись.

Прокофьев оживился:

– Братья, я готов! – И с огромным желанием подключился к проводимой нами работе.

Ко времени приезда Алексея Фёдоровича в Узловую работа по подготовке призыва к Всесоюзному съезду церкви ЕХБ велась полным ходом. Получив в апреле принципиальное согласие церкви и её благословение на святое дело,

братья в свободное от работы время собирались в Родкино в доме Володина Семёна Давыдовича и проделали за это время огромную работу: уже было написано Послание работникам официального ВСЕХБ (я писал его сам), составлены основные наброски Послания к церкви ЕХБ.

Поделились с Алексеем Фёдоровичем нашими планами: «Предстоит ещё изложить в обращении к верующим вот то и то, поработать над этим и этим».

Он сразу предложил: «Я могу помочь». Поэтому Послание к церкви мы дорабатывали с участием Прокофьева. Он стал переписывать наши наброски, добавлять свои и очень «рогатую» вещь представил. Посмотрели, говорим: «Придётся резать, по куску отпиливать». Раз переделали, второй. Потом всё совместили, так продвигалась наша работа.

Алексей Фёдорович говорил мне тогда:

– Откуда ты всё это берёшь: Инициативная группа, Оргкомитет, съезд? Где ты всему этому учился? Для меня существует только Библия и больше ничего не надо.

Ответил:

– Нужно знать законы страны и, чтобы защищаться от юристов-лжесловесников, следует самим быть не меньше этих юристов, знать не только Слово Божье. Мы же не скажем: «Пустите нас в трамвай бесплатно, мы едем с Библией». Нам резонно укажут: «Билетик возьмите». На работе нам нужен паспорт. Мы же живём в обществе, в котором существуют свои законы. Вот даже по Библии надлежит платить подати. Но ведь подати долларом не заплатишь – динарий нужен. Значит, в каждое время свои меры, свои нормы.

А сегодня как мы Божьему народу объясним, что отныне мы хозяева положения в церкви, мы лучше ВСЕХБ и Богом поставлены? Нас спросят: «А вы с братьями побеседовали, с церквами посоветовались?» А как собраться для решения назревших вопросов? – Нужен съезд. Кому взяться за его созыв? – Должны быть какие-то инициаторы. Это же законно, именно так поступают во всех подобных случаях.

И если уж ВСЕХБ откажется, Инициативная группа преобразовывается в Оргкомитет по подготовке съезда, и когда он соберёт более 2/3 представителей, то прежнее руководство должно быть распущено и все решения такого съезда будут абсолютно верны. Нужно идти этим путём? – Нужно.

Так приходилось объяснять Алексею Фёдоровичу наши шаги. Но заметно было, что всё это трудно воспринималось.

Юрий Константинович о событиях, предшествующих открытой работе Инициативной группы

Помню, шли мы с Геннадием в Родкино и он поделился своими сокровенными мыслями: «Сейчас положение в церквах – кризисное... Надо что-то предпринимать...»

Тогда по общинам ВСЕХБ разослали «Инструктивное письмо старшим пресвитерам» и «Положение о Союзе ЕХБ в СССР», но мы не знали о существовании этих документов. Они действовали в церквах и вызывали бурную реакцию: если кто-то возражал, – их судили. Сумеют кого-то из несогласных запугать – они замолчат, а если не замолчат, – получали срок. Ни в одной церкви нельзя было поднять головы, тут же предавали свои служители, расставленные по церквам уполномоченным и ВСЕХБ.

Прошло некоторое время, Геннадий приходит ко мне с Павлом Афанасьевичем. Мы стояли в комнатке, и он спросил:

– Ты помнишь наш разговор по дороге в Родкино о кризисном положении в церквах?

– Помню.

– Мы решили обратиться с воззванием ко всем верую-

щим, чтобы церкви объединились и противостали злу...

Дух во мне возликовал:

– Конечно я «за»! Всей душой поддерживаю эту идею. Только мы не можем обратиться сразу к Божьему народу. Нужно соблюсти порядок и обратиться сначала ко ВСЕХБ, чтобы мы имели и моральное, и юридическое право на дальнейшие действия.

Павел Афанасьевич стал противоречить:

– Да им уже сколько раз говорили! Их и обличали, им и указывали. Это всё бесполезно...

Геннадий ничего не говорил, возможно, у него это уже было в плане. Во всяком случае, вскоре мы приступили писать первое «Послание к церкви ЕХБ». Каждый день собирались в Родкино, рассуждали, подправляли, добавляли, молились. Обращение ко ВСЕХБ Геннадий писал сам.

После того как молодёжь Дедовской церкви провела осенью 1960 года всесоюзное совещание, оно стало как бы отвлекающим манёвром, хотя мы никакого манёвра не планировали. Лишь потом, сопоставляя факты, убедились, что, узнав обо всём, власти посчитали эту церковь самой активной и подвергли её особому нажиму. А мы в это время тайно готовили Послания.

Когда работа над Посланиями была в самом разгаре, вдруг приезжает к нам отец Павла Афанасьевича Якименкова – Афанасий Иванович вместе с Прокофьевым. Лично я тогда сильно испугался, подумал: «Кого он привёз? Неужели КГБ узнал, что мы Послания пишем?» Для нас Прокофьев был совершенно неизвестен. Он посещал кого-то из знакомых под Москвой, Афанасий Иванович увидел его, он ему показался очень хорошим служителем, вот и решил привезти хорошего брата к нам.

Тогда Прокофьева попросили: «Ты свободен, не работаешь (он остановился на посёлке у Захаровых), перепиши написанное начисто, а завтра мы опять придём». Он переписал. Когда же стали проверять, видим, и одно нужно исправить, и другое подкорректировать. Ещё раз попросили

Алексея Фёдоровича переписать. Также и на следующий день. Он не выдержал:

– Я не мальчик вам по несколько раз переписывать! Нужно не переписывать, а действовать, а вы тут с письмами запутались... Не буду больше переписывать, я человек дела.

Но потом всё-таки согласился, работал снова. На другой день просил прощения:

– Братья, простите. Я вчера погорячился... Сравниваю письма, там действительно допущены существенные ошибки, их нужно исправить.

На доброе дело и глядеть радостно. И пронзала неземная радость от слов пророка: «Не будут трудиться напрасно... ибо будут семенем, благословенным от Господа...» (Ис. 65, 23)

Послания написаны

Когда Послания были закончены, встала проблема распространения их по церквам.

Мой брат Юрий предлагал, чтобы каждый читающий чувствовал на себе ответственность написать ещё два-три экземпляра и передать другим, а другие – ещё два-три, и таким образом сделать Послания достоянием верующих. Это сейчас всё просто осуществить, а тогда составляло большую сложность.

Но Прокофьев оказал в то время значительную услугу.

– За распространение, братья, не беспокойтесь. Сколько нужно: тысяча, две – я отпечатаю и привезу. У нас есть в Харькове люди, которые всё сделают.

Стали спрашивать:

– Что за печать? Какая?

– Её не отличишь: как написан первый экземпляр, так и остальные напечатаются – с жаром разъяснял, охотно.

Взял Послания и уехал в Харьков. Копия осталась у нас, тоже написанная от руки. Её мы спрятали. Тогда я жил рядом с Узловой на посёлке Дубовка в многоквартирном доме

по улице Щербакова. Во дворе дома стояли общие, под одной крышей, сарайчики жильцов. Между листами шифера я и положил Послания: если в Харькове оригинал арестуют, – мы распространим резервный экземпляр.

Под шифером сарайчика 40 лет назад хранился оригинал Послания

«Приобщитесь к святому делу»

Начиная столь ответственное служение, мы не желали, чтобы движение застало служителей ВСЕХБ врасплох. Примерно за месяц до вручения первого документа Инициативной группы Президиуму ВСЕХБ, всё ещё питая надежды, что общая волна намечаемого пробуждения может побудить ответственных работников ВСЕХБ к покаянию и восстановлению принципов евангельского учения, пришлось посетить канцелярию ВСЕХБ и в беседе с Каревым сказать:

– Александр Васильевич, есть определённый круг братьев, имеющих от Бога побуждение начать действовать по определённой программе. Мы не хотим, чтобы это стало для вас неожиданностью, но желаем, чтобы вы приобщились к святому делу. Вы – человек с мировым именем и большим влиянием, и не для сего ли самого достигли царского достоинства, чтобы в это время и вам возвысить голос в защиту истины Божьей и Его народа?

– Брат дорогой! – ответил он предельно откровенно. – Поймите, я не могу этого сделать. Да и вообще всё бесполезно. Сейчас абсолютно ничего невозможно! Наша система многоярусна. Каждая должность многократно зарезервирована. Если я выступлю, – завтра же остальным работникам ВСЕХБ дадут провести совещание, и, будь то Андреев (в то время старший пресвитер по Украине) или кто-то другой, – меня обвинят в клевете, его все единодушно поддержат, и меня уберут. А на моё место поставят другого, который поведёт дело так же или ещё хуже.

– А как же, с вашей точки зрения, вообще возможно исправить создавшееся положение в церкви?

– Теперь ничего не сделаешь. В своё время мы дали надеть на себя петлю, а теперь затягиваемся с каждым днём всё туже.

Я не открыл ему тогда ни даты намечаемого дела, ни количества людей.

Дописанная страница

К Кареву я ходил один. Алексей Фёдорович отсутствовал, отправившись в Харьков размножать на гектографе («синькой») Первое послание Инициативной группы к церквам ЕХБ вместе с Посланием работникам ВСЕХБ. Его не было около двух месяцев. Юрия одолевали сомнения: не в КГБ ли передано письмо? Мы же очень мало Прокофьева знали. Наконец он приехал, но не один, а с Борисом Здоровцом. Этого человека мы видели впервые: высокий, с сумкой на увечной руке (ещё подростком он лишился кисти). Несколько тысяч отпечатанных ими Посланий они привезли в мешках.

Прибыв, Алексей Фёдорович сразу лёг отдыхать. Интересуюсь у Здоровца: «Ни одного Послания не оставили? Никто ничего не знает?» Потому что пока вопрос ВСЕХБ не решён, никого нельзя было ставить в известность; никто не должен был знать наших планов, чтобы власти раньше

времени не распознали фактор одновременности распространения Посланий. «Нет-нет!», – заверил он.

Но что-то, видимо, они всё же оставили. Однако я утешился тем, что события разворачивались стремительно, мы не намеревались медлить, поэтому никто не успел бы что-то недоброе предпринять.

Как оказалось, Здоровец приготовил нам жало в пяту. Поставил около себя стопу привезённых бумаг и заявил: «Я решил, братья, так: если вы меня "купите", то я полностью с вами; если нет, – забираю всё и возвращаюсь в Харьков».

Читаю отпечатанное им Послание. И что же? Написанный «синькой» текст занимал семь страниц, а последняя, восьмая, оставалась чистая.

– Я дописал страницу, чтобы не пустовала, – и смотрит на меня испытующе.

А дописанное перечёркивало всё сказанное в Послании. Например, в своём тексте Здоровец ставил в вину, что «ссора происходит там, где каждый считает себя правым»; утверждал, что «мы тоже согрешили» и «не можем никого судить», ибо «когда явится Господь и осветит сокрытое во мраке, тогда будет ясно, кто в какой мере виновен в бедствии, постигшем народ Божий в нашей стране», и тому подобное.

– Как вы могли так поступить?! Мы же «аминь» сказали на всё написанное! Молились, постились, пока готовили текст, и приняли решение ни слова, ни буквы не изменять!..

Алексей Фёдорович пожимает плечами:

– Я Бореньке говорил... Но он так захотел.

В той ситуации невозможно было обойтись без категорического тона:

– Будем стирать ни с кем не согласованный текст!

А Борис сидит, улыбается: «Попробуйте стирать... Ничего не получится! Синька!»

– Всё самостоятельно дописанное будем стирать и восстанавливать то, в чём благословил нас Господь! Если мы

так начинаем работу, ещё, по сути, её не начав, то у нас всё пойдёт не в лад. Будем стирать!

Поручил доверенным молодым друзьям нашей церкви: «Найдите, где возможно, хлорную известь и разведённым хлорным "молочком" быстро, чтобы обратная сторона не успела промокнуть, полусухим тампоном стирайте не соответствующий духу Посланий текст и раскладывайте страницу за страницей, чтобы просыхали».

Работа закипела: комнаты, как гирляндами, увешали страницами с удалённым текстом! Первая партия просохнет – вторую, третью развешивали, пока всё не исправили. Затем развезли по городам и предупредили: «Если нас после посещения ВСЕХБ арестуют, сразу рассылайте Послания по всем церквам. Если же ВСЕХБ даст согласие на проведение съезда, тогда мы дадим сигнал, как поступать дальше».

Кому подписать послания?

12 августа 1961 г. Суббота

В подмосковной Десне в доме Якименкова Афанасия Ивановича за день до вручения Послания работникам ВСЕХБ должно было пройти расширенное совещание Инициативной группы. Впервые со дня её образования планировалось поставить в известность о всём намечаемом круг доверенных служителей из других мест. Главное для чего приглашали братьев – решить вопрос подписи под Посланиями.

Об анонимном обращении не могло быть и речи. Тайно, без подписей посылать серьёзные обличительные письма – бессмысленно: такие бумаги ущербны и не приносят пользы.

Под документами в обязательном порядке должны стоять минимум две подписи. Почему? Одна подпись недействительна, так как «при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово» (2 Кор. 13, 1). Трёх человек

жаль выявлять перед властями, а две подписи – самый оптимальный вариант: моя и ещё одного брата.

Причём так: подпись Алексея Фёдоровича никак не планировалась по той причине, что служители должны «иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нарекание...» (1 Тим. 3, 7). А он, будучи неверующим, отбыл срок по политической статье (обратился к Господу в заключении), и это обстоятельство дало бы повод обвинить всё движение: «Посмотрите, кто поднялся против существующих законов! Люди, давно недовольные советской властью, они уже несли за это наказание!»

Рассматривалась кандидатура Павла Афанасьевича Якименкова, но мы исходили из того, что лучше подписать Послание служителям церквей разных территорий, а мы с ним хотя и были пресвитерами не одной церкви (я – в Узловой, он – в Новомосковске), но фактически представляли одну местность. К тому же, за неделю до начала движения Павла Афанасьевича арестовали, и этот вопрос вообще отпал.

В основном мы делали ставку на подпись Алексея Евгеньевича Ляшенко из посёлка Ковяги Харьковской области. Прокофьев характеризовал его очень с положительной стороны: пресвитер, инженер, человек разумный, активно занимается с молодёжью, противодействует отступлению ВСЕХБ; в связи с гонениями уволен с инженерной должности и работает кочегаром. Прокофьев уверял, что Алексей Евгеньевич согласится подписать наш документ. За ним послали, но, как оказалось, Ляшенко категорически отказался: «Если в этом движении участвует Алексей Фёдорович, – ничего доброго не получится».

Прошёл день, наступил вечер, а никого нет. Мы ожидали людей из Выксы (старца Рунова и других) – ни один не приехал. Должен прибыть Сёмкин А. П. из Смоленска (кандидат в областные пресвитера, который впоследствии, ко времени выхода Второго послания к церкви ЕХБ, передал нам документы ВСЕХБ – «Инструктивное письмо»

и «Положение», и мы смогли с ними ознакомиться). Он тоже не приехал. Ожидали Николая Ермолова из Ферганы – не приехал.

Вообще предполагалось присутствие не менее 10 человек братьев-служителей, а пришли: Алексей Фёдорович, я и Михаил Хорев. Его привёз из Ленинграда Прокофьев. Смотрю, незнакомый мне молодой человек. Он тогда не был служителем. А нам предстояло на следующий день, в воскресенье, идти во ВСЕХБ. Такая ситуация сложилась. Да, был ещё с нами Иван Алексеевич Афонин, очень ревностный брат, которому наша церковь поручила участвовать в Инициативной группе, он работал в подготовке Послания, но не был рукоположен.

М. И. Хорев. 1961

И. А. Афонин. 1960

Медлить нельзя: Послания отпечатаны, любая задержка может обернуться нежелательными последствиями. Другого выбора не оставалось:

– Тогда, Алексей Фёдорович, придётся вам ставить подпись.

– Я – «на блюдечке»! Я готов! – ответил молниеносно, не задумываясь.

Вручение послания работникам ВСЕХБ

13 августа 1961 г. Воскресенье

Утреннее богослужение во ВСЕХБ начиналось в 10 часов, а в 12 заканчивалось. Надо было иметь в виду, что из Десны до Москвы ехать как минимум час-полтора. Вдвоём с Алексеем Фёдоровичем мы отправились чуть раньше, чтобы Карев, Жидков не уехали. С собой мы не взяли об-

ращения ко ВСЕХБ, потому что Яша Якименков (живущий в Десне брат Павла Афанасьевича), должен был его начисто переписать, он имел хороший разборчивый почерк. А Михаилу Хореву поручили привезти переписанный документ нам. Стоим с Алексеем Фёдоровичем на Покровском бульваре, дежурим. Собрание должно вот-вот закончиться, верующие начнут расходиться, а гонца с Посланием всё нет и нет.

Увидел нас Ванифатий Михайлович Ковальков: «Вы куда, братья?» Говорим ему: «Вы, наверно, знаете... У нас дела во ВСЕХБ». По дошедшим слухам он, вероятно, уже знал что-то, настороже был:

– Напрасно, напрасно вы туда идёте. Вы что̀, думаете это поможет?

– А вы как считаете, это будет писк комара?

Он стал убеждать: «Это ничего не даст! Вы можете вообще оттуда не выйти, потому что эти Жидковы, Каревы – церковные чекисты!» Видимо, хотел нас удержать от предпринимаемого шага; считал за лучшее своим как бы добрым советом остановить нас на полпути.

– Мы будем делать то, что Бог положил нам на сердце, мы должны проявлять Ему послушание, а остальное предадим в Его Отцовские руки.

В это время нам подвезли начисто переписанный документ. Прямо на Покровском бульваре, на скамейке, в прямом смысле на коленке, поставили две подписи и поспешили в Маловузовский переулок, к молитвенному дому, чтобы Карев и Жидков не ушли.

Узнав, что у нас есть слово к руководителям ВСЕХБ, Карев сразу предложил: «Может, я с вами тут побеседую?» (Под кафедрой у них есть такая небольшая укромная комнатка.) Ответили: «Нет, нужно, чтобы обязательно был Яков Иванович Жидков».

Он пришёл, мы представились. Я предложил помолиться, совершил молитву. Начали беседу. Говорю:

«Братья, вы знаете, в каком состоянии находится сей-

час братство: как закрываются общины, как совершенно без присмотра остаются незарегистрированные общины, как давно покончен вопрос с молодёжью, как широко разворачиваются репрессии, налицо неустройство в церквах, давление извне. Всё это вам хорошо известно. Причина происходящего тоже не сокрыта, потому что Слово Божье не оставляет нас без ответа. Мы имеем дело со всемогущим Богом. И нам никак нельзя свалить вину на кого-то, что, мол, по причине внешних обстоятельств всё так плохо. Пусть огромной волной накатывают репрессии, но все беды, все причины поражения лежат на самой церкви. В связи с этим мы, определённая группа братьев, имеем определённую программу и делаем вам несколько предложений, отражённых в документе, который я прошу Алексея Фёдоровича сейчас зачитать».

Он зачитал громко, внятно, хорошо. Это было Первое послание Инициативной группы Президиуму ВСЕХБ. В нём мы призвали их дать согласие на созыв съезда, чтобы вместе предстать перед Богом, попросить прощения за всё, что сделано в братстве не так, и на основании Слова Божьего, под руководством Духа Святого выработать дальнейшие пути выхода из кризиса.

Они сначала оторопели. С минуту молчали. После некоторого замешательства Александр Васильевич как поднялся: «Вы что̀, братья, с луны свалились?! Вы не видите, в какое время мы живём?!»

Жидков за ним: «Они подпрыгнули выше Гагарина и Титова!» (К этому времени в апреле 1961 года в космосе побывал Юрий Гагарин, а в августе на корабле «Восток-2» Герман Титов.)

Прокофьев не выдержал: «Выше! Выше!»

Мы вручили им наше «Послание работникам ВСЕХБ» и вновь напомнили, что причина кризиса церкви кроется в их отступлении. Убеждали изменить отношение к Богу.

Они не дали нам никакого ответа.

Мы ушли. Вышли на Покровский бульвар. Здесь нас ожи-

дал Михаил Хорев. Направляясь во ВСЕХБ, мы считали, что можем не выйти оттуда, поэтому он мог быть свидетелем нашего ареста и рассказать о случившемся. Братьев заранее предупредили: «Если это "чрево", ВСЕХБ и КГБ, поглотит нас, подождите недели две. Увидите, что нас не отпускают, – рассылайте заранее заготовленное "Послание ко всей церкви ЕХБ" и продолжайте с молитвой действовать. Бог даст победу!»

В этот день у нас был пост. Из сквера мы направились в столовую, расположенную в Казарменном переулке, недалеко от ВСЕХБ, на противоположной стороне Покровского бульвара. Помолились, поблагодарили Бога, сели за стол. Алексей Фёдорович радовался, как ребёнок: «Всё, победа, победа!» Это происходило 13 августа 1961 года.

Август, 1961 год

Звонок А. В. Кареву

Прошло около двух недель с того дня, как 13 августа 1961 года я и А. Ф. Прокофьев зачитали и вручили Я. И. Жидкову и А. В. Кареву Послание Инициативной группы, адресованное работникам ВСЕХБ. Всё это время мы ожидали от них ответа на наше предложение о созыве съезда церкви ЕХБ. Но они безмолвствовали.

23 августа 1961 года я позвонил Кареву:

– Александр Васильевич! Что вы можете ответить на наше предложение в отношении съезда? Мы хотим узнать, каков результат обсуждения нашего Послания в Президиуме ВСЕХБ.

– Пока, брат, мы ничего сказать вам не можем. Мы направили запрос в Совет по делам религиозных культов.

– А в Президиуме у вас есть какое-либо независимое от Совета по ДРК решение? Каково ваше отношение к съезду как духовного центра, как служителей, несущих главную ответственность перед Богом?

– Знаете, дорогой брат, мы самостоятельно не можем ре-

шать эти вопросы, а тех, от кого это зависит в Совете по делам религиозных культов, сейчас нет: одни разъехались в командировки, другие – в отпуске. Время как раз такое...

Я принял это за сигнал, что нужно как можно решительнее действовать, идти уверенной поступью, чтобы враг нас не отвлекал, не расшатал; но ничего другого ему не сказал, как: «Ну, хорошо, Александр Васильевич, я сообщу об этом Инициативной группе, и мы будем делать соответствующие выводы».

Разумеется, мы видели, что пошли проволóчки. ВСЕХБ как духовный центр не намерен был отвечать нам. Это говорило о многом. Одно дело иметь свой, избранный после обсуждения, путь действий и начать ходатайство о съезде, учитывая прежде всего интересы церкви, а другое дело, не имея собственного мнения и не желая отстаивать Божью истину, идти за решением к тем, кто ведёт борьбу с церковью. Намеренное медление с их стороны было на руку им, но не общему делу. И тогда от имени Инициативной группы мы отправили заявление о съезде в правительство, а также сообщили на места повсеместно распространить Первое послание Инициативной группы к церкви ЕХБ от 23 августа 1961 года (вместе с Посланием Президиуму ВСЕХБ от 13 августа 1961 года).

Что заставило поторопиться не только с распространением Посланий, но и вообще с образованием Инициативной группы?

Пока я размышлял над всем услышанным и происходящим (после признания Карева в 1956 году, что в служении Богу нельзя сделать и шага без спецслужб), больших гонений ещё не наблюдалось. Но они набирали силу. Основная масса указов, закрытие церквей, молитвенных домов, храмов – всё это развернулось к 1959 году. Тогда целый законодательный процесс был подключён к борьбе с религией. Когда же репрессии стали поджимать так, что многие общины прекратили собираться, – времени для раздумий не оставалось. В мае 1961 года опубликовали Указ

о тунеядцах, по которому сплошным потоком отправляли в заключение верующих прямо от станка.

В то время я рассуждал примерно так: если у нас верные отношения с Богом, – ничто не повредит Его искупленным! Но когда мы в отступничестве, когда разделяем точку зрения ВСЕХБ, нарушаем заповеди Христа, – тогда нечего ждать помощи от Бога. Это же методология всего процесса! Только в такой последовательности нужно было рассматривать окружающую нас действительность и поступать так и не иначе. Вот почему приходилось спешить с образованием Инициативной группы. Я устал искать, предлагать. Ведь ещё в 1958 году я открыл свои сокровенные мысли о съезде Якименкову Павлу Афанасьевичу, – он не поддержал, остановил меня. В 1960 году предложил эти идеи Дедовским служителям, а их возраст был намного старше моего и жизненный опыт богаче, однако они устрашились подобных предложений.

А моя основная забота была такая: силой Божьей дать бой развернувшемуся наступлению атеизма на церковь, чтобы обязательно Господь их сокрушил. Я чаял очищения Божьего народа, чтобы твёрдо стоять в истине, противостать указаниям прекратить богослужения, не крестить молодёжь, не пускать детей на собрания. Мы ставили заслон «Инструктивному письму» и «Положению о Союзе» ВСЕХБ, давали бой вмешательству безбожников в дела церкви, стремились во что бы то ни стало исполнять заповеди Христа!

Но всему этому должно предшествовать законное обличение уклонившихся от истины служителей, предложение выхода из состояния кризиса и, если они не согласятся, только тогда действовать самостоятельно. Это же стратегия, у которой нет другого выхода. Вот что служило для нас главной движущей силой, но никак не страх перед гонениями, хотя всю тяжесть преследований мы взяли на себя и несли её почти 30 лет. Победу Господь помог одержать. Слава Ему!

У прокурора

За несколько дней до моей поездки в Москву на встречу с братьями подписать Послание и вручить его Президиуму ВСЕХБ, меня вызвал прокурор и предупредил, чтобы мы прекратили собрания, иначе меня привлекут к ответственности за тунеядство по принятому в мае 1961 года специальному Указу. В то время они располагали секретным приложением к этому Указу, тайными инструкциями о его применении.

– Текст Указа я прочитал в газете. Там вовсе не предусмотрено арестовывать нас. Он не распространяется на верующих, – заметил я.

– Мы вас и спрашивать не будем! Осудим как тунеядца, и весь разговор.

– Прямо от станка, от сохи, как говорится, вы арестуете и будете судить?! Какой же я тунеядец?!

– Это неважно! У нас есть Указ!

– Сомневаюсь, что вы имеете такое право...

Мои настойчивые возражения спровоцировали его признать, что он располагает секретными инструкциями о порядке применения майского Указа. Эти тайные «Инструкции» были хуже, чем сам Указ. Потому что для народа открыто не напишешь то, что в нём действительно заложено. Очень секретный документ. И он стал зачитывать мне: *«Под действие части I Указа подпадают лица, занимающиеся попрошайничеством, бродяжничеством, живущие на нетрудовые доходы, не несущие общественно-полезного труда...»* И после такого подробного перечня следовало продолжение: *«...блудницы* (в Указе это слово приведено по-латыни), *руководители незарегистрированных нелегально действующих общин...»*

– И вы не покраснели, читая эту вещь? Вас нисколько не смущает, что священнослужители поставлены в один ряд с блудницами? – возмутился я. Он помялся:

– Ну, тут через запятую написано.

– Крупная граница!

– Однако мы предупреждаем вас: если не прекратите проводить собрания, – считайте, всё! Будете лишены свободы как тунеядец.

Потом, когда движение набрало силу, они спрятали все эти «Инструкции» да и Указы отменили. Но тогда я вынудил прокурора зачитать мне то, что тщательно скрывалось от общественности.

Последнее предупреждение

Прошло 10 дней после того, как верующим по всей стране разослали первое «Послание к церкви ЕХБ», под которым стояла моя подпись и Алексея Фёдоровича. Я продолжал работать на производстве. Да и не собирался уходить из дому, ждал ареста. Для себя я не видел никакого другого исхода и не готовился к жизни на свободе. Понимал, что непременно попаду в тюрьму, – ведь разгул гонений нарастал. Считал, что, поскольку в Первом послании изложено главное, братья-старцы, отсидевшие срок, духовно зрелые, имеющие опыт и управляемые Богом, ознакомившись с призывом, отзовутся, поднимутся во весь рост и поведут Божий народ по пути святости. Не мог я и мысли допустить, что кто-то хочет сдаться, отступить, пренебречь путём верного хождения перед Богом. Таким было моё ви́дение из моего уголка. Я был молод, мне не исполнилось ещё и 35 лет. Но мои представления не совпали с Божьим планом.

А в это время вокруг меня сгущались тучи. Вновь вызвал прокурор. Видимо, из Москвы поступило распоряжение. Пришлось, оставив работу, идти на вызов. Он разговаривал как ничего не знающий о Посланиях и строго предупредил: «Если на следующий раз вы проведёте собрание в Родкино, то считайте, что по майскому Указу вы сразу будете лишены свободы!» И время определил: «Учтите, если до 25 августа вы ещё раз проведёте собрание, – пеняйте на себя! Мы предупредили вас окончательно! Это вам последний шанс».

Просьба о трёхдневном отгуле

Послания пошли, всё говорило о моём скором аресте, а я никому не передал дело... Что предпринять? Собрал все ценные бумаги, чтобы перепоручить дело другим, так как понимал, что Алексей Фёдорович один не справится.

Вспомнил о Михаиле Васильевиче Ванине, близком друге моего отца ещё со времён их юности. Отец рекомендовал мне его как очень хорошего брата, с высшим образованием; за верность Богу он отсидел 25-летний срок, понимает кто̀ такой ВСЕХБ. Ванин считался хорошим другом И. В. Каргеля и даже после его смерти дописывал одну из его неоконченных брошюр. Это свидетельствует о том, что Ванин был одного духа с Иваном Вениаминовичем и как друзья они одинаково смотрели на многие вещи.

Решил поехать я к М. В. Ванину на Кавказ. Путь дальний, времени требует много, но я всё продумал. Если в пятницу в цехе меня отпустят с работы сразу после обеда, а директор ЦЭММа (Центральные электромеханические мастерские) даст отгул на понедельник, – я получу в итоге достаточно свободных дней, чтобы слетать туда и обратно.

Но мои планы не состоялись. Пошёл в ЦЭММ.

– Крючков, не могу дать отгул, – неожиданно отказал директор Попов. – Из горкома звонили: вечером в понедельник будет производственное собрание.

– Неужели без меня собрание не проведут?

– Так из-за тебя людей собирают! По твоему поводу!

– Константин Ильич, что они меня так полюбили? Сколько их уже было, этих производственных собраний?!

Он решил пойти на некоторую откровенность:

– Да разве ты не понимаешь? Они же до твоих печёнок добираются! Твоя судьба решается! Вот побудешь на собрании, а потом хоть на три дня, хоть на неделю уезжай...

Он был чекист и многое знал. Понимал, что после этого собрания меня арестуют.

Рабочее собрание

В нашем тресте «Узловскуголь» я работал электромехаником, имея высшую категорию допуска к высоковольтным сетям. Обслуживал шахты, отстоящие друг от друга на большом расстоянии, и труд мой оплачивался повременно. Желая привязать меня к одному месту и загрузить работой так, чтобы я не имел возможность посещать собрания, – перевели на сдельную работу электрослесарем.

Но из этой затеи ничего не вышло: я хорошо справлялся и в новой должности, и духовную работу не оставлял. Тогда хотели поставить меня начальником цеха, чтобы связать ненормированным рабочим днём, а наши собрания в отсутствие служителя успешно разгонять. Не получилось.

Потом хотели уволить, приказ уже вывесили, но в конечном итоге и это не произошло. Поэтому, когда движение началось, я продолжал работать и не помышлял уходить из дому. Считал: хоть и окажусь в тюрьме, но Послания уже разошлись, Божий народ будет знать, что̀ делать, куда и как идти. У Бога же были другие планы, я всего сразу не мог разуметь.

Вечером пришёл я в ЦЭММ на рабочее собрание со своей женой, братом Юрием и И. А. Афониным. Собрание проходило бурно, специально настроенные люди лили на верующих вообще и на меня в частности всякую грязь.

Пробрался в зал муж нашей верующей сестры Фроси Буйвол. Он был нетрезв. Кричит: «На кого вы руку подняли, пьянь вы ничтожная! Я инвалид труда, член профсоюза! Вы должны меня выслушать, я здесь работал, я знаю Крючкова!» Людей много, его сдерживали, потом удалили из зала.

Секретарь поселкового совета предложил принять резолюцию: обратиться от имени рабочих к прокурору, чтобы ко мне применили санкции закона и осудили за тунеядство. Резолюцию приняли. Местные власти полностью выполнили установку сверху, и милиционер дежурил на собрании, чтобы меня арестовать. Так они решили покончить с моей

деятельностью, тем более всесоюзное движение за съезд началось.

Несостоявшийся арест

После того как прокурор города Узловая в последний раз предупредил меня: «Учтите, если до 25 августа вы ещё раз проведёте собрание в Родкино, будете лишены свободы», – меры по моей изоляции начали активно проводить в жизнь. Последней точкой в этом деле служили два общественных собрания: одно 23 августа 1961 года в деревне Родкино, на котором колхозники потребовали выселения из района как тунеядцев меня и Володина С. Д., и второе – в понедельник 28 августа на Дубовке в ЦЭММе (Центральные электромеханические мастерские), где я продолжал работать. На нём приняли нужную для вышестоящих инстанций резолюцию – предать меня суду, после чего вступала в силу выданная прокурором санкция на мой арест (см. Приложение №2 и №3). По майскому Указу о борьбе с тунеядцами мне грозил срок 5 лет ссылки с конфискацией имущества или без неё. К этому и стремились. Но точных сведений, когда всё произойдёт, я не имел. Видел лишь, что на собрании рабочих, призванном принять обо мне осуждающее решение, дежурил милиционер.

Устроенное горкомом производственное судилище нарушило мои планы иметь три свободных дня (субботу, воскресенье и отгул в понедельник) для поездки на Кавказ к Михаилу Васильевичу Ванину, чтобы передать ему начатое дело и предложить возглавить движение в случае моего ареста. Но директор ЦЭММа заверил: «Дать тебе отгул на понедельник не могу. Вот побудешь на рабочем собрании, а потом хоть на три дня, хоть на неделю уезжай». Это обещание позволяло мне отправиться на Кавказ не откладывая, в тот же вечер, в понедельник.

В ЦЭММ, где после работы собрали весь наш коллектив, я пришёл не один, а вместе с Лидой, моей женой, родным

братом Юрием и Иваном Алексеевичем Афониным. Они сопровождали меня, ожидая, что я могу быть там же арестован. Когда всё закончилось, мы пошли на мою новую квартиру на Театральной улице, в которой я не прожил и недели. Отправляясь в Москву, чтобы 13 августа вручить Послание Президиуму ВСЕХБ, я оказался перед выбором.

Жена говорит: «Что делать? Есть возможность переселиться в лучшую квартиру на Театральной: три комнаты меняют на нашу одну. Жаль упустить такой вариант».

Мы жили тогда здесь же, на Дубовке, только на улице Щербакова (там под шифером крыши сарая я прятал копию Посланий) в однокомнатной квартире, которую я превратил в двухкомнатную (кухню сделал комнатой, а часть коридора – кухней).

Я развёл руками: «Лида, ничем помочь не могу. Мне нужно срочно уезжать в Москву. Обратись за помощью к Юрию, к Семёну Давыдовичу или ещё к кому-нибудь из братьев, наймите машину и перевезите вещи. Поездку в Москву я отменить не могу».

Так она одна с детьми и переезжала.

Пришли домой. Как поступить? Тревожные мысли требовали незамедлительного ответа. Ареста можно ждать в любую минуту, и это обязывало срочно передать дела. Но когда лучше ехать? Железный обруч боли, сковавший мою голову, диктовал выехать чуть позже, ночным поездом или утром. Иван Алексеевич советовал не ждать: «Надо скорей уезжать. Ведь на собрании милиция дежурила!» И Юрий настойчиво убеждал не задерживаться. Мнения разделились.

Мы встали на колени, чтобы утвердиться в Божьей воле. В молитве я получил ясность ехать только сейчас. Встал и говорю: «Братья, я единодушен с вами: медлить нельзя!»

Попили чай и ушли, ничего не подозревая.

А происходило тогда следующее. Сынок нашей верующей сестры Фроси Буйвол (жившей тоже на Дубовке, муж её неверующий) находился в отделении милиции как юный

дружинник или юный помощник милиции. Где-то на посёлке пьяные молодые люди устроили драку с применением ножей, и наряд из двух-трёх человек уехал туда на мотоцикле. На посту остался лишь дежурный. В это время прокурор звонит:

– Немедленно арестовать Крючкова!

– Дежурный отвечает:

– Не могу. Наряд на вызове. Я здесь один, оставить пост не имею права.

Через несколько минут опять звонок:

– Арестовали?

– Нет. Наряд ещё не прибыл. Как только приедет, сразу отправим.

Третий раз прокурор уже кричал в трубку, но изменить ничего не мог. Бог просто отослал на время работников милиции, пока мы молились и немного поели.

Кажется, простое дело – произошёл несчастный случай, милиция выехала разобраться, а этот подросток сидит в отделении и слышит, как прокурор отдаёт по телефону приказы арестовать меня. Потом он всё матери рассказал...

Милость Божья! Он чудно выводил меня, берёг: когда наряд освободился, я был уже далеко от дома. Причём мы поехали не на железнодорожный вокзал в Узловой, а доехали до 4-й шахты, сели на попутную машину и направились сначала в Тулу, а потом дальше, в Москву. Так что сразу нас найти не могли, хотя мы предприняли такой шаг не умышленно.

Меня караулили всю ночь, вели наблюдение из окна соседнего дома. Об этом признались потом те, которые следили за нашим подъездом и окнами моей квартиры целые сутки (только смены менялись). Даже через несколько дней, когда мой брат пришёл проведать мою семью, сразу явились сотрудники милиции и отвели его в клуб, где стоял телефон. Позвонили на шахту: действительно ли он там дежурил. Лишь убедившись, что он Юрий, а не Геннадий, отпустили.

Поездка к Ванину М. В.

Путь мой лежал в Грузию, к Ванину Михаилу Васильевичу, другу моего отца с юности (теперь он жил возле Сухуми, в местечке Гудаута). В молодые годы он был активным в служении Богу и, отбыв за это 25 лет в заключении от звонка до звонка, не сломился, продолжал посильный труд в зарегистрированной Сухумской церкви ЕХБ. Я ехал к нему, надеясь передать документы и поделиться мыслями, как вести дело дальше.

С трудом разыскал нужный дом. Михаил Васильевич встретил меня радушно. Мы виделись впервые. Небольшого роста, приятной внешности, с выдающимся высоким лбом, он производил благоприятное впечатление.

Я поспешил объяснить цель приезда:

– Бог положил нам на сердце обратиться к Божьему народу с призывом провести оздоровительную работу в церкви и осудить поведение официальных служителей, которые изменили Богу и сотрудничают с гонителями церкви. Ознакомьтесь с Посланием, – предложил я, – и возглавьте это дело, созовите съезд. Может быть, найдёте ещё богобоязненных друзей. Окликните всех бодрствующих, вместе воззовите к Богу в покаянии, и Он пошлёт победу! Если нам придётся и костьми лечь, – Господь придёт в стан искупленных и совершит дивное!

Но этот разумный человек в ужасе отпрянул от меня:

– Геночка, дорогой, если бы ты пришёл ко мне раньше, чем вы распространили это Послание, я бы взял тебя за руку и сказал: «Остановись, безумец! Что ты делаешь?!» – При этом он больно стиснул мою руку выше локтя. (Вот почему Бог иногда не велит советоваться. Он полагает на сердце что-то делать не смущаясь, а я иду за советами то в Дедовскую церковь, то к маститому старцу в Горьком, то к Ванину, а они только веру разрушают.)

Разумеется, я не удержался и уточнил:

– Михаил Васильевич, почему бы вы сказали мне так?

– Да потому что вы направились по безнадёжному пути – пошли против двух сильных века сего: власти духовной и политической. Они свились воедино, и вы ничем их не разовьёте.

– Бросив этот клич, разве мы ищем поддержки сильных мира сего? Это они проникли в ряды искупленных, чтобы низложить церковь руками самой церкви!

– Всё правильно, брат, правильно! Но власть желает направлять жизнь церкви по нужному ей руслу и делать в ней своё дело. И поскольку церковь уступила, пошла этим путём, нам некуда деться... будем идти!..

Его обречённый голос поражал безысходным отчаянием.

«Но ведь упование на Бога должно непременно побеждать то, перед чем слабые духом останавливаются и приходят в неудержимое отчаяние!» – замирало сердце от ясной видимости Божьего всесилия и невозможности передать это словами. И всё же я старался уверять его с позиции веры:

– Служителям Божьим должно охранять и отстаивать независимость церкви. Неужели Бог благоволит к тому, чтобы церковь жила в отступлении? Разве такую Церковь Господь создавал?!

– Нет, конечно, нет! Но такова суровая действительность. Если бы ты раньше пришёл ко мне!.. В общем, не буду тебя разубеждать, раз уж вы начали, стойте в истине.

И процитировал стихотворение. Автора не могу точно назвать, но слова прочно врезались в память:

С мощью пророка, хоть одиноко,
Людям тверди во что веришь глубóко.
Мало ль надежды, хватит ли силы,
Но до конца, до грядущей могилы
Стой, не сдавайся, не пресмыкайся,
Правде одной на земле поклоняйся...

Ещё что-то из Писания сказал. И всё.

На следующий день я уходил из его дома, так и не оставив ему ни одного Послания. Михаил Васильевич пошёл провожать меня на вокзал.

– Ты что же такой худой? – в его голосе звучала отцовская забота.

– А вы-то?

А он ещё более тощий, чем я, и ростом, по-видимому, ниже. Ответил, улыбаясь: «Да мне хорошо, легче возноситься будет!»

Мы шли по живописному городку на побережье Чёрного моря. В глазах рябило от солнечного света. Стройные кипарисы свечёй поднимались к небу. Казалось, время не имеет власти над ароматными красками этого южного края.

– Красивые здесь места!

– Да, Геночка, предрайская местность, природа предрайская! Друзья радуются и говорят, что Бог дал мне годы отдыха за все тяготы жизни, за всю перенесённую скорбь.

Уже на вокзале он неожиданно попросил: «Геночка, дай мне Послание, я хоть познакомлюсь, может, с братьями побеседую, почитаем вместе» (см. Приложение №4).

Найдя укромное место, я достал свою крамольную сумку, вынул из пачки один экземпляр написанного «синькой» Послания, свернул в «трубочку» и отдал.

Подошла электричка, я поднялся уже на подножку вагона, когда он сказал: «Если что – не забывайте. Приезжай когда-нибудь, что-то расскажешь. Может, о чём-то посоветуемся. Как Апостол Павел сказал: "Думаю, и я имею Духа Божия..."»

Так мы расстались. Не смог я передать Ванину переполнявшей моё сердце заботы о состоянии церкви. Не заручился даже поддержкой, не услышал слов одобрения. Власть политическая для них была сильнее Божьей, в её всемогущество они верили больше.

Сергей Терентьевич Голев, узнав, что я посетил Михаила Васильевича, попросил рассказать о встрече. В общих чертах я передал суть беседы. Оказывается, Сергей Терентьевич позже меня тоже побывал у Ванина. «Ты, милый мой, не обижайся на него, не держи в сердце ничего, – советовал он мне потом по-отцовски. – Он же мученик... Это же

Савонарола!.. Он столько перенёс! Родной сын назвал его "папой" только в 25 лет. Как Михаил Васильевич радовался этому! Сердцем он целиком с нами. Тебе он не сказал, а мне признался: "Что я мог сказать Геннадию?! Не годимся мы в коренные, в пристяжные – ещё куда ни шло..."» (Коренник – ведущая лошадь в запряжённой тройке. – *Прим.*)

«Встань от родства твоего...»

1.

Моё нелегальное служение предопределил Сам Господь. Я не собирался жить в условиях конспирации и ничего иного не предполагал, как только сразу ехать домой, вернувшись из Гудауты в Москву. Но винтовой самолёт летел с Кавказа часов пять, и я был настолько измучен в пути, что не мог идти. Мне обязательно нужно было отдохнуть прямо в аэропорту. Расположился в одном из кресел в зале ожидания и сразу отключился. После того как стало немного легче, – поехал к отцу, на ту квартиру, где в 1956 году

ул. Театральная, дом № 5 (г. Узловая, п. Дубовка Тульской обл.)
Окна (слева) квартиры на первом этаже, в которой жила семья
Г. К. Крючкова после его ухода в 1961 г. на конспиративное служение

я молился о предстоящей поездке в Англию на библейские курсы. Приехал к нему и тоже вынужден был лечь, потому что очень болела голова. Через время меня разбудили, чтобы я не опоздал на поезд в Узловую.

Но тут неожиданно появился Семён Давыдович Володин. Я обрадовался его приходу и, не зная всего происходящего на Дубовке, предложил:

– Поедем домой вместе.

– Ты намерен домой ехать?!

– Конечно.

– Ты не домой, а в тюрьму приедешь. Три дня назад минут через 10, как ты ушёл, прибыл наряд милиции арестовать тебя. Бог тебя вывел! Они совсем чуть-чуть опоздали и теперь всё время дежурят у твоего дома. Меня братья специально послали предостеречь тебя, знали, что после Ванина ты обязательно навестишь отца.

Слушаю его, а у меня голова кру́гом идёт, не отошёл ещё от поездки. Как быть? Деньги все истратил на дорогу, в кармане только мелочь звенит... У родственников оставаться нельзя: к ним милиция придёт с проверкой в первую очередь. Братьев из других общин я мало кого знал и на Украине ни с кем не был знаком, да и вообще в церкви мы жили своей жизнью, широко не общались. Куда идти? Такой исход я совсем не предполагал, заранее никакого тайного места не готовил для себя.

– Сколько раз я призывал других быть мужественными, твёрдыми перед лицом страданий, а как же теперь?

– Ну и что же! Ты думаешь кого-то удивишь, что попадёшь в тюрьму? – настаивал Семён Давыдович. – Властям это будет только на руку.

Недели за две перед этими событиями я говорил в церкви проповедь о том, как Господь повелел Аврааму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12, 1). Великий праведник сделал всё, что повелел ему Бог. Однако и на пути послушания его вера ещё и ещё раз была испытана.

«Возьми сына твоего, единственного твоего, – повелел ему Господь и подчеркнул: – которого ты любишь, Исаака... принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Быт. 22, 2).

Единственный сын – ещё не всё. Он может быть и не любимым, с таким и расстаться нетрудно. Нет: «которого ты любишь»! Не просто равнодушен, а именно ЛЮБИШЬ!

Возлагая на жертвенник единственного и любимого сына, Авраам не ведал, что Бог приготовил заместительную жертву, – овна, запутавшегося в чаще рогами; но из любви к Богу и послушания Ему не остановился ни перед чем. И какой славный итог! – Жертвуя Исааком плотским, он получил духовное наследство – всё потомство верующих (Быт. 22, 16–18). Таким великим благословением наградил Бог Своего друга.

Теперь, когда братья не советовали мне возвращаться домой, я вспомнил это повеление Господа: не мой ли черёд пришёл идти за Ним путём, каким я не ходил ни вчера, ни третьего дня? Ведь если бы Семён Давыдович не выехал навстречу, я бы, безусловно, оказался в тюрьме. Во всём этом обнаружилась чудная Божья милость, Его план, который Он совершал. Потому что если Господь положил кому-то на сердце Свои мысли, Свои идеи, то Он знает, что эту порученную Им работу не сделаешь за год – это длительный процесс. Следовательно, для воплощения стратегических планов в жизнь нужны молодые, покорные Богу соработники.

Сердце готово было повиноваться Богу, хотя я – не суровый солдат и всегда был смущён, когда предстояло переночевать в другом доме, есть не свою пищу. Но в сознании стремительно утверждалась вера: «Послания написаны и разосланы – остальное Господь усмотрит. Он скажет, где, на какой из гор будет испытана и моя любовь к Богу. Господь повёл, значит, пойду...»

С этих пор я стал совершать служение в нелегальных условиях.

Богу посвятили себя однажды и навсегда. Г. К. Крючков с женой Лидией Васильевной. Июль 1962

2.

Как же всё удивительно в этом Богом начатом пробуждении! Совсем не похоже на этот мир! Разительно противоположно! Люди века сего, предпринимая любые самостоятельные шаги, разумеют: деньги решают всё! Деньги – это ноги и руки всякого дела, без них человек беспомощен. Тем более подпольная работа, когда надо укрытия организовать, транспорт иметь, литературу выпускать, кадры содержать. Без денег – никуда.

Что же здесь? – Звенящие копейки в кармане! Никакого заранее приготовленного места ни где голову приклонить, ни где послания печатать. Но это ничуть не заботило и не отягощало душу. Главное – ответить на Божий зов, предоставить Ему сердце. Обо всём остальном чудный Промыслитель, «...Который, обитая на высоте, приклоняется, чтобы призирать на небо и на землю» (Пс. 112, 5–6), позаботится самым чудным образом.

Когда мы сами себя ведём, тогда самостоятельно и выбираем пути – и идём в гибель. Когда же Бог ведёт, Он назначает сколько дней, часов и минут продлится путь испытаний, сокровенных видов служения и сколько продолжится путь отдыха и свободы. Всё это один Господь определяет. Нам неведомо, какой в это время фундамент Бог закладывает, во что нас переплавляет и чем делает для всего мира.

Со своей стороны мы должны проявить покорность. Мы не вправе изыскивать свои пути. Под Божьим водительством лучших условий для того, чтобы освящаться и жертвенно служить Христу, достигая совершенства веры и упования, надежды и благодарности Богу, – трудно себе представить.

Кто-то считает: если в истории церкви наступают моменты, когда невозможно работать для Христа, – значит, нужно всё прекратить. Глубоко заблуждаются! Можно и нужно работать в нелегальных условиях! Можно и нужно во всякое время жить самой плодотворной, самой сочной,

богатой жизнью, какую и дóлжно проводить перед лицом святого Бога.

3.

После возвращения от Ванина я остался в Москве. Сложный изгиб времени начал отсчёт первого этапа моего служения Богу вдали от дома, от семьи, от Узловской церкви (он вобрал в себя пять лет – 1961–1966 годы). На первых порах очень малообещающим он был в плане того, где находиться, у кого остановиться для труда.

Встретился я как-то с Юрием, моим братом. Ему по работе нужно было кое-что мне передать. Мы с ним по городу, по магазинам ходили, в тёплом общении время проводили. Как и в далёком детстве, Москва бежала перед нами такая же сверкающая, гремящая, пролетающая мимо, никого и ничего не замечая.

Быстро стало темнеть, дело к вечеру подоспело, ему надо домой ехать – с утра на работу. На Площади Революции спустились в метро попрощаться. Говорит:

– Ну, я поехал. Сейчас поезд подойдёт, поеду на Павелецкий вокзал.

– Ты на Павелецкий, а я даже не знаю, куда пойти. Там, где остановился, уже дали знать, что я им надоел. И в другом месте бывают недовольны, что к ним зачастил. И на той квартире тоже. Даже не знаю, как быть.

Возможно, в моём голосе Юрий услышал оттенки усталости. Нет. Я не устал, не тяготился огромной ответственностью, возложенной Богом. Просто рассуждал вслух о неотвратимом течении жизни, о неспокойной действительности.

По его лицу промелькнула тень. Посмотрел охотно сочувствующе:

– Сейчас уже прошло немало времени (с месяц, может, или больше), поедем-ка домой. Тебя уже там не ищут. Побудешь денёк-другой и тихонько уедешь. Чем в Москве тебе встречи с братьями ждать, дома переждёшь.

– Нет. Нельзя. Это дело серьёзное. Если что-то случится,

чем оправдаюсь перед Богом? Лучше на вокзале где-нибудь переночую.

Юрий уехал, а я продолжил скитальческий путь.

Двери дома в Десне, где жили родители Павла Афанасьевича, всегда были открыты для гостей. Первые совещания Инициативной группы нередко там проходили. На зиму сена для скотины много запасали – полный чердак. Там и спали. Степан Герасимович Дубовой (тогда он во Фрунзе жил) с удовольствием проваливался в мягкую душистую «перину» и покрякивал от удовольствия – никаких простыней не надо. Первое время я довольно часто пользовался их гостеприимством для работы. И Алексей Фёдорович там пристанище находил.

Утром, едва забрезжится, небольшой домик сотрясал зычный голос:

– Вставайте! Второго завтрака не будет. Кто не поспел, останется ни с чем.

Хозяйка, Дарья Сидоровна, мать Павла Афанасьевича, сухощавая, с прибранными под платок редкими старческими волосами, согнутая в пояснице под 90 градусов, проворно двигалась по кухне. Они приехали сюда из Белоруссии, скотину водили, с утра до ночи огородом, хозяйством занимались, напрасно время не теряли.

А для меня к утру только-только заканчивались рабочие часы. Всю ночь мог просидеть над бумагами. Тишина природы открывала простор для свободных дум, жарче работал ум. И вот живой будильник: ещё не ложился, а уже к столу зовут. Как быть? Днём не отдохнуть, и без сна человек не устроен жить.

Всё предопределил Господь, всё усмотрел, в самый безвыходный момент навстречу вышел.

Наведалась к Якименковым сестра из Гучковской (Дедовской) церкви. До этого она не раз навещала моего отца. Они тогда встревожены были тем, что верующие в Дедовске прекратили собрания. После такого шага пять братьев их церкви оказались арестованными. Впоследствии Ума-

чик Пётр Васильевич с горестью делился: «Мы оказались за решёткой в Истринской тюрьме, в КПЗ, за то, что отказались от богослужений. Нам следовало бы ни на что не смотреть, продолжать собираться».

Натиск везде был большой, и они уступили. А эта сестра металась, считала, что неверно сделали, нужно было не бояться, твёрдо отстаивать право служить Богу.

И вот она приехала в Десну. Неожиданный разговор повела. Мы с Алексеем Фёдоровичем не могли скрыть удивления.

– Я получила внутреннее свидетельство того, что мне нужно Богу послужить своим домом. Можно было бы в нём и собрания проводить, но собраний сейчас нет. А я очень просила Господа, молилась, чтобы, если мне дом отдадут, послужить Его возлюбленной Церкви.

Дело обстояло так.

Мать у неё от рака умерла (а отец с войны не вернулся). Сестра очень сокрушалась, на похоронах безутешно плакала. Молодёжь Дедовской церкви окружила её вниманием, заботой. Усталое сердце расплавилось, и она покаялась. В члены церкви вступила. К тому времени уже институт окончила.

А муж матери после её смерти предъявил претензии: дом мой. Любил спиртное, хотя работал водителем на грузовой машине. Во время строительства иногда что-то им подвозил. Сестра переживала: для чего ему дом? Для выпивки? И горячо молилась, желая посвятить дом для церкви, как некогда притесняемая и обижаемая Анна в скорби души взывала к Господу «...и горько плакала, и дала обет, говоря: Господи Саваоф! если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей... то я отдам его Господу на все дни жизни его...» (1 Цар. 1, 10–18). Бог услышал её, послал просимое.

Вот и здесь суд рассмотрел дело и оставил принадлежавшую матери половину дома дочери (этой сестре, которая приехали в Десну).

Видимо, через моего отца ей удалось узнать, какие дела с Инициативной группой, наше положение. Ведь до этого она с Василием Феодосьевичем Рыжуком уже приезжала к нам в Узловую, и мы к ним в Дедовск несколько раз ездили. Вместе с братьями она организовывала молодёжный съезд в Нахабино, на котором мы с Павлом Афанасьевичем присутствовали. Так что какое-то знакомство ещё раньше произошло.

Сестра приглашала нас горячо, искренне, великодушно:

– Вы можете оставаться у меня сколько потребуется и быть в полном спокойствии. Я целыми днями на работе, вам мешать никто не будет, дом в вашем распоряжении...

Собственно, так и было.

В её половине вместе с ней жила ещё одинокая верующая старушка. Одну комнату занимала она, другую – мы.

Совершенно непредвиденно Бог помог обрести пригодное пристанище. В нём прошли первые годы конспиратив-

Первые встречи на первом нелегальном.
Детям (Леночка и Володя) трудно расстаться с отцом. 1963

ной работы. Там я с братьями останавливался, встречи устраивал и первые опыты офсетной печати с Юрием проводили. Материал «Об освящении» здесь был написан. Здесь же несколько раз в напряжённую ситуацию попадали, – нас выследили. Было так, что и жена моя, Лида, слежку привела. Только Бог спасал от чреватых последствий. Он «Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя, так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?» (Евр. 13, 5–6)

Месяцев семь пролетели как один день. 6 апреля 1962 года Прокофьева Алексея Фёдоровича арестовали. Как раз в день рождения моей дочери Тани. Лида с ней в московской больнице лежала, на Соколе. Поскольку меня дома не было, специально в Москву отправилась: тут родственники могли её посетить – моя сестра Валя, отец. Через них цветы ей передал, поздравил с нашим седьмым ребёнком.

Путь нелегального служения в безопасных, сокровенных селениях подсказан Самим Господом. Это был не наш выбор – Божий. Мы себя к этому не готовили. Думали: напишем Послания, нас в тюрьму бросят, но народу Господнему станет известен план действий: жить свято и независимо от мира. То, что Бог на сердце положил, мы всё сделали.

«Выявить... с целью ликвидации»

Когда Послания Инициативной группы широко распространились среди верующих ЕХБ, они произвели на многих сильное действие. Всё загудело. Тогда через три месяца (после 13 августа 1961 года) Карев, Жидков прислали телеграмму: «Просим Крючкова и Прокофьева прийти за ответом».

Говорю Алексею Фёдоровичу:

– Нас приглашают для беседы. Что будем делать? Народу Божьему нужен отчёт, ведь мы обратились с призывом ко всем церквам. Как мы объясним, почему избегаем встречи? Хотя, конечно, совершенно неясно, какую беседу они намерены вести. Но коль приглашают, надо идти.

Он недовольно поморщился:

– Жаль отдавать сразу двоих! Жаль.

– Ну что ж, Алексей Фёдорович, останьтесь где-нибудь в сквере, молитесь, а я пойду.

Так и сделали.

Они назначили встречу на понедельник или на вторник. Но я их планам не повиновался, старался предусмотреть всё возможное, чтобы не им создавать удобство, а сделать как лучше для нас. Предвидел, что небезызвестные люди в штатском могут подготовить всё так, чтобы там тайно арестовать. В простой рабочий день утреннее богослужение не проводится, верующих в молитвенном доме нет, и они осуществят своё намерение без лишнего шума и ненужных свидетелей. Поэтому я пришёл на Маловузовский в воскресенье. Тем более что в такой день там присутствуют все служители ВСЕХБ. Причём я шёл не один, а с братьями местной Московской церкви ЕВЛАКОВЫМ С. П., САМСАКОВЫМ Н. Ф. и др., пригласив их быть свидетелями того, что̀ нам будут говорить.

Это произошло 26 ноября 1961 года в канцелярии ВСЕХБ. Присутствовали ЖИДКОВ Я. И., КАРЕВ А. В., ИВАНОВ И. Г., МИЦКЕВИЧ А. И., ОРЛОВ И. М., КАРПОВ А. Н. и другие.

Алексей Фёдорович ожидал на Покровском бульваре.

Перед тем как идти на беседу, один из наших московских братьев, Юра Богданов, встретился со мной: «Сестра просила вас подойти к ней прежде, чем вы пойдёте туда».

А сестра эта – дочь Моторина, председателя исполнительного органа Московской церкви. По-видимому, между ней и отцом произошёл разговор, и она хотела его передать. Она знала, что ВСЕХБ вызвал меня и Прокофьева телеграммой на встречу, но ей также хорошо было известно и настроение властей в отношении нас. Поэтому она просила Юру Богданова помочь ей встретиться с нами.

Собрание уже закончилось, верующие стали расходиться. Ожидаю увидеть Жидкова, Карева. В это время Юра Богданов подвёл ко мне дочь Моторина. Это была молодая

сестра, лет тридцати, высокая, приятной внешности. Она отвела меня чуть в сторону (там, где парадный вход, начинаются ступеньки и есть маленькие закоулочки). Захожу туда, а она озабоченно озирается:

– Я просила с вами встречи... Вы брат Крючков?

А у самой слёзы льются из-под золотых очков.

– Я Крючков. Что вы хотели сказать?

– Дорогой брат, не ходите туда! Не ходите! Я знаю намерения властей. Вы можете отсюда не выйти. Мне доподлинно известно, что принято решение: «Выявить Инициативную группу с целью её ликвидации». Правда, они говорят, что для начала ставку надо делать не на эти две подписи. Две фамилии под Посланиями – ширма, за ними стоят какие-то крупные силы. Я умоляю вас, не ходите туда! Вы действительно можете оттуда не выйти!

– Дорогая сестра, – я попытался её успокоить, – очень благодарен вам за предупреждение. Но не смущайтесь, если узнаете, что мы всё-таки пошли. Я буду учитывать всё, что вы говорите.

Увидев меня, Карев сразу предложил:

– Давайте, брат, побеседуем, найдём где-то укромное местечко.

– Нет, Александр Васильевич. Это дело официальное, давайте и говорить официально. Непременно здесь должен быть Яков Иванович и весь основной состав Совета.

Карев не унимался: «Да зачем, брат дорогой!» Потом пояснил, что Жидков не может присутствовать.

Спрашиваю: «Скажите, он отказался или нет?» Мнётся.

Вновь прошу: «Пойдите ещё раз скажите ему».

А Жидков уже сидел в машине, собирался уезжать.

– Идите, скажите, чтобы я мог зафиксировать, что он отказался встретиться. Вот ваша телеграмма, вы приглашали...

Всё-таки Александр Васильевич привёл его.

– Ну что тут ещё? – Жидков с недовольством бросил портфель на диван.

Потом Иванов пришёл, казначей. Другие собрались, ви-

димо, любопытство взяло верх. Они могли подозревать, что Карев вместе с нами тайно что-то делает. А он просто старался балансировать, хитрил.

Началась беседа, поднялся шум. Правда, местные братья, пришедшие со мной на беседу, в разговор почти не вступали: Евлаков наблюдал молча, Самсаков – совсем старец, в прошлом когда-то был осуждён за веру – тоже мало говорил. Была с нами ещё сестра. Она сидела в углу и писала. Жидков резко приблизился к ней:

– Вот что она пишет там?! Что она пишет?! Это вам нужно ещё для одного Послания?! Клевету на нас будете распространять?!

– Что вы шумите, Яков Иванович? – пришлось его остановить. – Что вы пальцем показываете? Это сестра ваша во Христе, если вы брат.

Сохранилась запись этой беседы. Она помещена в «Братском листке» №1, 1986 г. и приводится ниже.

КАРЕВ: *Нам поручено сказать вам, что председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР уполномочил нас заявить вам о том, что съезд разрешён не будет ни при каких обстоятельствах, то есть в разрешении на съезд категорически отказано.*

И как можно распространять по всем церквам такие иллюзии в наше время?! Я не верю в этот съезд, так как сейчас в нашей стране взят самый жестокий курс в отношении религии. Они решили покончить с организованной религией в самое кратчайшее время! Они не собираются идти с нами в коммунизм!

КРЮЧКОВ: *Как для служителей Божьих для нас важно то, что мы идём в вечность. У нас должна быть своя ответственность перед Богом и церковью.*

КАРЕВ: *Ну, предположим, собрался бы съезд, съехалось две-три тысячи делегатов... Но ведь у вас в программе – разрушить все рамки, отменить «Поло-*

жение» и «Инструктивное письмо», то есть вы говорите: «Мы собираем съезд, чтобы поломать все рамки». Кто это позволит? Прежде чем ломать все рамки – надо свергнуть власть и уполномоченных. Регистрации нет с 1948 года, и это от нас не зависит.

Допустим, вы изберёте новый ВСЕХБ, но пойдёте регистрировать – и вас будут вычёркивать. Вы ответите перед Богом и церковью за посеянную иллюзию о съезде. Кто вам дал право вселять эти надежды в верующих?! Что вы теперь скажете верующим, когда в съезде отказано?! Кто даст ввести равноправие между зарегистрированными и незарегистрированными общинами?! А кто вас зарегистрирует?! Идите и скажите всем, что вексель выдали, а оплатить не можем. Кто вам даст установить такую свободу?! Вы надеетесь на помощь от церкви – тотчас будут закрыты и церкви.

КРЮЧКОВ: Как вы понимаете: что̀ лежит в основе наших посланий? Угодны ли наши стремления Господу?

КАРЕВ: Угодны, брат, угодны; но, если Господу угодно дать нам свободу, Он даст её без борьбы церкви.

КРЮЧКОВ: Мы не будем свободны без покаяния и возврата на путь истины. Как мы начали работу по созыву съезда? Из чего мы исходили, обличая ВСЕХБ? – Из необходимости покаяния за противоречащие Слову Божьему документы и деятельность ВСЕХБ. Мы предложили совместно ходатайствовать о съезде, а вы отказались от съезда и пошли против нас войной.

Разве не трагедия для братства – отсутствие единства? Почему церковь не имеет единого руководства зарегистрированных и незарегистрированных общин? Почему нет совместной общецерковной заботы, общих молитв о защите дела

Божьего в такое ответственное время?

КАРЕВ: *Мы считаем незарегистрированных за братьев, а объединять не можем. Вы тоже ничего не сможете сделать по объединению зарегистрированных и незарегистрированных общин, так как это не от вас зависит.*

КРЮЧКОВ: *Что касается нашего отношения к властям, то мы не имеем права их судить – «внешних судит Бог». Но почему они должны решать вопросы внутрицерковного устройства? Почему от регистрации должна зависеть структура и духовная жизнь братства?*

КАРЕВ: *Например, сегодня вы пришли к руководству союзом Вы стали председателем, Прокофьев – генеральный секретарь, а эти братья – членами. Но как вы зарегистрируетесь? Вы будете виновны в закрытии общин и репрессиях!*

КРЮЧКОВ: *В одной из своих бесед вы сказали: «"Положение" и "Инструктивное письмо" – это суть два рельса, по которым идёт наше братство. Не признавать этих документов – значит идти против власти».*

КАРЕВ: *«Положение» 1960 г. принималось совещанием старших пресвитеров. Оно не противоречит Слову Божьему. Вы говорите о доступе детям в церковь. Будете приводить их к Господу – вам дадут пять лет и детей отберут.*

ЖИДКОВ: *Спорами заниматься не следует. Я предлагаю сейчас всё закончить. Пусть придут завтра.*

ИВАНОВ: *Нам ясно одно: съезда не будет.*

КАРПОВ: *Сегодня мы не можем беседовать.*

ЕВЛАКОВ: *Почему не можете? Для нас сегодня удобней.*

КАРЕВ: *Сейчас ясно, что съезда не будет.*

КРЮЧКОВ: *Хорошо. Инициативная группа обсудит результат этой беседы и будет продолжать возложенное на неё служение.*

Центральная пресса – впереди

Усилившиеся с 1959 года повсеместные гонения не повредили Узловской церкви. Верующие с большим удовольствием спешили на собрания. Молитвенный зал всегда был полон.

Молодёжь не сидела сложа руки, каждый занимался посильным делом. С усердием работала, например, трудовая группа: в атласных халатиках, с белыми воротничками дежурные встречали приходящих на богослужение, помогали пожилым снимать верхнюю одежду. На праздники хор выделялся особенно: сёстры надевали белые блузки, все братья – обязательно в костюмах. Порядок наблюдался во всём, несмотря на то что кто-то мог бы бросить упрёк: «Может ли быть что-то приличное в этом захолустье?!»

Однако наша церковь действительно была на редкость дружной, сплочённой, ревностной. Подчиняясь жаркому чувству любви к Богу и жертвенному подвизанию, никто не искал жалкого компромисса с миром, был готов полагать «душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13) и отстаивать свободу вероисповедания любой ценой.

3 сентября 1961 года после очередного жестокого разгона богослужения в Родкино шествие почти сотни верующих от дома молитвы в центр города (семь километров) – небывалое явление, наверно, не только для Узловой или для Тульской области. С пением и остановками для молитвы, привлекая внимание прохожих, шли они к зданию Дворца культуры машиностроителей, где проходила городская партийная конференция. Шли с ходатайством, чтобы произвол и насилие против верующих были прекращены (см. Приложение №5).

В письме правительству того времени церковь писала:

«Подобные погромы у нас были всё время на протяжении трёх лет...

После собрания мы все пошли ко Дворцу культуры, где

по случаю конференции было всё начальство и власти, с жалобой на произошедшее (...) На другой день в горкоме собрались представители власти и приняли восемь человек наших сестёр, которые убедились, что все они прекрасно знают, что делают преступления, и заявили, что подобное будет продолжаться до тех пор, пока они не разгонят нас окончательно.

Поймите же нас, мы не можем не служить своему Богу, потому что мы любим Его и обещали служить Ему до смерти (Откр. 2, 10; Матф. 10, 2; 10, 28).

Мы требуем прекратить произвол, не повторять средневековых методов борьбы с нами, ибо поступающие так покрывают себя срамотою. Теперь нам в особенности хорошо видно, как беспомощен атеизм в борьбе с нами, ибо с нами Бог. И во все века средством борьбы с нами было зло, ненависть, клевета, насилие. Таково естество диавола, и он не может другим оружием вооружить тех, кто борется с Богом. Такова истина».

Разобраться с происходящим в Узловой прибыл работник Совета по делам религиозных культов из Москвы Задорожный П. А.

Не один день заседало партийное руководство не только района, но и области. Резонанс был большой.

Тем не менее, заверения о том, что разгоны богослужения Узловской церкви продолжатся до тех пор, пока её окончательно не уничтожат, оказались не голословными. Семёна Давыдовича Володина, хозяина молитвенного дома, арестовали прямо на работе, на шахте, по абсурдному обвинению в тунеядстве (я в то время уже совершал служение нелегально).

Молодые сёстры нашей церкви осознанно и решительно изъявили желание: «Надо постоять за него!»

Они отправили в Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, Генеральному прокурору СССР и в местные инстанции заявление, что в нашем городе преследуют верующих, нарушают законы страны и т. д. и что в свя-

зи с этим с 8 декабря 1961 года они объявляют голодовку (участвовала Вера Соколова и Ксения Володина, родная сестра Семёна Давыдовича). Как говорилось в их докладной записке, они «...решили продолжать её до полного восстановления законности и письменной гарантии в неповторении всех издевательств над нашими гражданскими правами и религиозными чувствами».

Они полагали душу за ближних своих. Вера Соколова и Ксения Володина. 1961

Сёстры не принимали пищу двадцать дней.

Идя на этот шаг, они поставили в известность о беззакониях властей также и жителей Узловой, расклеив на столбах своё сообщение.

Через двадцать дней, когда они ослабели настолько, что могли передвигаться по комнате лишь держась за стенку, врачи увезли их на машине «скорой помощи» в больницу и там в течение 40 дней насильственно искусственно кормили.

И опять Узловая привлекла к себе особое внимание. Да такое, что на эти события отреагировала центральная пресса – газета «Известия», поместив 23 января 1962 года статью «Где надо власть употребить» с грубой клеветой на верующих и на меня в частности:

«(...) Прошли собрания на предприятиях, где работали проповедники. После этого пресвитер Г. Крючков оставил работу в центральных электромеханических мастерских и уехал. Но он не забыл о своей пастве и продолжал руководить сектой путём инструкций.

Теряя почву под ногами, сектантские главари потеряли и голову. Им нужно было любой ценой удержать пошатнув-

ГДЕ НАДО ВЛАСТЬ УПОТРЕБИТЬ...

НАШ СПРАВО

шиеся позиции среди верующих. Но как? Все средства были уже ими испробованы. И вот тогда-то они решили пойти на шантаж. Оставаясь в тени, они решили принести в жертву двух верующих. Выбор пал на Веру Соколову и Ксению Володину.

Делу был придан большой размах. На этот раз сектанты не ограничились письмами в руководящие органы. Они расклеивали листовки, опускали конверты в почтовые ящики местных жителей. (...)

Главари действующей в Узловой секты – преступники. Их нужно судить по всей строгости наших законов, свято оберегающих жизнь и достоинство советских граждан».

Обычно такие яростные нападки опубликовывались только в местных газетах (районных, областных или краевых). Но чтобы подключились «Известия», – подобное трудно припомнить.

Перед этим я видел сон: будто наше собрание в Родкино (зал пустой), я прохожу вперёд, а за мной гонится огромный пёс, размером, как телёнок. Ксения, сестра Семёна Давыдовича, и его жена Рая пропустили меня, а пёс мечется то в одну сторону, то в другую, чтобы меня догнать. Они его сдерживают, бьют по морде, стараются отогнать. Я хотел вступиться, а потом понял, что они его всё равно не пропустят и мне никакого вреда не будет: они отбивают его так, что ему ни за что ко мне не подступиться.

Ночью видел этот сон, а к вечеру приезжаю в Москву. Мария Якименкова взволнованно встречает меня: «О, брат Геннадий, какая на тебя страшная статья вышла!»

Спешу её порадовать:

– Всё-таки она мне ни на йоту не повредит, я уже знаю.

– Откуда ты знаешь? Кто-то газету передал?

– Нет, не передал. Но я знаю, что всё пройдёт мимо и меня совсем не затронет.

Не скажу, что я постоянно видел какие-то особые сны, но иногда Господь таким образом мне что-то открывал или от чего-то предостерегал.

Братья и сёстры нашей церкви были удивительно стойкие, верные, отдавали все силы, чтобы собрания не прекращались. В один из дней, едва рассвело Рая Володина слышит грохот в дверь:

– Открывай! Я – Савушкин (председатель колхоза в Родкино).

– Савушкин?! А зачем ты идёшь?

– Ломать двери будем, чтоб не было тут сектантства. Ишь развели, деревню агитируете.

– Я не открою!

– Несите лом! – приказал он пришедшим с ним на предосудительное дело.

Принесли лом. Одну дверь сломали, другую, а на дворе зима... В молитвенный зал дверь сломали. Ребятишки проснулись, подняли крик, плачут, а их прямо на снег выбрасывают.

– Что вы делаете, Василий Иванович?! Что вы с детьми делаете?!

– А они всё равно у тебя никуда не годные!

Что делать? В доме холодно, всё поломано, поколото. Петя Захаров и другие братья двери навесили, окна застеклили, печку затопили – тепло! И всё же собраний разогнать не могли, хотя дружинников и милиции приходило много.

Однажды опломбировали молитвенное помещение, а жена Семёна Давыдовича тут же пломбу сорвала и выбросила. Так верующие с Божьей помощью отбивались от беззаконников.

В те дни, когда наши сёстры не принимали пищу, я попытался поговорить об обстоятельствах в Узловой с Алексеем Фёдоровичем Прокофьевым. Из-за гонений верующие

в Одессе тоже объявили голодовку, а нам, как представителям Инициативной группы, следовало иметь определённое мнение по этому вопросу, чтобы объяснить всё Божьему народу. Ведь накал борьбы был большой, противостояние атеизма шло жёсткое. Говорю:

– К нам придут служители или рядовые братья беседовать и спросят, как мы смотрим на это.

Он молчал-молчал, а потом резко ответил:

– Ну что ты меня спрашиваешь? Я сам крайний левый. У меня самого мятежный дух.

Поправляю его:

– Для богословия этого недостаточно...

Пытался как-то выяснить у него:

– О вас пишут всякие вещи, распространяют в анонимках, что вы не рукоположенный. Мы вместе работаем, хотелось бы знать, когда, кем вы были рукоположены и где?

– Если не веришь, – я могу уйти совсем!

Вот примерно в таком духе проходили наши беседы.

1962 год. Первое знакомство с Винсом Г. П.

Должен сказать, что я был очень неповоротлив в руках Господа. Со мной часто происходило, как с Апостолом Петром, который имел свои взгляды, свои представления. Только после необычного видения он исполнил Божье повеление, встал и пошёл в Кесарию, в дом язычника Корнилия.

Подобным образом и я вёл себя в начале нашего движения. Свои идеи по пробуждению церкви ЕХБ предлагал сначала служителям Дедовской общины, после этого приглашал других братьев, и только когда понял, что всё безрезультатно, принялся за поручаемое Господом дело. (Позже и «Братский листок» предлагал писать любому брату, который только пожелает. Поручал Якову Григорьевичу Скорнякову, Вениамину Александровичу Маркевичу. Кого только не просил, в том числе и Георгия Петровича. И что же из

этого получилось? Все основные документы писал сам.)

Так обстояло дело и с документами первых лет пробуждения. Я искал братьев-соработников. За первые полгода после начала открытой работы Инициативной группы я посетил церкви в Сибири, Белоруссии, был на Урале, в Ростове, познакомился со многими преданными Богу братьями. Они действительно стали украшением Церкви Христовой. Без благодарности Господу не могу вспоминать таких испытанных, верных друзей, как Шалашов Александр Афанасьевич, Миняков Дмитрий Васильевич, Батурин Николай Георгиевич, Голев Сергей Терентьевич. Но не каждый из них мог быть мне в помощь в том плане, чтобы излагать мысли на бумаге.

Прошло около месяца после ареста в апреле 1962 года Алексея Фёдоровича Прокофьева. Я по-прежнему продолжал искать братьев, готовых к жертвенному труду. Приехал в Киев. Мне сказали: «Вот этот брат (Николай Величко) может показать, где живёт Георгий Петрович Винс».

Мы долго ехали с ним троллейбусом. Он произвёл на меня впечатление человека молчаливого, но уверенного в себе.

Пришли в дом Георгия Петровича, где он жил с семьёй: с матерью Лидией Михайловной Винс, женой и тремя детьми. Меня приняли, провели наверх, там я сидел, ждал.

Потом пришёл Георгий, сдержанный, вытянутый. Он тогда худой был, как и я.

– Почему вы приехали именно ко мне? От кого узнали обо мне? – и голос, и выражение лица говорили о его настороженности. Он ещё полностью не утвердился, как относиться к работе Оргкомитета, хотя под заявлением о созыве съезда, которое от Киевской церкви направила в правительство группа верующих, человек 50, стояла и его подпись.

Я был предельно откровенным:

– Хотел бы познакомиться. Мне сказали, что вы работаете инженером, активно участвуете в служении, проповед-

ник. И я полагаю, что вы сможете помочь нам подготовить одно из обращений к Божьему народу.

В это время к нему приехал Леонид Коваленко. Он тоже был в числе тех пятидесяти членов Киевской церкви, которые подписали заявление о необходимости созыва съезда. Филолог по образованию, он подавал надежды, что может принять участие в нашей работе.

Георгий сказал: «Здесь в моём доме работать плохо. Но у нас есть неверующие родственники, можно встретиться у них. Завтра ждите меня на остановке (назвал где), мы поедем туда и сможем спокойно пообщаться».

На следующий день я ожидал его на трамвайной остановке. Встретились. Туда же, к неверующим родственникам, приехал и Леонид Коваленко.

Я рассказал им содержание намечаемого документа, они попытались изложить его на бумаге. Если говорить о написании текста, должен прямо сказать: ничего у нас не получилось. Вложить им свои мысли я не мог, а то, что писали они, не отражало нужной сути. Я понял, что даже один абзац не могу с ними написать.

И опять мне нужно было в который уже раз осознать, что следует повиноваться Богу, когда он что-то поручает, и доверять Ему, если даже остаёшься один.

Отправляясь на встречу со мной, Леонид Коваленко пригласил и своего тестя, Шаповалова Данил Даниловича с женой, она работала медсестрой. Шаповалов в то время был старшим пресвитером ВСЕХБ по Житомирской области. И когда он пришёл, у нас завязалась беседа.

Данил Данилович стал говорить:

– Мы думаем, а некоторые и говорят, что вы работаете вместе с КГБ, потому что если бы вы без КГБ работали, то не смогли бы ездить. Вот, например, мы, когда едем куда-нибудь по областям для посещения церквей, то должны заранее сказать своему уполномоченному, что отправляемся в поездку, и он знает, для чего мы едем. Когда приезжаем в какую-нибудь область или район, там должны сразу до-

ложить местному уполномоченному, что прибыли. А после того как сделаем свою работу, то, возвратившись, обязаны опять уведомить уполномоченного и доложить, что сделали работу вот так и так, результат получили вот такой. И так везде. Вас могут видеть, знать, куда вы ездите, что делаете, и на любой платформе, в любом аэропорту вас бы взяли. Вы же везде бываете, и вас никто не трогает, значит, вы работаете от КГБ.

– Вы считаете так: когда вас власть охраняет, – вы в безопасности. А если нас Бог хранит, то для этого у Него нет ни сил, ни возможности.

– Да нет, но...

Из его слов мне стало ясно, что начавшееся движение им важно любой ценой остановить, они большие мастера, умеют это сделать. А уж если оно во что-то и вырастет, то нужно взять его под своё руководство, и они опять заведут в ту же неволю, откуда с Божьей помощью Его народ был вызволен.

Потом он спросил:

– А не могли бы вы написать заявление или обращение ко всем братьям, чтобы совместными усилиями сделать что-то вместе с опытными служителями ВСЕХБ, которые в своё время тоже много пережили и защищали Божье дело?

Я ответил:

– А сам наш призыв к съезду о чём говорит? Разве мы не обратились в нём ко всем, в том числе и к старым, опытным служителям? И во-вторых, после того как мы распространили Послания, разве вы не можете подняться во весь рост и заявить, что присоединяетесь к призыву созвать съезд и рассмотреть на нём все наболевшие вопросы? Почему вы ждёте отдельного обращения именно к старым служителям? Чтобы у них появилось оправдание перед властями, что не они инициаторы созыва съезда, а их вынуждают так поступить?

Считаю, вы сами должны бы поднять эти вопросы, по-

тому что «Положение», «Инструктивное письмо» и вся зависимость церкви в духовных вопросах от атеистов – это крайняя степень беззакония, разделившего нас с Богом. Вам первым следовало бы видеть бедствие Божьего народа, ибо вы первые к нему причастны. Но если вы до сих пор этого не замечаете, то, вероятно, просто не призваны Богом для такого служения. Поэтому о каком обращении может идти речь?

Так прошла моя первая встреча с Винсом.

Я пригласил его на совещание Оргкомитета, и в мае 1962 года он впервые присутствовал на расширенном общении братьев. Тогда он не был рукоположен и нёс служение проповедника в своей церкви (его избрали на служение благовестника в конце октября 1962 года). Полностью в работу Оргкомитета Георгий Петрович включился через два года после начала движения. Киевская церковь благословила его на этот труд в августе 1963 года (см. Приложение №6). Он оставил работу на производстве и посвятил себя духовной работе в общинах нашего братства.

Посещение Совета по делам религиозных культов

С нашей стороны подготовка к пробуждению церкви ЕХБ велась настолько тайно, что даже чекисты хотя и могли что-то прослушать, однако не ожидали такого мощного движения, не видели в нём ничего серьёзного, не верили в его успех. Поэтому, когда дочь Моторина И. И. (председателя исполнительного органа Московской церкви ВСЕХБ) предупредила меня при встрече в молитвенном доме на Маловузовском, куда я пришёл 26 ноября 1961 года для беседы с работниками ВСЕХБ: «Брат дорогой! Не ходите туда! Принято решение: "выявить Инициативную группу с целью её ликвидации"», – я понял, что она произносит фразу официального документа.

Однако хотя на высшем уровне и приняли такое решение, но ликвидацию не могли осуществить, пока не станут

известны все участники Инициативной группы. Недаром говорили: «Две подписи под Посланиями – ширма. За этими людьми стоят крупные силы».

Но власти глубоко заблуждались и шли по ложному пути. Движение за пробуждение церкви крепло и ширилось, а они в это время выслеживали наши маршруты, встречи, связи, пытаясь выявить «крупные силы», которые, по их мнению, руководили всем из глубокого подполья. Если бы они знали правду, что никаких «крупных сил» не существовало!

В апреле 1961 года членское собрание Узловской церкви поручило нашему братскому совету начать организационную работу для восстановления всеобщего духовного дела, а собравшийся совет предложил: «Вот вы, брат Геннадий ну и Иван Алексеевич, и занимайтесь этим делом. Где нужно, мы поможем». Так избиралась Инициативная группа.

С нами был ещё Павел Афанасьевич Якименков, пресвитер Новомосковской церкви, но в начале августа 1961 года его арестовали и осудили на 5 лет высылки как тунеядца; так что участвовать в открытой работе Инициативной группы он не смог.

Участвовали в написании Первого послания ко всей церкви ЕХБ мой родной брат Юрий и хозяин молитвенного дома Узловской церкви в Родкино Семён Давыдович Володин. А с июня 1961 года к нашей работе подключился Алексей Фёдорович Прокофьев. Вот и всё. Воистину только Господь был для нас крепостью и силой! Он Один был для нас теми «крупными силами», которых тщетно искали гонители церкви.

Помню посещение Совета по делам религиозных культов 19 июня 1962 года. Туда я ходил не один, меня сопровождали братья Хорев Михаил, Евлаков С. П., Афонин И. А., хотя не все они зашли со мной в здание.

Разговор с Задорожным П. А., членом этого Совета, длился более часа, проходил очень напряжённо и сводился с его стороны в основном к обвинению:

– Почему вы прежде, чем начать работу, не пришли и не побеседовали с нами?

Я тогда пояснял:

– Мы знаем, что хотя вы и числитесь для простого взгляда и слуха полурелигиозной организацией, Советом по делам религиозных культов, но основное ваше назначение всё-таки вести борьбу с церковью. Как же мы заранее всё вам откровенно скажем? Вот я пришёл сюда и могу не выйти...

И второе, что их очень интересовало:

– А кто ещё у вас в Оргкомитете?

– Зачем? – ответил я. – Для новых арестов? Две подписи под документами вполне достаточно. Если первые шаги покажут, что вы согласны удовлетворить наши законные требования – разрешить съезд и т. д., значит...

Не сдерживаясь, Задорожный прервал меня:

– Вам надо было сначала к нам прийти...

– Мы делаем так, как Бог положил нам на сердце.

Текст этой беседы был опубликован Оргкомитетом в 1962 году:

Задорожный: *Почему вы не пришли и не посоветовались с нами прежде, чем начать всю эту кампанию со съездом?*

Крючков: *Опыт убедил нас в том, что, если кто-либо будет знать о намерении созыва Всесоюзного съезда, – это дойдёт до соответствующих органов и нам ничего не дадут сделать. Инициативная группа может быть ликвидирована, и дело съезда умрёт, не родившись. Дело съезда – это внутреннее дело церкви. Мы не вторгаемся в сферу государственных интересов.*

Задорожный: *Кто ещё входит в Инициативную группу? Почему вы в своих заявлениях не указали их фамилий? Назовите остальных членов Оргкомитета.*

Крючков:	*Мы считаем, что двух лиц достаточно для осуществления внешнего представительства. Мы всегда знали, что, совершая своё законное дело, мы, тем не менее, в любое время, войдя к вам, можем больше не увидеть свободы и тем подвергнуть опасности дело служения. Поэтому мы и решили, что одного представителя будет юридически недостаточно, а троих или более подвергать риску не следует.*
	Если в наших беседах обнаружится положительное отношение к нашим ходатайствам о съезде, тогда может быть представлен и более широкий круг служителей.
	Факты доказывают, что опасения наши не напрасны. Удовлетворить законные ходатайства верующих вы отказываетесь и членов Оргкомитета арестовываете. В апреле арестован А. Ф. Прокофьев – вы это знаете – и требуете списки остальных. Зачем? Разве это решает проблему?
Задорожный:	*Совет по делам религиозных культов не признаёт этот Оргкомитет и никакого съезда не разрешит. Мы признаём ВСЕХБ.*
Крючков:	*Вы можете дать нам этот отказ в письменной форме?*
Задорожный:	*Зачем вам письменный отказ? Я говорю – и этого достаточно. Никакого документа мы вам не дадим.*
Крючков:	*Если ваш отказ обоснован законом, то почему не дать нам мотивированного письменного обоснования?*
Задорожный:	*Никто вам такого документа не даст.*
Крючков:	*Оргкомитет не может считать такой отказ в съезде – законным.*

Неожиданная встреча

Основные поворотные моменты Господь всегда совершал внезапно. Он делал их чудоподобно!

Пасмурное октябрьское утро 1963 года. Начало рабочего дня. После долгих, не по осеннему тёплых, ясных дней, погода вдруг резко испортилась. Небо заволокли холодные тучи. Я иду у Павелецкого вокзала в Москве (около закусочной «Истра») и ничего не знаю о том, что ВСЕХБ созывает съезд. Мы с братьями слышали лишь, что намереваются собрать какое-то совещание.

Обстоятельства приводили меня в этот район Москвы не раз. Но никогда никого из знакомых я здесь не встречал. А тут... Привлекла внимание группка людей. Человек пять-шесть. Они как-то странно отличались от общей массы прохожих. Согбенные, все двигались кучкой, держались пугливо, стараясь не отстать и не потерять друг друга, и похожи были на спешащее за пастухом стадо овец. Мысль промелькнула: наверно, из одного совхоза или деревни. Как потом выяснилось, это делегаты Донецкой области приехали на съезд.

Трудно было не обратить внимания на эту озабоченную группу. Я скользнул взглядом по чужим лицам и был крайне изумлён, узнав среди них Шапталу. Вот так встреча! Поспешил к нему, протянул руку, он мне:

– Михаил Тимофеевич, приветствую! Ты куда? Какими путями здесь?

– Да вот то ли совещание какое-то, то ли съезд хотят сделать, – он смотрел в сторону, вниз, как виноватый, и отвечал с явным замешательством, прижатый неловкостью, возникшей при неожиданной встрече.

Возможно, ему действительно всего не открывали. Но там, наверху, у устроителей съезда он имел благорасположение и оказался ими задействованным. Вот такой он был среди наших братьев. Тогда Совет церквей ещё не суще-

ствовал, мы именовались Оргкомитетом по созыву съезда. Возможно, Михаил Тимофеевич и не поддержал бы движение за съезд, если бы не закрыли их общину в Харцызске. Она была зарегистрирована, и её служители очень хлопотали, чтобы им вернули регистрацию. На этой почве и возникло их недовольство.

– Где ты будешь? – торопился я узнать подробности.

– Мы все остановимся в гостинице. С нами Татарченко Иван Яковлевич.

Вот как! Значит, обязательно нужно узнать необходимые детали:

– Давай отойдём в сторону.

Остальные продолжали идти, а Михаила Тимофеевича тут же «пристрелил» зоркий глаз. Это из старших, областной пресвитер Татарченко. Он поспешил к нам. Глянул на меня, на него.

– А кто это такой? Это – брат? – тут же начал разведку.

Шаптала повернулся ко мне:

– Это наш областной пресвитер.

А старшего постарался успокоить:

– Ничего, ничего! Я сейчас догоню. Идите, я догоню...

И они так стайкой пошли-пошли. Им уже отведены были места в гостинице, и Татарченко вёл их туда.

Мы с Шапталой объяснились. Я уточнил, как он думает вести себя, намерен ли выступать. Узнал, где он будет, какая их гостиница. И договорился: «Вечером подошлём к тебе человека, будешь держать нас в курсе дела».

Кажется, наша встреча произошла случайно. Мало ли кто кого увидит на улице? А Татарченко мог думать, что я Михаила Тимофеевича специально тут стерёг. Но мне откуда было знать об их приезде? Бог привёл меня в то утро на это место. Ведь с этой встречи у нас появился доступ на съезд! Без этой встречи мы не смогли бы распространить там наши послания: всех делегатов автобусами привозили из гостиницы на Маловузовский и подобным образом увозили.

Наши братья туда еле пробились! Всё же ведь проходило под строжайшим контролем КГБ! Каждый областной пресвитер держал своих делегатов под неусыпным наблюдением. Кое-как наши люди смогли отделить Михаила Тимофеевича. А тут Георгий Петрович подъехал, и мы беседовали с Шапталой после первого дня съезда.

Как сейчас, помню это место на Чистопрудном бульваре у станции метро «Кировская» (сегодня «Чистые пруды»). Возле памятника Грибоедову слева и справа стояли скамейки. Мы расположились на одной из них. Михаил Тимофеевич рассказал, что в число выступающих записали и его. Уже огласили: «Следующий Шаптала Михаил Тимофеевич». Но потом во всеуслышание изменили решение: «Извините, мы объявили, но у нас совсем нет времени».

Три дня шёл съезд. Мы получили записи всего его хода. Записи были секретными, их раздали лишь своим доверенным делегатам. Впервые за 35 лет после 1926 года собрали представителей церквей и первый день провели как совещание, а затем, когда все отчёты уже заслушали и фактически закончили работу, объявили: «Мы вправе по такому числу делегатов назвать совещание съездом. Кто "за?"» И все проголосовали.

В те дни в Нахабино, в доме Василия Феодосьевича Рыжука, мы составили новое послание. С нами находилась машинистка – Евгения Андреевна Костюкова из Киева (вдова погибшего в 30-е годы председателя Всеукраинского союза баптистов А. П. Костюкова). Она тут же печатала на пишущей машинке редактируемый текст «Специального обращения» к делегатам съезда.

Затем обращение размножили синей печатью и раздавали. Раздавали в автобусах, когда делегатов возили на обед, и даже бросали с балконов в здании на Маловузовском. В то время активно участвовала в этом Мариненко Люба из Харькова, лет 17 ей было. Моторин сразу её узнал, когда её привели к нему как участницу распространения: «Ты, наверно, из Харькова?»

О тайном совещании-съезде ВСЕХБ

Оргкомитет по созыву съезда церкви ЕХБ, узнав о намерении ВСЕХБ тайно от Оргкомитета провести съезд под видом совещания, направил на него своих представителей, чтобы выразить своё отношение к этому греховному мероприятию ВСЕХБ.

Совещанию служителей ВСЕХБ,
состоявшегося 15–18 октября 1963 г.
в Москве

Оргкомитета по созыву
Всесоюзного съезда церкви ЕХБ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящее совещание служителей ВСЕХБ и его работников Оргкомитет рассматривает как новый заговор против Церкви Иисуса Христа.

Ни для кого не секрет, что основные трудности, которые переживает в настоящее время церковь ЕХБ, порождены неверностью её служителей Богу, которая выразилась в нелегальной и преступной связи церкви с миром. Не секрет и то, что эта связь рассчитана на слияние церкви с миром, разложение её изнутри и уничтожение. Общеизвестно также, что в церкви основным звеном этой связи является ВСЕХБ и широкая сеть его сотрудников на местах, а следовательно, они являются и основной причиной неустройств церкви и страданий народа Божия.

На что же направлено настоящее совещание работников ВСЕХБ?

На ликвидацию этого нелегального союза церкви с миром или на укрепление? Именно на укрепление!

На укрепление – вопреки Слову Божию, вопреки воле народа Божия, вопреки государственному закону – Декрету об отделении церкви от государства от 1918 г.

Оргкомитет считает, что и сами участники совещания

ни секунды не сомневаются в том, что, направляя усилия на укрепление и увековечивание греховного союза церкви с миром, делают этим богопротивное дело.

Остаётся сожалеть, что с такой надменностью, отвергая все предостережения Господа и Его Церкви, ВСЕХБ добивается своих богопротивных целей.

«Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по Духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху» (Ис. 30, 1).

Учитывая вышеизложенное, Оргкомитет считает необходимым заявить о том, что:

1. Ни в каких совещаниях, конференциях, съездах и т. п., проводимых под руководством ВСЕХБ, Оргкомитет принимать участия не будет и полномочий представительства на них никому не выдаёт.

2. Настоящее совещание служителей ВСЕХБ неправомочно решать церковные вопросы, т. к. оно созвано и проводится под руководством служителей ВСЕХБ, отлучённых церковью ЕХБ за антицерковную деятельность и за отступление от заповедей Божиих, выразившееся, в частности, в принятии и внедрении в церковь антиевангельских «Положения о союзе ЕХБ» от 1960 г. и «Инструктивного письма» старшим пресвитерам ВСЕХБ.

3. Все мероприятия, решения, документы вышеназванных совещаний, конференций, съездов, проводимых под руководством ВСЕХБ, Оргкомитет, согласно принятой ранее резолюции, считает и будет считать недействительными.

4. Для ВСЕХБ и всех работников есть только одно истинное и весьма благословенное, уготованное Богом во Христе средство: покаяние пред Богом и Его народом в своих грехах отступления от заповедей Божьих. Результатом этого покаяния должна быть готовность служителей ВСЕХБ предать себя воле Божьей и, не взирая ни на какие обстоятельства, прекратить препятствовать созыву Всесоюзного съезда под руководством Оргкомитета.

Это единственно верный путь, соответствующий Слову Божию.

И поэтому единственным угодным Господу и церкви решением, какое могут принять ВСЕХБ и его сотрудники на этом совещании, это – покаявшись, обратиться с письмом открытого исповедания к церкви и передать дальнейшее решение всех церковных вопросов Всесоюзному съезду церкви ЕХБ под руководством Оргкомитета.

Надо не забывать, что никто из нас не был распят за Церковь Иисуса Христа. За неё Христос отдал Свою жизнь и пролил Свою Кровь. Он приобрёл её Себе тяжким Голгофским подвигом. И церковь принадлежит не нам, а Господу нашему Иисусу Христу (1 Петр. 1, 17–19).

Какое же вы имеете право поступать с ней по своему произволу, попирая Его святые повеления?

Не надо также забывать, что рано или поздно – встреча с Богом всех живущих на земле состоится. Предстанете пред Господом и вы, и, может быть, вскоре. Как оправдаетесь тогда в своей неверности, если сегодня отвергаете Его призыв? Если сознательно и активно участвуете в причинении страданий народу Божию и разрушении Его дела?

Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, перестаньте делать зло, и да пошлёт вам Бог по своей великой милости покаяние. Знает Бог наш, Которому мы служим, что лучшего совета для ваших душ и для пользы дела Божия мы не находим.

Бог свидетель между нами и вами. Аминь.

Председатель Оргкомитета церкви ЕХБ – Г. К. КРЮЧКОВ
Секретарь Оргкомитета церкви ЕХБ – Г. П. ВИНС

17 октября 1963 г.

Поскольку представители Оргкомитета не были допущены работниками ВСЕХБ на это совещание, его участникам в перерывах между заседаниями, на улице, было роздано специальное обращение.

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ СОВЕЩАНИЯ

Церковь Иисуса Христа вновь обманута. Лукавством и коварством служителей ВСЕХБ совещание, после начала своей работы, объявлено теперь съездом, за дело которого страдают наши братья и сёстры во Христе.

Неужели вам не ясно, что ВСЕХБ, выступая против съезда, получил разрешение на совещание, которое он выдаёт за съезд, только потому, что под руководством ВСЕХБ он принесёт не пользу, а ещё больший вред делу Божьему:

1. Послужит к увеличению разделения между зарегистрированными и незарегистрированными общинами.

2. Увеличит разделение между сторонниками Оргкомитета и сторонниками ВСЕХБ.

3. Укрепит нелегальный и преступный союз церкви с миром.

Ведь это рассчитано на то, чтобы ещё более ввести церковь на путь греха и этим лишить благословений Господних. Неужели вы согласны быть причастными к этому греху? Неужели вам не понятно также, что, несмотря на двухлетние ходатайства, Оргкомитету не дали разрешения на съезд только потому, что Оргкомитет стремится к созыву такого съезда, который должен:

1. Объединить в единый союз как зарегистрированные, так и незарегистрированные общины ЕХБ.

2. Ликвидировать разделение между сторонниками Оргкомитета и сторонниками ВСЕХБ.

3. Ликвидировать нелегальный союз церкви с миром и привести церковь под руководством Духа Святого в состояние, соответствующее евангельскому учению.

Просим вас содействовать достижению этой цели и не участвовать в тяжком грехе перед Богом и Его народом.

Умоляем вас именем Господа принять все меры к тому, чтобы единодушно признать неправомочность этого сове-

щания-лжесъезда, ибо оно неправомочно решать какие-либо церковные вопросы.

Будьте верны. Еф. 6, 24.

Ваши братья в Господе –

ОРГКОМИТЕТ ПО СОЗЫВУ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА ЦЕРКВИ ЕХБ

16 октября 1963 г.

После съезда я спросил наших братьев: «Что вы думаете в отношении того, как продолжать служение?»

Шаптала поторопился первым высказать, как ему казалось, дальновидное мнение:

– Братья! Какой тут может быть вопрос, когда «Положение» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам» отменили?! Теперь нет никаких препятствий работать вместе со ВСЕХБ!..

Я глядел на него с недоумением: «Они сейчас сделали величайшее преступление. И что же это у нас за алгебра такая? Сделать один грех – это грех, прибавить к нему второй – это святость. Как так можно? Они предали на страдание множество людей, убитые уже есть, такие как Хмара, и теперь хотят казаться чистыми? Их сердце остаётся таким же, они продолжают греховную связь с миром».

Когда в правительство хлынул поток заявлений с ходатайством о съезде церкви ЕХБ, верующих стали отлучать целыми группами. «Мы, – говорили они, – репрессиями их задавим, но надо, чтобы сами верующие их осудили». И когда по всей стране они изгнали из церквей огромное количество верующих, многие стали говорить: «Мы туда, во ВСЕХБ, больше пожертвования не понесём. Мы там в вечере участвовать не будем. Братья, давайте организовывать что-то своё». Так произошло ещё одно разделение.

И когда власти поняли, что отлучениями, то есть руками верующих, они ничего не добились и никакого вреда не принесли пробуждению, более того, усилили его и со-

здали второй союз, – тогда пошли иным путём. В то время авторитет Оргкомитета рос, а ВСЕХБ падал. Это заставило их избрать другую меру: дать ВСЕХБ разрешение на съезд и тем самым лишить авторитета ходатаев за съезд – наше братство (см. Приложение №7). А съезд к тому времени не созывался 35 лет, и поставлены на служение эти руководители Комитетом госбезопасности. Именно там всё писалось и делалось.

Когда же они задумали созвать съезд, то наметили 450 человек с поимённым списком из служб КГБ. Областные уполномоченные Совета по делам религий совершенно секретно уведомили областных пресвитеров: «Вот ваши делегаты. Этих намеченных людей соберите, решайте вопросы против Оргкомитета, против пробуждения. А свой авторитет поднимите. Можете отменить "Положение" и "Инструктивное письмо", начинайте позволять приводить детей на собрания, пусть играют в ваших общинах оркестры. Начинайте, начинайте поднимать свой авторитет!»

Опасения атеистов можно понять. Они заявляли откровенно: «Мы почти за 100 лет атеистического насилия и почти за 50 лет атеистического государства кровавыми репрессиями отсеяли и отжали тех, кто может работать с нами душа в душу, и поставили этих служителей во всех религиозных объединениях. Предоставится ли нам второе такое столетие, чтобы через реки пролитой крови можно было ещё раз сформировать подобное? Если мы потеряем этих руководителей, – всё, наша война проиграна».

Меня иногда спрашивают: «Может быть, вам лучше было бы всё время в узах сидеть?» Отвечу прямо: у меня не было выбора! Господь вёл меня шаг за шагом. Я не знал, что̀ принесёт завтрашний день. Михаил Иванович Хорев, когда мы первый раз встретились и он чуть-чуть ознакомился с нашими мыслями, с проектами, интересовался: «Братья, а что дальше-то будет? Что дальше делать?» Я сказал: «А дальше знает Господь». Как с Моисеем: столп огненный тронулся – и он тоже. Остановился – и стан прекращал движение.

Совещание служителей Сибири

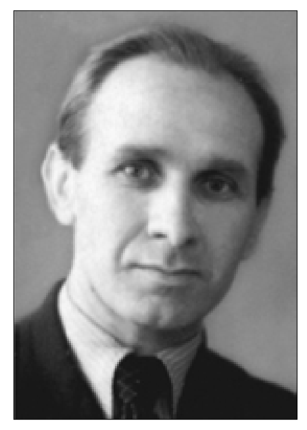
В ноябре 1963 года служители Сибири решили провести в своём крае расширенное совещание с участием братьев Оргкомитета. Всего месяц прошёл после лжесъезда ВСЕХБ. На нём отменили «Положение», «Инструктивное письмо», приняли новый устав. Работники ВСЕХБ возлагали на эти шаги большие надежды, предрекали скорый конец пробуждению. Карев А. В., Генеральный секретарь, выступая перед делегатами, уверенно заявлял: «С причинами, вызвавшими работу Инициативной группы, на этом совещании будет покончено. И отныне будем вместе... Когда примем новый устав, – верующие объединятся и единство будет достигнуто».

Успех объединения должны были обеспечить также усиленные гонения, особенно на служителей Оргкомитета. Власти духовные и политические совместными усилиями брали молодое движение в плотное кольцо.

В таких условиях я вместе с Михаилом Ивановичем Хоревым и Георгием Петровичем Винс приехал в Прокопьевск. Туда с дальних и ближних мест съезжались братья. Дмитрий Васильевич Миняков отсутствовал, потому что отбывал пятилетний срок и уже почти год томился за колючей проволокой. Подготовка к совещанию лежала на плечах Павла Фроловича Захарова.

Он с апреля 1962 года трудился в Оргкомитете как представитель Сибири в отделе благовестия. Прокопьевск – его город. В местной общине он нёс служение пресвитера. Ревностный поборник Христовой истины, живой и пылкий, он излучал бодрость и зажигал церковь мужеством и решимостью, подавал пример стойкости и бесстрашия.

Организация общения проходила шумно. Понятия о конспирации не имели, мер предосторожности мало принимали. Движение за возрождение церкви только начиналось, было молодым. А молодость, как известно, отличается

Служитель Оргкомитета
П. Ф. Захаров
1922—1971

нерастраченными силами и отсутствием жизненного опыта. Он приходит с годами.

Все собрались в пригороде Прокопьевска, Зеньково.

Дом полон людей. Настроение воодушевлённое. Лёгкий гул от густых братских приветствий, радостных восклицаний, нескончаемых вопросов...

Когда произошло то, непредвиденное, сейчас сказать трудно. Стремительное течение времени неминуемо смывает некоторые детали. Да и нет нужды, наверно, вспоминать: началось уже совещание или только предполагали начинать.

Спекшийся голос Павла Фроловича вдруг всколыхнул высокое настроение всех собравшихся:

– Братья, мы окружены и милицейская машина у дома стоит!

День переламывался к вечеру. Мы помолились, на душе стало спокойно. Вышли в коридор, чтобы лучше оценить обстановку. Видим, в дом направляется сухощавый, невысокого роста человек. По осанке и поведению угадывался работник КГБ. Как бы подтверждая нашу догадку, из-под его пальто выглядывала военная гимнастёрка, а на голове прочно сидела такая же шапка. Потом выяснилось, что он майор КГБ и занимается религиозным вопросом по Кемеровской области. За ним шёл капитан милиции и другие (в штатском), вытянувшись в нескончаемую вереницу.

В коридоре встретились. Беглый взгляд позволил сразу определить: ему, то есть работнику КГБ, все пришедшие повинуются, стоят и ждут, что̀ он скажет.

С гордой серьёзностью, стараясь чеканить слова, он обрушил на нас водопад вопросов. Они тонули в небольшом коридорном пространстве, до отказа наполненном людьми:

– Что тут происходит?! Кто здесь собрался? Почему столько людей? Где хозяин?

В ответ – молчание. Какое-то небольшое замешательство скользнуло среди наших.

В уме молниеносно пронеслось: ни в коем случае нельзя отдать им инициативу! Нужно спешно остановить напор:

– А как вы́ здесь оказались? И вообще, что это у вас за претензии к этому месту, к дому, к людям?

Не глядя на меня, он продолжал приказным тоном:

– Вон товарищ капитан. Проверяйте документы.

Говорю:

– Тут не капитан главный. Кто-то есть повыше капитана. Почему вы командуете? Ваши документы!

Он опять:

– Вот он... – и показывает на капитана милиции.

Ещё более понимаю: уступать нельзя! Всё с тем же горячим укором спрашиваю:

– Если он, то что же вы̀ командуете?

Все остальные стояли, смотрели, как развиваются события, терпеливо ждали развязки.

– Скажите тогда, кто вы по званию, потому что по вашему поведению видно, что вы старший.

– Генерал-майор, хватит вам?!

– Теперь я искренне сомневаюсь, чтобы генерал вёл себя таким образом. Давайте теперь документы проверим.

Он достал документ, стал протягивать мне, а я опередил:

– Передайте хозяину, я здесь гость.

Он передал хозяину. Братья зашикали: «Запиши, запиши, запиши!» Он сразу взял документ обратно. Но успели посмотреть – майор КГБ.

От ясной видимости подлога нельзя было сдержать строгого тона:

– Вот сейчас вы сделали то, что уже не поправит ситуацию – вы превысили власть, вы сделали должностное преступление, которое карается в уголовном порядке. Вы теряете доверие у этих людей, которых считаете своими

гражданами. А теперь сами рассчитывайте, как пойдёт дело дальше.

Милиция мнётся, не знает, ктò будет отвечать за всё происходящее.

Пришлось продолжить строго:

– Поскольку вы повели себя подобным образом, я первый не предъявлю вам документы.

Он, конечно, меня приметил. Тут и другие братья вступили в разговор. И так пошло...

Ночь. То один представитель приходил, то другой. Мы всё равно не предъявляли документов.

Один из исполкомовских работников принялся с горячностью нас убеждать:

– Вы не по закону действуете!..

Ответил ему, взвешивая каждое слово своего ответа:

– Я вам сейчас начну называть пункты закона, которые оправдывают наше поведение, а вы назовите статьи закона, которые позволяют вам нарушать порядок и делать то, что вы сейчас делаете.

Он ничего не возразил. Ушёл. Смотрим, другие тоже уходят, но на смену им подъезжают новые. Шум стоит. Видимо, всё согласовывали с Москвой. А нам же нужно одержать победу!

К утру прибыл начальник милиции, подполковник. Здоровый такой, шинель нараспашку и говорит:

– Вы думаете, мы так и будем вас бесконечно уговаривать, а вы – сопротивляться? Сейчас мы вас повяжем и увезём и положим всему конец.

– Зачем же вам брать на себя эту беду и ответственность? – говорю. – Здесь есть человек, который превысил свою власть, всю ночь препирался, назвал себя генерал-майором, а мы в этом сомневаемся.

– Какой тут генерал-майор? – и пошёл выяснять. (Они всё время выходили, входили, совещались.)

Вернулись оба. Начальник милиции уточнил:

– Говорил ли, что он генерал-майор?

– Братья! – обратился я. – Я слышал так, а вы меня поправьте, если я неправ.

И пересказал разговор. Спросил у всех:

– Так я слышал? Правильно?

– Правильно! – отозвались все.

Полковник милиции глянул на майора КГБ, и оба ушли. Долго их не было, всё решали, что̀ делать. Они имели намерение арестовать Павла Фроловича, так как он местный, у них на него власть. А он им проговорился, что в этом доме с утра предполагается провести богослужение. Это мы так решили, чтобы нам легче было уходить. Верующих в этом городе много (Прокопьевская церковь около 300 человек), собрания обычно многолюдные. Власти взяли это известие на заметку и расставили на улице наблюдение.

Всё происходило в ночь с субботы на воскресенье.

Потом к нам в комнату зашли чекисты и всех внимательно осмотрели в лицо, чтобы запомнить. Ведь через час им предстояло задержать нас на улице. Мы сидели уже довольно уставшие. Ночь-то прошла в борьбе, в напряжении.

Опять зашёл начальник милиции:

– Итак, мы приняли компромиссное решение. Сейчас мы всех вас отпускаем, и только вот вы, вы, вы встаньте (указал на некоторых братьев). Вы должны явиться в 10 часов в отделение милиции на беседу. А сейчас можете идти.

Ясно, что это уловка: свободно отпускают, чтобы взять под стражу на улице. Однако мы видели, что они действительно ушли.

Помолились и стали собираться. Решили уходить всем, но потом незаметно разделиться и определённой группой пойти дорогой, которую никто не знал. А местный брат нас проведёт.

Павел Фролович носил добротный овчинный тулуп и дружески убеждал меня вместе с Георгием Петровичем: «Возьмём тулуп за четыре конца и понесём тебя».

Я не стал хвалиться, подумал: может, действительно сил

не хватит. Ведь мы ночь не спали, не ели, голова нестерпимо болела. Гляжу, Георгий Петрович взял колбасы, одну, вторую булку хлеба. Внутренне забеспокоился: как он будет всё это нести, мы ведь совершенно не знаем, сколько идти и куда.

Пошли. На каждом перекрёстке слежку установили, но все мирно направились в сторону остановки. В спокойном шествии множества людей никаких неожиданностей или непредвиденных проявлений не предугадывалось.

Однако вскоре очень неприметным образом небольшая группа братьев отделилась от общей массы и свернула в сторону.

Подошли к небольшому мостику. Внизу кипуче бурлила свинцовая речушка, глухо шумели её беспокойные воды. С нашей стороны, где мы остановились, по кромке отвесного края шла узкая бровка, а на другой стороне – тропинка; рядом с ней высотой в 3-4 метра стеной скала стояла, и ветки к воде свисали. Нас стали по одному кого подсаживать, кого за руки тянуть на эту каменную круть. С дружной взаимной помощью все взобрались. Без приключений. Слава Богу.

Подвинулась назад, поредела тьма, уступила место сизоватому неясному рассвету. Он дышал зябким холодом.

Мы пошли. Брат-немец Дуда Владимир Филиппович, хозяин дома, стал нашим проводником. Как местный житель он хорошо был осведомлён об этом малоизвестном пути.

Сначала проходили горы, лес. Все бодро шагали, даже разговаривали. Представлялось, так до конца пути и не иссякнут силы. А потом пошла пахота. Дорога – только на лошади верхом проедешь. Гнаться кому-то за нами было практически невозможно.

Один раз остановились, поели. Очень пригодились и колбаса и хлеб, которые брал с собой Георгий Петрович. А поначалу кто-то даже дружески посмеивался над такой поклажей. Потом оценили.

Шли и шли. Мелкой водяной пылью сверху нас охлёсты-

вал дождь. Снизу чвакала раскисшая земля. У Георгия Петровича массивное ратиновое[1] пальто на всю толщу водой пропиталось, тяжёлое стало. Да ещё он часто проваливался, когда прыгал и не попадал с кочки на кочку. Мне его жалко было. Ноги у него слабые. Шёл последний.

И я устал. На пальто ни единого сухого пятнышка! Насквозь промокло. Но всё же, видимо, сказалось неуёмное детство многодетной семьи и семилетний армейский стаж. Бог дал сил идти всё время в первой пятёрке. А нас было человек одиннадцать. Делила с нами трудность перехода и сестра Люба Богданова. Приятно удивила всех выносливостью и усердным попечением.

День потух. Его сменил непроглядный вечер и надвигающаяся ночь. А позади остались 40 километров разбухшей, неровной, вязкой дороги...

Добрались до окраин Новокузнецка. Задержались на сутки у верующих, ночевали. Весь свободный проход коридора их небольшого домика заняли одиннадцать пар пудовой от налипшей грязи обуви. Внутри мои сапоги меховые были. Лысые стали. Ни ворсинки меха! Всё дочиста стёрла попадавшая внутрь слякоть.

Встали утром и глазам не верим: все одиннадцать пар стоят вымыты, высушены, начищены до блеска. Это после сорокакилометрового похода сестра Люба нашла силы ещё всем обувь привести в порядок. Иначе нам и в городе нельзя было бы появиться: откуда такие неопрятные оборванцы?

Нам сообщили, что в Прокопьевске каждый поезд проверяли, заходили в вагоны, просматривали. Мы переждали неспокойное время, а Миша Хорев поехал. Потом рассказывал, как в его купе стучали, но он не мог открыть дверь: её заклинило. Когда же поезд тронулся, – дверь заработала исправно. Вот такими чудесами сопровождал Своих детей Бог.

Через несколько дней усиленная проверка окончилась и мы отправились на Новосибирск.

---

[1] Род шерстяной ткани для верхней одежды с мохнатым ворсом.

Не мы вызвали гонения

Иногда говорят: если бы не выступление Инициативной группы, то и гонений никаких не было. Кто так рассуждает, совершенно не понимает истории, не знает настоящей правды. А она жизнью доказана. Само наше движение началось в ответ на усилившиеся гонения. Но мы выступили не потому, что нам было больно. Мы призвали к освящению, чтобы Господь вернулся в стан Своего народа. Вести войну против поднявшего голову беззакония может только сильная власть, а она у Бога. Поэтому у нас всё выстроилось в такой ряд: через освящение Господь придёт к нам и совершит Свою победу. Это – закономерность, и она лежит на поверхности. Но её надо знать, покоряться Богу день за днём, думать об этом постоянно.

Итак, преследования в те годы стремительно набирали силу. Вспомните Дедовскую церковь, там человек пять осудили; ушли в узы братья церквей Курска, Харькова, Орла и других мест. Всё это совершалось ещё до начала пробуждения. Если бы репрессии вызвали мы, то они обрушились бы только на нас. А ведь наступление шло по всему фронту. Православных сильно потрепали, у них в то время тысячи церквей закрыли.

Более того, можно вспомнить другой метод борьбы, когда власти демонстрировали через таких, как Долуман, Дарманский, Осипов и других, отрёкшихся от Бога преподавателей духовных академий, митрополитов, епископов, что, если сами служители отрекаются, значит, они не верят ни в какого Бога. В общем, гонения испытывало каждое вероисповедание.

А то, что нам придётся больше страдать, мы это предвидели. Война против верующих всё равно бы ужесточилась, но в одном случае мы получили бы гонения и разрушение церквей, а в другом, – гонения и победу, очищение через гонения. В одном случае Бог предал бы нас в руки врагов и не помогал бы в гонениях, а в другом

случае – наказывал бы восстающих и являл нам помощь. Вот в чём разница!

Бог открывал нам Свою истину, и об этом мы ясно и чётко говорили. Ведь Он Бог живой и всемогущий, нам нужно лишь войти в Его волю и уразуметь, что Он действует так и не иначе. Если мы нашего земного отца знаем, каков он, по его наклонностям, не тем ли более Небесного Отца? Здесь вопрос веры, упования и послушания Ему. Вера и есть послушание. Надо не только веровать, что Бог есть, но и последовательно исполнять Его волю.

Готовы ли мы на это? Как назидание почти все христиане эту заповедь приемлют, а в практической жизни на 90% так не поступают. Вот почему нужно было каждый день об этом говорить, разъяснять, убеждать, напоминать, писать документы. То, что Бог совершил и совершает ныне в Своём народе, я бы назвал ЧУДО ДЕНЬ ЗА ДНЁМ, потому что воистину нескончаемое чудо то, что Господь являет нам по Своей милости! Хотя для других это цепь случайностей, иногда благополучных, а иногда неблагополучных.

Приложение

Помещённые в этом Приложении архивные документы предлагаются как подтверждающий материал.
Орфография и пунктуация оригиналов даны без изменений.
Выделенное полужирным шрифтом – отмечено издателем.
Сокращения в документах обозначены троеточием: ... или [...]

Приложение №1 (к с. 287)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов.ПУЗИНУ А.А.

Докладная записка
о командировке в г.Тулу и г.Узловая,Тульской области

В деревне Родкино, расположенной в 7 км от гор. Узловая, на протяжении длительного периода времени активно действует незарегистрированная группа ехб... **На неоднократные обращения верующих в Тульский облисполком с просьбой о регистрации их группы они получали отрицательный ответ. Но отказ в регистрации и многократные предупреждения со стороны органов власти о прекращении деятельности этой группы верующих... не давали желательных результатов. Более того,** применявшиеся отдельными должностными лицами методы администрирования по отношению к верующим этой группы **не только не привели к снижению активности, но, наоборот, значительно усилили ее.** Выражением этого явилось то, что верующие, не прекращая своей деятельности, стали обращаться в руководящие инстанции с просьбой о принятии соответствующих мер к прекращению применения к ним незаконных мер со стороны отдельных работников местных органов власти. [...]

(Задорожный)

"10" октября 1961г.

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1893, л. 44

Приложение №2 (к с. 387)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов.ПУЗИНУ А.А.

Докладная записка

о командировке в г.Тулу и г.Узловая,Тульской области

[...] Начальник отдела милиции гор. Узловая т. Лихачев приказал участковому уполномоченному милиции т. Индисову предъявить 3 сентября с.г. хозяину дома в дер. Родкино Володину письменное предупреждение о прекращении в дальнейшем проведения в его доме молитвенных собраний баптистов и, в случае присутствия там **пресвитера Крючкова Г. К., арестовать его (на что имелась санкция прокурора) для преданию суду, как тунеядца.** [...]

На Крючкова Г. прокурором... в то время был выдан ордер на арест на том основании, что он, хотя и является рабочим, но одновременно руководит и деятельностью незарегистрированной группы ехб и не прекращает такой деятельности, несмотря на неоднократные предупреждения его об этом со стороны органов власти, а также со стороны рабочего коллектива предприятия, где он работает. Более того, на собрании рабочих также вынесено решение о привлечении Крючкова к судебной ответственности, как тунеядца, хотя директор электромастерских в г. Узловая, где работает Крючков Г., отзывается о его работе положительно. [...]

Следует иметь в виду, что это тот самый Крючков, который вместе с Прокофьевым от имени т. н. "инициативной группы" подписывает заявления и послания о разрешении созыва Всесоюзного чрезвычайного съезда ехб. [...]

(Задорожный)

„10" октября 1961г.

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1893, л. 45, 48-49

Приложение №3 (к с. 387)

Верующие Узловской церкви писали в протесте, направленном 3 сентября 1961 года в центральные и местные органы власти:

[...] Объявленное прокурором нашему пресвитеру Крючкову Г. К. их преступное намерение расправиться с ним... они претворили в жизнь. В ЦЭММе, где после семилетней службы в армии Крючков Г. К. работает в должности мастера 10 лет, вечером после работы органы власти собрали рабочее собрание, где перед всеми оклеветали его и при помощи ложных обвиняющих фактов добились принятия резолюции предать его суду....]

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ
КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов.ПУЗИНУ А.А.

Докладная записка
о командировке в г.Тулу и г.Узловая,Тульской области

[...] В беседе с прокурором т. Обшатко выяснилось, что он, да и не только он, довольно странно толкует Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 4.V.1961 года № 212/30 – «0 порядке применения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни"»...

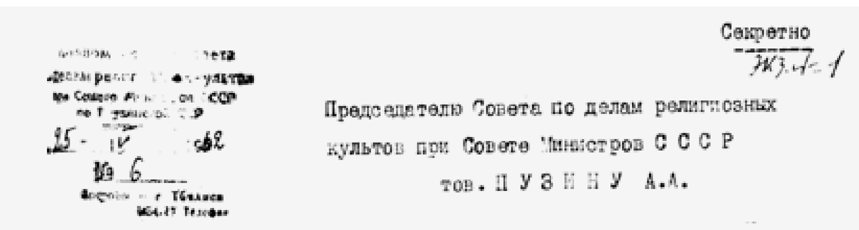
Когда я спросил прокурора т. Обшатко, **можно ли причислять к тунеядцам и арестовывать, например, Крючкова, на что уже имеется санкция, за то, что он, являясь рабочим и неплохо работая на производстве, руководит незарегистрированной баптистской группой**, то на это последовал такой ответ: "а... лицо, занимающееся скупкой вещей у иностранцев с целью перепродажи, тоже подлежат привлечению к ответственности, как тунеядцы" [...]

Задоро

«10» октября 1961г.

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1893, л. 49

Приложение №4 (к с. 392)

Секретно

Председателю Совета по делам религиозных
культов при Совете Министров С С С Р
тов. П У З И Н У А.А.

Должен доложить, что представители так называемой "Инициативной группы Прокофьев и Крючков появились и в нашу республику в частности в городах Тбилиси, Сухуми, и Батуми и начали вести свою противозаконную деятельность. Судя по тем данным, которыми я располагаю, их несовместимую, противозаконную точку зрения стали разделять не только религиозный актив религиозных обществ ехб, но и рядовые верующие.

Крючков лично приезжал в г. Сухуми и встречался с членом исполоргана зарегистрированного религиозного общества ехб с Ваниным М. В. Крючков передал Ванину первое послание "Инициативной группы", которое с согласия исполоргана и пресвитера Ковалева было зачитано Ваниным сперва в исполоргане, а потом на двадцатке. На двадцатке читалось также и второе послание "Инициативной группы" за подписями Крючкова и Прокофьева... Со слов стар. пресвитера Русанова выяснилось, что с посланиями Прокофьева и Крючкова согласны член ревизионной комиссии религиозного общества Парсавидзе, регент Ковалев Н. М. и надо полагать сам Ванин, а также некоторые другие члены религиозного общества. […]

Одновременно с этим сообщаю, что копии послания "Инициативной группы" № I, № II и № III мною официально переслано в отдел КГБ при Совете Министров ГССР. Остальных двух документов перешлю на днях.

Уполномоченный Совета по делам
религиозных культов при СМ ГССР

(Д.Шалуташвили)

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1551, л. 14

Приложение №5 (к с. 408)

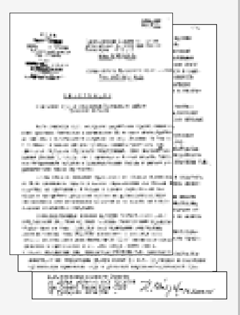
Секретно
экз. № 1

СССР
СОВЕТ по ДЕЛАМ
религиозных культов
при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
по ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

8 сентября 1961 г.
№ 2-с

Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР
тов. ПУЗИНУ А. А.

Председателю Тульского облисполкома
тов. БАТУРИНУ В. О.

ИНФОРМАЦИЯ
о вылазке группы баптистов Узловского района
Тульской области

3-го сентября с.г. незарегистрированная группа евангельских христиан баптистов в количестве 56 человек демонстративно явились с молитвенного собрания из дер. Родкино (в 7 км от г. Узловая) к зданию Дворца Культуры машиностроителей, где проходила городская партийная конференция. Своё шествие и около здания Дворца Культуры они сопровождали пением молитв. Здесь они потребовали встречи с руководителями города и района для предъявления своих претензий. [...] Непосредственным поводом вылазки баптистов послужило неправильное действие органов милиции. [...]

23 августа в дер. Родкино, 28 августа в Центральных электромеханических мастерских треста «Узловскуголь» собрание рабочих и колхозников потребовали выселения из района как тунеядцев руководителей секты КРЮЧКОВА Г. К. и ВОЛОДИНА С. Д.

Однако они не были своевременно взяты под арест и скрылись, тайно подстрекая членов секты на различные провокационные действия. [...]

Для выяснения причин вылазки баптистов секретарь обкома КПСС командировал в район меня и трех работников обкома КПСС. Вопрос будет обсуждён на бюро обкома КПСС.

И. О. уполномоченного Совета
по делам религиозных культов при Совете Министров СССР
по Тульской области — /Н. Князев/

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1893, л. 54—56

Приложение №6 (к с. 417)

(к с. 417)

ОРГКОМИТЕТУ ЦЕРКВИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ

Мир Вам, дорогие братья во Христе!

1 Кор. 15, 58.

На Ваше письмо от 17 июля 1965 года извещаем Вас, что **Киевская гонимая церковь евангельских христиан-баптистов в августе 1963 года добровольно отпустила благовестника нашей общины Винса Георгия Петровича на духовную работу в общинах нашего братства** и в настоящее время не имеет возражений против дальнейшего его служения в составе центрального руководящего органа церкви ЕХБ — Оргкомитете. Это решение единогласно принято на членском собрании 31 июля 1965 года.

Мы постоянно молим Бога о том, чтобы Он благословил работу нашего благовестника Винса Г. П. в составе Оргкомитета, а также, чтобы Он благословил работу всех братьев Оргкомитета.

По поручению членского собрания подписали:
Пресвитера общины: Журило В. И.
Коваленко Е. Т.
Згурский М. Г.

31 июля 1965 год.
г. Киев.

Приложение №7 (к с. 429)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР тов. Н. С. ХРУЩЕВУ
ОРГКОМИТЕТА ПО СОЗЫВУ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА ЦЕРКВИ ЕХБ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уважаемый Никита Сергеевич!

За последние месяцы в Оргкомитет поступили копии многочисленных заявлений верующих ЕХБ, направленных на Ваше имя, о разрешении съезда церкви ЕХБ под руководством Оргкомитета. Почти во всех заявлениях свои требования верующие обосновывали ссылками на статьи действующего законодательства: Декрета об отделении церкви от государства, ст. 124 Конституции СССР, Постановления ВЦИК и СНК от 8. 4. 29 г., а также на ратифицированные Верховным Советом СССР международные соглашения: Всеобщую декларацию прав человека, Конвенцию о дискриминации в области образования и Конвенцию о предупреждении преступления – геноцида. Верующие ссылались и на многие высказывания В. И. Ленина и лично Ваши, т. е. доказывая полную и законную обоснованность своих требований.

Совет же по делам религиозных культов в течение двух лет упорно молчит в ответ на все заявления верующих ЕХБ, не находя ни единого законного обоснования своей тактике молчания, и несмотря на ясно выраженную в заявлениях просьбу многих тысяч верующих ЕХБ, не прекращающих свои ходатайства на протяжении более 2-х лет, он не только не ответил ни на одно из заявлений верующих ЕХБ и Оргкомитета, но разрешил совещание-лжесъезд служителям ВСЕХБ, грубо нарушив этим нормы действующего законодательства о культах.

Разумеется поэтому, что церковь ЕХБ и не думает рассматривать лжесъезд, который провел ВСЕХБ, как ответ на свои многочисленные ходатайства о съезде, т. к., во-первых, законное право на созыв Всесоюзного съезда церкви ЕХБ с 23 августа 1961 года, согласно ст. 20 и ст. 24 Постановления ВЦИК и СНК от 8. 4. 29 г., принадлежит его инициаторам, т. е. Оргкомитету церкви ЕХБ, и во-вторых, служители ВСЕХБ отлучены церковью ЕХБ в июне 1962 г., о чем Совет по делам религиозных культов был сразу же поставлен Оргкомитетом в известность.

[...]

Оргкомитет все свои ходатайства о съезде оставляет в силе и будет продолжать свою законную деятельность по созыву Всесоюзного съезда церкви ЕХБ под своим руководством и сложит свои полномочия только перед этим подлинным Всесоюзным съездом церкви ЕХБ.

Председатель Оргкомитета церкви ЕХБ — Г. К. КРЮЧКОВ
Секретарь Оргкомитета церкви ЕХБ — Г. П. ВИНС
Член Оргкомитета церкви ЕХБ — А. А. ШАЛАШОВ

18 ноября 1963 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ